

Виктор Киркевич

История Киева. Киев руський

История Киева. От мифов к реальности

Давным-давно я услышал, что история повторяется, потому что не хватает историков с фантазией. Думаю, это соответствует истине. Каждый из крупных ученых, взявшихся за написание глобальной истории своей страны или хотя бы края, использует труды предыдущих. А иначе нельзя: добавляет свое важное, бывает, сокращает что-то малоинтересное, маловразумительное. Этим Соловьев, Ключевский или Грушевский мало отличаются от первых летописцев, переписывавших труды предшественников, добавлявших при этом частицу своей души, интеллекта. Поэтому позволю себе смелость писать историю Киева по моему разумению. (Какое хорошее старое, позабытое слово – разумение.)

Я философ, а это значит, что у меня есть вопросы на любой ответ. Мне так хочется открыть внимательному читателю сокровенную тайну города, которую я попытался прояснить во время написания книги, да что там – всю сознательную жизнь. Это отчаянная попытка. Набрался смелости озаглавить книгу так: **История Киева. По-моему**. Пусть кого-то возмутит моя излишняя самоуверенность. Тут, скорее, самоутверждение и немалый опыт в написании исторических произведений. Почему имеет право существовать история по Карамзину, а по Киркевичу исключается? Из-за того, что у меня отсутствует венценосный покровитель? А у великого историка он был – Николай I. Автора абсолютно не прельщает, чтобы поколения библиофилов смотрели на нетронутое и нечитанное «девственное» творение, стоящее в шкафу, в полукоже и с золотым обрезаем. Тут – другое! Книги я пишу и издаю для своего читателя, ему и адресую эти произведения. И ему, читателю, судить: получилось ли рассказать о бесконечно дорогом мне городе... Абсолютно уверен, что моя книга не будет одобрена Министерством образования и не будет рекомендована школьникам для внеклассного чтения. Хотя в прошлом два моих произведения прошли аттестацию: в хрестоматию по украинской литературе для 5—9-х классов вошел очерк «3 історії “Велесової книги”», а в пособие для внеклассного чтения – «Схована культура, або Німецький вплив на Київ».

Можно историю писать в манере «от Ханенко до Хаменко», то есть от хана до хама... Сразу скажу, что имею много знакомых со схожей фамилией, и ответственно заявляю, что все они милые и интеллигентные люди. Хотя последние годы Украина терпит потери и страдания от золотоордынского хана Хама... Давно считаю: что сам вижу, слышу, нужно описывать в книгах... Записывать, что ты разглядел и чему свидетель, и что будет после сего...

Уже не раз говорилось, что святая обязанность государства – образование народа. Если у нации отсутствует своя культура, то она не станет полнокровной. И будет колонизирована более сильным народом, живущим своей историей, культурой. Чувство гордости за свой город, край, страну необходимо обязательно прививать в начальной школе. Задача воспитания патриотизма – научить людей, и не только молодежь, полюбить и суметь познать свой край, стать на защиту своей Родины. Причем уверен, что окуроченный в урну, важнее вывешивания флага. Полезнее для Родины созидать, чем разрушать! Как необходим нам современник, любящий Украину и при этом надежно защищенный историческими, культурными, этнографическими знаниями о ней. Имея право изучать свою страну, имеем ли эту возможность? При массовом выпуске книг об истории нашего Отечества очень мало авторов, которым можно доверять, и еще меньше тех, которые, избегая ложной сенсационности, дают подробный живой рассказ о сложных путях формирования страны. Поэтому в данной книге больше разбираются ключевые моменты нашего прошлого. Мы рассмотрим происхождение Руси, основание Киева, первых его правителей, появление письменности, упадок Киевской Руси, развитие и разделение трех народов, значение... А также еще много вопросов, важных и интересных.

За долгие годы чтения курсов истории Российской империи, СССР, а потом и Украины я заметил, что в них меняется не только содержание, но и акценты, идеологические подходы. В современной стране, стремящейся в Европу, это недопустимо. И дело не в идеологических привязанностях того или иного министра

образования или даже президента, а в конъюнктурном подходе к освещению исторического процесса. Читатель, часто с несформированными представлениями и жизненной позицией, теряется в этих трактовках, как корабль, которому необходимо проложить курс в безбрежном море... А без карты и компаса это весьма затруднительно. Так вот, учебник истории должен быть правдивым, без излишних идеологизаций. Тогда маршрут правильно проложат и корабль доплывет до цели. Это в монографиях можно ломать копыя. Я не согласен с профессором Н. Яковенко, что ученику нужно дать разные трактовки, чтобы он выбрал правильную. Это под силу лишь уникаму. Что говорить о школьниках, когда столпы исторической науки не могут высказать свои обоснованные суждения по ряду важных ключевых моментов человеческого бытия.

Вспомним «основной вопрос философии»: что первично – сознание или материя... Тут важно решить, что раньше возникло – Киевская Русь (по моему мнению, предтеча Украины) или Киев как ее столица (столичный град). В этой книге впервые приводятся мнения не только ученых, но и любителей истории, которые часто высказывают довольно трезвые мысли, а также важные и интересные гипотезы, предложенные забытыми историками, часто отражающие их взгляд на прошлое. Как ни вспомнить М. Грушевского, который, досконально зная прошлое, не смог разобраться в окружающих его соратниках Центральной Рады и событиях, происходивших в стране, где он стал руководителем. В тенденциозно изложенной истории из-за ее политизации часто отсутствует непредвзятый, трезвый взгляд на те или иные события, деяния великих людей, мало учитывается роль негодующей толпы, которую вульгарные марксисты называли народом. Народ-то всегда безмолвствует, а бунт, являющийся характерной особенностью отечественного исторического процесса, поднимают деклассированные элементы или купленные какой-то политической силой боевики. Так примитивно считали и продолжают считать советские историки, стараясь не вспоминать, что «революционный путь» Сталина начался с ограбления банков. СССР давно нет, но его идеологи и сейчас занимают ключевые места в науке и политике, часто, на нашу беду, совмещая две эти сферы, являясь плохими политиками и бездарными учеными.

Во всей путанице противоречивых «представлений», «мнений», «доктрин», реальных и фальсифицированных находок и открытий рассмотрим один неоспоримый факт: славянский алфавит лег в основу украинской, русской и белорусской культуры, и это единственное, что объединило их, оправдало надуманное, предвзятое название – «Киевская Русь – колыбель братских народов». Зададимся вопросом: насколько важной была грамотность в те далекие времена? Скорее всего, в Киевской Руси, как и в ряде западных стран, носителем «письменности» являлось духовенство, развивавшее преимущественно традиции византийской церковной литературы. Представители духовенства вели и летописание. Известны имена Нестора, игумена Сильвестра, одного из создателей замечательного Галицко-Волинского летописного свода епископа Иоанна и других. Основным источником так называемой Начальной летописи явились хроника Георгия Амартола, «Летописец» патриарха Никифора, житие Василия Нового и т. д.

Зачем писались летописи? Это волновало многих, в частности Пушкина, создавшего образ Пимена-летописца в «Борисе Годунове», пишущего «в стол» и надеявшегося, что его произведения когда-нибудь прочтут и узнают правду о текущих событиях... Из летописей мы узнаем о значительной роли духовенства. Церковь активно вмешивалась в семейное и имущественное право, имея и сугубо практический интерес: венчание, крещение, пострижение в монашество. Иногда приходилось изменять собственные постановления – так отменили из-за выкидышей «земные поклоны» для женщин на сносках. Но, по большому счету, влияние церкви на семейное право не имело особого успеха; ей волей-неволей пришлось ограничивать свои требования и запросы.

Думный дьяк Григорий Котошихин (XVII в.) писал о полигамных семьях как о норме еще в XVII в., что происходило с молчаливого согласия духовника. Византийские церковники планировали править Рюриковичами или вместе с ними.

А зась! Князья понимали значение института церкви, неуклонно укрепляющей их абсолютную власть. Поэтому происходила русификация службы, появились местные святые. Смело утверждаю, что для первых Рюриковичей-христиан летописание и вообще книжность, письменность были больше обрядовыми, культовыми принадлежностями их «новой веры». Не забудем и то, что книга на то время была рукописной, писалась долго и стоила целое состояние. Классическим примером служит Остромирово Евангелие, которое стало вместе с иконами престижным родовым достоянием, его получали в приданое или по завещанию. И это творение переписчиков, художников-оформителей, переплетчиков, ювелиров не было книгой для чтения, а использовалось исключительно в торжественных случаях, для важных обрядов. Ее берегли как зеницу ока! Недаром одна из таких книг попала во Францию в качестве приданого Анны – дочери князя Ярослава, и стала национальной святыней.

Для прочтения столь дорогих и больших по размеру книг был специальный книжный аналой, за которым стояли чаще духовные лица. Считалось, что чтение, переписывание, рисование заглавных букв, рисунков – это серьезное духовное дело, к нему допускали не каждого. Это было достойным послушанием, подвижничеством. Правители могли указать, чтобы запись в летописи отразила то или иное важное для них событие. Чтение для развлечения не практиковалось, для этого были сказители – «славные певцы», «бахари» – рассказчики занимательных историй. Были и среди дружинников музыканты и певцы, которые в сопровождении простых мелодий повествовали о подвигах своих предводителей и их друзей-соратников. Ошибочно мнение, что приход монголо-татар замедлил развитие культуры Киевской Руси. Факты говорят о том, что в регионах и обществах, где идеологически доминируют греко-восточная ортодоксия, иудаизм, ислам, всегда блокировалось развитие «мирской культуры», в частности литературы... Однако и без надзора духовенства могли создаваться шедевры, например, «Слово о полку Игореве», былины и сказания.

Давно пора отвергнуть интеллигентско-буржуазное представление, что «быть образованным – хорошо!» Первые Рюриковичи предпочитали умение вести бой на мечях умению складывать слова. Нужно было иметь какой-нибудь физический недостаток, чтобы прослыть Мудрым или Осмомыслом. Лишь после принятия пострига или ухода в монастырь для князя становилось возможным, а иногда и просто необходимым, читать и писать. Привычным стало представление о грамотности населения в прошлом. Позволю себе опровергнуть это. При Владимире появились первые школы, в них училось, возможно, десятки юношей. Таких школ в лучшие времена было несколько, и то при монастырях. Ряд князей – Ярослав Мудрый и Ярослав Осмомысл, Всеволод, Мстислав, Мономах и другие – старались научить своих детей «уму-разуму», но подобное происходило далеко не во всех семьях. Мальчиков обучали владеть оружием, а девочек... думаю, вышиванию. Легенды об образованности киевских княжон вполне обоснованы, но вспоминаются из них лишь единицы.

Круг чтения знати формировался скорее как душеполезный: «Великий Покаянный Канон» Андрея Критского или «Луг Духовный» Иоанна Мосха. Было кое-что из античности: Аристотель, Платон, Гиппократ. Отечественная литература уже к XIII в. дает замечательные образцы иного, кардинального подхода к «красному слову» светского содержания. Описание «образованности» в летописных вставках, выдержанных в житийном стиле, является данью живописному «канону». Подобная характеристика могла в житиях приписываться правителю, иногда и вовсе не умевшему читать; «образованность» – часть «иноческой ипостаси», обязательная черта «святого правителя», принявшего монашество... Это членение образа на несколько «ипостасей», каждая из которых связана с определенным именованием прозванием, четко прослеживается в летописной традиции в отношении Рюриковичей. Причем, как правило, акцентируется какое-либо имя, и не всегда возможно понять, почему задержалось имя данного князя, а не другого... Замечены три «именные ипостаси»: «княжая», «титulyная», выраженная старым, языческим прозванием, христианское мирское имя и, наконец, иноческое имя, правда, не у всех. В рассматриваемое время развитие литературы мирской,

светской для праздного чтения – не происходит. Они появились позднее в Европе. Тем не менее письменная традиция уже в XIII в. дает замечательный образец кардинального развития литературы – это Галицко-Волынский летописный свод, где присутствует «институт авторства».

Начальная история города – это вереница князей из династии Рюриковичей. О самых первых Киевичах сведения отсутствуют или они гипотетичны, весьма смутны и отрывочны. В описании раннего этапа формирования Киева отмечаем интересную закономерность: каждая социальная формация давала свою, обоснованную ими самими версию времени основания города. Но почему-то отсутствует политическая сила, которая утвердила бы своей Кирилловскую стоянку. Яркий пример абсолютного незнания – прошлое моего города да и происхождение большинства населенных пунктов «нашей необъятной Родины». Это выражение, популярное в советское время, отражает захватническую политику СССР, который планировал охватить весь земной шар, чтобы во льдах Антарктиды сеять «доброе, разумное, вечное». Была тяга к Северному и Южному полюсам, где еще не знали общественных формаций. Это четкое империалистическое мышление не совпадает с менталитетом украинца, у которого «хата с краю» и он «ничего не знает» о нуждах эфиопского пастуха, афганского торговца или кубинского плантатора...

Я не могу согласиться с тем, что историю нельзя пересматривать. История – это живой процесс. В ней нет истин и догм: историкам приходится иметь дело с человеческим материалом, с людьми, которые когда-то жили и творили. Человек не может быть по своей сути положительным или отрицательным. Поэтому единого взгляда на ту или иную личность быть не может. Каждый важный исторический персонаж постоянно под пристальным вниманием исследователей. «Нет пророка в своем отечестве» – звучит лучше?! Александр Невский признан святым, но это не оправдывает его за коллаборационизм с татарами Золотой Орды и за войну с родным братом. Исторические «подвиги» многих личностей очень далеки от церковных канонов настолько же, насколько иконописный лик – от реального облика. Украинская история, как, впрочем, и любого государства – очень сложная субстанция. К ней нельзя подходить с едиными мерками. Она должна переписываться. В истории, если она объективна, нельзя умолчать о Симоне Петлюре, Степане Бандере, Романе Шухевиче – точно так же, как не вспоминать Артема (Сергеева), Лазаря Кагановича, Петра Шелеста, Владимира Шербицкого, Сидора Ковпака... Каждый в отдельности может разъединить Украину. Но только собранные воедино эти личности могут дать ответ на вопросы: «Что же такое история Украины? И что такое Украина вообще?» Все указанные персонажи были настоящими сынами своей страны, уверенные, что правда на их стороне. И без них наше недалекое прошлое превращается в историю Малороссии. Или историю Недорослии.

90 % населения Земли уверены, что Америку открыл Колумб, а одна десятая – что ее открыли викинги, и никому в голову не придет мысль, что ее открыли индейцы.

Если вам кажется, что мои шутки и высказывания вы уже слышали, то не судите слишком строго. Они стали классикой еще до того, как я их придумал. У меня иногда возникает желание пойти на изящную научную провокацию, которая встревожила бы читателя, заставила бы его задуматься вместе с автором, самому продолжить его мысль, а иногда прийти к своему, вполне возможно, иному мнению. Ведь история, в отличие от точной науки, сугубо индивидуальна, она воспринимается каждым по-своему. Конечно, в недалеком прошлом исторические процессы **утверждались**, а не обсуждались, то есть та или иная личность получала не исторически обоснованную объективную оценку, согласно мнению ученого-специалиста, а субъективную трактовку какого-то партийного бонзы. Так, например, в конце 1930-х годов начали шельмовать Богдана Хмельницкого, даже ставили вопрос о замене киевского памятника ему на «героев Перекопа». В начале же 1943 г., когда на заседании Ставки ставился вопрос о ближайшем освобождении Украины от гитлеровских захватчиков, И. Сталин сказал: «Нужно

вести орден в честь какого-нибудь украинского полководца...» Пауза. Вождь задумался, пытаясь вспомнить хоть одного, и наконец медленно произнес: «... Богдана Хмельницкого», которого вспомнил, безусловно, только из-за памятника. И после этого появился орден, гетмана стали изображать на плакатах, открытках... И кто бы осмелился иначе посмотреть на этого полководца, если на него мудро указал сам вождь?!

Перелопатив горы научных трудов и исследований, я обнаружил, что не существует ни одной яркой исторической личности, которой все, без исключения, авторы давали положительную или отрицательную оценку, имели единственное четко определенное мнение, о которой говорилось бы в одной плоскости. Нет, каждый исторический персонаж – политик, военачальник, государственный и т. п. – характеризуется по-разному, и часто мнения о них полностью полярные.

Опираясь на труды известных специалистов, я постараюсь изложить свое видение исторических проблем. Мне импонируют труды М. Брайчевского, который четко замечал существенные недостатки научных схем, построенных тем или иным исследователем, но никогда не прибегал к тривиальной критике. Его методом было создание альтернативной концепции, которая отражала бы оригинальное авторское видение исторического процесса, вела бы от археологических деталей к широкому историко-философским обобщениям.

Происхождение славян

Важнейший вопрос, относящийся к истории Киева косвенно, – это происхождение русских и украинцев. Он будоражит всех уже не одно столетие. Еще в XIX в. Н. Погодин утверждал, что древнерусское государство было российским, в XII в. «русские» переселились в московские земли, а «южнорусские» земли были заселены украинцами. Эта концепция, не имеющая никакого научного обоснования, тем не менее муссируется российским телевидением, где горе-журналисты добавляют свои, высосанные из пальца, подробности. Эти «истории» любят все, кто, читая книгу обязательной внешкольной программы, доходил только до 3–4-й страницы, с описанием стоянки неандертальца. Для малограмотных, видевших книгу последний раз в школе или в институте, эта стоянка – единственное, что осталось в памяти, и неуч пытается найти сходство ее с площадкой для автомобиля. Для таких и пишутся «правдивые и новые истории» всяких «фоменко». Я, как автор книги, имею право на свою концепцию происхождения украинского и русского народов еще и потому, что являюсь профессионалом с историческим университетским образованием, но излагать ее не буду, так как не академик. А вот поддержать ту гипотезу, какая мне ближе, вполне правомочен или могу покритиковать неприемлемую с моей точки зрения.

В настоящее время разработки и открытия ученых не столь интересны для всемирного «общества потребления», если они напрямую не связаны с данным «обществом». Чаще всего науку считают успешной лишь в том случае, когда она приводит к созданию новых средств массового уничтожения людей. Мне бы хотелось, чтобы Адам и Ева были украинцами, но... А вот начало формирования украинского этноса в глубокой древности – во времена трипольской культуры, древних ариев – мне ближе. Но трипольцев еще неправильно называть не то что протоукраинцами, но и протославянами. Хотя имеются все основания утверждать, что зачатки, некоторые немногочисленные тенденции украинской этнической культуры все-таки проскальзывают. Разберемся вначале, что такое этнос. Это историческая общность, которая характеризуется собственным самосознанием, языком, этнической территорией, материальной и духовной культурой, особенностями характера, определенными экономическими связями. Исследования этногенеза украинцев, а также белорусов и русских было и есть сложной научной проблемой, которая всегда вызывала и будет вызывать острые дискуссии. Суровая правда жизни: сын русского и узбечки – метис, сын русского и негртянки – мулат, сын русского и еврейки – еврей. Тогда кто по национальности сын украинки и русского?!

Особую роль играют этнические и интеграционные процессы в давние периоды нашей истории.

В этом вопросе очень сильно замешана политика. В 1948 г. В. Мавродин сформировал концепцию древнерусской народности. По его мнению, в древнерусской державе сформировалась этническая общность, имевшая единый язык, территорию, материальную и духовную культуру, экономические связи, осознающая свое единство. Очевидные недостатки концепции – игнорирование локальных отличий и наличие многочисленных неславянских компонентов, малая часть исследованных процессов V–IX вв. и так далее. Однако субъективное мнение ученого вполне совпадало с партийной идеологией и представлением товарища Сталина по национальному вопросу. Мавродина поддержало партийно-идеологическое руководство СССР. Недалеко от утвержденной Сталиным партийной концепции отошел П. Толочко в 1991 г. в статье «Чи існувала давньоруська народність», где сформулировал тезис о том, что древнерусская народность формировалась, однако этот процесс не достиг логического завершения и украинская, русская, белорусская народности начали образовываться в недрах древнерусской народности задолго до распада Киевской Руси. Таким образом, имелось наличие локальных изменений и динамичность этнических процессов в описываемом обществе. А вот, например, П. Моця, в 1995 г. отстаивая концепцию древнерусской народности, указывает на единство языка (при сохранении отдельных диалектов), общность территории, религии,

материальной и духовной культуры, определенную экономическую целостность, одинаковые традиции, суд, военное устройство, совместную борьбу против внешних врагов, полные элементы самосознания, чувство патриотизма (в первую очередь среди князей, государственной и интеллектуальной элиты). Однако он считает, что формирование украинского и русского народов началось еще во времена Киевской Руси и было ускорено в результате монгольского нашествия.

Еще в XIX в. существовало мнение, что каждый славянский народ имел свой этнический субстрат в границах древнерусского государства, на базе которого сформировались украинцы, белорусы, русские. Этому мнению придерживался М. Грушевский, который подчеркивал, что к формированию украинского общества привело сближение южнорусских княжеств XII—XIII вв., а предками украинцев считал антов.

Восточные славяне были наибольшим и наимощнейшим этнично-социальным массивом в Восточной Европе, и в I тыс. н. э. именно они определили основное направление исторического развития на протяжении наполненного драматизмом периода Великого переселения народов. В начале новой эры славяне занимали громадные просторы лесостепи и значительной части Полесья. По уровню развития они разделялись на два основных массива, которые оформились в течение II ст. Лесостепная полоса, способствующая хозяйственной деятельности, была занята племенами, которые сохранили памяти черняховской культуры и полнее отражали прогрессивные тенденции эпохи. Полесье характеризовалось более архаичными формами социальной организации, отраженными памятниками киевской культуры. Для нас особенно важной является первая группа племен, поскольку именно в ее недрах зародился общественный организм, который с VII в. получил название Русь. Определение демографического потенциала черняховских племен, названных в византийских источниках антами, связано с большими трудностями из-за отсутствия статистических данных. Но считается, что густота населения представителей этой культуры составляла около 10 чел. на 1 км. Среди рядовых семейств выделяется определенная группа, которая постепенно и неуклонно захватывает общественные богатства. Общество становится социально неравным. Зарождающимся феодальным отношениям принадлежало будущее, поэтому появилась новая система – государство, приходящее на смену окончательно отжившей родоплеменной организации.

Тогда, в VII в., источники фиксируют два больших объединения древних славян – антское и славинское. Это были политические объединения полуварварского типа, которые демонстрировали, пусть и в зачаточном состоянии, все функции государственной структуры. Антский союз состоял из шести больших «племенных» групп (уличей, тиверцев, волянян, бужан, дулебов, белых хорватов) и занимал всю основную часть восточноевропейской лесостепи на запад от Днепра. Во главе этого союза стояли цари (рексы), окруженные свитой влиятельных людей. Это объединение, пережившее наивысший подъем в конце V–VII вв., перестало существовать в результате аварского нашествия. Но причины, вызвавшие Антский союз к жизни, существовали и в новых деформированных условиях.

Закономерность исторического процесса не может быть сломана внешними факторами, зависящими от отдельных личностей, хотя бы и влиятельнейших. Так на руинах Антского царства VII в. начинает образовываться новое могучее политическое объединение, которое получило название Русь. В конце I тыс. оно становится крупнейшим и мощнейшим формированием Восточной Европы. Территориальным ядром новосозданной Руси стало Среднее Надднепровье. Для этого имелись свои причины. Восточные районы антских земель были менее опустошены, чем западные. Хорваты в преобладающей части вынуждены были под давлением завоевателей продвигаться туда, где обитают и сейчас. Пострадали и дулебы, занимавшие Верхнее и Среднее Приднестровье. Поэтому нет ничего удивительного в том, что центр нового политического объединения славян возник именно на Среднем Днестре, на месте пересечения важнейших водных коммуникаций – днепровского, деснянского и припятского.

Мне ближе раннеславянская концепция происхождения украинцев,

последовательно защищаемая Л. Зализняком. По его мнению, протоукраинский этнос сложился в V–VII вв. и впервые известен под названием склавинов. Общность материальной культуры племен – носителей пражской и лука-райковецкой культур, – а также схожесть этнических процессов на территории от Днепра до Карпат дает основание считать восточнославянское население этого района протоукраинцами. Л. Зализняк: *«Наиболее убедительной и научно аргументированной есть раннеславянская версия происхождения украинцев. Ее сторонники считают, что время украинского этноса около 1500 лет... поселенцы пражской и лука-райковецкой культур Волыни V–IX вв. развивались без существенного влияния внешнего этнокультурного фактора. В результате его саморазвития возник украинский этнос. Таким образом, славянские племена Северо-Западной Украины второй половины I тыс. н. э. можно назвать протоукраинцами. По мнению большинства лингвистов, с XI в. язык Южной Руси можно считать протоукраинским... Славяногенез имеет вид отсоединения отдельных славянских этносов от протоукраинского этнокультурного дерева, и с конца V в. развивался между Средним Днепром, Восточными Карпатами и Припятью... В Руси имело место консолидирующее влияние киевского ядра государства на покоренные разноэтничные племена, и в первую очередь на славянскую их часть. Но славяногенез не был столь сильным и долговременным, чтобы на разноплеменном грунте возникла единая древнерусская народность с единым языком, культурой и самосознанием.*

...Киевскую Русь как державу консолидировал не мифический старорусский этнос, а протоукраинцы на древнерусском этапе своего исторического развития... Южных русичей, как непосредственных предков украинцев, вернее называть протоукраинцами».

В древнерусский период этнические процессы сводятся к тому, что под влиянием протоукраинцев, их языка, материальной и духовной культуры формируются молодые восточнославянские этносы – белорусы, русские, новгородцы и псковичи (лодожцы). М. Ю. Брайтчевский сообщал об отпочковании от общего этнического столба пробелорусов (XI в.) и прорусских (XII в.). Эта концепция была выдвинута в советское время. У Михаила Юлиановича и так хватало проблем с властью, вот он и не поставил знак равенства между общим русским древом и украинцами. У него: *«В первой половине XI в. от общего древа ответвляется белорусская этническая общность. Главной основой ее была Полоцкая земля, а также Псков и Смоленск. Во второй половине XII в. определилась русская общность, территориальным ядром которой стали Суздальская и Ростовская земли. Генетической базой формирования украинского народа остался этот первичный общерусский столб».* К слову, и формирование других славянских этносов гипотетически рассматривается как отпочкование от проукраинского этноса во время великого расселения славян.

Сцена из жизни восточных славян. Худ. С. В. Иванов

Одинаково написанное слово и единство духовно-интеллектуальной традиции, конечно, рождали ощущение взаимного родства – но это только в тонком слое образованной элиты, ведь большинство ее было космополитично, принадлежало к различным культурам. Поэтому утверждать, что княжескую Русь заселяли люди, которые ощущали свою принадлежность к «единой древнерусской народности», – это то же самое, что на основе общего латиноязыкового школьничества утверждать существование «единой латинской народности» в пределах Западной Европы того времени. К сожалению, отсутствие письменных памятников языка до XI в., кроме сомнительной «Велесовой книги», свидетельств самосознания восточных славян до начала летописания, искаженное отражение этнического понимания в литературных памятниках XI–XIII вв., а также явная недостаточность письменных источников об этнических процессах в V–IX вв. не дают возможности однозначно ответить на ряд вопросов касательно этнических процессов в древнерусском обществе. Об этом мы имеем лишь отрывочные свидетельства соседей славян. Констатируем дискуссионность этой темы и наличие нескольких более-менее обоснованных концепций. Окончательно разобраться в поставленных проблемах помогут лишь будущие исследования. Как я люблю эту сентенцию: история повторяется, потому что не хватает историков с фантазией.

На вопросе происхождения славян и основания Киева нужно остановиться подробнее. Также требует детального освещения тема о призвании варягов «и откуда пошла Русь». В первую очередь попробую поднять проблему «Происхождения славян». Близость современных славянских языков, общие элементы культуры славянских народов, похожесть путей развития до ранних государственных форм, общие моменты в социально-политической организации, упоминания местных летописцев и византийских историков о периоде совместных выступлений против соседей заставили задуматься исследователей об этногенезе славян. Нельзя утверждать, что происходило единение славянского этноса, так как не только племя шло войной на соседей, но и княжеская братия не упускала любой возможности напасть друг на друга. Вот литовцы этнически не принадлежат к славянам, но сколько общего у них с украинцами! Даже дохристианский пантеон богов был единым, а что говорить о сельском, скорее, хуторянском быте. И какая ощутимая разница в менталитете «старшего и младшего брата»?!

Современные ученые так характеризуют давних славян:

1) прародина – Висло-Днепровский регион, в границах которого происходило

перемещение праславян и тесные взаимодействия с другими этносами;

2) впервые славяне под именем венедов и ставан вышли на историческую арену в начале н. э. Это соответствует зарубинецкой и пшеворской археологическим культурам (II в. до н. э. – II в. н. э.). С IV в. в письменных источниках появляется название анты, а с VI в. – славяне. Это было этническое самоназвание, хотя некоторые исследователи считают, что такое же было и у венедов;

3) лингвисты пришли к выводу о существовании длительного периода общеславянского языкового общества. Ну и что, что романская языковая группа объединяет абсолютно разные этносы, с разными культурами? Что есть общего между итальянцами и румынами (молдаванами), хотя в центре Кишинева и стоит памятник волчице, вскормившей Ромула и Рема?!

4) древние славяне (оседлые земледельцы) жили родоплеменным укладом, который был на определенном этапе разложения, поклонялись различным силам природы.

Теперь рассмотрим теории происхождения славян и определения славянской прародины.

Миграционные теории:

а) «дунайская теория», которую выдвинул Нестор-летописец, а потом подхватили всевозможные ученые, в том числе и составители учебников для средней школы и среднего мышления. Они заявили о прародине славян в Придунавье, откуда те распространились по всей Европе;

б) теория А. Шахматова определила прародиной Южную Прибалтику, откуда славяне путем миграции расселились по Европе.

Рассмотрим автохтонные концепции, подтверждающие, что славяне испокон веку проживали в нашем регионе. А если разобраться, то любые племена, захватывающие поселения земледельцев, думали о будущем, ведь им нужно было не разовое насыщение, а постоянное пропитание в течение долгого срока. Народы в прошлом были практичнее, убивали только правителей и бездельников, а трудовой люд, производителей всегда берегли, заставляя работать на себя, в крайнем случае, забирали с собой, чтобы эксплуатировать в хозяйстве, облагали население налогами, которые были приемлемыми для всех. Иначе могли перестать платить и начать бунтовать.

Итак, *автохтонная* теория:

а) висло-одерская, сформулированная рядом польских исследователей, считавших прародиной славян висло-одерское междуречье;

б) висло-днепровская, сформулированная в начале XX в. известным чешским славистом Любором Нидерле. Он утверждал, что территория между Днестром и Вислой и является прародиной славян. С ним полностью согласился и Грушевский. Эта теория легла в основу современных концепций;

в) синтезные концепции (например, Б. Рыбакова) объединяют висло-днепровскую и висло-одерскую, рассматривая ореол формирования более широко, от Днестра до Одера.

Все-таки большинство современных исследователей считают, что славяне перемещались в пределах нашего региона, находясь в постоянном контакте с другими этносами, особенно в бурное время Великого переселения народов.

Рассмотрев эту проблему в общем, перейдем к частностям, реконструируя ее еще более гипотетично. Недаром Н. Кравченко считает, что «определение прото- и праславянских археологических культур есть проблемой очень трудной и принимается лишь с должной мерой предположений». Обратимся к отцу истории Геродоту: «От Липоксая походит скифское племя авхаты, от среднего Арпоксая

- катиары и траспи, а от самого младшего те, называемые паралатами. Все они называются сколотами от имени царя, а скифами нарекли их греки».

В «Истории готов» Иордана (VI в.) читаем: «На громадных просторах проживает многочисленное племя венедов. Хоть теперь их названия изменяются в зависимости от разных родов и мест проживания, все же в большинстве все они называются славянами и антами». Древние славяне (венеды) были определены следующими исследованиями: результаты археологических раскопок В. Хвойки у с. Зарубинцы (1899) и у с. Черняхов (1901) дали соответствующие названия культурам разного древнего населения нашей страны: ареал зарубинецкой культуры - Среднее и Верхнее Приднепровье, лесная полоса Украины, Подолье, а Черняховской - почти вся Украина, кроме севера и северо-востока. Тут в материальной культуре прослеживается сильное римское влияние. Уже ощущается высокий уровень развития, но еще отсутствует этническое целое. Одновременно ученые различают и Киевскую культуру, продолжающую традиции Зарубинецкой (II-V вв.).

С этого периода началось Великое расселение славян, длившееся три столетия, в результате которого выделилась их восточная ветвь. Одновременно в V-VII вв. выделяют склавинов (Пражская культура) с ареалом от Одера до Днепра, а также антов (Пеньковская культура) с ареалом от Придунавья до Среднего Приднепровья. М. Грушевский видел в антах предков украинских племен. Уже спустя столетие вплоть до X в. на описываемых местах проживали племена Луки-Райковецкой культуры. Большинство современных ученых поддерживают утверждение Грушевского о том, что распад древнеславянского этнического объединения незамедлительно начал процесс этногенеза украинцев, минуя фазу единого восточнославянского этноса. Тут, мне кажется, нужно сделать уточнение. Тогда же, очевидно, начали формироваться поляки, чехи, словаки... Формирование русского народа происходило несколько иным путем. Об этом позже.

Ритуальная модель жилища. Трипольская культура

Теория Трипольской культуры, которая в последнее время поднята на щит как

обоснование глубокой древности украинской нации, вполне приемлема. Много характерных особенностей быта трипольцев прослеживается в обиходе сельских жителей вплоть до начала XX в., до времени коллективизации и голодомора. Следы трипольских поселений определены и на территории современного Киева, но наивно отождествлять их с городом. Одно-двухэтажные здания из глины сооружались на деревянном каркасе, имели двускатную крышу. Они размещались в поселениях концентрическими кругами с площадью посередине. Некоторые из них имели более 2 тыс. жилищ, например Майданецкое на Черкащине. Это были лишь протогорода. Этническая принадлежность племен Трипольской культуры не определена. Одни исследователи считают их прафракийцами (Д. Телегин), другие – прасемитами (Л. Зализняк), третьи – шумерами (Ю. Шилов), четвертые – предками славян. Корни происхождения похожих названий городов также говорят об их очень далеком и, хочется предположить, общем, прошлом... Безусловным является факт миграции племен этой культуры от Дуная на север, поглощение ими местного населения с использованием их культурных достижений, что способствовало созданию собственной оригинальной и очень высокоразвитой культуры. Значительная часть исследователей считает, что прямых генетических наследников этой культуры не было. Но праславяне, а за ними и современные украинцы, наследовали от трипольцев ряд важных элементов материальной и духовной культуры. Этого отрицать нельзя!

Не исключено, что Киев был основан и сарматами. По словам Н. Рериха, в Киевском крае обнаружены верования Астарты Малоазийской. А это верование присуще и сарматам. Они поклонялись мечу, который олицетворял бога войны, и богине плодородия, связанной с культом Солнца и коня (Астарте)! В искусстве у них господствовал звериный стиль. К сарматам относили кочующие ираноязычные племена (роксоланов, аорсев, языгов, сираков, аланов). Кстати, в переводе с древнегреческого сармат означает «опоясанный мечом».

А если взять Геродота (История. Книга 4): «От пристани борисфенитов [на Днепровско-Бужском лимане]... ныне ближе всего живут каллипиды, они уже огреченные скифы; за ними другое племя, которое зовется алазоны... Выше алазонов – скифы-пахари, сеющие зерновые не себе на пропитание, а на продажу. Еще выше невры...

А как перейти Борисфен [на Левобережье Днепра], то сразу же первая от моря лежит Лесистая [страна], а от нее вверху живут скифы-земледельцы... На восток от них уже скифы-кочевники. Они не сеют и не пахут...»

По Рыбакову: лесная полоса Правобережья – невры – предки славян [Милоградская культура], а вот лесостепная полоса Правобережья: скифы-пахари – продолжались традиции Чернолесской культуры).

Великое переселение народов – исторический процесс, который начался в конце II – середине III в. – вторжение готов на Волынь и Северное Причерноморье. Эти племена пришли из Южной Прибалтики и низовий Вислы, создав ряд политических объединений (самое известное – во главе с Германарихом в IV в.). Они воевали со славянами. Впоследствии большая часть готов под давлением гуннов переселилась на запад. Они появились в европейских степях в IV в. Гунны – это племена, пришедшие из монгольских степей, разгромившие аланов и готов. Во главе с вождем Аттилой гунны создали могучее объединение племен, в которое входили аланы, славяне, германские племена. После успешной борьбы с Римом это государство распалось, вскоре после 453 г., когда из-за интриг византийцев Аттилу коварно убили.

Скифские воины. Рельеф чаши из кургана Куль-Оба

Развитие славяно-гуннских отношений в конце IV в. пока не нашло надлежащего отражения в литературе. Нельзя утверждать, что славяне стали жертвами гуннского погрома. Что касается Антского союза, серьезного политического образования Восточной Европы, то, несмотря на необычайную скудость письменных источников, у нас есть вполне серьезные основания предполагать, что в течение десятилетия с 375 г. анты были союзниками и единомышленниками гуннского царя Валамира. Возьмем широко известное сообщение готского историка Иордана, которое почему-то не комментируется современными исследователями. По свидетельству источника, преемник Германариха – Винитар, *«наследуя пристрастие деда своего Вультульфа, хоть и был ниже Германариха по способностям и удачам, с горечью пережил гуннское подчинение. Постепенно освобождаясь от их власти и пытаясь проявить свою силу, он повел войско на территорию антов...»* Далее идет рассказ о его войне с антским царем Божем (Бусом), которая закончилась казнью последнего. В наше время почти в центре Киева есть место под названием «Бусове поле». Возможно, название связано с казнью предводителя антов и его сынов. У Иордана победа над Божем рассматривается как победа над гуннами, реакция которых неоднозначна: этого «не вытерпел Баламбер, король гуннов; он позвал к себе Гезимунда... и, возобновив с ним союз, повел войско против Винитара. В третьей битве Винитар был убит, а Баламбер *«с того времени властвовал над всем покоренным народом готов»*. Вот и получается, что гуннский царь воспринял нападение на антов как выступление против него самого.

В период V–VII вв. проходили затяжные войны славянских племен с Византией, поэтому это время принято считать эпохой Великого расселения славян. Это движение в 558 г. приостановило вторжение тюркоязычных аваров. Тюркоязычными называют группу породненных племен и народов, чьи предки образовали в VI в. на Алтае могущественный Тюркский каганат, объединенный вокруг племени тюркутов (тюрков). Тем не менее в начале VII в. тюркоязычные болгары, возглавляемые ханом Кубратом, создали в Приазовье Великую Булгарию. Произошло это в тяжелое время аварского нашествия, что поспособствовало их консолидации. Сведения о Кубрате находим и у Феофана Исповедника, и у патриарха Никифора, называвших его властелином Болгарии. Имеются сведения, что этот хан правил более 60 лет. Сложившееся мнение историков отождествляет хана с упомянутым во второй редакции «Чудес св. Дмитрия Солунского» Кувером – славянским предводителем, который в это же время поднял восстание против аварского кагана. Реальные оценки дошедших материалов убеждают, что Кувер из византийских источников не имеет никакого отношения к хану Кубрату. Он отождествляется с Кием из «Повести временных лет», Куаром из армянской «Истории Тарона» – полулегендарным основателем Киева. Созданное Кубратом объединение распалось, и его хан, третий из сынов Кубрата, Аспарух, перевел своих соплеменников на Дунай. Вскоре начал активную деятельность Хазарский каганат. Последним из племен, проходивших через Киев, были угры. В отечественных школьных учебниках анты упоминаются настолько часто, что, казалось бы, мы знаем о них всё. Однако рассмотрим эту тему более подробно.

Анты и склавины были предками южной части восточных славян (протоукраинцев). Их наследники создали в VII–IX вв. союзы племен, которые перечислены Нестором-летописцем. У Прокопия Кесарийского в его «Истории войн»: *«славяне и анты не управляются одним человеком, а издавна живут в народоправстве, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся совместно»*.

Анты – политическое объединение племен, существовавшее с IV до начала VII в. Происхождение названия окончательно не выяснено; возможно, название «анты» имеет ираноязычное происхождение. Анты вели войны с готами и аварами. Вместе со склавинами переправились через Дунай и опустошили византийские земли. Общественный строй антов характеризуется как «военная демократия», поэтому Византия предпочитала брать на службу их вождей. Письменные источники свидетельствуют о существовании антской наследственной знати. В исторической литературе есть упоминание о царстве антов, но еще М. Грушевский отбрасывал возможность существования такой великой монархии в указанный период. Это не подтверждают и современные исследования. В середине VI в. в Восточной Европе появились авары. Это был народ уйгурского происхождения, вышедший из Центральной Азии, – очередная волна азиатских кочевников, нахлынувшая на южноукраинские степи, что в истории антов сыграло фатальную роль. Впервые авары появились около 558 г., когда нанесли жесточайший удар по аланским племенам на Северном Кавказе. В течение ближайшего десятилетия авары прошли через украинскую степь, Карпаты и основали в Паннонии (современной Венгрии) свое примитивное государственное объединение – каганат. Так началась продолжительная славяно-аварская война. Склавины (западные славяне) были вынуждены подчиниться, а вот анты оказывали яростное сопротивление. Сохранив свою независимость, анты вышли из многочисленных сражений ослабленными, и их объединение распалось. Само название «анты» последний раз упоминается в 602 г., а склавины в 630-х годах поднимают восстание и образуют независимое объединение под условным названием «государство Само», вскоре трансформировавшееся в Великоморавское княжество.

Во второй половине I тыс. восточные славяне имели развитое земледелие и животноводство, выращивали пшеницу, просо, рожь, ячмень, а также горох, бобы, репу. Не потеряли значения промыслы (рыболовство, охота, бортничество). Получили развитие ремесла, совершенствовались умение мастера. Особенно развивалась металлообработка, процветали ткачество, обработка кожи. Хозяйство имело натуральный характер, но понемногу развивалась торговля с Византией, Хазарией, Болгарией, Моравией.

Родовые общины, характерные для трипольцев, постепенно исчезают. Большие семьи, объединившиеся в соседские общины, совместно использовали лес, пастбища, водоемы. В VII–IX вв. восточнославянское общество достигло качественно более высокого уровня развития, формируются классовое общество и племенные княжения. Летописец констатировал наличие шести восточнославянских этнических группировок: полянской, древлянской, дреговичской, кривичкой (полочане), словинской и сиверской. Это были примитивные государственные объединения, возникшие в результате активного развития процесса феодализации. Главенствовала в них общественная верхушка, которая выделялась из окружения общинного населения – подобно древлянским – «лучшим» или «нарочитым» мужам, которые упоминались в летописях в связи с восстанием 945 г. Политическую власть представляли местные племенные «династии» верховников, таких как древлянский Мал, словинский Гостомысл или Вадим, вятичский Ходота, известные из летописных текстов. Вообще Киевскую Русь, по крайней мере в ранний период ее существования, можно рассматривать как своеобразную федерацию племенных волостей под властью полянского (киевского) князя. Странные существа люди: собираются в семьи, племена, нации, государства и при этом мечтают о свободе и одиночестве.

Кем был покоритель Рима?

Посмотрел фильм «Последний легион», снятый в 2007 г. в США режиссером Д. Лефлером. Фильм, как и положено, добротен, сделанный и смотришь его с удовольствием. Но один из героев меня взволновал не актерским исполнением, а тем, что его персонаж соответствовал, и почти без исторического искажения, правде. Это был вождь готов Одоакр (Одоацер). Он в меру жесток и кровожаден, скорее всего, таким он и был. Это было время, когда власть брали не трибуны, а непокорные воины без страха и упрека, охотно проливающие кровь и своих, и чужих. Великое переселение народов. Так историки характеризуют этот период.

Вот тут и вспоминаются слова, сказанные на похоронах Богдана Хмельницкого, когда его называли «Одоацером земли русской». Этим персонажем давней истории занимался и И. С. Глазунов. В своей книге «Россия распятая» Илья Сергеевич публикует его скульптурный портрет и много говорит о нем: *«На острове Руген родился великий вождь русинов, сокрушитель Римской империи в 476 г. от Рождества Христова полководец Одоакр (или Одоацер). Великий славянин открыл новую эру в истории человечества – «средние века», знаменующие конец эпохи Древнего мира. На Босфоре крепла мощь «второго Рима» – Константинополя, ставшего столицей Византийской православной империи. Западные же историки, включая солидную энциклопедию Брокгауза и Эфрона, а также наши и зарубежные справочники и поныне называют Одоакра вождем германцев, причисляя к ним даже славянское племя герулов. Заявляю: это – тенденциозная фальсификация и историческая ложь! Историки, например Мауро Орбини (XVI в.), ссылаясь на древние источники, приводят даже слова славянского языка, на котором говорили покоритель грозного Рима Одоакр и его воины. Орбини их называл рутенами, то есть русинами».*

К цитате из книги Глазунова добавлю, что эти сведения встречал в разных источниках, но меня поразила работа Сергея Шелухина «Звідкіля походить Русь». В ней я нашел ответы на многие вопросы, которые волновали меня, пишущего об отечественной истории. Там я прочитал, что Одоакр был рутеном (русином). В катакомбах аббатства Святого Петра в Зальцбурге (в древности Ювава), в пещере, где молились первые христиане, стоит мраморная плита с такой надписью: *«Anno Domini CCCCLXXVII Odoacer Rex Rhutenorum Geppidi Gothi Ungari et Heruli Contra Ecclesiam Dei Sevientes Beatum Maximum cum sociis suis Quinquaginta in hos speleo Latinantibus ob Confessionem Fedei Trucidatos Precipitarunt Noricorum quoque Provinciam ferro et igne Domoliti sunt».* Вот перевод этой самой первой высеченной в камне надписи: *«Лета Господнего 477 Одоакр король (вождь) рутенов (русинов), геппиды, готы, унгары и герулы, свирепствуя против Церкви Божией, благочестивого Максима и его 50 товарищей, что молились в этой пещере по-латински, из-за исповедания веры после жестоких мучений сбросили вниз и провинцию Нориков опустошили огнем и мечом».* Катакомбы высечены в высокой горе. Проход темный и узкий. Отверстие для окна находится на большой высоте. Есть предположение, что надпись высечена по поручению аббата Килиана (1525–1535) и непонятно кем перенесена в пещеру.

Текст в катакомбах вразумительно говорит о народах, существовавших в 477 г. Можно сделать вывод, что запись на камне сделана или их современником, или с его слов. Тут исключается любая выдумка или неточность. Вряд ли тогда была необходимость искажать действительность. Здесь отражение произошедшего события. Откуда могло взяться упоминание о русинах, если это не было бы фактом? Запись делали люди, верующие в святость Максима, чествующие его память. В старых хрониках говорится, что молодой Одоакр навел святого Северина во Флавиании. Святой узнал об опасности и предупредил Максима. Но напрасно, так как все равно «Максима с товарищами замучили варвары». Святой Северин умер в 482 г., а его ученики Люцил, Марциан и Евгипий вернулись в Италию. В 509 г. Евгипий описал жизнь Северина и происходившее в Норике как очевидец. В 506 г. в Норик Бишоф Руперт привел в порядок памятную катакомбу, устроил там капеллу, а наверху, где захоронение мучеников, поселился сам. В то же время он строил и церковь Святого Петра. После Руперта остались анналы. Ему

и могло принадлежать решение увековечить Максима и товарищей.

Описанные в надписи события в Норике и Юваве, а также титул Одоакра Rex Rhutenorum свидетельствуют, что кельты-русины в V в. были в Норике. Где располагалась эта земля? Как вы уже догадались - это был нынешний Зальцбург. Вдоль Дуная размещались славянские земли Реция (ныне Бавария), а по Дунаю между ней и Паннонией (Венгрия) - земли Норика. Ее жители были язычниками. Они восставали против Римской империи. В борьбе им помогали перечисленные в надписи народы. Юлий Цезарь в своем описании Галльской войны указывал, что их предводители титуловались как Rex, потом у французов трансформировалось как Roi. Во время войны против Цезаря у кельтских народов рексами были Верцингеторик, Цингеторик, Карвелей, Таксимагул, Сеговак и другие.

Мы не знаем, из какой европейской области был Одоакр, но известно, что он был славянин, которых в то время было много в римской армии. Он поступил на службу в 470 г., а через 6 лет стал императорским телохранителем. За год до этого начальник наемников в римской армии Орест выгнал из Рима императора Непота и посадил на трон своего сына Ромула Августула. Через 5 лет военные, особенно в Норике, взбунтовались, требуя землю под поселения. Из этого можно понять, что возмущались воины-земледельцы, которые имели семьи, осели и желали обрабатывать землю. Но Орест им отказал. Тогда они провозгласили своим предводителем Одоакра, а Ореста 22.08.476 убили. Вынудив Ромула отречься от императорства, Одоакр взял власть в Италии в свои руки и раздал землю повстанцам, благодаря чему обеспечил себе их надежную поддержку. Так же щедро он поступил и с соседями. Восточный император Зенон сделал Одоакра своим наместником. Но тот вел себя независимо и, завоевав Норик и Далмацию, проявил желание двигаться дальше. Зенон в 490 г., чтобы избавиться от опасного конкурента, уговорил остготского короля Теодорихса убить Одоакра. Тот смог выполнить просьбу константинопольского монарха лишь через три года.

Возникает вопрос, а зачем нам, украинцам, эти отдаленные и по месту, и по времени события? Вот тут прошу обратить ваше внимание на приведенные даты. Да-да, именно в это время был основан Киев, 1500-летие которого мы отметили в 1982 г. Тогда в городе ставили помпезные памятники и киевлянам вручали памятные награды. Именно на эту дату указывают ряд историков как отечественных, так и зарубежных.

Остановимся на этом периоде немного подробнее, так как об этом времени у нас больше легенд и скульптурно-памятных мемориалов, чем фактов. Вот почему для нас важны деяния рутена Одоакра. Он 14 лет правил Римом и, как пишут историки, довольно успешно. А Риму всегда нужны были хлеб и зрелища. Но после постоянных нападений варваров кровавыми зрелищами граждане пресытились, а вот хлеб... Кочевые народы, которые мигрировали на юге Украины, нарушили связи с Восточной империей, поэтому Одоакру нужно было искать пропитание для своих (теперь и римлян) на Киевщине. Но для того чтобы собирать хлеб для продажи, нужна была фактория, так, возможно, и возник Киев. Одоакр заселил альпийские долины выходцами из наших земель. Именно они подняли восстание в Норике, так как их интересовали плодородные земли, а не навязанные им военные действия в защиту Рима.

Постоянную угрозу для жителей Норика представляли германские племена, мигрировавшие с левого берега Дуная, особенно Ругии. Раньше они проживали на Балтийском побережье, но во времена переселения народов прошли вдоль Дуная, в V в. признали власть Атиллы, ходили походом на галлов и римлян, а потом поселились на левом берегу Дуная возле Норика. В 453 г. похоронили грозного вождя, стали свободными, планировали захватить римские земли, перейти Дунай и захватить Норик. Занятая ими земля называлась Ругией, но недолго. Одоакр, став во главе восставших за землю, враждовал с ругиями. В 487 г., после успешного военного похода на них, он пленил короля Фелетея, вынудив его вояк бежать к остготам. Отправившись с остготами в Италию, ругии смешались с другими

народами и растворились в них. Почему же варвары нападали на Рим и Константинополь? Там было что грабить, как и на всей территории Империи. Не на Киев же тех веков нападать? Что там можно было взять – несколько мешков зерна и с десятков шкур. Их было проще выменять. Европейские города богатели и становились желанной добычей для народов-разбойников.

В восстании против Ореста – отца Ромула Августула, ругии участия не брали, поэтому о них не вспоминают в записи, в отличие от герулов и гепидов. Они поселились на левом берегу Дуная. Прокопий (VI в.) писал, что при нем герулы пошли на север к Эльбе. Не исключено, что это нынешние лужицкие сербы, в незначительном количестве проживающие там. Гепидов еще раньше вынудили спуститься по Дунаю в Дакию (теперь Румыния). Остготы в то время проживали в Паннонии. Наконец гунны, или гунгары, или унгары. Они, оставшись обезглавленными после смерти Атиллы, по местным преданиям, стали основоположниками Унгарской державы, но были под римским владычеством. Народы на этой территории в V–VII вв. калейдоскопически возникали и исчезали, поэтому точно перечислить их названия затруднительно. Евгипий рассказывает, что в IV в. в Придунайской части Норика жил кельтский народ, в просторечии – бояре. Эти бояры, или бояре занимались земледелием, а пришли в Норик из Галлии (Галиции). Римляне загнали их в горы. Очевидно, что бояре, – это бои, о которых пишет Цезарь. Именно от них пошло определение – Бавария, боер, бауер, что означает крестьянин. Скорее всего, отсюда в Киевской Руси и пошло название высшей земледельческой касты: бояре.

Похожее известие об Одоакре мы находим в украинском литературном памятнике XVIII в. Самуила Величко. В нем – отражение далекого прошлого. Еще Цезарь писал, что у галлов было принято заучивать на память, а учиться – у друидов. Вот почему у народа самая крепкая память, закреплявшаяся в традициях, которые принесла Русь на Украину.

Французский ученый Гийом де Боплан, проработавший у нас 17 лет (1630–1647), в 1650 г. в Руане напечатал книгу «Description d'Ukraine», в которой пишет, что в Украине из-за постоянных военных действий библиотеки не сохранялись, поэтому ученики все сохраняли в памяти и таким образом спасли предания старины глубокой. Боплан рассказывает о разрушении Киева в V в., подтверждая это событие доказательствами, принятыми в то время.

Летопись повествует, что славяне селились *«по Дунаю, где есть ныне Угорская земля и Болгарская, и от них разошлись по всей земле»*. Подтверждение этому имеем у Иордана и Прокопия (VI в.). Естественно, что в Украине могли сберечь традиции о Придунае. Недаром там был город Киевец, и Святослав Храбрый хотел сделать там центр Руси. О славянских поселениях на Дунае говорится во многих источниках, в том числе и в гениальном «Слове о полку Игореве». Там автор вспоминает о временах Трояновых, о готах на Украине в IV в., о победе их над князем Бусом (Божем) и т. п. Скандинавы, норманны там не упоминаются. Поэтому и привлекает в «Слове» сообщение о народе Зар-Дан возле Понта Эвксинского. Там же автор, указав, что князь Игорь с дружиной сел на коней спешить на Дон против половцев, пишет: *«То не буря соколов занесла через поля широкие: Галицы стада бегут к Дону Великому»*. И это не птицы, не стада, а у поэтически настроенного автора – Русь, галицкое войско, которое бурей занесло на Дон, как соколов. А как можно забыть, что византийцы называли княгиню Ольгу королевой Ругорум, то есть королевой ругов.

Давние традиции отразились в летописи Самуила Величко «Сказание о войне казацкой с поляками», изданной в Киеве в 1926 г. В ней напечатана рукопись 1648 г., – как бы универсал Богдана Хмельницкого. По надгробному слову над Хмельником в 1657 г., сказанному его секретарем Самуилом Зорькой, можно предположить, что рукопись составлена именно им. Для нас убедительно то, что это непосредственные высказывания украинца XVII в. В Универсале обращаются ко всем «украинским» людям и призывают встать на защиту «целостности своей Отчизны Украины» подобно «славным великим русам предкам своим», чтобы защитить права и вольности. Заканчивается призыв так:

«...ежели ветхий Рим (уже всех европейских градов матерью нарекатся может)... о 645 000 войска своего древле гордившегося... далеко меньшим великими Русами из Ругии от Помория Балтийского или Немецкого собрания, под предводительством князя их Одоацера года 470 был взят и 14 лет им владел, то нам теперь киталтом оных древних русов, предков наших, кто может ограничить деятельность воинства и уменьшить отвагу рыцарскую».

Эти сведения Величко взял по памяти, поэтому есть некоторые неточности: год 470-й вместо 476-го, возле Немецкого моря ругиев не было – так как автор многого не знал. Главное то, что украинский автор XVII в. рассказал о походе Одоакра из Норика на Рим.

Таким образом, имеем документальные сведения в Зальцбурге и в Киеве о Руси V в., и они поданы двумя независимыми источниками. В них рассказывается об одной Руси, которую в Норике считали кельтами из нынешней Франции, а в Киеве еще и предками украинцев.

Козаки называли себя наследниками русинов, народа русского с такой уверенностью, что в заявлении полякам в 1621 г. украинцы писали о себе так: *«Се ж бо то племя славного народа Руського, с семени Яфетового, что воевало Греческое царство между морем Черным и сушею. Се с того поколения войско, что при Олеге, монархе Руськом, на своих моносилах по морю и по земле (приделав к своим ладьям колеса) плавало, и Константинополь штурмовало. Это они при Владимире, святом монархе руськом, воевали Грецию, Македонию, Иллирию».* (М. Грушевский. История Украины-Руси. К., 1995.) Этим выражением об украинцах: «то племя народу Руського» – выражает уверенность, из каких племен и народов формировалась нация.

Как тут не обратить особое внимание на враждебность и предвзятость русов по отношению к грекам (византийцам), при том что Византийская держава столетиями привлекала славян к себе на службу. Многолетнее недовольство не смягчило и принятие христианства: на мраморной плите в честь Протогена, которая была найдена и описана академиком В. Василевским в Ольвии в Украине, как и на других памятниках IX – X вв. Эти высказывания, как бы подытоживая, находим в хронике Псела (XI в.): **«Русь – это варварское племя, всегда имела злостную и бешеную ненависть к греческой гегемонии»**, что отражено и в описании Руси митрополита Фотия. В Ипатьевской летописи греки названы «хитрыми и лукавыми», сказано еще, что «много зла творяху Русь греком». Все это показывает, что корни уходят глубоко, в первые столетия от Рождества Христова. С развитием Киевской Руси разногласия усиливались, так как русы пытались, зачастую успешно, оттеснить греков от торгового владычества в русле Днепра и на Черноморском побережье. Из договоров Олега 911 г., Игоря 944 г. мы узнаём о правилах торговли купцов в Царьграде. Даже переименование Понта Евксинского в Русское море свидетельствовало о господствующем положении Киева над Царьградом. В этом не ощущается влияния варягов, то есть северных народов, как ни стараются представители норманнской теории происхождения Руси. Более подробно об этом ниже.

Менее известно предположение о происхождении Руси с юго-запада. У его истоков стоят хорватские ученые. В 1920 г. в Вильно вышло исследование генерал-лейтенанта Г. Янушевского «Откуда происходит славянское племя Русь», где автор решительно выступает против норманнской теории и придерживается гипотезы о славянском происхождении Руси из Хорватии. По этой легенде, когда-то в г. Крапине и Псарях, возле Враждина, возле р. Дравы, жили три брата: Чех, Лех, Рус. Их притесняли римляне, поэтому собрали они всех родичей и отправились в странствия, чтобы поселиться: один в – Чехии, второй – в Польше, а третий – в Киеве. Так появилось три народа: чехи, поляки и русы. Очевидно, что персонализация этих народов использовалась в различных историях для того, чтобы поднять важность и указать на глубокую древность того или иного народа. Российские историки, которые не очень верили в норманнское происхождение Руси, считали нелишним использовать эту легенду в своих трудах. В России учили, что Русь пришла с севера, а в Хорватии, что Русь пришла с юга, с Приадриатики и

Придунайщины.

Мой однокурсник Сергей Климовский в своей монографии пишет, что основатели Киева родом с Балкан.

О том, что славяне-норцы расселялись от Дуная, рассказал Иордан, а позже и киевский летописец, который вывел славян от Яфета из Месопотамии. Так считают и западноевропейские хроники. Поздний польский летописец Богухвал (середина XIII в.) привел легенду о том, что у паннонского князя Пана было три сына: Лех, Рус и Чех. Размножившись, они вышли каждый из своего «гнезда» со своим народом и стали на своих новых местах основоположниками Лешского, Рутенского и Чешского королевств. Королевство Руса Богухвал называет «Рутенским», очевидно, по Rutheni. Чешский хроникер Пулкава (вторая половина XIV в.) следом за чешской хроникой Далимила (начало XIV в.) привел славян на Придунайщину из Месопотамии, а из Придунайщины расселил их так, как повествуется в Киевской летописи. Хорватская легенда рассказывает о событиях за несколько столетий до 862 г. – официально утвержденной даты прихода варягов Гравгора, Рюрика, Трувора, Синеуса. Поэтому в 1862 г. в Российской империи отмечали тысячелетний юбилей, который праздновали столь торжественно. И по сей день в центре Новгорода стоит высокохудожественный, хотя и не без помпезности, памятник «Тысячелетие России» работы М. О. Микешина. Не будем останавливаться на норманнской гипотезе происхождения России, давно уже отвергнутой, не выдерживающий критики. Тут заканчивается история, а начинается политика об избранности того или иного народа. И это уже не тайна древности, а игры власти!

Исследователи слова «рус» - не сдавайтесь!

Историки давно обратили внимание на тот факт, что в источниках применение термина «Русь» имеет двойной смысл. С одной стороны, этим именем называли всю восточную славянщину, всю державу, которая пролегла от Ладоги до Черного моря и от Сяна до Волги. С другой – сравнительно узкую территорию Средней Надднепрянщины с городами Киев, Чернигов и Переяслав. Так, говоря о поездке из Новгорода, Смоленска или Суздаля в Киев, Чернигов, вплоть до XIII в. говорили: «Еду в Русь». Это название отображает реальную историю Руси как исторического организма. Русь в узком значении слова – это первичная, начальная Русь, которая существовала где-то в VI-VII вв. Русь в широком значении слова – Киевская держава времен наивысшего своего подъема, скорее всего, с середины XI в. Первичная Русь – это восточная, надднепрянская часть антских (полянских) племен, которые меньше пострадали от аваров и первыми встали на путь создания нового политического объединения.

Происхождение названия «Русь» стало проблемой исторических исследований. Однозначного решения нет! Тут сколько ученых, столько мнений. А у некоторых и по два! И это наблюдается уже в течение двух столетий! Начали древнюю перепалку норманисты со своими антиподами. Первые считали, что название «Русь» принадлежало шведским викингам и появилось в IX в. вместе с Рюриком и его братьями. Обоснование настолько бедно, что не спасает ни область Рослаген, ни финское название шведов ruotsi. Антинорманисты давно указывают, что достаточно солидный языковый пласт с основой «рос-»-«рус-» с давних времен присутствует в Причерноморье и Приазовье. Сирийский автор VI в. Псевдо-Захарий при описании стран возле Азовского моря следом за легендарными амазонками называет народ «Рус» или «Рос». Тогда же «росомонов» упоминает готский историк Иордан. Корни этого имени ведут нас в глубину веков. В Причерноморье в I в. известны «роксоланы», а также аорсы. Именно с этим племенем связали Арсанию арабские источники X в., а оттуда вытекает и гипотеза о готском происхождении Руси. В произведениях византийских авторов находим Русь – «скифский народ» (Никита Пафлагонский), «скифский народ Русь» (Зонора), «скифское племя» (Анна Комнин). Русь у Константина Багрянородного, Льва Диакона, Михаила Псёла, но это позднее. От этих многочисленных свидетельств отмахнуться невозможно. Все вышеперечисленные упоминания связаны с Причерноморьем и Приазовьем. Этническая принадлежность племен малоизвестна. Сомнительно, что это были славяне, скорее скифо-сарматы. История имени народа не всегда совпадает с самоназванием. Как ни углубляйся в этот вопрос, но конкретную интерпретацию проблемы найти сложно. Достаточно того, что первые упоминания о Руси ведут нас в юго-восточную часть Восточно-Европейской равнины, и этого вполне достаточно.

Идол славян-язычников

Наши предки поклонялись многочисленным богам, подобные верования не одно столетие называют язычеством. Перечислим основных: Дажбог, Сварог, Хорс связаны с культом Солнца, Стрибог – бог ветра, Переплут – Симаргл – растительности и жизнедеятельных сил природы, Велес – покровитель скотоводства и торговли. Также существовал культ богини земли, вера в духов леса, воды, поля, русалок, берегинь, водяных, упырей... Почитались священные дубы, особенно рощи. Вначале верховным божеством был Род, у западных славян он обозначен как Святовит. Был также популярен у литовцев, а основным центром поклонения этому богу стал остров Рюген. Я был на этом острове и убедился, с каким пиететом в Германии относятся к славянским древностям.

Изображение Световита (Световида, четырехликого бога). Гравюра XIX в.

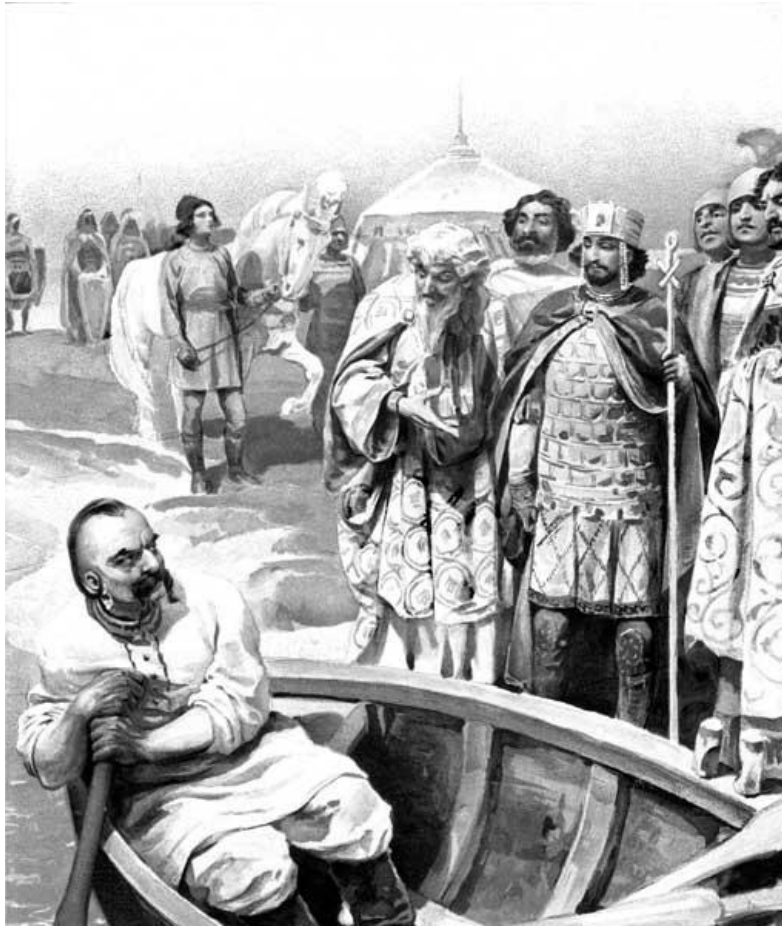
Скульптурное изображение Святовита в 1848 г. выловили в р. Збруч, отправили в Краков, где он и по сей день находится в экспозиции Музея археологии. Уменьшенная копия идола стоит в Киеве на Владимирской улице! Позднее на главенствующее место выдвинулся военно-дружинный культ Перуна – бога грома и молнии. Идолы (скульптуры) ставили в специальных местах – капищах (святилищах).

В рассматриваемый нами период Европа и Азия не отличались густой населенностью – была слишком низкая продолжительность жизни. Сказывалось различие в экологии, проживание в антисанитарных условиях, приводившие к страшным моровым эпидемиям. Письменные источники, согласно традиции, употребляя значимые, «магические» цифры чисто символически, не отражали реальность. Понятие «город» и «войско» не соответствовало современному содержанию подобных понятий. Многочисленные болезни и эпидемии происходили из-за отсутствия гигиены и регулярного мытья: в жарких, пустынных землях не было воды, а в центрально-европейских странах отсутствовали дрова. За хворост, собранный на чужой земле, могли повесить. Его еле хватало для отопления жилища и приготовления пищи. Чтобы как-то обезопасить людей от болезней, особенно эпидемий, жрецами были введены ритуальные омовения. Купания приняты были лишь у простолюдинов, которые не боялись сверхъестественных водяных существ. Жрецы и тут постарались: внушили народу, что водяных нельзя дразнить, внедряясь в их владения. Омут был всегда населен врагами человека, которые могли легко заманить, утащить вглубь. Купания были непопулярны даже в мягком климате Греции, где существовали термы, имеющие оздоровительные функции. Вообще термы появились сперва при горячих

(термальных) водах – отсюда и название. Особенно запретной почиталась вода для женщин, даже жены и дочери рыбаков и мореходов не умели плавать.

До появления художников эпохи Возрождения трудно было судить об одежде и прическах. На Руси рукописные книги изображали лишь правящий класс или духовенство, а они одеты в византийские одежды. В чем ходил простой народ, нам неизвестно, можно только догадываться по сохранившейся старой одежде в древних сундуках. Можем предположить, что «встречали по одежке», она заменяла «удостоверение личности», то есть декларировала принадлежность данного человека к тому или иному племени, роду; показывала, имеет ли женщина мужа и т. д. Одежда призвана была скрывать тело и быть просторной. У мужчин это куртки, безрукавные и обычные, широкие штаны, плащи, обязательными для женщин были головные платки, которые имели и ритуальный характер. Сорвать платок, «опростоволосить» – значит нанести глубокое оскорбление не только ей, но и всей семье, особенно отцу или мужу. Значительно позже среди казаков стало особой удалью обнажать торс перед боем, этим они показывали презрение врагу, одетому «в броню». Показать голый зад врагу считалось особо оскорбительным. В просторных шароварах могла зацепиться стрела, застрять сабля.

Об одежде и облике киевского воина, как главного человека в то время, нужно сказать особо. Его экипировка состояла из меча, боевого топора, кистеня, копья, дротика, лука, стрел (у всадника сабли). Защитное вооружение – шлем, щит, панцирь из пластин и кольчуга. Существовало заблуждение, что она была изобретена в Ассирии. Но уже доказано, что это было позднее, в IV в. у кельтов, и вместе с ними кольчуга пришла на наши земли. Меч был главным и самым почетным оружием воина. Этот вид оружия впервые появился не на Руси, а у франков. Вообще определить происхождение оружия сложно, так как воин был обязан добыть его в бою. Так, в Киеве был найден фрагмент полумаски с золоченым узором – часть типичного скандинавского шлема. Оружие с давних времен сохранилось по многим причинам, но в основном, из ритуальных захоронений. А дошедшие до наших времен немногочисленные изображения на стенах, в книгах, других местах изображают правителей и их воинов.

Встреча князя Святослава с византийским императором Иоанном Цимисхием на берегу Дуная. Худ. К. В. Лебедев

Лев Диакон описал князя Святослава: у него серьга в ухе и характерная воинская прическа – прядка. Запорожцы, перенявшие много обычаев воинов древности, называли ее оселедец. Его имели буквально все воины средневековой Азии и Восточной Европы – от первых болгарских ханов до дружинников Хлодвига... Дружины славянских князей состояли из представителей многих племен. Как набирался состав? Членов подобных воинско-корпоративных организаций подбирали 1000 лет тому назад так же, как и в наши дни... в криминальные объединения. В первую очередь необходимо продемонстрировать свою воинскую доблесть, потом пройти болезненные и унижительные испытания. В ряде мусульманских и иудейских религиозных структур – это обрезание; ведь не случайно у мусульман мальчика после обрезания называют «воином Пророка»... В воинские корпорации принимали каждого, с честью выдержавшего испытания, неважно какого он роду-племени. Эти традиции соблюдались в Запорожской Сечи. Тогда боец, дружинник становился подчиненным воинскому братству, возглавляемому князем, позднее атаманом. Варяги, как и другие наемники, быстро ассимилировались, растворялись в воинской среде, от родного этноса часто оставалось лишь имя или кличка.

Роль воинской корпорации как бы суммирует в легендарной форме ибн-Фадлан, впрочем, при этом он честно признается, что пересказал с чужих слов: *«Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком дворце постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников. С каждым из них имеется девушка, которая служит ему, моет ему голову и приготовляет ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, которой он*

пользуется как наложницей в присутствии царя. Эти 400 мужей сидят, а ночью спят у подножья его ложа. А оно огромное и инкрустировано драгоценными самоцветами. А с царем сидят на этом ложе 40 девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы выше упоминали. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить свою потребность, то удовлетворяет ее в таз, а если он хочет поехать, то он подведет свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на нее с него... И он не имеет никакого другого дела, как сочетаться с девушками, пить и предаваться развлечениям...» Это колоритное описание ибн-Фадлана подтверждает, что функцию полководца и собственно правителя выполняет не сам царь, а его заместитель. Скорее этот рассказ подходит для Хазарского каганата, чем для правителей Киева, которые сами были и полководцами, и дань собирали. И, кроме соития с девушками, развлекались охотой. Но симптоматично и то, что правителя окружают не его родичи, а именно приближенные богатыри, дружина. Количество окружающих женщин и воинов-приближенных, богатство убранства призваны символизировать прочность власти. Интересно, что еще нет упоминаний и о его супруге, парной правительнице. Нужно учесть, что приводимые цифры являются эпическими и традиционными для Востока. При всей мнимой фантастичности рассказа арабского писателя нужно отметить, что обилие девушек не выдуманно. Письменные источники сообщают, что у князя Владимира было 700 наложниц, половина из них находилась в его любимом загородном селе Берестово. И князь не обязательно ими пользовался, это не было гаремом. Часть из них была добычей, иные подарком, а вообще считалось «наградным фондом» для особо отличившихся воинов. Получалась двойная польза: во-первых, воин становился как бы «молочным братом», породнившись с предводителем, а во-вторых, он получал заслуженную награду. Коня и оружие он обязан был добыть в бою. Вот откуда в Украине сохранилось на свадьбах обращение: «князь» и «княгиня», а жена по-украински «дружина».

Вышесказанное формировало личность юного правителя. Поворотным моментом в жизни мальчика являлся «постриг», сохранившийся и после принятия христианства. Обряд осуществлялся, когда ребенку было 3–4 года, и именно в этом возрасте мальчика впервые сажали на коня и выстригали особую воинскую прическу – косицу, что означало некую изначальную, наследственную принадлежность княжича к воинскому объединению и освобождало его от вышеописанных настоящих, болезненных и унижительных испытаний дружинника. После пострига ребенок переходил из женских рук в руки воспитателей-мужчин. Симпатично, что даже в поздних русских летописях отнюдь не всегда можно узнать о матери княжича – только об отце. Мать называлась лишь в случае своей особой значимости: такое проявлялось в результате династических браков, подтверждавших военно-дипломатические союзы. Особая роль в воспитании княжича принадлежала «пестуну». Таким был Яким для Александра Невского, боярин Мирослав – спутник маленького Даниила Галицкого. Можно считать, что подобную роль выполнял и Добрыня для Владимира Великого. Все они, в отличие от античных времен, были и свободными людьми, и знатного происхождения. «Пестунам» приходилось выполнять не только воспитательные функции, обучать методике боя, а со временем быть у детей воеводами и сажать на княжение. Исключений немного. Анна Ярославна не отдала сына Филиппа при достижении им положенного возраста, а сама воспитывала будущего французского короля. Так же и Ольга, потеряв мужа, сама занималась воспитанием Святослава. Скорее всего, в данном случае сказало ее предполагаемое жреческое происхождение да и сила твердого характера правительницы, привыкшей все делать самой.

Несколько слов нужно сказать и о характерной для того времени еде. Ни садоводства, ни огородничества на Руси не было. Ели много диких разновидностей трав, лука, чеснока, чтобы предотвратить воспалительные процессы. В пищу шло грубо приготовленное, часто на костре, мясо диких животных. Любили употреблять собранный мед диких пчел – существовал специальный промысел – бортничество. Хлеб пекли ржаной. Княжеский стол отличался обилием привозных пряностей. Хмельных напитков, вызывающих собственно «алкогольный синдром»,

алкоголизацию, не существовало. Считалось, что они появились вместе с монголами (кумыс). Мне кажется, что это вымысел.

При выращивании злаков племенами Трипольской культуры обязательно рано или поздно «открылся» бы способ получения браги, а затем и ее переработки. Иначе как можно было коротать долгие зимние холодные ночи? Или лечить простуду? А становление воинского, дружинного сословия приводит к особой форме совместного времяпрепровождения – дружеского пира с ритуальными возлияниями. Испокон веков считается – друзья приобретаются на пиру, а познаются в бою.

Воина Киевской Руси, как и его противников, трудно представить без коня. Но это в кинофильмах, а еще ранее, в живописи. Мастера искусств приучили нас к прекрасным лошадям, скачущим «лавиной». Но это возможно лишь на степных территориях, на равнинной местности в монгольских и причерноморских степях. В других условиях кони поломают ноги. Надежной преградой северных городов Руси стало не только мужество ее защитников, но и дремучие леса, враждебные сознанию кочевников. Так, например, Киев возник на месте, которое было удобным для торговцев, – на границе леса и степи. Но с появлением кочевников и других грабителей он стал постоянным объектом нападений. В XI в. небольшую «лесную», коренастую лошадь еще только начинают систематически применять на сельскохозяйственных работах. Крупные, верховые породы захватывали в боях у южных, степных соседей. Лошадей использовали для транспортировки воина, а не для конных атак. Скифы в боях предпочитали кобыл, так как они на скаку умели опорожнять свой мочевого пузырь. Боевые действия представляли собой цепочку поединков, о настоящих массовых стратегических и тактических ходах речь тогда еще не шла. Впервые на Руси их стали применять монголы, заманивая противника в удобное для себя место. При этом преследователи рассредоточивались.

Долгие годы шли споры о типе жилища. По всей территории Руси их строили земляными и деревянными. Дворцы, появившиеся с введением порядка наследования, имели «мурованный» первый этаж для обороны, а второй, жилой, был деревянным, чтобы можно было легко дышать. При строительстве метрополитена на Подоле на большой глубине были найдены срубовые 2- и 3-этажные деревянные постройки. Так и должно было быть при небольшом внутригородском огражденном пространстве. Возводить каменные постройки не было необходимо. Позже из этого материала строили церкви, не в последнюю очередь для хранения документов на землю и сословных прав от пожаров. Центром города являлся жреческий комплекс и жилище правителя, но правитель мог совмещать свои функции со жреческими. Подобное происходило при княжении Олега и Ольги. Жилище феодала – чаще высокий замок или строение на высоком холме, в лесу, на острове, окруженном водой. Можно предположить, что и в городе вначале сохранялась кланово-родовая структура общества: роды имели фиксированные места поселения, выделялся дом главы, а вокруг жилища подсемейств рода. Не исключено, что вокруг жреческого комплекса группировались оставшиеся без рода, «сироты», впоследствии они как бы прижимались к монастырским стенам. В сущности, город образовывался как защита и обслуживание правителя, а впоследствии – как центр торговли и развития ремесел.

До X в. торговля преимущественно меновая, но даже в XIII в. Киевская Русь представлялась фламандскому путешественнику Рубруквису «неторговой землей». Правитель строил оборонные сооружения, держал войско, поэтому под эту защиту и стремились имущие. Тем, у кого нечего брать, могли оставаться беззащитными. Лишь бы женщины были грязными и уродливыми, чтобы не стать добычей насильников, хотя тогда это мало кого останавливало. Нужны были какие-то развлечения в убогой, серой, будничной жизни. Гигиена в человеческих отношениях еще не привилась. Женская красота в народе не ценилась, главное, что от женщины требовалось – ее работоспособность и деторождение без затруднений, чтобы после родов поскорее встать, встряхнуться и продолжать обслуживать многочисленную семью. Худосочные девки не пользовались спросом,

так как не годились для житейских будней, и их отправляли в монастырь.

В рамках рода оформлялись полигамные брачные союзы, в первую очередь в княжеской семье. Даже с принятием христианства знать не отказывалась от наличия двух, трех жен, одновременно проживающих в доме. В больших княжеских семьях мальчики рано становились дружинниками, отсылались «на княжения» и в походы. Братья слабо знали друг друга, тем более, что частенько они были от разных матерей. Это сказывалось позднее при разделе власти и хождения войной друг на друга. Церковь способствовала моногамии, стараясь ограничивать число браков. Одному лицу строго запрещалось несколько брачных союзов. Причем это не имело значения даже в случае смерти супруги. Потомство от четвертого брака считалось незаконным. Но в народном сознании полигамные принципы сохранялись надолго. Так, царевич Дмитрий был незаконным претендентом на престол, потому что он появился от пятого брака Ивана Грозного. Но для народа он был абсолютно законным претендентом, так как родился от обвенчанной пары. А у королей на Западе и московских царей все происходило по их желанию. Английский король Генрих VIII, когда Папа запретил ему развод, в буквальном смысле послал понтифика и... отсоединил церковь от Рима. По сей день это автокефальная англиканская церковь.

Русь языческая. Худ. С. В. Иванов

Немного остановимся на полюдье – главном источнике доходов киевских князей. На раннем этапе князьям самим приходилось собирать дань и получать разного рода подтверждения своей власти. Полюдье сопровождалось ритуальными действиями – торжественными клятвами в верности, пирами, охотой... Все происходило зимой, когда можно было объехать все селения по льду – дорог-то не было. Это важное действие было описано у Льва Диакона, так как на Балканский полуостров вывозили мед, воск, кожи, меха. Торговые функции выполняли дружинники, потому что в те беспокойные времена ватаги варягов могли напасть на менее защищенных, убить и ограбить их. Тип подобного воина-торговца сменился профессиональным «мирным купцом» – «торговым гостем» (когда правитель брал под защиту пути следования и торговцев). С древнерусским полюдьем связано одно занятное недоразумение. Константин Багрянородный сообщает о вывозе «мечей» из «скифских земель». Но широко известно, что их изготавливали во «франкских землях». Что такое дань мечами? Но тут неправильно

поняли: слово, примененное императором, означает «прекрасный юноша». Стало быть, не торговля оружием, а рабами, взятыми на полюдь. Вот и получается, что «взять дань мечами» – набрать молодых людей на службу. «Меч» означает человека, могущего носить оружие. Первые «русы» принесли свое обозначение меча – «шверд», это слово означало табуированное, непристойное обозначение мужского полового органа.

Откуда пошла Русь. Кельтское происхождение Киевской Руси из Франции

На Старокиевской горе имеется памятный знак с надписью: «Откуда е [есть. – В. К.] пошла Руська земля». Некоторые читают «Отсюда» из-за своеобразного написания. Сделать такую надпись в центре столицы УССР, даже в юбилейном 1982 г., было большой смелостью! Неведомые мне авторы, вернее, инициаторы воздвижения камня с этой цитатой из древней летописи, достойны всяческой похвалы и почитания. В отличие от предыдущего очерка об Одоакре, где я использовал несколько источников, все нижеизложенное взято из книги Сергея Шелухина «Звідкіля походить Русь», изданной в Праге в 1929 году. В ней ответы на многие вопросы, которые волновали меня, как пишущего об отечественной истории. Тем более что за пару столетий бытующая норманнская теория происхождения Руси давно стала больше политикой, чем исторически обоснованным процессом. Но наука не политика, а поиски, освещение и служба истине. Очень часто исторические сведения, на которых как бы базировались летописи, перекручивались или неправильно истолковывались. И это при том, что все летописцы излагали факты в угоду князю, монастырю, заказчику. А современное изложение прошлого или происходящего разве не исключает предвзятость? К примеру, летописец исключил русов из шведов, норманнов, англичан, готов. Он их называл отдельно, так как это был другой народ. Также сообщает про две Руси – одну пришедшую, другую метропольную, которая находится на юге нынешней Франции, с живущими рядом волохами и галлами, которых он называет галичанами. Для науки норманнизм сыграл фатальную роль. Зафиксированный норманнистами, как начало русской истории, 862 г. стал барьером, за которым шла тьма, то есть ничего похожего на государственность даже отдаленно не было. После опубликования В. Татищевым некоторых отрывков из Иоакимовой летописи о дорюриковском времени Шлецер набросился на него с бранью и обвинениями в фальсификации, а летопись назвал «глупой сказкой». Вот почему схему российской истории искусственно скомпоновали на основе рода Рюрика. Это все равно, что сложить историю Испании и Австрии исключительно на представителях Габсбургского рода. Еще при царизме принятая схема провозглашала, что до «призвания варягов» не было даже намека на государственность, поэтому и не могла существовать украинская или белорусская история. Так создавалась фикция о «единой русской народности». Из Суздаля, а потом из Москвы проводилась политика уничтожения южных и западных городов. Академик Пыпин пишет: *«В крайних случаях, как например в Новгороде, московская власть помогала объединению простым истреблением непокорного населения, выведением туземцев и переводом на их места московских жителей, установлением московских порядков управления быта»*. (А. Н. Пыпин. История русской этнографии. СПб., 1891). И тут обходились не только отрезанием языка набатного колокола, как в Великом Новгороде. Подобные меры принимались повсеместно. В 1658 г. князь Бортнянский, вырезав 15 тысяч населения в окрестностях Киева, просил разрешения Алексея Михайловича всех местных жителей «высечь и выжечь!» (Карпов. Критическое обозрение источников к истории России. СПб., 1870. С. 176). Так же, но без «высочайшего разрешения» были «высечены и выжжены» Батулин, Запорожская Сечь...

Вопрос о происхождении Киевской Руси, сыгравшей важнейшую роль в формировании государственности соседних народов и династически связанной с Византией и Европой, очень важен. Фундаментальное исследование М. Ю. Брайчевского «Походження Русі», вышедшее из печати в 1968 г., является основополагающим в этом вопросе.

Волокут волоком (Из варяг в греки). Худ. Н. К. Рерих

Перейдем к изложению гипотезы Сергея Шелухина о кельтском происхождении Руси.

В Ипатьевской летописи читаем: **«Ляхове же и Прусы и Чудь сидят к морю Варяжскому; и по сему морю сидят варязи к востоку до предела Симова; по тому же морю сидят к западу до земли Агарянской и до Волошской. Афетово бо то колено Варязи: Свеи, Урмане, Готы, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, римляне, Немцы, Корлязи, Вендицы, Фрягове и прочие приседают от Запада к Полуденю и соседятся с племенем Хамовым».**

Понятно, что летописец Варяжским морем называет не одно море, а систему вод Западной Европы, где живут перечисленные народы, аж до самой Африки. Это моря: Балтийское, Немецкое, Средиземное, Атлантический океан. Вот поэтому Галичане (галлы и кельты), Волхва (итальянцы-римляне) живут тут же. А жили галлы на территории нынешней Франции. Тут же, на юге Галлии, жил кельтский народ, который у Юлия Цезаря, Цицерона, Страбона, Птолемея назывался Rutheni, русины, русь. Подобное понимание Варяжского моря летописец дает и в другом месте: **«Полянам, живущим особо по горам сим (Киевским) был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру и вверх Днепра волок до Ловоти и по Ловоти вниги в Ильмень озеро великое, из него же озеро потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево и из того озера внидетъ устье в море Варяжское и по тому же морю вниги даже и до Рима, а от Рима прити по тому же морю к Царюграду, а от Царегорода прити в Понт море, в него течет Днепр река...»**

Так и в легенде об апостоле Андрее: он из Киева прошел до Новгорода, а из Новгорода **«идет в Варяги и придет в Рим».** Это путь не через Скандинавию, а через Галлию и Италию и называется путь «в Варяги», так как тут Варяжское море от Нево до Рима, а от Рима до Царьграда. Таким образом, для киевлянина Русь, пришедшую от Варяжского моря, нужно искать между старыми западноевропейскими народами. За исключением шведов, норманнов, англичан и готов, так как летописец заявил о них, что это не Русь: **«Идоша за море к Варягам, к Руси, сице бо звахуть ти Варязи Русь, так как другие зовутся**

Свое, другие Урмане, Англяне, иные Готы. Тут ясно указано, что варяги не один народ, а их совокупность.

В трудах историков находим определение «вервь», как единица измерения границы. То есть веревкой, которой размежевали территории владений. На кельтском языке веревка corde, cordeau. Не отсюда ли украинский «кордон»? Приехавших людей называют «гости», а у латинизированных кельтов hostis, hostilite. Отсюда готель, гостиница. Николай Костомаров пишет, что варягами называли все народы Западной Европы. Исходя из летописи, получается, что для селений галичан и руси остается одно место – территория Франции и Бельгии. Они их тогда населяли.

Лучшими знатоками географии и этнографии в конце X в. были греки, поэтому киевский летописец брал сведения у них (Амартол и др.). У него знания научные, а не от пересказов. Греки описывали лишь то, что видели, в чем убедились сами. В договорах киевских князей с греками – Олега 911 г., Игоря 945 г., в «Правде Русьской», в летописях Киевская Русь называлась: Роусин, Русин, Рус, Русь, Рос. В Провансе, возле речек Родану, Ольти, Тарну, читаем в описании Галльской войны Юлия Цезаря, жило кельтское население, которое называлось Ruthenus, Rutheni. Сама же территория называлась – Ruthenia, а государство Ruthena civitas. У Украины, возле горла р. Дон, было руське село с переправой и пристанью, которое под похожим названием упоминается в договоре греков с генуэзцами в 1169 г., а у Ребрука, переезжавшего там в 1253 г., это самое село названо Casale de Ruthenis. Юлий Цезарь неоднократно вспоминает русинов и утверждает, что у них было свое государство, а под конец войны они имели 12 тыс. войска. Располагалось оно на юге Франции, возле р. Роны, на запад от р. Гароны, на юг к Средиземному морю. У римлян эта территория называлась Галлия. Теперь понятно, что у летописца Galli – это галичане, а Rutheni – русины, русь, рос.

По соседству с русинами на берегах северного Средиземноморья, особенно на левобережье Роны, с VI в. до н. э. появилось много греческих колоний, основанных купцами из Малой Азии, а впоследствии и другими. По Средиземному морю греки вели оживленную торговлю со всей Галлией, но более всего с русинами. Тут были колонии: Massilia (ныне Марсель), Olbia, Antipolis, Heraclea, Nicaea и другие. С греками совершали далекие путешествия и кельты, прежде всего русины, как более склонные к путешествиям и имевшие свой интерес в торговле. Культурное влияние греков на галлов было очень сильным. Они, по словам Ю. Цезаря, заимствовали у них грамоту и писали litteris Graecis. Умело освоив торговлю и договорившись с карфагенянами, они стали конкурентами грекам, которым помогали римляне. Поэтому во время карфагенских войн галлы поддерживали Карфаген и его знаменитого полководца Ганнибала. Во времена Цезаря (I в. до н. э.) они уже были под влиянием римлян, а спустя пять веков стали забывать свой язык, сменив его на вульгарную латынь. Со временем сформировался и развился язык, получивший название старофранцузского.

Расширив свою торговую деятельность на море, кельты-русины имели свои пристани, города, фактории в Африке, на южном берегу Средиземного моря, основанные вначале с участием греков. Перечислю некоторые из них (особенно с «рутенскими» корнями): Ruscino (двойник Ruscino в Галлии, возле Пиренеев и упоминаемый Титом Ливием), Rusadir (в Тингитании Мавретанской), Ruthisia (в Нумидии), Rusrae (в Мавретании), Rusconia (возле Гадрумета – у Плиния), Rusazus (в Мавретании – у того же Плиния), Ruscuru (в Алжире). На Пиренейском полуострове рядом с Галицией – Rusticona. В Малой Азии возле Пропонтиды, где были переселенцы из Галлии, – Галаты; городок Пруса, как часть Новгорода Великого назывался Пруса (Prusa).

В Киев галло-руссы пришли с оружием как завоеватели. Греки о них писали очень негативно, хотя и сами были не лучше. Русь так расправлялась с греками, что даже летописец не остался равнодушным: **«Вышел Олег на берег и... повоевал около города и много убийств сотвори Греком палаты многие разбиша а церкви пожьгоша а их же имяху полоняники, ових посикаху, другие же**

мучаху, иных же растреляху, а других в море вметаша и ина зла многа творяху Русь Греком».

Киевская летопись рассказывает, что народы получали имя из-за местности, в зависимости от того, кто где оседает. В Ипатьевской летописи сказано: **«Прозвашеся имени своими, где сидше на котором месте, яко пришедше сидоша на реци имени Морава и прозвашася Морава».** Подобное происходило у всех народов, находящихся под греческим влиянием: походы галлов (кельтов) на Италию начиная с Бренна (390 г. до н. э.), Пунические войны (Ганнибал с 218 г. до н. э.), походы германских народов на Испанию и Италию (кимвры и тевтоны – 105 и 102 гг. до н. э.). Римские походы на Галлию, Пиренеи, в Британию осуществлялись через землю русинов (Ruthena civitas). Она стала страной, по которой шли воины в ту или иную сторону, вовлекая в эти походы местных жителей. Эта особенность отразилась в словообразовании и в последующие времена. Столицу Рутении Сегодунум переименовали в Родез (Rodez), обитатели которого еще долго назывались Rutenois, русины. Родез – от слова, которое означает бродить, крутиться вокруг чего-то. Получается, что русины – это бродяги. Тут имеется в виду общее явление, а не случай. Вот откуда пошла особенность русов куда-то отправляться, кого-то покорять, завоевывать кого-то, заставлять платить дань, насаждать свое мировоззрение, свой быт, свои привычки, что проявилось в идеологии империализма, причем в первую очередь, в моральной, духовной сферах. Галлия включала в себя множество племенных образований. При Юлии Цезаре их насчитывали до 120. Эти племенные городища со своими старейшинами вели постоянные междоусобные войны, благодаря чему их легко было завоевать. У Цезаря мы узнаём, что в 121 г. до н. э. римский полководец Фабий Максим победил русинов и их соседей арвернов, хотя покоренным удалось сохранить свою независимость. Через 70 лет большинство кельтов во главе с Верцингеториком восстали, и с ними воевал сам Цезарь, сделавший из Галлии римскую провинцию. Единичные кельтские школы друидов заменялись начальной образовательной системой римского государства, но только для избранных. Друидов за человеческие жертвы стали преследовать. Происходила колонизация и латинизация русинских земель, что было не по душе коренному населению. Часть из них уходила в леса, а большинство мигрировало в Норик и на придунайские земли.

Рюрик, Трувор и Синеус. Гравюра 1884 г.

Выше упомянут Верцингеторик. Имена с окончанием «рик» были распространены у кельтов. У Цезаря встречаем также: Оргеторик, Люготорик, Думнорик, Амбиорик. Судя по корню и окончанию, Рюрик тоже кельтское имя и означает *поле, хлебороб*. У кельтов было развито земледелие, сельское хозяйство. Зажиточные всадники, особенно князья, принцы (principes), вели большое хозяйство, имели тысячи рабов, слуг. У Оргеторика было их более 10 тысяч. Так, воевода Свинелд имел больше дружинников, чем князь Игорь. Получается, что Рюрик – это персонификация боярства, богатого сельского населения. Трувор – от trouver – предприниматель, купец-авантюрист. А вот Синеус (Sineus), если откинуть латинское окончание, это sine – человек без определенного занятия, наемник. Греки были большие мастера мифотворчества, поэтому легенда о Рюрике, Синеусе и Труворе, скорее всего, придумана ими. Записана греческая легенда о происхождении скифов от трех братьев, внуков Зевса: Липоксаиса, Колаксаиса и Гарпоксаиса. Греки очень хорошо знали Киевскую Русь благодаря торговым связям, а еще более, из-за набегов и военных походов, где все чаще становились побежденными. Поэтому ни один грек не называл Русь галлами, кельтами, а позднее и франками. Они участвовали в походах князя Олега в 907-м, 911 гг. Византийский (греческий) ученый Симеон Логофет, в 941 г. увидев с берега войско князя Игоря с русинами, пишет: «Подплыли к Царьграду Русы, которые называются также Дромитами, они суть с народа Франков». Греческие хроникеры Скилица (XI в.), а за ним Кедрин (XII в.) также отметили, что Киевская Русь – *genos keltikon*, родом из кельтов.

В описании войска князя Игоря (944 г.) по племенному составу летописец называет Русь отдельно от полян, кривичей и других.

Русский историк В. Василевский в 1908 г., хотя и норманист, обратил внимание, что князь Святослав имел внешность кельта: брил бороду, носил длинные усы и имел чуприну, как кельты на «Роменийской бронзе». К сожалению, больше сведений нет. Позволю уделить этому особое внимание, так как здесь больше, чем внешнее сходство. Описывая жителей Кантии, переселившихся из Галлии в Британию, Цезарь так описал их: **«Канты носят спущенную чуприну. Все у них выбрито, кроме головы и верхней губы»**. Римляне брили усы и бороду, а голову коротко остригали. Прическа кельтов была похожей на прическу запорожских казаков. Нельзя забывать, что язычники делали изображения идолов, которым поклонялись, похожими на себя. Поэтому мы встречаем их с усами; в Реймсе раскопан кельтский алтарь с изображением галльского божества, похожего на Перуна, с долгим чубом, с висячими усами без бороды. Возле правого плеча стоит тризуб, на который опирается кельт. На золотых монетах арвернов, а они жили рядом с русинами, видим коня и тризуб у его ног. В старые времена похожие изображения встречаем на монетах Владимира, Святополка, Ярослава, в святилищах на кирпичях Десятинной церкви. Хотя символ тризуба часто встречается и у других народов.

На территории Украины кельты-Русь появлялись с давних времен в виде немногочисленных групп купцов, наемников, даже агентов, выясняющих возможности переселения своего народа. Хотелось кельтам спокойной жизни: надоело, что их земля долго была ареной сражений между Римом и его врагами. В VI в., а особенно в следующем столетии, миграция кельтов на киевскую территорию усилилась. Придя из Норика в начале IX в. основной массой с некоторыми племенами придунайских славян, кельты-русина застали здесь не дикое поле, а людей, живших издавна цивилизовано, имевших свой земледельческий уклад, отработанный тысячелетиями. Населявшие украинские земли уже тогда испытывали позитивное влияние античной культуры, получив ее от скифов и греческих колоний. Например, украинский «магарыч», как символ заключения договора, стоит в генетической связи с формой договора у царских скифов, описанный у Геродота в V в. до н. э. Но алкогольные возлияния характерны для всех народов.

Иордан отмечал, что все жизненно важные вопросы решает вече. Другой писатель

VI в. Маврикий также описал славянские вече. Особенно активными до прихода кельтов были поляне. Они имели организованное правление, свои вооруженные отряды, ходившие в далекие походы, то есть они не только занимались земледелием, как пишут в некоторых исследованиях. Поэтому и не звали они себе на помощь варягов, как считают норманнисты, и полностью не покорились пришедшим кельтам-русинам. Они находились на пограничье, постоянно ожидая набегов с юга, поэтому и были у них обоюдоострые мечи, столь не понравившиеся хазарским мудрецам, когда их воины захотели обложить данью славян. Скорее всего, кельтов-русинов поляне и взяли к себе на службу в качестве военных наемников. Уже упомянутый профессор Пархоменко писал: *«Полянско-хазарская Русь имела характер далеко не племенной, а смешанный, воинственный, стоявший на платформе поиска новых торговых путей»*. С приходом русов полянское племя активизировалось в захвате земель других племен. Стали ходить и в дальние походы на Волгу, Кавказ, Византию. Но народ и родовая знать не хотели признавать пришлых, которые, имея большой военный опыт и дисциплину, захватили ключевые позиции в управлении Киевом. Так получилась Киевская Русь. Коренные жители, сохраняя «хуторские» традиции, не могли да и не имели желания объединяться, чтобы удержать власть, изредка поднимая стихийные восстания, которые легко подавлялись. Их очень любила освещать советская историография, считавшая причины недовольства народа социальными, но такими они были с большой натяжкой, так как не учитывали этнические расслоения.

В центре Будапешта, во дворе стилизованного под старинный замок дворца, находится памятник Анониму. Этот хроникер XI в. писал по заказу венгерского короля Белы. Перескажу фрагмент из его хроники. Угры в конце IX в. (884 г.) вышли из Азии, переплыли на кожаных мешках Итиль (Волгу), прошли землю скифов и направились далее на Запад. Они дошли до земли «рутен» и до города Куен (Киев) и «подбили под себя земли рутен», в результате чего князь дал их предводителю Альме проводников, а также 1000 коней, оседланных, с уздечками, украшенных по «рутенскому» обычаю. Такое изложение событий, спустя два столетия, заставляет относиться к нему критически. Скорее всего, события происходили так, как их описывали на Руси.

Достоверность кельтского происхождения Руси подтверждается приведенными выше материалами. Эти фактические предположения Сергея Шелухина мне кажутся интересными, но факты бывают голыми, приукрашенными и историческими. Так что выводы делайте сами.

Воздвижение креста Апостолом Андреем

Трудно преувеличить значимость апостола Андрея в отечественной истории, хотя фундаментальные исследования о нем полностью отсутствуют. Немало авторитетных людей сообщают, что знание о нем черпают в Святом Письме. Это подтверждает то, что Евангелие читают мало, урывками и невнимательно, так как сведений о деяниях св. Андрея во время апостольства немного, и он упоминается лишь среди других апостолов. Впервые в Евангелии от Матфея (4:18-20): *«Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающего сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков. И они тотчас, оставив сети, последовали за Ним».*

Имя апостола – Андрей – греческого происхождения, поэтому можно утверждать, что он «эллинист», то есть иудей с греческим образованием. Он был верным последователем Иоанна Крестителя, прежде чем удостоился признания самим Иисусом Христом. Познал учение вместе со своим братом Петром, впоследствии тоже апостолом. Житие его составлено в VIII в. монахом Епифанием, но наивно считать это достоверным источником.

В одной из вводных статей «Повести временных лет» рассказывается о том, как апостол Андрей ходил вверх по Днепру от Корсуня (Херсонеса) и пришел на то место, где потом появился Киев. Тут произошло воздвижение креста и провозглашение пророческих слов. После этого апостол направился на север, и на месте будущего Новгорода он наблюдал обычаи, связанные с мытьем в бане: **«То творять мовенья себе, а не мученья».** Затем он вернулся через Рим к исходному пункту своих странствий и центру своей миссионерской деятельности – в Синоп на южном берегу Черного моря.

Тысячелетие утверждает достоверность хождения апостола, поэтому сказанное нужно брать на веру, как и все события прошлого. Истину отражает лишь археология и структурный анализ. Историческая и религиозная литература всегда запечатлевают больше миф, чем факт. Но мы не устанем утверждать, что эти описанные события происходили: не нужно лишать народ удобных сказаний, былин, а проще – мифов. Тем не менее все источники, где написано о св. Андрее, являются исторически важными. Потому что сам по себе рассказ – реальное отражение, возникшее в определенный временной момент, продукт определенной социальной или политической, культурной или духовно-исторической обстановки, другими словами, его следует рассматривать как исторический факт и даже как возможно происходившее в какое-то время.

Сказание об апостоле еще столетие тому назад заинтересовало ученых. Потом, после печально известного выстрела Авроры, все вдруг стало «выдумками попов», но тем не менее новорожденных мальчиков перевязывали «андреевскими» голубыми лентами, а противоположный пол – розовыми – из-за орденского цвета «Анны».

В давних исторических и религиозных произведениях большой интерес пробуждал заложенный смысл, тенденция, время появления и включение в «Повесть...» истории о св. Андрее. И тут мудрые мужи разложили все по полочкам. Хотя порой их заключения были диаметрально противоположными. Одни исследователи видят в сказании об апостоле прогреческую, вторые – антигреческую, третьи – проримскую, четвертые – антиновгородскую, а большинство – прокиевскую тенденции. Попробуем в них разобраться.

1. Рассмотрим аргументы прогреческой тенденции: апостол был тесно связан с Константинополем. Согласно одной легенде X в., он был у истоков византийской церкви. Тогда этот святой провозглашается основателем русской церкви, тем самым признается преемственность православия от Византии и, следовательно, права греков на господствующее положение в церкви Киева. Но Сказание не содержит данных, позволяющих сделать такие выводы. Основание Русьской церкви

происходит после проповеди, крещения и назначения епископа. Этого в летописи нет. Напротив, в тексте, очевидно сознательно, не упомянуто о миссионерской деятельности на Руси. Андрей проповедовал в Синопе, а по Руси он только путешествовал, молился, благословлял, воздвигал крест, наблюдал обряд мытья в бане, то есть совершал индифферентные, незначительные с точки зрения церковного права, деяния.

В подкрепление тезиса о прогреческой тенденции Сказания известный киевский историк В. Г. Василевский в 1875 г. приводит письмо византийского императора Михаила VII Дуки к князю Всеволоду Ярославичу с намеком о провозглашении св. Андреем Евангелия на Руси: *«Священные писания и подлинные исторические книги убеждают меня, что наши государства имеют общие корни и происхождение, и что одно и то же спасительное слово дошло до нас обоих, и те же самые свидетели и предвозвестники божественной тайны принесли нам слово Евангелия»*. Но другие исследователи считают, что в этом письме речь идет не об Андрее.

2. Так же слабо ощущается антигреческая тенденция. Так как в Сказании не упоминается Константинополь, очевидно, автор Сказания не питает симпатии к Византии. Хотя тут можно возразить. Согласно византийским актам о св. Андрее, Синоп долгое время был центром миссионерской деятельности апостола, который покидал его лишь трижды. Отправился в Иерусалим и встретился там с братом Петром; предпринял большое путешествие с миссионерскими целями в страны, лежащие южнее, восточнее и севернее Черного моря; с северного побережья он вернулся морским путем в Синоп, а отсюда отправился в третье путешествие в Византию, затем около 67 г. в Патры, в Пелопоннес, где погиб. Есть предположение, что это было при Нероне. Крест, на котором принял мученическую смерть апостол, был, по преданию, косой, как латинская буква Х. Путешествие по Руси апостол мог совершить во время своего пребывания на побережье Черного моря, то есть перед последним возвращением в Синоп. Поэтому в Сказании и нет упоминания о Константинополе, которого еще не было.

Апостол Андрей Первозванный водружает крест на горах Киевских. Худ. Н. П. Ломтев

В тексте Сказания «о воздвижении креста» у Днепра самим апостолом и в его пророчестве «о величии Киева» немецкий исследователь В. Филипп видел «почти автокефалические черты, во всяком случае, возвышающие Русь по сравнению с Византией». Но это деяние св. Андрея с церковноправовой точки зрения незначительно. Апостол ставил крест в различных местах Вифании и Пафлагонии. Другой немецкий ученый, Л. Мюллер, позже, в 1974 г., считал, что нельзя усмотреть проповеди автокефалии и в словах апостола: *«Видите ли горы сия? Яко на сих горах воссияет благодать Божья; имать град велик (быти) и церкви многи Бог въздвигнути имать»*. Это пророчество самое простое – vaticinium ex eventu. Латинское выражение «воссияет благодать Божья» для средневековых писателей равнозначно выражению – «Будет здесь много церквей». Безусловно, все это способствовало возвеличиванию Киева.

Илларион в своем панегирике Владимиру Святому также превозносит величие и красоту Киева, снизошедшую на него благодать Божью, одновременно прославляет Константинополь как второй Иерусалим и Грецию как оплот благочестия. Известный паломник Арсений Суханов во время своего путешествия по Востоку, дискутируя с греческими миссионерами, парировал: *«Мы крещение приняли от св. Андрея, когда он, по Вознесению Господа, приде в Византию и оттуда поиде Черным морем до Днепра и Днепром вверх до Киева...»*. Еще проще к этой теме относился Иван Грозный. Когда его в 1580 г. склонял к унии иезуит Антоний, то московский царь ответил ему: *«Мы веру свою приняли на заре христианства, когда Андрей, брат апостола Петра, приходил в эти земли, чтобы пройти в Рим. Таким образом, мы в Москве приняли христианство в то же время, как и вы в Италии»*. Тогда у нашего северного соседа рассказ об апостоле стал популярным.

А у нас, в Украине, он был всегда актуальным и живо воспринимался, так как св. Андрей достоверно пребывал на наших южных землях. В XVI – XVIII вв. рассказы о нем были настолько распространены, что во многих богословских книгах утверждалось суждение о том, что апостол Андрей – основоположник церкви Украинской. На Киевском соборе 1621 г. постановили: *«Св. Апостол Андрей – это первый архиепископ Константинопольский, патриарх Вселенский и Апостол Украинский; на Киевских горах стояли ноги его, и глаза его Украину видели, а уста благословляли, и зерна веры он у нас посадил...»*

А когда в 1654 г. митрополит Киевский Сильвестр Косов встречал московских бояр, он говорил им, что в его персоне их приветствует св. Андрей Первозванный и на этом месте он предвозвестил блеск великой Божьей славы. Существуют и другие легенды об апостоле. Так, например, считается, что следы его стоп отпечатались на большом камне на берегу моря возле Херсона. Имеется также рассказ о Днепровском Ненаситецком пороге, называемом Андреевским...

Но апостол не проповедовал на Руси... И если в Сказании говорилось о его миссионерской деятельности, то в этом нельзя усмотреть антигреческую тенденцию или притязание на автокефалию. Ведь, согласно византийской легенде, апостол основал общины в Синопе и Корсуне (и раньше, чем в Византии), что, однако, не дает им права на приоритет или свою автокефалию.

3. Проримскую тенденцию Сказания выводили главным образом из того факта, что в нем не упоминается Византия, зато говорится о Риме как о цели путешествия. После окончательного раскола Христианской церкви в 1054 г. православные остерегались упоминать Рим, чтобы не быть заподозренными в проримских или антигреческих симпатиях. Но представления о церкви в Древней Руси были не столь примитивны, Древний Рим пользовался положительной репутацией, о чем, в частности, свидетельствует надуманная идея о Москве, как о Третьем Риме.

4. Описание новгородских купальных обрядов выдает южноруського сказителя, который добродушно насмехается над ними. Но, если проанализировать, **«То творят мовеньє себе, а не мученьє»**.

Причем легко заметить, что летописный рассказ пронизан глубокой иронией. Автор Сказания явно хотел посмеяться над кем-то. Конечно, объектом насмешки не мог быть апостол. Тогда кто?

Эпизод с новгородскими банями имеет бросающуюся в глаза параллель с «банным анекдотом» из «Истории Ливонии» Дионисия Фабрициуса (XVI в.). Речь там идет об одном забавном происшествии, будто бы имевшем место в XIII в. в католической обители в Фалькенау под Дерптом. Местные монахи потребовали у папы увеличить причитающееся им содержание, так как, по их словам, они столь ревностно служили Господу, что изнуряли себя «сверхзаконными» аскетическими упражнениями, не предусмотренными уставом. Из Рима в Фалькенау отправился посол, чтобы разузнать, в чем дело. Прибыв на место, он стал очевидцем того, как монахи, во одоление плотских страстей, запирались в помещении, где в страшной жаре хлестали себя прутьями, а потом окатывались ледяной водой. Итальянец нашел, что такой образ жизни невозможен и неслыхан между людьми. По его докладу папа приплатил нечто монастырю.

Взятая вне исторического контекста, эта история выглядит просто веселым фаблю, плодом ренессансного остроумия. Но легковерие посла-итальянца, а заодно и папы, становится понятным, если вспомнить, что XIII в. был эпохой расцвета движения флагеллантов, «бичующихся» (от лат. flagellare – «хлестать, сечь, бить»). Практика флагелланства бытовала в Римской церкви задолго до этого времени. При Карле Великом самоистязанием прославился святой Вильгельм, герцог Аквитанский; в X в. на этом поприще рьяно подвизался святой Ромуальд. Теоретическую основу под эту форму аскетизма подвел в XI в. Петр Дамиани в своем трактате «Похвала бичам». Душеполезность бичевания и самобичевания проистекала из следующих положений: 1) это подражание Христу; 2) деяние для обретения мученического венца; 3) способ умерщвления грешной плоти; 4) способ искупления грехов.

Под влиянием этих наставлений священники и монахи принялись ревностно истязать себя и своих прихожан во славу Божию. Со второй половины XIII в. движение флагеллантов приняло размеры общественного умопомешательства. В 1260 г. в чудодейственную спасительность этого средства уверовали разом десятки, сотни тысяч людей; с этого времени в течение нескольких столетий процессии флагеллантов стали обычным явлением на дорогах Италии, Франции, Германии, Фландрии, Моравии, Венгрии и Польши. Изуверские настроения не затронули только Англию и Русь. Комедия с банным истязанием перед лицом папского посла, рассмотренная под этим углом зрения, приобретает черты скрытого протеста против религиозного фанатизма, одобренного и поддержанного Римом.

И вот тут мы, похоже, приближаемся к разгадке необычного сюжета Сказания о хождении апостола Андрея. Главный акцент в нем, как легко убедиться, приходится на посещение апостолом новгородских бань и последующий рассказ об этом событии римлянам, причем «римский отчет» Андрея ограничивается одними банями, о великом будущем Киева нет ни слова. Обыгрывание темы «мученья» и «мовенья» выглядит, таким образом, неприкрытой насмешкой, но не над новгородцами, как думали многие исследователи, а над неуместным аскетическим усердием «латынян». А то обстоятельство, что эта насмешка оказывалась вложенной в уста самому апостолу, первому из учеников Христа и старшему брату Петра, подчеркивало превосходство славян, русских над «немцами» и – поскольку обычай в то время был неотделим от обряда – в целом православия над католичеством. Следовательно, русское Сказание о хождении апостола Андрея несет в себе ту же смысловую нагрузку, что и многочисленные летописные инвективы против злого «латинского закона».

Для датировки русского Сказания небезынтересен тот факт, что в 1233 г. великий князь Владимир Рюрикович изгнал из Киева доминиканцев. Между тем именно этот орден наиболее ревностно придерживался теории и практики флагелланства. Характерно, что и монастырь в Фалькенау, с которым связан «банний анекдот» Фабрициуса, принадлежал доминиканцам.

Таким образом, путем «из грек в варяги» апостола отправил русский книжник, один из редакторов «Повести временных лет», живший, по всей вероятности, во второй трети (после 1233 г.) или даже в конце XIII в. А без хождения на Русь апостола Андрея этот историко-географический фантом испаряется навсегда, словно горячий пар новгородских бань.

Прослеживаются поиски ситуации, которая могла стать поводом полемики с Новгородом. Возможно, это было аналогично спору о значении Кия в «Повести...»: был он князем или простым перевозчиком... Подобная история сложилась около 1150 г., когда киевский митрополит Климент Смолятич выступил одновременно против патриарха Константинопольского и новгородцев. Аналогичная ситуация сложилась во времена Андрея Боголюбского, когда ему посоветовали отказаться от антикиевской политики, потому что его небесный покровитель восславлял Киев. Но эти высказанные ему намеки уж слишком призрачны во время кровавой борьбы владимирского князя против «матери городов».

5. Все предыдущие тенденции малоубедительны по сравнению с самой главной – киевской.

Обратимся к самому интересному эпизоду.

Главной причиной возникновения Сказания было желание церкви показать себя апостольской. Поэтому и использовали легенду об апостоле. Ее отголоски находим у Оригена, жившего в 185–254 гг. и сообщавшего о паломничестве апостола в Скифии.

Култ св. Андрея засвидетельствован на Руси в XI в. Памятью о пребывании святого в Киеве явилась церковь, заложенная в 1086 г. в присутствии митрополита Иоанна великим князем Всеволодом Ярославичем. Князь при ней основал монастырь, где постриглась его дочь Анна (Янка), а пришло время – и здесь же были погребены она и ее мать. После 1086 г. Ефрем, переяславский митрополит, основал в своей резиденции Андреевскую церковь. Летопись упоминает на этом месте **«строение банное камено, сего же не бысть прежже в Руси»**. Родившийся внук Всеволода и сын Владимира Мономаха был наречен именем Андрей, которое очень распространено. Вполне естественно, что уже тогда, в праздник св. Андрея (30 ноября), в церквях возносили ему хвалу и торжественно сообщали о его пророчестве о заложении Киева.

Поэтому и трудно опровержимым (да и какой смысл!) является утверждение о пребывании апостола в Киеве. Но при зрелом размышлении возникает ряд вопросов, на которые хочется знать ответы. Самый главный: зачем апостолу идти сюда? Вряд ли проповедовать. По представлениям того времени, христианство на Руси появилось лишь в X в., а зачатки его – на столетие раньше. Трудно представить, что в средневековье истинно верующие могли забыть об основанной св. Андреем церкви. Да и наличие многолюдных центров в апостольские времена не наблюдалось. Тогда с какой целью апостол проделал такое далекое путешествие от Корсуня до места расположения будущего Киева? Будем считать, что он посетил место Святого города по пути. В «Повести...» рассказ о путях помещен сразу после описания расселения славян. Летописец переходит к полянам, говорит, что они живут **«по горам сим, бе путь из Варяг в Греки и из Грек»**, дает описание этого пути, сообщает, что по Варяжскому морю можно дойти до Рима и далее к Царьграду, откуда через «Понт море» можно вернуться к Днепру, указывает, куда текут реки Днепр, Двина, Волга. Еще теснее связь путей со Сказанием об апостоле. Сообщив о впадении Днепра в Понт, летописец уточняет, что это **«море словеть Руское»**, и добавляет, что **«по сему же учил святыи Оньдрей, брат Петров, яко же рекоша»**. Как и во всем рассказе о путях, Русь здесь не связывается с варягами, а «Руское» море – с Варяжским.

В понимании летописца существовало два пути в Рим. Он представлял, что Европа – нечто вроде острова: с севера, запада и юга она омывается морями, а на востоке протекают большие реки, соединяющие Балтийское море с Каспийским и Черным. В Рим можно было добраться вниз по Днепру, минуя Константинополь. Через

Корсунь быстрее, но в апостольские времена было опаснее, а лучше вверх по Днепру до Волхова с преодолением небольшого участка пути волоком и далее по Балтийскому морю. Кроме безопасности для апостола было важным ознакомление с невиданными народами для распространения христианства.

Мотивом поездки в Рим была встреча с первым апостолом, братом Петром. Получается, что упоминание Рима в Сказании не имеет церковно-политического значения, а служит вспомогательным средством для объяснения путешествия св. Андрея по Руси. Тогда можно ясно представить, как шаг за шагом складывалось Сказание из возникшего однажды предположения, что апостол, путешествуя по Скифии, мог оказаться на Киевских горах. В Синопе же он вернулся, минуя Рим. И ничего, что получался большой круг. Во-первых, он был более спокойным, а во-вторых, у людей, живших и в апостольские времена, и тысячелетием позже, были весьма смутные представления о расстояниях.

Апостол Андрей проповедовал Евангелие в Малой Азии и Греции, за что был распят в Патрах. Мощи его покоятся в Амальфе (Италия), часть главы находится: в Риме, в соборе Св. Петра, часть - в Амальфе, часть - в Афонском Андреевском ските.

Итак, Сказание об Андрее не является рафинированной или тенденциозной выдумкой отдельного лица. Не было это «благочестивой сказкой» (по мнению чужестранца А. Л. Шлёцера, историка XVIII в.), а являлось продуктом историографического мышления. Стремление найти прямую связь между появлением христианства на Руси и апостолическим происхождением церкви приводит в конце XI в. к убеждению, что Андрей был в Киеве. Все доводы, противоречащие этому, устраняются предположением, что апостол, направляющийся в Рим по северному пути, прошел по Руси.

Летописец, собирающий все, что мог узнать о ранней истории Руси, заносит в свой труд и Сказание об Андрее. При этом он достаточно осторожен и осмотрителен, чтобы не только его не приукрасить, но и сопроводить содержащиеся в нем события критически осторожным **«яко же рекоша»**. Хотя Сказание по своему конкретному содержанию и фантастично, но относительно церковно-теологических постулатов оно крайне осторожно. В апостоле видят не основателя церкви Руси, а лицо, лишь благословившее страну и предсказавшее будущую благодать. Автор Сказания знает, что апостольскую церковь даже в «стране без апостолов» следует обосновать не вымыслами церковно-правового характера, а тем непреложным фактом, что даже и здесь *«ученья их аки труби гласят... в церквахъ»*.

Как и когда был основан Киев?

Разобравшись с племенами, жившими на наших землях, перейдем к главному вопросу – основанию Киева, ставшему политическим центром и главной крепостью полянского союза племен. В начале уточним, стал ли Киев сразу центром славянской, Надднепрянской Руси. Увы, ничего определенного, как и по другим ключевым вопросам ранней истории города, сказать нельзя. Но важно, что Киев возник и формировался на границе трех больших «племенных» группировок: древлянской, сиверянской и полянской. Почему именно тут возник центр региона? Среднее Приднепровье экономически и политически было достаточно развитым для того времени регионом. К тому же оно было территорией взаимных контактов и влияния всевозможных культур. Немаловажно и то, что киевские князья получили возможность контролировать речные пути по Днепру, Припяти, Десне, Сожу, Сейму, Березине, Тетереву, Горыни. Киев становится важным центром на пути «из варяг в греки». Здесь сформировалась «Изначальная Русь» – могучий полянский союз племен. В VIII–IX вв. государственное объединение стало федерацией нескольких союзов племен, в частности полян, северян, возможно, уличей (они тогда проживали в Среднем Приднепровье). Эти племена составляли Полянский союз, тождественный Антскому. Хотя нужно заметить, что «анты» не были самоназванием славян, они, скорее всего, называли себя полянами. Распад союза вызван самостоятельным путем развития каждого племени. Этот первый этап создания Руси отражен в «Повести...»: **«Поляне, яже ныне зовемая Русь»**. Но нужно отметить, что это было объединение нескольких племен, которые академик Б. Рыбаков удачно назвал «союз союзов племен».

Первые поселения на территории современного Киева появились еще в период палеолита. Следы первобытных людей обнаружены и описаны археологами (Кирилловская стоянка, Протасов Яр и др.). Но в силу обстоятельств жизнь в Среднем Приднепровье временами прекращала свое существование. А все стоянки к будущему городу не имеют никакого отношения, кроме тех, что находились на территории Киева.

Самое старое славянское поселение на территории нынешнего города возникло на рубеже новой эры. Археологи относят его к Зарубинецкой культуре, которую, после долгих ученых споров, окончательно признали славянской. Находки зафиксированы на Старокиевской и Замковой горах, в районе Львовской площади и на Подоле. Безусловно, перечисленные поселения, еще нельзя считать **городом** Киевом – они создавали «протокиевское ядро». Процесс формирования древнерусских городов только начинался и закончился лишь в конце I тыс. Об этом свидетельствуют археологические находки, в частности клады с монетами.

Типичное славянское городище на берегу реки (макет)

Трудно понять, какие именно давние поселения Приднепровья отразились в современных письменных источниках. Ряд исследователей пытались связать с Киевом один из приднепровских городов, названный в «Географии» Птолемея – Метрополем. Уж очень похоже на «Мать городов». Но эта популярная гипотеза не имеет оснований, потому что Птолемей имел в виду город возле Ольвии. Еще более безосновательной является отождествление с Данпарстадом, столицей готов, резиденцией короля Германариха. Этот город нужно искать где-то в районе современного Запорожья.

В 1910 г. исследователь фундаментов Десятинной церкви археолог Д. Милеев нашел остатки рва глубиной до 3 м и частокола. Площадь, которую ров защищал, оказалась старейшим Киевским городищем, первым детинцем города. Было доказано, что оно датируется серединой I тыс. Сооружение первого Киевского городища имело громадное значение, так как подтвердило наличие тут ремесленников и торговцев. Основное богатство крестьянина – земля – не требовало городищ, тут, скорее, подходили Змиевы валы – защита полей. Для феодала, ремесленника и купца необходима была крепость-городище для охраны его жизни и имущества. Поэтому все средневековые города имеют хорошо укрепленный замок, детинец, кремль. Строительство первого городища оказало большое влияние на дальнейшую судьбу «протокиевского гнезда», способствовало концентрации тут ремесла и торговли.

Возьмем традиционную версию создания городища, запечатленную во многих произведениях монументального искусства – от панно до памятников. Летопись Нестора: **«И быша братья: единому имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их – Лыбедь. Седяше Кий на горе, где же ныне узвоз Боричев, а Щек седяше на горе, где ныне зовется Щекавица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвалась Хоревица. И сотвориша град во имя брата их старейшего, и нарекоша имя ему Киевъ. Бяше около града лес и бор велик, и бяху ловаща зверь, бяху мужи мудри и смыслени,**

нарицахуся поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дне».

Кий, Щек, Хорив и сестра их Лыбедь. Худ. И. С. Ижакевич

К этому рассказу в течение столетий отношение менялось от безоговорочного принятия до такого же отрицания. Споры утихли после обнаружения остатков вала. Археологические исследования подтвердили, что в конце V в. уже существовали укрепленные поселения на Старокиевской горе и других центральных местах Киева. Они относятся к памятникам Пражской культуры. Анализ письменных источников позволил ученым признать историчность личности Кия, хотя его братья и сестра считаются вымышленными или, по крайней мере, второстепенными персонажами. Нестор далее полемизирует с новгородскими летописцами о Кие - перевозчик он или князь? К этому будет не лишним добавить сообщение византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского об антском вожде Хильбудии, служившем византийскому императору, вероятно, Юстиниану. Поэтому основателя Киева можно считать вполне реальной исторической личностью - предводителем восточнославянского племени полян с непростой и колоритной биографией. Попытаемся хоть как-то восстановить хронологию его жизни. Считается, что Кий жил в конце V - первой трети VI в., а его образ вполне исторически обоснован. К сожалению, в «Повести...» сообщение об основании Киева помещено в недатированной части, что затрудняет определение точного времени. Но вереница событий, помещенных после сведений об основании города, помогают датировать данное событие. Это приход болгар на Нижний Дунай (середина VII в.), появление белых угров в Европе (около 640 г.), завершение борьбы славян с аварами. Имя императора Ираклия названо в летописи в этот период в связи со славяно-аварскими столкновениями.

Одну из возможных разгадок приведенной топонимики дает Библия, в частности сюжет встречи Моисея с Богом, вручающим ему Завет. Эта встреча произошла на горе Хорив, которая венчает горный массив Синая, причем Бог для доказательства своей силы превратил посох (кий) Моисея в змия (щек) и наоборот. Можно допустить, что мифологической метафорой этой встречи и ее номинативного ряда - «Хорив», «Кий» (посох, жезл), «Щек» (змей) - стали исторические названия киевских гор, что усиливает святость города. С определенной долей фантазии эту троичность можно связать с тризубом - гербом нашей страны.

Довольно подробный, со многими общими деталями, вариант киевской легенды

находим в произведении армянского историка Зеноба Глака (Иоанна Мамиконяна) «История Тарона». Современная наука датирует этот текст VIII в., но если он переписан в Армении в это время, то событие произошло значительно раньше. Очевидно, деятельность Кия приходится на конец славяно-аварских войн, когда он просил помощи у византийского императора. Это могло произойти только после 568 г., когда анты и византийцы единым фронтом выступали против аварской экспансии. Об этих союзных действиях узнаем у Феофилакта Симокатта и Феофана. Предположим, что Кий посетил Царьград, может быть, в связи со службой, и в благодарность император Ираклий оказал ему высокую честь. Окончательно уточнить время и условия политической деятельности легендарного полянского правителя помогают византийские источники. В первую очередь интригующая история Кувера или Куврата (Хорвата) – славянского князя, из области Срем (Сурмий, современная Хорватия). Этот князь, по происхождению хорват, поднял восстание против аварского кагана. Он был личным другом императора Ираклия, с которым они учились в Константинополе. Кувер построил на Дунае «город», так называемый «Керамисов лагерь», но не смог удержаться в нем. Что было дальше, сведений нет, византийские хронисты о нем не пишут. Имеются все основания предположить, что Кувер и Кий одно лицо, поэтому имеем точную дату восстания против аваров – 635 г., а отход Кия в Среднюю Надднепрянщину и строительство первого киевского городища можно датировать концом 30-х годов VII в.

Академик Б. А. Рыбаков

Скорее оправданным, чем обоснованным, стало предложение П. П. Толочко, по подсказке Б. Рыбакова, отпраздновать круглый юбилей основания Киева при нашей жизни, что пришлось по душе партийному руководству Украины. В то время не по годам амбициозный ученый выбрал дату празднования юбилея Киева – 1982 г., и это было не случайно. Год основания города, именно **города**, а не просто Киева, должен быть – 480, тогда, по существующей терминологии ноль в конце свидетельствовал о приблизительной дате, но 1980 год был годом Олимпийских игр в Москве. Совмещение этих празднеств уменьшило бы торжественность

мероприятия. Можно было назвать годом основания города 485-й, но, как выразился Петр Петрович на встрече в Клубе киевоведов в 1979 г.: «Долго было ждать». Поэтому и был выбран 482 г., где последняя, не круглая, цифра как бы указывала на точность определения, то есть не был определен лишь месяц...

Происхождение Киева и княжеские династии давно интересовали неравнодушных к истории людей. Суждения этих любителей часто не совпадали с мнениями, а еще более, с догмами ученых. Так как задача моего компилятивного труда – заинтересовать, возбудить желание публики читать, приведу мнения не ученых, а фантазеров-писателей. Их предположения основаны на отдельных научных фактах, выдернутых из серьезных исторических книг. «В лета 1972» по Киеву прошел гром, нет, скорее, «Бич Божий» – вышел роман Ивана Бильяка «Меч Арея», где рассказывается о киевском князе Богдане Гатыле – так автор переименовал вождя гуннов Аттилу. Тем самым он «переселил» к нам этого вождя варваров из Хунгари (Венгрии). Но книга моя не о генезисе гуннов, хотя не исключено, что к этому процессу был причастен и Киев. Дам слово И. Бильяку. Предисловие к книге вызвало неоднозначную реакцию, сразу сделавшую роман бестселлером. Вся научно-историческая верхушка, проникнутая партийным духом, кипела и шипела... Книга попала под «цековское» постановление, в котором «рубили» литератора, а с ним незаурядных историков Е. Апанович, М. Браичевского... Итак, цитирую автора в переводе: *«Мнения о том, что гунны издавна жили на наших землях, придерживались и ученые поздних времен. Вслед за Птолемеем, который писал, что гунны (хойны) живут на левом берегу Днепра, вслед за Аммианом и Марцианом Гераклийским такой же точки зрения придерживается и Адам Бременский, северонемецкий хронист второй половины XI в.: столица Гунигарда называется у него Хивен. И если это название кажется нам сомнительным, то обратимся непосредственно к преемнику и земляку Адама Бременского – Гельмольду. Этот историк, который жил в середине XII в., в своем фундаментальном труде «Хроника славян» неоднократно повторяет, что все славянские земли, которые лежат на восток от Дании и славятся большими богатствами, датчане называли когда-то Остроградом, а теперь, в его время, называют также Гуни – из-за того, что их население состояло из гуннов. Там размещает он и гуннский метрополис (столицу), который называется Хуе. По его словам, земля гуннов начинается сразу же за Эльбой. Ученый, которого никак не назовешь славянофилом – напротив, в немецкой экспансии на восток он был одним из ее идеологов, – все эти земли отдает гуннам. И это в то время, когда, если верить некоторым историкам, гуннов уже давно на свете не было, а их остатки уже несколько столетий ассимилировались с венграми. Из этого следует, что так называемые гунны – народ испокон веков европейский и ниоткуда, тем более с Северного Китая, не пришел. Но тут возникает что-то новое. Говоря про Гуниг, Гельмольд нисколько не сомневается, что это страна, по сути, славянская, и даже в свое время, в середине XII в., в период наибольшего расцвета Киевской Руси, могущественнейшей среди всех европейских государств, называет «метрополисом» славянского мира Хуе. Что это на самом деле Киев, находим подтверждение у других ранних и поздних авторов. Ф. Гаген, например, в своих примечаниях к первому немецкому изданию «Песни о Нибелунгах» говорит, что Киев, тот самый, что, по Гельмольду, называется Хуе, в сагах «Киенуборг в Канугарде» варяги называли Самбатом, то есть сборным пунктом для кораблей на Днепре (по-немецки *Sammelplatz der Boote*, сокращенно *Sambot*). Этот Самбат не вызывает никаких сомнений. Кажется, все историки уже давно согласились, что это Киев. Странно, почему, согласившись с одним, они пропускают другие утверждения этого самого автора: что и Киенуборг, и все подобные ему названия – это не выдумки и не химера, а Киев».*

Атилла. Худ. Э. Делакруа

Кроме Билыка, Атилла заинтересовал Александра Вельтмана, выпустившего в 1858 г. отдельным изданием свою книгу «Атилла и Русь IV-V веков», где автор пишет: *«Почувствовав восхищение таким историческим деятелем, как Атилла, мы все-таки преклоняемся перед ним. Не как перед сыном степных улусов, а как перед великим русским князем...»* Пересказывать книгу нет резона, так как ее переиздали в «Хронике 2000» в 1996 г., в переводе И. Билыка. Но названия глав весьма красноречивы: *«V. Великокняжеский род властелинов киянских или киевских»* и *«VI. Атилла, великий князь Киевский и вся Русь самодержец»*.

Можно было «пошеголять» именами киевских князей, заимствованных у этнического шведа Вельтмана, но боюсь запутать читателя. А он толком и не знает, как и я сам, когда же был по-настоящему основан Киев. И кто были те князья, усердно изображаемые всяческими ремесленниками на всевозможной рекламной продукции и ваятелями монументальных панно на зданиях.

Еще в Указе Совета Министров СССР о праздновании 1500-летия Киева подчеркивалось очень важное определение именно **города** Киева. Как мы уже говорили, в древности это понятие отождествлялось с **замком** как основополагающим началом. В Древней Руси не употреблялось современное понятие «замок», а вместо этого применялись слова «двор» и «град». В первом случае средоточие частного хозяйства (крестьянского, купеческого, княжеского, феодального). Специфика термина не выявляет социальной, классовой функции явления. Но в источниках в первую очередь определяют феодальные усадьбы, расположенные на территории города или тесно связанные с ним. А вот «град» имеет функциональный специфический характер. Град – это огороженное,

укрепленное место, поселение, усадьба. В начальный период Киевской Руси существовали исключительно феодальные грады. Общинные поселения не ограждались, крестьяне свои дворы не укрепляли, не было смысла. Процесс формирования городов только-только завершился, городские коммуны были еще слишком слабыми для осуществления фортификационного строительства собственными силами. Так что городские «грады», о которых говорится в летописях, являются детинцами, или кремлями, то есть укреплениями, построенными феодальной властью, часто исполнявшими административно-политические функции. Эквивалент древнерусских градов - городища. Самое старое из них - городище Кия. Но уже в IX в. вся территория Руси покрывается небольшими укреплениями, каждое из них является усадьбой феодала - его резиденцией и центром землевладения. Они размещались на высоких холмах или мысах, для удобства обороны удачно использовались природные условия. Усадьбы повторяли форму возвышенности, имели небольшие размеры и были окружены рвом и валом с небольшим частоколом. Именно о таких городищах писал хронист, упоминая древлянские грады. Недаром скандинавские викинги, появившиеся тогда на Руси, называли ее «Гардарикой», «страной градов», и в данном случае это не города, а замки. По свидетельству Баварского Анонима (писал в 866-890 гг.), только уличи имели 318 градов, бужане - 230, волыняне - 70. Густота размещения феодальных городищ позволяет говорить о средних размерах имений - приблизительно 100 км родового феодала. Поэтому на одной горе Кий, на другой - Щек, а на третьей - Хорив.

Киев основан хазарами?!

В своей давней, вызвавшей большой скандал статье – об основании евреями Киева, – я привел, по моему убеждению, фантастическое предположение И. Даревского (автора редкой книги «Евреи в Киеве»). В ней приводятся легенды и толки, встречаемые у еврейских исследователей: «Teudab, isroel» И. Б. Левинзона, «Lkutej Kadmonijot» Ш. Пинскера, «Kigio neemono» Ш. И. Фина. Все эти источники утверждают, что Киев в древности был городом еврейских ученых и писателей. Сказанное обосновывает появление народной поговорки: «Из Киева исходит учение и свет». Единственным поводом для появления этого выражения послужили слова раввина Давида бен Элиезера Лухана (предисловие к Махзору, составленное им для крымских евреев и находившееся с 1724 г. в старой синагоге в Карасубазаре). Молитвенник с предисловием Лухана состоял из двух частей и написан на белом пергаменте красивым ассирийским шрифтом. Там говорилось: *«...изгнана была совершенно еврейская община из Руси, в том числе и из великого богоспасаемого города мудрецов и писателей, называемого Киевом, о котором говорится: «Из Киева исходит учение и свет», и была большая еврейская община – мужчины, женщины и дети вместе».*

У любознательного читателя вполне резонно возникнет вопрос «Почему именно о Киеве появилось это лестное выражение?» В нашем городе, особенно в XVI в., проживало много выдающихся ученых. Например, каббалист Моисей Гаголе, автор «Ozer neshmod», и великие раввины Ошер Гакоген, Калман Ашкенази и многие другие, имена которых засыпаны пылью веков. Но в тот же период и в Европе было немало общин, славившихся своими мудрецами. В разные времена существовали известные еврейские общины, но ни про одну из них – французскую, испанскую, немецкую – не было сказано подобного, как о киевской. Как бы то ни было, еврейское предание утверждает о существовании еврейского центра мудрости. Это определение должно опираться на какой-то смысловой источник. Киевский ученый Гириш Барац, глубоко знавший старославянскую литературу, в сборнике «Труды Киевской духовной Академии за 1891 г.» отмечает, что хазары во время своего господства старались называть все города, горы и тому подобное именами из Священного Писания, и поэтому современный Киев у хазар якобы назывался Цион.

Автор И. Даревский допустил и постарался обосновать гипотезу Бараца: *«По смерти братьев поляне были притесняемы... И нашли их хазары сидящими на горах... И сказали платите нам дань».* Далее автор предполагает, что во всем Приднепровье, там, где жили поляне, были разбросаны селения, прежде всего сельскохозяйственного направления. Только после подчинения жителей этой местности какой-то власти стали появляться города – места консолидации администрации. Сюда стекалась масса евреев из Византии, спасаясь от «гневного» преследования императора Льва Азурского, заставлявшего их принимать крещение. Постепенно город Киев стал расти и развиваться. К этому заключению пришел и профессор Малышевский в своих работах о Киевской Руси. Далее Даревский утверждает, что название Цион произошло от названия парадной одежды военачальников хазар – «цициан». Понимая проблематичность такого вывода, автор подтверждает его следующими строками: *«В тексте одной записки, найденной г. Фирковичем в дагестанской синагоге, говорится: “Я, друг иудейского вероисповедания Авраам бен Симх из Испании, в царстве братьев наших прозелитов Хазарии, в 986 от нашего голуса, в лето же от сотворения мира 4747, во время прибытия послов князя Руш из города Циов к государю нашему Давиду князю Хазарскому”».*

Дань хазарам. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Это не единственный источник, где Киев назван «Ціев». О существовании в древности названия «Ціев» вместо «Кіевъ» упоминает в своей книге «Achtzehn Hebraische Grabschriften» проф. Хвольсон, сообщает об этом в «Истории Киева» и Н. Закревский. Даревский объясняет смену букв в конце слова «в» на «н», пытаясь подвести такую перемену под многочисленное «сион». При этом автор вновь ссылается на упомянутое у Закревского названия – «Кіунъ». Дадим слово Даревскому: *«Таким образом, мы имеем возможность проследить те изменения, какие претерпело слово «Ціонъ» прежде, чем оно окончательно изменилось на слово «Кіевъ», мы видим, как первая буква слова «Ціонъ» – Ц была заменена буквой К – и город стал называться «Кіунъ» – и как последняя буква «н» – оказалась замененной буквой «в» в названии города «Ціевъ» – таким образом, утверждение, что Киев некогда назывался «Ціонъ», становится более близким к вероятности». Последние слова показывают шаткость утверждения, предлагаемого автором, а дальнейшие размышления о замене букв смехотворны: «Нет ничего невероятного в том, что после 1016 г., когда хазары были совершенно изгнаны из пределов России и Крыма, а Крым очутился во власти русских, то они стали ошибочно выговаривать – «Кіевъ» вместо «Ціонъ», тем более для русских совершенно чужд был источник происхождения, а поправить было некому»... «А появление поговорки соответствует времени, когда по повелению царя Булона в Киев прибыло много ученых из Персии и Вавилона, чтобы обучать принявших еврейство хазар Библии и Талмуду». Далее автор так же безапелляционно ссылается на наличие библейской горы Хорив, название которой совпало с киевской. И последнее, взятое из этой книги: ссылка на профессора Бруна, который в одной из статей утверждал: «Все исследователи Византии в один голос уверяют, что Киев был замечательным городом еще в то время, когда в нем властвовали хазары».*

Потом об этом напишет очень серьезный исследователь Омелян Прицак, считая, что Киев основан хазарами. Поэтому приходится «отомстить хазарам» и написать о них подробно, используя в данном случае материалы М. Брайчевского.

«Как ныне собирается вещей Олег отомстить неразумным хазарам...» Обычно именно этими пушкинскими строками ограничивается все знакомство современников с Хазарией. Хазары – самый интригующий и загадочный народ в истории не только Восточной Европы, но, возможно, и всей ойкумены (так в

Древнем мире называли территорию, заселенную цивилизованными народами). С одной стороны, это влиятельнейшая историческая сила в I тыс., создавшая большую и могущественную державу – достойного соперника Византийской империи, Арабского халифата, Киевской Руси. С другой стороны, эта этническая группа, по сути, не имеет собственной истории, являясь какой-то бесплотной историографической фикцией, которая вызывает определенный скепсис.

Хазарский воин. Гравюра XIX в.

Хазарский каганат был единственной страной за пределами Палестины, который исповедовал иудейскую религию как официальную государственную веру. Известно, что определяющей чертой классического иудаизма является его изоляционизм. Другие мировые религии – христианство, ислам – вели широкую пропаганду среди иноверного населения, стараясь достигнуть максимального расширения сферы своего признания и влияния. В этом была основная задача многих церковных организаций. Иудейская община, напротив, стремилась к суровому ограничению паствы, тщательно сохраняя этнические рамки. Культ Яхве считался прерогативой исключительно Израиля, распространение его среди других народов или племенных групп считалось недопустимым. Потому-то двери синагоги были наглухо закрыты для представителей других этнических образований и религиозных течений. Это не только придало специфический характер самой идеологической системе, заложенной в основе иудаизма, но и сказалось на исторической судьбе народа, который был ее репрезентантом и защитником. Но нельзя не отметить, что в данном случае переставлена причинно-следственная связь и это не соответствует действительности по следующим причинам:

1. Религия и есть историческая система, следовательно, производные не могут на нее влиять, и наоборот.

2. Отсутствие мессианства связано не только с тезисом «богоизбранного народа», но и с активным сопротивлением властей и духовенства стран, где евреи были «в приймах». История с жидовствующими в России: казни за переход в иудаизм в XVIII в. и преследования, вплоть до 1917 г. Случаев обратного процесса – принудительного крещения – известно значительно больше.

Провозглашение иудаизма официальной религией в Хазарии произвело определенное впечатление на сознание всей ойкумены. Именно этот факт существования на востоке Европы большой галмудистской державы и обратил на себя внимание испанского вельможи еврейского происхождения Хасдая ибн Шафрута. Это стало толчком для так называемой еврейско-хазарской переписки, документы которой стали специфическим памятником раннесредневекового периода.

Причины, которые привели к утверждению иудаизма в Хазарии, до сих пор не выяснены. Население каганата было весьма пестрым, состояло из различных этнических групп, различного происхождения, с разными уровнями социально-экономического и культурного развития. Главной массой были тюркские, иранские, славянские племена, но также греки, готы, мадьяры, угро-финский этнос Поволжья, представители других народов. Во всей этой этнографической смеси только одни хазары остаются элементом, реально не документированным, в первую очередь в источниковедческом отношении.

Принято считать, что славяне были среди тех племен, благодаря которым каганат возник, развился и существовал. Поэтому не о хазарском влиянии на Русь, а о славянском следе в Хазарии нужно говорить. Не кочевники просвещали земледельцев и обогащали их культуру, а наоборот, хлеборобы неслиномадам плоды прогресса. Проблема первого большого раздела труда – разобщение скотоводческих и земледельческих племен – основа в истории краха первобытнообщинного строя и формирование классовой структуры общества. Это внутренний смысл неолитической революции, ее непосредственное, хоть и отдаленное наследие. Несовместимость абсолютной привязанности к земле и перманентное продвижение составили диалектическое противостояние систем. Налицо явная социальная несовместимость этих двух стихий. Привязанные к пахоте хлеборобы заботятся о территориальном принципе организации, находятся в постоянном контакте с соседними общинами.

У кочевников же только родовые, генетические связи. Характерной формой социального строя является патриархат со свойственной ему деформацией простых человеческих отношений. Феноменальная жажда разрушения становится характерной чертой кочевника, чем, собственно, и определяется место в истории общества. За шесть тысячелетий своей истории номады не внесли ничего конструктивного в развитие всемирной цивилизации: технический прогресс, наука, искусство, литература и другие сферы творческой деятельности, государственная структура, право – все это оставалось прерогативой хлеборобов. Функция мира кочевников в системе всемирной истории – уничтожение чужих достижений, унижение и смерть. Руины, пожары и вытопанные поля, горы черепов, как на известной картине Верещагина, развалины городов и храмов, пепелища библиотек – вот что означает их путь по ступеням истории.

Возьмите наше время, когда люди, не имеющие постоянного места жительства и не знающие, куда их завтра забросит судьба, не стремятся покупать долговечную мебель, обзавестись имуществом, библиотеками. А если они не планируют долго жить в этом городе, то им все равно, в каком состоянии улицы, кто правит ими да и вообще, существует ли правление. Увы! Человек, полностью живущий за счет разведения животных, ради их убийства, сам становится зверем. Патриархальный строй, который стал универсальным и единственным для кочевников-скотоводов, не имел исторической перспективы. Народы, до наших дней сохранившие кочевой образ жизни, остались на той стадии развития, которая соответствовала

неолитической революции. Принципиально чуждые прогрессу, законсервированные в своей отсталости, они прошли через тысячелетия мимо всяких достижений человеческого разума и труда, бездумно позаимствовав лишь огнестрельное оружие или другие способы уничтожения себе подобных. Лишь в последнее время, когда арабский мир оказался на богатой нефтеносной территории, они позволили себе пользоваться всеми плодами технического прогресса. И очень в этом преуспели! Зерна прогресса упали на благодатную почву. Сыграло свою положительную роль и то, что все правители бывших кочевых племен получали образование в лучших европейских университетах. Развитие мировой цивилизации – это история героического противостояния кочевой стихии, которая, к сожалению, далеко не всегда гарантирует защиту общества от трагических развязок.

Как утверждал Ф. Энгельс, государство – это территория. Перед народами, ставшими на путь скотоводческо-кочевое хозяйство, открываются две альтернативы: или бесперспективное существование в рамках кочевого быта, или переход к земледелию. Так было с монголами: завоевывая более развитые земледельческие страны – Китай, Хорезм, Закавказье, Русь они смогли создать великую империю, которая хотя и оказалась недолговечной, однако положила начало ряду более успешных государственных образований: ханства Крымское, Ногайское, Казанское, Астраханское, Сибирское и другие. Так было и с Хазарией, не имевшей единого генетического корня.

Удивительным феноменом в отечественной историографии явилась тенденция именно кочевым общественным образованиям приписывать роль формовщиков государственной структуры оседлых народов, в том числе и восточных славян. Вполне оправдана концепция, согласно которой Золотая Орда считалась основательницей Московского царства, менталитет его нынешних обитателей является тому подтверждением. Постоянное стремление кого-то приручать, воспитывать, захватывать!

Хазарский каганат – одно из образований, находившихся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к феодализму. Социальную основу его обеспечивал процесс оседлости кочевых племен на земле и эволюция родовых отношений. Основой могущества феодала были отары скота и табуны лошадей. Хазарская государственность не созрела спонтанно в недрах своего общества как результат кристаллизации классовых (рабовладельческой или феодальной) систем отношений – она в значительной мере стала результатом завоеваний. Господствующий класс тут складывался не из хозяев, чье социальное положение определялось экономическими факторами, а из лиц, чье правление обеспечивалось военной силой. Имея отрывочные данные, можем предположить, что собственники разделялись на две социально значимые группы – тарханов и тудунов. Первую категорию составляли предводители больших родов, которые превратились в феодалов, но процесс так и не был завершен. Поэтому нет письменных источников о них – некому и незачем было описывать их подвиги. В другую группу входили чиновники, которые непосредственно зависели от центральной государственной власти кагана и царя и исполняли определенные административно-политические и хозяйственные функции. Сами хазары составляли лишь незначительную часть населения, поэтому господствующая верхушка старалась быть лояльной к подданным, ограничивая при этом уровень эксплуатации и степень насилия. Мягкость политической системы немало способствовала развитию международной торговли и товарному транзиту. Экономическое равновесие и постоянство привело к тому, что вместо Семендера и Беленджера, расположенных на военном пути из Закавказья к Среднеевропейской равнине, в столицу каганата была преобразована Итиль. В первую очередь для процветания торговли необходим постоянный мир.

Государственное устройство отличалось примитивностью. Ничего не известно о территориальной структуре страны. Каждый из покоренных народов имел достаточно широкую автономию и сохранял привычный для себя общественно-политический строй. Поддерживание установленной системы ленных отношений

обеспечивали специальные чиновники (тудуны), которые во главе небольших военных отрядов находились в том или ином месте. Такой отряд вместе с тудуном мог организовать и Киевское городище. В опубликованном О. Прицаком так называемом «Втором кембриджском документе» – дорожных заметках испанского курьера в Хазарию – есть эпизод, в котором фигурирует киевский тудун – хазарский чиновник. Он имел свою резиденцию в Киеве и давал путешественнику разрешение на остановку в городе и на проезд по подвластным территориям. Это сообщение некоторые исследователи использовали как доказательство прямой и непосредственной подчиненности Киевской Руси каганату. Получалось, что власть вершит назначенный каганом управляющий. Это надуманное утверждение, потому что в то время Киев был абсолютно независим, а тудун выполнял лишь функции консула.

Некоторые административные функции исполняли и тарханы – представители зарождавшегося феодального строя.

Во главе государства в ранний период его существования стоял каган (хаган), чья должность была выборной. Он сосредотачивал в своих руках всю полноту власти, по крайней мере, формально. В источниках находим сообщение о «другом лице» в государственной иерархии. Позднее возник своеобразный дуализм – беспрецедентное явление, характерное только для Хазарии: совместная высшая власть в руках кагана и царя. Власть первого считалась божественной и обставлялась цепочкой мистических должностей. С каганом никто не имел права общаться, за исключением наивысших сановников его окружения. Более того, простой смертный не имел права видеть его лицо. Заходить к властелину можно было лишь после ритуального очищения огнем. Но с IX в. власть кагана стала ограничиваться и в конце концов отошла на второй план. Реальная власть перешла в руки царя, который по-хазарски именовался бек или шад.

Середина VIII в. была периодом наивысшего, но кратковременного подъема каганата – на пороге уже стоял кризис. Этот факт нужно особенно подчеркнуть: примитивные объединения подобного типа, особенно когда главной аккумуляющей силой выступают вчерашние кочевники, никогда не бывают долговременными. Их взлет тем короче, чем резче был апогей. Процесс ликвидации Хазарии затягивался из-за отсутствия противника, способного нанести фатальный удар. С Византией старались поддерживать добрососедские или союзнические отношения. Арабский натиск временно захлебнулся в результате их внутренней политической борьбы, спровоцированной сменой правящей династии. Последний халиф из дома Омейядов даже искал у хазар убежища. В истории Руси VIII век считается самым темным периодом. Отсутствуют надежные источники, которые характеризовали бы положение Киевского государства в это время. Предполагают, что именно тогда Киев успешно отверг хазарские претензии господства над полянской землей, но временно смирился с властью хазар над радимичами, вятичами и большей частью северян. Время решительного столкновения еще не наступило.

В этот период сложилась хазарская аристократия, имеющая титулы этельберов, беков, тарханов. Новые тенденции отразились и в сфере идеологической жизни. Главным моментом, без сомнения, было введение монотеистической религии – иудаизма. Хазария обратилась в иудаизм при царе Булане, который был современником халифа Харуна ар-Рашида (786–809), а также Карла Великого. Это подтверждает арабский писатель Масуди в X в., скорее всего, опиравшийся на более древние тексты. Имеются сведения о женитьбе будущего византийского императора Константина Копронима на дочке хазарского кагана, известны случаи и других браков с представителями иных вероисповеданий. Это доказывает, что ранее VIII в. иудаизм в каганате не исповедовали. Какая была вера хазар до царя Булана неизвестно, скорее всего, тенгрианство (обожествление сил природы). Введение иудаизма не имело тотального характера. Хазария была свободна от догматического экстремизма, настойчиво проявлявшегося во многих средневековых странах. Но это было вызвано не демократичностью общества, а неоднородностью страны, где и свобода вероисповедания была вполне терпимой.

Существует рассказ о жителях Семендера, которые все вместе в пятницу ходили в мечеть, по субботам – в синагогу, а в воскресенье – в церковь. Переломным моментом в государственном процессе были реформы хазарского царя Обадии, которые, среди прочего, положили конец политическому дуализму. В государстве появилось две высшие должности: царя (бек или шад) и кагана (хан ханов), который был широко распространен у тюркских и уйгурских народов. Именно титул кагана взял себе Аскольд, утверждая тем императорский ранг киевского верховника. Реальная власть кагана была существенно ограничена и, фактически, пребывала в руках социальной элиты. Его зависимость свидетельствовала об очень архаичной форме государственной организации с сильными пережитками патриархальной системы, обусловленной кочевым способом жизни. Статус глав патриархальных родов был наследственный, при этом должность кагана формально избирательной. Однако практические шансы быть избранным имели представители сильнейших родов, точнее – одного из наистарейших. Выборы кагана проходили в соответствии с суровым церемониалом. У автора X в. ал-Истархи читаем: *«Когда они хотят поставить кого-то там каганом, то приводят его и начинают душить шелковой веревкой. Когда он готов испустить дух, говорят ему: “И долго ты хочешь царствовать?” – “Столько-то и столько лет”»*. Если правящая верхушка считала, что каган не способен руководить государством – то ли по старости, то ли по состоянию здоровья, то ли по другим каким-либо причинам, – его убивали. Ситуация зашла так далеко, что новый властелин получил право решать вопрос жизни и смерти формального верховника. Автор X в. Масуди писал, что хазары считали кагана ответственным за все беды и несчастья, которые могли обрушиться на народ. Это было логическим определением тезиса о сверхъестественной, божественной силе кагана. Если несчастье становилось доказанным фактом, подданные обращались к шаду с требованием ликвидировать кагана или выдать его на смерть: *«Мы ставим на кон свою беду этому кагану, но его существование приносит нам несчастье. Убей его или отдай его нам – мы сами его убьем»*. Именно Обадии приписывается преобразование иудаизма в государственную религию и строительство синагог. Он сам не принадлежал к роду каганов и удовлетворялся титулом бека, поднимавшим его на уровень главы государства. Потомки Обадии также носили этот титул. Нет свидетельств о том, насколько реформы Обадии увенчались успехом. У хазар не было письменности. По крайней мере, об этом нет данных, поэтому приходится довольствоваться косвенными сведениями. Сказывается отсутствие хроник и вообще какой-либо исторической документации. Скорее всего, школы так и не были созданы, потому что хазарские книжники так и не появились. Вот почему мало подробностей о правлении Обадии, кроме непотвержденных данных об общественной жизни. Талмудизм не пустил глубоких корней в народные массы и оставался чужой религией правящей верхушки. Большинство населения исповедовало христианство и ислам, что подрывало авторитет власти, которая стала прибегать к репрессиям. Была ликвидирована Готская епархия – центр христианства в Хазарии. Как не вспомнить миссию Кирилла Философа 860 г., целью которой было защита христианского населения.

Впервые хазары и славяне столкнулись во второй половине VII века. Это было встречное движение – хазары расширяли свои владения на запад, преследуя отступавших протоболгар хана Аспаруха, а славяне колонизировали Подонье. В результате этого столкновения, довольно мирного, если судить по данным археологии, часть славянских племен начала платить хазарам дань. В их числе были поляне, северяне, радимичи, вятичи и упоминаемое хазарами таинственное племя «с-л-виюн», которым, возможно, были славяне, жившие в Подонье. Точный размер дани нам неизвестен, сохранились различные сведения по этому поводу (беличья шкурка «с дыма», «щеляг от рала»). Однако можно предположить, что дань была не особенно тяжелой и воспринималась как плата за безопасность, поскольку не зафиксированы попытки славян как-то избавиться от нее. Именно с этим периодом связаны первые хазарские находки в Поднепровье – в их числе раскопана и ставка одного из каганов.

Подобные же отношения сохраняются и после принятия хазарами иудаизма – по разным датировкам это происходило между 740 и 860 г. В Киеве, бывшем тогда

пограничным городом Хазарии, примерно в IX в. возникает еврейская община. Письмо о финансовых злключениях одного из ее членов, некоего Якова бар Ханукки, написанное в начале X в., первый аутентичный документ, сообщающий о существовании этого города. Наибольший интерес у исследователей вызвали две из почти десятка подписей под письмом – «Иуда, по прозвищу Северята» (вероятно, от племени северян) и «Гостята, сын Кабара Когена». Если судить по ним, то среди членов еврейской общины Киева были люди со славянскими именами и прозвищами. Весьма вероятно, что это были даже славяне-прозелиты. В это же время Киев получает второе название – Самбатас. Происхождение этого названия таково. В Талмуде упоминается загадочная субботняя река Самбатсион (или Саббатсион), обладающая чудесными свойствами. Эта бурная, перекатывающая камни река совершенно непреодолима по будним дням, но с наступлением времени субботнего отдыха она затихает и становится спокойной. Евреи, живущие по одну сторону Самбатсионна, не имеют возможности перейти реку, поскольку это было бы нарушением шабоса, и могут лишь переговариваться со своими соплеменниками по другую сторону реки, когда она затихает. Поскольку точное местоположение Самбатсионна не указывалось, члены окраинной киевской общины отождествили себя с теми самыми благочестивыми евреями.

Исходя из дошедших до нас источников, никаких военных стычек с Хазарией Аскольдова Русь не имела. Упоминаются конфликты с печенегами, болгарами, арабами, часто с греками, а о хазарах – ни слова... Объяснить это можно лишь тем, что Аскольд считал полезным для Руси сохранение каганата, как реальной политической силы. Ему было выгоднее иметь на своих юго-восточных рубежах дряхлое, но еще частично жизнеспособное объединение, чем свободный коридор для нашествия всадников из евразийских степей. Не угрожая ни существованию, ни независимости Руси, Хазария помогала ей сдерживать натиск потенциальных завоевателей с Востока, что было весьма позитивно и важно. Это равновесие нарушилось после переворота 882 г., произошедшего в Киеве. Суть изменений – не только в замене на киевском престоле династии Киевичей (последним представителем был Аскольд) княжеским родом Рюриковичей. Основная направленность политики древнерусьского государства пошла по другому пути.

Первое же военное соприкосновение хазар и русов приходится на начало IX века. Позднейший источник – «Житие Стефана Сурожского» – фиксирует поход «князя русов Бравлина» на крымское побережье. Поскольку путь «из варяг в греки» еще не функционировал, вероятнее всего, Бравлин прошел по установившемуся тогда пути «из варяг в хазары» – через Ладогу, Белоозеро, Волгу и переволоку на Дон. Хазары, занятые в тот момент гражданской войной, вынуждены были пропустить русов. В дальнейшем русы и хазары начинают соперничать за контроль над трансевразийским торговым путем, проходившим через хазарскую столицу Итиль и Киев. В основном по нему курсировали еврейские купцы, которых называли «раданитами» («знающими пути»). Посольство русов, воспользовавшись тем, что в Хазарии полыхала гражданская война, уже около 838 г. прибыло в Константинополь и предложило союз императору Византии Феофилу, правившему в 829–842 гг. Однако византийцы предпочли сохранить союз с хазарами, построив для них крепость Саркел, контролировавшую путь по Дону и волго-донской волок. Летописец бесстрастно фиксирует: в 884 г. **«иде Олег на северяне, а победи северяны, и возложи на нь дань легку, и не даст им козаром дани платити»**. В следующем, 885 г. Олег подчиняет Киеву радимичей, запрещая им платить дань хазарам: **«...не дайте козаром, но мне дайте. И взаша Ольгови по щлягу якоже и козаро даяху»**. Хазары отвечают на это самой настоящей экономической блокадой. Клады арабских монет, в изобилии встречающиеся на территории бывшей Киевской Руси, свидетельствуют: примерно в середине 80-х гг. IX в. арабское серебро перестает поступать на Русь. Новые клады появляются лишь около 920 г. В ответ русы и подчиненные им славянские купцы вынуждены переориентироваться на Константинополь.

Впрочем, иногда являются не только купцы. Через несколько лет после похода Олега на Византию, вероятнее всего, около 912 г., огромное войско русов численностью чуть ли не в 50 000 воинов требует у хазарского царя пропустить их

к Каспийскому морю, обещая за это половину добычи. Царь (часть историков считает, что это был Вениамин, дед Иосифа – корреспондента Хасдая ибн Шапрута) согласился на эти условия, не имея возможности сопротивляться, поскольку против него в тот момент взбунтовались несколько вассальных правителей. Однако, когда русы вернулись и согласно договору прислали царю его половину добычи, его мусульманская гвардия, возможно, бывшая в походе во время заключения договора, внезапно возмутилась и потребовала разрешить ей сразиться с русами. Единственное, что смог сделать царь для своих недавних союзников – предупредить их об опасности. Однако и это им не помогло – почти все войско русов было уничтожено в той битве, а остатки добыты волжскими булгарами.

Взятие Олегом Вещим Константинополя Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Может статься, именно в той битве нашел свою смерть и князь Олег. Одна из летописных версий о его смерти гласит: умер Олег «за морем» (о возможных причинах возникновения нескольких версий смерти этого государственного деятеля мы поговорим ниже). Долгое время этот эпизод был единственным, омрачавшим отношения Хазарии и Киевской Руси во главе с династией Рюриковичей. Но в конце концов гром грянул, и инициаторами его оказались византийцы, видимо, намеревавшиеся передать звание своего главного союзника в регионе кому-то другому. Император Роман Лакапин, узурпировавший престол, решил поднять свою популярность посредством гонений на евреев, которых он распорядился силой принуждать креститься. Со своей стороны, хазарский царь Иосиф, похоже, тоже провел акцию в отношении нелояльных, по его мнению, подданных. Тогда Роман уговорил некоего «царя Русов» Х-л-гу напасть на хазарский город Самкерц, более известный как Тмутаракань. (Это – к вопросу о походе на хазар вестега Олега.) Мстить хазар была воистину страшной. Хазарский полководец Песах, носивший титул, который разные исследователи читают, как Булшци или «баликчи», во главе большой армии сначала разорил византийские владения в Крыму, дойдя до Херсона, а затем направился против Х-л-гу. Он принудил последнего не только выдать награбленное, но и отправиться походом на... Романа Лакапина.

Поход этот, состоявшийся в 941 г. и более известный как поход Игоря Рюриковича, окончился полным провалом: ладьи русов встретили суда, метавшие так называемый «греческий огонь» – тогдашнее чудо-оружие, и потопили многих из них. Высаженный же на берег десант, разоривший прибрежные провинции Византии, был уничтожен императорскими войсками. Впрочем, второй поход Игоря, состоявшийся примерно в 943 г., окончился более удачно: греки, не доводя дело до столкновения, откупились богатыми дарами.

В те же годы большая армия русов вновь появилась на Каспийском море и захватила город Бердаа. Однако восстание местного населения и эпидемии сделали этот поход неудачным.

Казалось бы, с момента похода Х-л-гу оказываются окончательно испорченными отношения русов и Хазарии. Следующее известие о них относится примерно к 960–961 годам. Хазарский царь Иосиф в письме к придворному еврею кордовского халифа Абд-ар Рахмана III Хасдаю ибн Шапруту категорически утверждает, что воюет с русами и не пускает их через территорию своей страны. *«Если бы я оставил их в покое на один час, они бы завоевали всю страну исмаильтян, вплоть до Багдада»*, – подчеркивает он. Однако этому утверждению противоречат как сведения, сообщаемые самим Хасдаем – его письмо Иосифу и ответ последнего проследовали через территорию Руси, – так и многочисленные упоминания авторов одной русской колонии в Итиле. Обе державы, вероятно, сохраняют взаимный нейтралитет и примериваются к будущей схватке.

Князь Олег заставил платить радимичей и северян дань себе, а не хазарам. Потом произошли два похода на Табаристан через Хазарию. Один был в 909 г., а второй – в 914-м. Первый проводил Олег, а второй – Игорь. Оба, как принято на то время, носили чисто грабительский характер. Это были, скорее, набеги, чем военные операции. Они не ставили никакой цели, кроме персонального обогащения участников. Основной контингент этой ватаги, скорее всего, составляли наемники-варяги, которых немало отиралось при дворе киевских властелинов. Эти разбойники легко меняли хозяев при малейшей возможности получить какую-либо выгоду. Собственно, к этому их толкала сама профессия. Незаменимые в момент боевых действий, они превращались в обременительную обузу в мирное время, как стая бездельников и паразитов. Поэтому и привыкли приглашать этих кондотьеров для причинения убытков арабским поселениям на Каспии, в Закавказье: несколько месяцев эти земли подвергались грабегам и опустошениям. Но арабы, собрав громадные силы, нанесли русам страшный урон. Военный потенциал Руси был подорван, и лишь через тридцать лет она смогла стать достаточно мощной для проведения военных операций. В 941 г. состоялся первый поход Игоря на Константинополь, который также закончился трагически. Киевский флот был уничтожен «греческим огнем», а остатки разбитой армады ни с чем вернулись домой.

Поход Олега Вещего на кривичей и захват Смоленска. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Русь до Олега поддерживала с Хазарией тесные отношения, причем, как уже подчеркивалось, они имели лояльный, почти союзнический характер. В Киеве, без сомнения, постоянно проживало немало выходцев из каганата – купцов и дипломатов, уполномоченных блюсти экономические и политические интересы Итиля. Даже в топонимике города сохранилось урочище Хазары, где сосредотачивалось хазарское население. В Ипатьевском списке «Повести...» под 945 г., в рассказе об утверждении договора Игоря с греками читаем: **«А хрестыанскую Русь водиша роте в церкви святого Ильи, яже есть над Ручаем конец Пасынче беседы: се бо сборная церкви, мнози бо беша варязи и Козары»**. Следы пребывания хазар в летописях определены лишь в трех точках древнего города: в районе Ильинской церкви; на склонах Крещатой долины, в районе Прорезной улицы; на территории Центрального парка. Следы Хазарии сохранились в ряде фамилий граждан Украины. Если признать факт проживания в Киеве X в. постоянного хазарского населения, причем достаточно многочисленного, то присутствие здесь чиновника каганата вполне оправданно.

Окончательно разгромил Хазарию князь Святослав Игоревич. Его походы преследовали очень важную цель: ослабить или просто ликвидировать сильных и опасных соседей. Но вакуума в истории не бывает, и место уничтоженного врага занимает другой, часто более опасный. Военные успехи сопутствовали князю, но в политической сфере они оказались не столь удачными. Восточный поход 964 г., который закончился разгромом каганата, открыл широкую дорогу на Русь печенегам, принесшим во много раз больше бед Руси.

Подъем Хазарии был не только временным, но и случайным. Это обусловлено не внутренними проблемами, а внешними обстоятельствами – отсутствием внешних активных врагов. Русь в VIII в. только становилась на ноги, Византия переживала глубокий кризис, халифат был далеко и не достиг вершин своего могущества. И так, в 964 г. фиксируется поход Святослава на Оку и на Волгу. Он покорил вятичей, болгар (буртасов), и направился в Хазарию. Поход растянулся на три года. Были взяты Белая Вежа и столица Итиль. Опустошив Нижнее Поволжье, киевское войско двинулось на Кавказ. Тут был взят и разрушен Семендер. Далее путь русов пролегал в землю ясов (аланов) и касогов (черкаско-адыгейских племен), где они также оказались победителями. И в 967 г. Святослав направился на Балканы.

Не успел воинственный князь дойти до Балкан, как печенеги были уже у ворот Киева. Началась осада столицы. Княгине Ольге удалось послать гонца к сыну, и с

помощью подошедшей дружины снять осаду благодаря воеводе Претичу. Все кончилось благополучно, но началась целая вереница печенежских вторжений в глубинные районы Руси, нападений на Киев. Он оказался пограничным городом. В начале правления Владимира Святославича, который также именовал себя каганом, печенежские орды стояли на Стугне, а это всего несколько десятков километров. Территория Киевской державы разительно уменьшилась, печенеги обосновались в Верхней Надднестрянщине, которая получила название «Печенежский лес». Военные авантюры Святослава требовали многочисленных затрат. Колоссальные человеческие жертвы ничем не компенсировались. Уничтожение продуктивных сил обозначилось на общем упадке экономического и военного потенциала. На повестке дня стоял вопрос: быть Руси или не быть?

Дорого пришлось платить Руси за громкую победу над Хазарией!

В 986 г. киевский князь Владимир, совершивший незадолго до того поход на волжских болгар, двинулся вниз по Волге. По свидетельству автора XI в. Иакова Мниха, написавшего «Память и похвалу святому князю Владимиру», Владимир *«на Козары шед, победы я и дань на ны взложил»*. Союзниками киевского князя в этом предприятии, видимо, были гузы, помогавшие ему в походе на волжских болгар. Может быть, тогда и произошла встреча Владимира с «жидами хазарскими», попытавшимися обратить князя в иудаизм. После этого мы уже ничего не слышим о хазарском государстве с центром в Итиле.

Хотя русам пришлось принять участие еще в одном походе против хазар. Согласно византийским историкам Скилице и Кедрину, в январе 1016 г. император Василий II послал в Хазарию (как именовали тогда Крым) флот под командованием Монга. Целью экспедиции было подавление восстания правителя крымских владений Византии (возможно, автономного или полуавтономного, так как Скилица называет его «архонт») Георгия Цулы. Найденные в Крыму печати Цулы именуют его стратигом Херсона и стратигом Боспора. Справиться с непокорным стратигом Монг смог лишь с помощью «брата» Владимира Святославича, некоего Сфенга. Вероятно, Сфенг был воспитателем – «дядькой» Мстислава Тмутараканского, а византийцы перепутали его должность с родственной связью. Цула был пленен в первом же столкновении. Было ли это восстанием мятежного стратига или попыткой хазар образовать собственное государство – точно установить нельзя. Вероятно, именно с этих времен идет упоминание Хазарии в составе византийского императорского титула, зафиксированное в указе василевса Мануила I Комнина от 1166 года.

Теперь поговорим о хазарском наследстве. Скорее всего, читатель улыбнется и спросит: о каком наследстве идет речь? Однако при анализе источников можно установить, что русы, особенно на раннем этапе своей истории, довольно много заимствовали у хазар – главным образом в административной сфере. Правитель русов, пославший посольство в Византию в 838 г., уже именуется каганом, как и правитель хазар. В Скандинавии же с тех пор появляется имя Хакон. В дальнейшем восточные географы и западноевропейские летописцы не раз упомянут кагана русов в качестве их верховного правителя. Но окончательно этот титул утвердился только после падения Хазарии. Вероятно, он сохранялся за князьями до тех пор, пока под их властью оставались какие-либо области коренной территории каганата.

Митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» говорит о Владимире и Ярославе как о каганах. На стене Софийского собора в Киеве сохранилось граффити: «Спаси Господи кагана нашего С...». Здесь, по всей вероятности, имеется в виду средний сын Ярослава – Святослав, княживший в Чернигове в 1054–1073 гг. и державший в подчинении Тмутаракань. Последним русским князем, по отношению к которому употреблялся титул кагана, был сын Святослава – Олег Святославич, княживший в Тмутаракани в конце XI в. Но русы не ограничились лишь титулами.

Историки давно обратили внимание, что летописец, рассказывая о событиях IX–X вв., почти всегда говорит о двух правителях, одновременно княживших на Руси:

Аскольд и Дир, Игорь и Олег, а после смерти Олега – Свенельд, сохранявший свои функции при сыне Игоря Святославе и внуке Ярополке, Владимир и его дядя Добрыня. Причем один из них всегда упоминается как военачальник, чья должность не является наследственной, а второй передает свое звание правителя по наследству. Это было очень похоже на систему соправления, сложившуюся в Хазарии. Предположения о существовании подобной системы подтвердились, когда в 1923 г. была обнаружена полная рукопись «Книги Ахмеда ибн Фадлана» – секретаря посольства багдадского халифа к правителю волжских булгар, в которой он описывал нравы народов Восточной Европы. Там четко указано на существование у русов двух правителей – священного царя, чья жизнь была скована множеством запретов, и его заместителя, который и ведал всеми делами. Это может многое прояснить. Например, существование нескольких версий смерти вешего Олега можно объяснить тем, что этих самых Олегов, а точнее Хельгу (если это вообще было имя, а не титул), было несколько. Затем для летописца они просто слились в один образ. Поскольку традиция подобного соправительства еще не успела прочно утвердиться, то она сравнительно быстро исчезает под натиском энергичного Владимира Святославича, уступив место традиционному разделу государства на несколько уделов между правителями.

Вероятно, русы заимствовали также и налоговую систему хазар. По крайней мере, летописи прямо говорят о том, что бывшие хазарские данники платили киевскому князю такие же подати, какие раньше – хазарскому кагану. Впрочем, учитывая претензии правителей русов на каганский титул, можно сказать, что для славян все не особенно менялось – система оставалась та же.

Большое влияние на древнерусскую культуру оказали реалии иудаизма, ставшие известными, не в последнюю очередь, благодаря киевской общине евреев. Известно, что какое-то время Киев и его окрестности рассматривались как новая Святая земля. Об этом свидетельствует сохранившаяся в народной памяти топонимика: Сионские горы, река Иордан – так именовалась протекавшая недалеко от Киева Почайна, многие легендарные свойства которой сближали ее с Самбатианом. Причем речь шла именно об Эрец-Исроэл, поскольку здесь ни гора Голгофа, как и ничто другое из христианской топонимии, не упоминались. Кроме того, несмотря на то что попытка «жидов хазарских» обратить Владимира в иудаизм потерпела неудачу, Киевская Русь проявляла большой интерес к древнееврейской литературе, многие памятники которой были переведены на церковнославянский или русский язык.

Хазарское государство оказалось необычным явлением в истории раннего средневековья. Странное это было государство: не имело территориальной структуры, надежного административного деления, общегосударственной правовой системы, законодательной базы и органов, отсутствовало правительство в общепринятом понимании, не имело государственного языка и собственной развитой письменности, деловой документации, книжности, литературы, историографии. Странная была страна, не оставившая ни одного оригинального документа, хроники, письменного памятника на любом языке – греческом, тюркском, иранском, арабском, славянском, староеврейском – с использованием какой-либо писаной графики – греческой, кириллической, иранской, куфичной, руничной, арамейской. Кроме беспрецедентной «еврейско-хазарской переписки», аутентичность которой вызывает серьезные сомнения.

Странная была эта страна – Хазария! Да и была ли она вообще?!

Формирование Древнерусского государства

Процесс формирования древнерусской державы со столицей в Киеве был трудным и длительным. Исследования на эту тему вызывали и вызывают многочисленные споры, поскольку письменные источники недостаточно освещают вопрос или поданы тенденциозно.

Что такое государство? Главные признаки государства: а) публичная власть, отделенная от народа; б) сбор дани для поддержки власти; в) территориально-административное деление.

В так называемые союзы восточнославянских племен входили поляне, древляне, северяне, словены, дулебы и другие, упомянутые в летописях.

Уместно рассмотреть происхождение государства Киевская Русь и основание Киева под разными углами исторических взглядов, используя и достаточно экзотические гипотезы. Одна из них называет захват Олегом Киева событием, которое привело к созданию государства-империи (государство, объединяющее разные народы, один из которых господствующий, называется империей).

Княжение Аскольда оставило более заметный след, чем об этом сообщает школьный и университетский курс «Истории СССР». Любителям истории об этом легендарном князе напоминает местность в Киеве – Аскольдова могила, упомянутая в романе Загоскина и воспетая в опере А. Верстовского. Сестра В. И. Ленина сообщала, что ее мать, Мария Александровна, любила исполнять на фортепиано мелодии из «Аскольдовой могилы». А дети становились персонажами.

По версии Нестора, Аскольд и Дир были варягами, княжившими в Киеве около 862 г. По мнению А. Шахматова, М. Грушевского, поддержанного современными историками, анализ так называемой «летописи Аскольда» из Никоновского списка доказывает, что Аскольд и Дир были последними представителями династии Кия. Это подтверждают некоторые зарубежные хроники. Одни ученые считают, что вначале они правили одновременно (П. Толочко), другие предполагают, что сначала Аскольд (840–860), а потом Дир, третьи предпочитают видеть Аскольда наследником Дира.

Нападение Аскольда на Константинополь и крещение его вместе с дружиной вывело Русскую землю на внешнеполитическую арену. Император выплатил Руси контрибуцию и заключил договор, согласно которому произошло «крещение Руси». Так Русская земля стала союзницей империи. В 882 г. князь Олег объявляет «Киев – се мать городов русских», то есть он становится столицей, а Среднее Приднепровье – центром империи.

Князя Аскольд и Дир в Киеве. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Взятие Константинополя Аскольдом и Диром. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Консолидация восточнославянских племен закончилась при Владимире Святом, но предпосылки были на столетие раньше. Об этом сохранились лишь отрывочные сведения. Так под 6362 г. Новгородская первая летопись сообщает, что Аскольд и Дир **«беста княжеша в Кieve, и владеюща Полями, и беша ратнии с Древлянами и с Улицю»**. Этот же факт находим у В. Татищева, но с другой датировкой: *«Оскольд же остался в граде том и, умножа варяги, наче владеть всею Польскою землею, имея войну с древлянами и со угличю»*. Эта разница в датах в очередной раз подтверждает, что Татищев работал с некоторыми летописями, которые не дошли до XIX в., то есть до периода их серьезного изучения. Из текста следует, что Олегу, как узурпатору власти, принадлежавшей Аскольду, приходилось покорять племена, сосуществовавшие с прежней властью в согласии. Что касается древлян, то они являлись ближайшим объектом экспансии киевских князей.

Вернемся к Аскольду. История Аскольда и Дира в существующих источниках сильно усложнена легендарными наслоениями и даже прямой фальсификацией. Это вина киевских летописцев начала XII в. У Нестора читаем: **«И было у него (Рюрика) два мужа Аскольд и Дир, не его племени, но бояре. И отпросились они до Царьграда с родом своим, и двинулись обое по Днепру. Идучи мимо, узрели они на горе городок (Киев)... Аскольд, а также и Дир, остались вдвоем в городе этом, и собрали много варягов, и начали владеть Полянскою землею»**. А М. Грушевский: *«...вполне возможно, что Аскольд был тот князь, что ходил в 860 на Византию и потом при согласовании с ней принял христианство»*.

В упомянутом исследовании М. Ю. Брайчевского «Возникновение христианства на Руси» Аскольду уделено внимания больше, чем у всех ученых вместе взятых. Михаил Юлианович считает, что Крещение Руси происходило именно при этом князе, а не при Владимире. Автор летописного сообщения даже не счел нужным разьяснить, кем были Аскольд и Дир по происхождению, ограничиваясь лишь противостоянием их «племени Рюрика». Понятно, что летописец не договаривает об обстоятельствах «захвата Киева». Совсем не сказано, с кем ведут переговоры норманнские военачальники. **«Они же реша...»** - пишет летописец. Но кто эти «они»? До этого: **«Аскольд же и Дир остава в граде сем...»** - как это просто взяли и начали править без всякого протеста и сопротивления населения?.. Серьезные сомнения вызывает 862 год как дата провозглашения Аскольда и Дира «боярами» Рюрика, так как это год легендарного призвания князей Рюрика,

Трувора и Синеуса. Хотя есть свидетельство, что за два года до этого Аскольд уже сидел в Киеве. Не составляет труда установить источник этой версии – она, без сомнения новгородского происхождения, именно согласно ей Аскольд и Дир просились у северного верховника (Олега) на юг, неожиданно оказались в Киеве и при таинственных обстоятельствах остались там править.

Но из Никоновской летописи узнаем, что Аскольд и Дир княжили задолго до 862 г. и до прихода норманнов. Там есть интересное сообщение: когда Рюрик стал раздавать земли своим приближенным, в том числе и Полоцк, то **«Того же лета воеваша Аскольд и Дир Полочан и много зла сотвориша»**. Это одно из немногих свидетельств соперничества Киева и Ладоги. Из этого следует, что Аскольд и Дир – не пришлые варяги, а местные, киевские князья. Подтверждение этому находим и в произведениях Яна Длугоша – польского хрониста XV в., использовавшего древнерусские источники, ныне утраченные. Он пишет: *«После смерти Кия, Щека и Хорива их дети и наследники по прямой линии правили над рутенами в протяжении многих лет. Наконец наследие перешло к двум братьям – Аскольду и Диру. Они остались княжить в Киеве в то время, когда много других из народа рутенов, через чрезмерный рост жителей, искали себе новые места для поселения. Испытывая недовольство от их верховодства, попросили от варягов князей, так как не могли найти согласия в выборе кого-то из своих. Первый из князей по имени Рюрик стал в Новгороде, другой – Синева – в Белом Озере, третий – Трувор – в Зборске»*. По Длугошу – Аскольд и Дир – законные киевские правители, оберегали свою землю от претензий Северной Руси, пригласившей варяжских правителей. В той же хронике сообщается, что Аскольд и Дир погибли от руки Игоря, и в Киеве утвердились Рюриковичи. Этот же эпизод находим у другого польского хрониста М. Стрийковского, жившего на столетие позже: *«Когда на Руси, – пишет он, – что лежит на юге, Аскольд и Дир, наследники Кия, в киевском княжестве правили, народы руськи широко размножились на северных и восточных землях»*. И тут ощущаем, что использовались неизвестные нам летописи. Арабский писатель X в. Масуди уверенно называет Диру «славянским царем».

Не могут норманисты доказать скандинавское происхождение имен Аскольд и Дир. Есть предположение, что Аскольд произошел от «Осколот», что вполне естественно ассоциируется с античным этнонимом «сколоты» (скифы). На гравюрах середины XIX в., которые висят у меня, надпись «Оскольдова могила». Так выглядит версия М. Брайчевского, по моему мнению, она наиболее правдоподобная. Но нельзя отрицать и предположение Омеляна Прицака. Он уверен в скандинавском происхождении Аскольда и Диры. Этимология имени Аскольд – от староскандинавского Хоскульдр (седая голова), соответственно Дир – «дикий зверь» или на некоторых языках Западной Европы – «олень». У германцев слово «дуг» чаще обозначало «медведь», чем «олень», а так как «зверь» – распространенное слово-табу, то скандинавы и германцы использовали слово «бьорн». Поэтому Прицак предполагает, что русский Дир – это король викингов Бьорн, который являлся королем Холодной или Большой Швеции. А также Аскольд (Хоскульдр) для одного из Гадингьяров, который отважился напасть на Константинополь в 860 г., а затем вернулся в Англию, а позднее переехал во Францию, где был известен под христианским именем Ательстан. Его крестным отцом был Альфред Великий. Дир (Бьорн) обосновался в своем замке Алдейгьюборзе (Старой Ладоге), убив перед этим предыдущего владельца. После того как Рюрик Ютландский умер, то предложение править было сделано его близкому родственнику Бьерну, сыну известнейшего викинга того времени Рагнара Лодброка. Также по Прицаку: беглый датский король Лота Кнут, который из-за своей предыдущей деятельности как «гелги» стал известен в русских летописях под именем Олег. Подробно размышления выдающего ученого изложены в его многотомных исследованиях. Детально пересказывать их я не берусь.

Советская историография, которую без особых размышлений унаследовала и нынешняя украинская, считала, что жизненно главное – это политика и экономика, а вопросы культуры помещали в самом конце учебника, научной монографии, даже путеводителя. Но в Святом Письме говорится, что **«в начале**

было Слово». А слово – это культура. Культурой называют совокупность материальных и духовных приобретений человечества или отдельного народа. Отечественная культура возникла на основе духовного мира древних славян под влиянием соседних народов, а особенно Византии. Основой культуры есть письменность. На первом этапе ее развития восточные славяне использовали собственные весьма примитивные знаковые системы. В пересказе черноризца Храбра упоминаются «черты» и «резы». На втором этапе используется греческий алфавит с прибавлением нескольких букв для передачи собственной фонетики. Наконец перешли к использованию упорядоченной азбуки – кириллицы (глаголица не получила распространения у восточных славян). Братья Кирилл и Мефодий на основе маке-донского диалекта старославянского языка создали азбуку, которая стала понятной всем славянским народам. С ее помощью переводились книги из Византии, распространявшиеся по Руси. Старорусские книжники дополняли славянский язык некоторыми словами и оборотами из диалектов восточных славян. Язык каждого племени, а потом княжества, безусловно, имел свои особенности.

Первую известную нам школу организовал князь Владимир. Крещеный правитель прекрасно понимал, что для распространения Слова Божьего нужны образованные, грамотные переписчики. При Ярославе во всех общественных центрах Руси появляются новые школы. Развитие культуры было тесно связано с учебными заведениями, существовавшими при церквях, монастырях, епископских кафедрах. В образовательном процессе участвовали и женщины, в частности Янка Всеволодовна.

Кирилл и Мефодий – первые люди, догадавшиеся сменить кодировку. До этого все писали транслитом.

Грамотность была если не всеобщей, то достаточно распространенной. Источником научно-природоведческих знаний стали также книги, переведенные с греческого. Центром распространения духовности был Киев, где на нивах просвещения подвизались Никон, Нестор, Сильвестр, Илларион, Кирилл Туровский, Климент Смолятич, Даниил Заточник. Наряду с письменностью развилось устное народное творчество: песни, пересказы, заклинания. Особенно нужно отметить былины, где воспевались подвиги Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Кирилла Кожемяки, где большинство событий были связаны с Киев-градом.

Можно гордиться духовными достижениями эпохи Киевской Руси – ее лучшие произведения вошли в сокровищницу всемирной культуры.

Историю Киева нужно начинать с духовных корней, первых проявлений культуры, ранних памятников фольклора, рисунков на стенах пещер, орнаментов на керамике... Из-за недолговечности материала, к большому сожалению, предметы культуры из дерева не дошли до наших дней. А их было не счесть... На Руси испокон веков преобладали деревянные сооружения: жилища, храмы, укрепления... К счастью, благодаря строительству Подольской линии метрополитена, в 1970-е годы были обнаружены фрагменты старых застроек, и мы можем представить городские улицы в великокняжескую эпоху. Позже начинается каменное строительство, но время неумолимо. Обиднее всего, что строения, пережившие нашествия татар, других захватчиков, простоявшие 1000 лет, были варварски уничтожены в XX в. С убогим миропониманием коммунисты, по возможности, перекладывали вину на кого-то. Так взрыв Успенского собора 6.10.1941 приписали немцам. Старались, но не сумели возложить вину на них, разрушив Михайловский монастырь в 1935 г. Благодаря подвижнической деятельности Н. Макаренко был спасен в те же разрушительные для отечественной культуры годы Софийский собор. Чудом сохранились в Киеве Кирилловская церковь и Михайловский собор Выдубицкого монастыря. А вот Трехсвятительскую церковь уберечь не удалось.

Коммунисты утверждали, что Иисуса Христа не было, а теперь во всех своих органах печати ведут спор о его национальной принадлежности. Не устану повторять, – если Бога не было, откуда бы взялись атеисты?

Если «Киев - мать городов русских», то кто тогда отец?

Хочу предложить свое осмысление не одно десятилетие мучающего меня вопроса: если князь Олег на Днепровских кручах объявил: «Киев – мать городов русских!», то КТО тогда ОТЕЦ?

В результате продолжительного сбора всевозможных материалов об острове Рюген, который известен в нашей мифологии и из произведений Пушкина как остров Буян, – у меня появились предположения, что это именно он! В этой мысли я еще больше утвердился после его посещения. Осуществилась моя многолетняя мечта – я осмотрел его, проехал вдоль и поперек, побывал на славянских городищах, расположенных там. Предчувствуя недоумение читателя, сразу хочу объяснить и поведать об исторических событиях, о которых большинство граждан нашей страны не знает. Хотя остров Рюген расположен в Балтике, на самом севере Германии, он в течение столетий был... духовным, религиозным центром СЛАВЯНСКОГО МИРА. Местом, где располагались основные его святилища, в первую очередь Свитовида (Свянтовида, Святовида).

Известные обстоятельства и политические причины не позволяли говорить о нем в XX в. ни германским, ни отечественным ученым. Это сохранилось и после образования ГДР, хотя, казалось, наконец-то у советских археологов появилась возможность провести там исследовательские и археологические работы. Этого не произошло! Используя прекрасные климатические и природные условия (что-то вроде Паланги), здесь отдыхало партийное руководство, и чтобы им спалось спокойнее, на территории установили ракетные установки, направленные на Запад. Поэтому остров Рюген, заполненный курортниками, а во время войн выздоравливающими, с 1949 г. стал закрытой зоной. А в XIX в. в Германии кто, кроме Карла Маркса (шучу!), думал о славянах. Об этом ниже. А стоило поразмыслить, ведь названия большинства германских городов, словно с карты Украины: Сосниц, Ростов, Тетеров, Краков (на Сее), Рыбниц, Туров и сотни других. И все в северо-восточной части государства, где и название столицы – Берлин, у которого в гербе города – медведь. В ряде старославянских племен так и называли этого зверя – «берло», отсюда и «берлога». Они считали себя его потомками, поэтому и очеловечивали (Михаил Потапыч), он был их тотемным зверем.

Сказанное подтверждают арабские источники, из которых узнаём, что было три разных Руси. Одну уже закрепили за Киевом, вторая очень схожа с Новгородом. А вот третья? Ее называли Артанит, или Арсанит и размещали на острове, окруженном морем. Арабские летописцы сообщали, что он граничит со страной славян и его можно объехать за три дня. Ибн Руст писал в 1010 г.: *«Русь находится на острове, берега которого равняются трем дням пути, покрытый он лесами и болотами. Русы имеют царя, которого называют Хакан-Рус и совершают набеги»*. В другом источнике, что касается русов: *«они живут на острове в море и занимаются разбоем»*. Вспомним хорошо известный по произведению Пушкина остров Буян (где живут буйные люди). Тахир-аль-Марвази в конце XI ст. писал, что *«они рассматривают меч, как способ существования»*.

Старославянское население нынешней территории Украины вело мирный образ жизни, предпочитая заниматься земледелием. Рюген полностью соответствует описанию острова и людей. На нем были поселения племени ругив, или ранов. А в северо-восточной части Германии проживали русы, русины, которые сами себя называли панями (очень похоже на панов – обращением, принятым у поляков и украинцев). Славянское племя ругив редко встречается в наших летописях, но этим названием сплошь пестрят европейские хроники. Они, сообщая о переговорах княгини Ольги с германским императором Оттоном, называют ее королевой «ругов» (Regina ruginum). Почему-то забытым свидетельством о заселении западноевропейских земель славянами является провозглашенный в июне 1648 г. под Белой Церковью Универсал Богдана Хмельницкого. Гетман призывает собравшихся последовать примеру их славных предков. Он говорит про *«русов з Руси от Поморья Балтицкого – албо Немецкого собранием за предводительством князя их Одонацера, року по Рождестве Господнем 470»*.

В германских письменных источниках достаточно материалов о Рюгене. В них говорится, что прибалтийские славяне размещались вдоль берега моря между Данией и Пруссией, который раньше заселяли славянские племена, давшие название местности и бесследно исчезнувшие. Это пруссы, вагры, бодричи, варны, лютичи. На Рюгене располагался их духовный центр и пантеон всех основных богов.

Детально о жизни этого забытого славянского мира я узнал из монографии А. Гильфердинга «История балтийских славян» (Москва, 1855). Книга находится в библиотеке И. С. Глазунова, который уже многие годы собирает материалы про остров Рюген и даже создал цикл картин, рассказывающих о живших там славянах. Когда я подробно ознакомился с литературой, то узнал, что способ жизни, обычаи, язык и в первую очередь выбор божеств и формы поклонения им были схожи как для Рюгена, так и для Киева.

Направляясь на Рюген, проезжаешь через Рубелов и Пантелиц (сбить с панталыку), а потом уже по дамбе на остров. Судя по всему, тут был перешеек, но его в целях обороны ликвидировали, а потом деяние людей завершило море. Я поселился на побережье в Заснице, небольшом городе-порте, среди соснового прибрежного леса, название которого напомнило о «Соснице», что подтвердилось присутствием рядом Дубница. Вспомним, что дубовые рощи всегда были местом священных собраний славян.

Но самая значительная достопримечательность острова – это Аркона. За километр от нее стоянка машин и знак, запрещающий далее движение автотранспорта. На большой схеме можно узнать, что это оберегало, в первую очередь, славянскую древность, а не рядовые застройки столетней давности вокруг маяка. Только пешком по дороге среди небольших холмов можно попасть к городищу, минуя поселок Витт.

Что такое Аркона? Известный хронист Саксон Грамматик (1140–1206) описывает главную крепость острова Аркону, которая была защищена с трех сторон крутыми скалами, а с запада валом высотой 16 м. Эта твердыня после длительной осады была сожжена войском датского короля Вальдемара I. Но позвольте! Ведь этот король имел сына Гамлета, принца датского. В бессмертном произведении Шекспира есть сцена «На морском побережье», когда Гамлет возвращается с войны со славянами! Интересно, что в ряде переводов указаны поляки (у Полевого), но в оригинале читаем «со славянами».

Лингвистические корни слова Аркона уносят нас к величайшему «Слову о полку Игореве». Где употребляемое слово «рекучи», древнее сочетание «арк», присущее названиям древних стран «Аркада», «Аркадия», дали название столь памятному месту – где «провозглашаются важнейшие речи». Другая крепость на острове называлась совсем уже по-нашему – Кореница.

Основным идолом в Арконе был Свантовит (Святовит). Он находился в специально посвященном ему строении, на ровной площадке, в самом центре городища. Храм был величественный, с одним пышно украшенным входом. Саму священную статую окружала вереница красивых изделий из камня и дерева, повсюду были развешены искусно вышитые ковры и рушники. Само божество было гигантских размеров, с четырьмя головами. Усы и прическа (оселедец) имели вид, принятый у воинов последующих поколений – киевских дружинников, украинских казаков. В правой руке статуи – металлический рог, систематически наполняемый ритуальным напитком, обилие которого свидетельствовало об урожайности последующего года. В непосредственной близости находилась сбруя коня божества. Конь Святовита был исключительно белого цвета. Ему уделяли пристальное внимание. Если конь поутру был весь в пене, значит, что на нем всю ночь скакал сам Святовит. Незадолго до нашего приезда был напечатан очерк одного из местных исследователей. В нем подчеркивалось, что славяне столетиями сохраняли ритуальное значение белого коня. Приводился тот факт, что Парад Победы в Москве в 1945 г. маршал Жуков принимал на БЕЛОМ КОНЕ!

В определенные дни – в праздники и перед походом – выводили коня Святовита. Собравшийся народ поголовно опускался на колени. Святилище денно и ночью охраняли триста хорошо вооруженных воинов, гарцюющих с бравым видом на отборных скакунах. Возле Святовита постоянно находилось его оружие. Громадный меч, ножны которого и рукоять были богато украшены высокохудожественной резьбой по серебру. Лучшими мастерами были сделаны булава, кольчуга, щит, колчан и лук. Вспомним найденный двухметровый меч в могильном кургане на Болдиной горе в Чернигове.

По описанию хроник, ежегодно после сбора урожая, в Арконе вокруг храма собирались жители острова и паломники со всего мира. Они, для прославления божеств, приносили жертву, чаще петуха, проводили святочную трапезу. Отражение этих «Свят», именно так мы слышим в «святкуванні», в Святовите! Во время торжеств длинноволосые бородатые жрецы выносили громадный каравай, мужчины не духовного сана обязаны были бриться и стричься. Главный жрец, с более длинными волосами, становился перед народом, за караваем. После продолжительной паузы спрашивал у присутствующих: «Видите ли вы меня?» И, услышав в ответ, что видят, громогласно вещал: «В следующем году не увидите!» Таким образом желали обильного, щедрого урожая, каравая – выше фигуры старейшины. Сокровенные пожелания простыми людьми царапались на специальных буквых дощечках (отсюда буквы?) и складывались вблизи капищ. Это свидетельствует о наличии письменности у славян, еще до великого деяния Кирилла и Мефодия.

На Рюгене любили принимать гостей с хлебом, караваем (коловаем, коло выбирай). Этот обычай сохранился и на наших землях, от торжественного приема гостей до свадеб. Все гости Арконы были обязаны принести жертву Святовиту и другим богам из его окружения – Хорсу, Перуну, Велесу, Дажьд-богу. Им отдавали треть урожая, добычи, товаров, что способствовало укреплению государства, росту его могущества. Такие святыни, только поскромнее, имели все значительные славянские города. В 1848 г. был найден громадный каменный Святовит в реке Збруч. Нам он хорошо известен как «Збручский идол». Он сейчас хранится в Кракове. На Старокиевской горе в столице Киевской Руси князь Владимир создал величественный пантеон старославянских богов. Поставил, украсил, возвеличил, а потом унизил и низверг. Они все были слиты в единое целое как на Пантеоне богов, так и в сознании людей и имели позитивные имена – Радогощ (рад гостю) или Пирогоща (пиром и пирогами всех угощающая). Украинцам эти прозвища дороги и сегодня.

На второй день доброжелательный местный профессор повез меня на другое городище Рюгена – Бергвалл. Прочтем по-нашему: город, городище, окруженное валом. Это было последнее славянское поселение, сожженное датчанами в 1199 г. Размеры 200 x 140 м. Находилось оно в поселке Гарц (гарцюющие воины). На нем сохраняется нетронутая земля, за прошедшие столетия никто не построил домов и гаражей. Только у самого подножья, в память погибшим в Первой мировой войне с нами, стоит мемориал. Что весьма символично.

Напомню, что ряд исследователей предполагает, что Рюрик и его братья Синеус (свой род) и Трувор (верная дружина) пришли в Новгород с восточногерманских земель, в том числе и с Рюгена. Я поставил скобки, так как упоминал, что указанных братьев не существовало. Мне непонятны эти споры. Разве нельзя утверждать, что в дружину могли входить и братья, а ее состав был родственным. В дохристианский период можно было определить мать, а вот отца сложнее, а часто и невозможно! Но не об этом я хочу сказать. Мне кажется, что Рюрик и Олег, как представители племенной правящей верхушки, проходили почетную службу среди 300 воинов Святовита в Арконе, на Рюгене. Теперь попытаюсь ответить на не одно десятилетие меня мучающий вопрос. Если родственник или просто приближенный Рюрика, князь Олег на Днепровских кручах объявил: «Киев – мать городов русских!», то КТО тогда ОТЕЦ? Получается, нет иного, кроме Рюгена!!! Мне кажется, говоря о «матери», он имел в виду свою прародину – Балтику, а в дальнейшем, по-киевски патриотично настроенные летописцы, поменяли на то, что

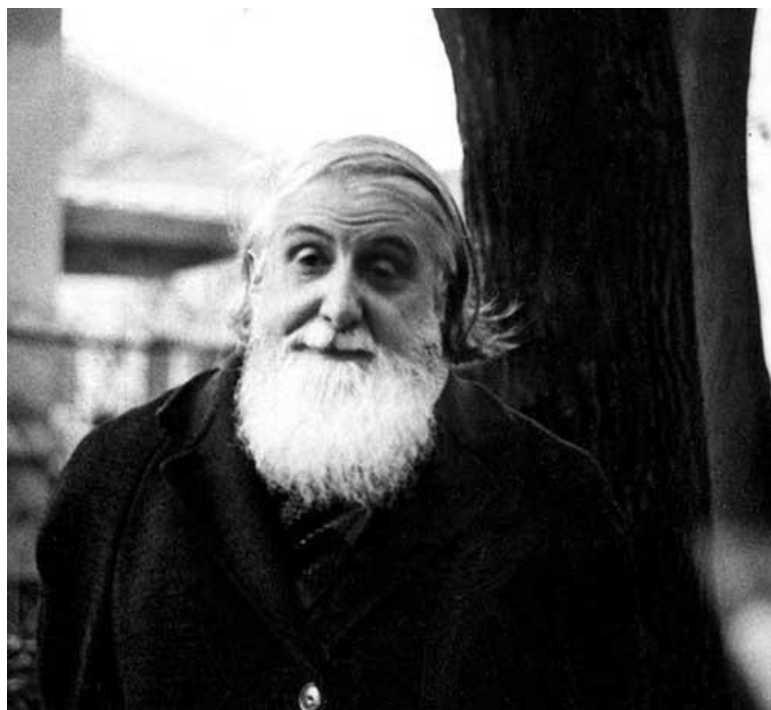
им было дороже.

Эти размышления овладели мной на городище Арконы. Вокруг был частокол, очерчены специальные площадки, стояли изображения Святовита, неудачно выполненные польскими скульпторами (до Польши рукой подать). Бродили, фотографировались ничего не понимающие в нашей старине симпатичные немки. Все было оформлено с уважением к чужой, ушедшей на восток культуре. Но почему плывут «мимо острова Буяна в царство славное...» наши историки, или их не интересует, откуда пошла Русь? Как возникло это название? Ну, как о нас у Пушкина: *«Ленивы мы и не любопытны»*.

А жаль!

М. Ю. Брайчевский: Аскольд - царь Киевский

Правление Аскольда настолько мало изучено, что не только читатель, но и крупные ученые теряются в догадках. Один М. Ю. Брайчевский, который не пришелся ко двору советскому чиновничеству, пытался внести ясность в те или иные запутанные истории. Его исследования всегда поражали не только глобальными познаниями ученого, но и логикой мышления, умением заглянуть в глубь поставленной проблемы, аналитическим рассмотрением объективных причин. В отличие от некоторых коллег-академиков, Михаил Юлианович предметом своих исследований выбирал самые важные, основополагающие проблемы и решал их в своих монографиях: «Как и когда возник Киев», «Возникновение христианства на Руси», а главным его трудом считают «Походження Русі». Встречался я с ним в Обществе филателистов. И здесь великого ученого привлекала трудная тема - он собирал и изучал земские марки, почти неизвестные и мало закаталогизированные. Брайчевский неоднократно выступал у нас в клубе «Киевознавец». Как сейчас помню его интереснейший доклад о смерти Бориса и Глеба с сенсационным выводом: истинный убийца - не Святополк, а Ярослав.

М. Ю. Брайчевский

Но к этой теме мы еще позднее вернемся, а пока расскажу один случай. Летом 1983 г., на встрече московских славянофилов с С. А. Высоцким, увидев Михаила Юлиановича, я спросил у друга-археолога В. Харламова: «Правда, что Брайчевский - историк № 1?» Раздраженный вопросом, Виктор ответил: «Мы номера не ставим!» Может быть, в Институте археологии ученые не нумеровались, но для меня, как и для всех ценителей истории, Брайчевский остается ведущим историком последних десятилетий XX в. Поэтому весь рассказ об Аскольде я позаимствовал у Михаила Юлиановича. Да не только это! Я думаю, он бы меня простил, а читатель пусть пользуется возможностью познакомиться с содержанием его книг, так как вышли они малыми тиражами и абсолютно не доступны многочисленным любителям истории Киева.

В ряде изданий 1970-х годов комментарии и статьи были без указания автора, ибо его имя было под запретом. Так, в схеме «Древнего Киева», на обложке, где была библиография с упоминанием книг Брайчевского, ее запечатали краской с новыми текстами. Правда, дотошный читатель мог посмотреть издание на свет и прочитать первоначальный список литературы. Цензор до этого не додумался. Тираж очень дорогостоящей для издательства «Мистецтва» карты, где оказалась фамилия выдающегося ученого (да какая история Киева без него?), мог быть уничтожен. Как быть советскому издательству? На кого списать убытки? Но позволить, чтобы строители «коммунизма» узнали фамилию «Брайчевский», было недопустимо!!! Выход нашли! И вся редакция ластиками стирала фамилию на карте!!! И так на всем тираже!!! Мне попадались экземпляры, где оставались еще следы резинки. В чем вина ученого, мне, да и не только мне, толком не ясно. Его обвиняли в национализме... Да много ли надо, чтобы быть выкинутым из общества? Того общества, где процветали лживость, приспособленчество, чиновничество, угодничество, преследовалась критика, отсутствовала свобода слова... Особенно трудно было историкам, которыми командовали из идеологических партийных кабинетов. В математике или физике нужно было что-то смыслить, в гуманитарных науках достаточно было трудов Сталина. Ленин и Маркс были для них достаточно сложными... Поэтому Брайчевского, кандидата наук, с треском изгнали из Института истории. Ему еще повезло! Его взяли в Институт археологии. А вот Елену Апанович, тоже кандидата исторических наук, за ее монографию «Збройні сили України» вообще не брали никуда, несколько лет она была без работы, а потом власти снизошли и ее приняли на работу библиотекарем.

Брайчевский Михаил Юлианович (06.09.1924—23.10. 2001) – историк, археолог, нумизмат, филателист, общественный деятель, доктор исторических наук (1989), профессор (1992), был председателем киевского отделения Украинского исторического общества. Родился в Киеве и после окончания историко-филологического факультета Киевского университета в 1948 г. работал в Институте археологии. В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Римская монета на территории УССР». Принимал активное участие в ряде коллективных фундаментальных трудов. Основные работы посвящены исследованию Черняховской культуры, раннеславянских древностей, государства антов, Киевской Руси. Был одним из инициаторов создания Всеукраинского общества охраны памятников истории и культуры и потом принимал посильное участие в их сохранении, несмотря на тяжелые времена бездуховности и борьбы с церковной историей. В 1966 г. написал работу «Приєднання чи возз'єднання? Критичні замітки з приводу однієї концепції», которая после опубликования за рубежом вызвала яростные гонения на автора. На родине его преследовали не только за независимость позиций, но и за его аргументированную критику мифа русской великодержавной историографии о «воссоединении русского и украинского народа в 1654 г.». Пришлось Михаилу Юлиановичу работать «в стол», но все эти труды были важны для освещения темных пятен отечественной истории, и сейчас они постепенно издаются.

Лишь с началом украинского национального возрождения в конце 1980-х гг. Брайчевский возвращается к научной и общественной жизни, защищает докторскую диссертацию. Тогда у него выходит фундаментальная работа на русском и украинском языках «Утверждение христианства на Руси» (К., 1988). Подобного объективного исследования на эту тему не было, да и нет по сей день. Он одним из первых занялся пересмотром догм и стереотипов советской историографии, что нашло отражение в его «Конспекті лекцій історії України». В частности, ученый выступил против теории о существовании древнерусской народности, поддержав точку зрения Грушевского о раннем формировании украинской народности, а также гипотезу о тождественности антов и полян. Вообще профессор кафедры истории Национального университета «Киево-Могилянська академія» М. Ю. Брайчевский написал более 500 работ. Умер в Киеве в 2001 году.

Необычайно важно остановиться на летописании. В древности хронисты, записывая важное событие, не упускали возможности вставить в свой рассказ

предания и легенды. Это похоже на современных авторов, в том числе и на меня. Тем не менее летописи – незаменимый источниковедческий материал для понимания истории нашей страны. Первые ежегодные записи были сделаны еще в IX в. (Летопись Аскольда). В 1037–1039 гг. в Киеве предварительные записи были собраны в первый свод – Древнейший. Его автором мог быть, по предположению ряда ученых, митрополит Илларион. В 1070-х игумен Печерского монастыря Никон создал первый Печерский свод, в 1095 г. игумен того же монастыря Иоанн – II Печерский свод, который А. Шахматов назвал Начальным. В начале XII в. монах Печерского монастыря Нестор на основе предварительных сводов сложил «Повесть временных лет», отредактированную в 1116 г. игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром. Эта «Повесть» охватила древнюю историю до начала XII в., ее логически продолжали Киевская (XII в.) и Галицко-Волынская (XIII в.) летописи.

Нестор закончил «Повесть временных лет» около 1114 г., то есть завершение труда совпало со вступлением на киевский престол переяславского князя Владимира Мономаха. По-видимому, новый правитель остался неудовлетворенным историческим обзором печерского монаха и отдал его на переработку Сильвестру – игумену своего вотчинного монастыря в Выдубичах. Но и второй вариант не устраивал Мономаха. В результате появилась третья редакция, автором которой вполне обоснованно считают его сына Мстислава или кого-то из его ближайшего окружения. Поскольку первый несторовский вариант не дошел до нас, сказать, что в нем, определенно нельзя, но догадаться не так сложно. Одним из основных мотивов исправлений периода Мономаха было обоснование прав династии Рюриковичей и придание им большей импозантности и «законности». Еще свежи воспоминания современников о том, что они с помощью Олега захватили власть в Киеве незаконно, узурпаторски. Пришлось оправдывать Рюриковичей ценой фальсификации.

Привычное сочетание имен Аскольд и Дир кажется странным, так как трудно представить одновременное правление двух лиц, пусть даже братьев. Хотя история помнит случаи дуумвирата. Теперь об их смерти по летописи. Аскольд и Дир были убиты в одном месте – по приказу Олега (в некоторых текстах Игоря) – в урочище Угорском, известном, как Аскольдова могила, где и похоронили. А вот Дир погребен в пределах старого Киева: «**...а Дирова могила за святой Ориною**», то есть на территории древнего некрополя. Поэтому вполне логично предположить, что в 882 г. был убит лишь Аскольд, а Диру вспомнили, скорее, по каким-то определенным причинам. Дир, без сомнения, исторический персонаж. Летописец сообщает о его могиле (кургане), писал о нем и араб Масуд.

В отличие от Диры, образ которого стерт благодаря столетиям и усилиям хроникеров, Аскольд является ярким персонажем европейского средневековья. Но его деятельность всячески нивелировалась. Даже история XX в. помнит немало случаев, когда и в нашем Отечестве правящий глава государства пытался все доброе, сделанное его предшественником, приписать себе, а все непотребство свалить на него. Так, очевидно, и в данном случае, все последствия бурной деятельности Аскольда замалчивались после его убийства и приписывались другим. Особенно то, что касается достижений в духовной сфере: принятие христианства, начало летописания, строительство храмов и многое другое после 882 г. было изменено, а все о киевском кагане сознательно стиралось из народной памяти. Последствия правления Олега привели к тому, что после подъема при Аскольде Русь была отброшена на столетие назад, остановилась в своем развитии. Даже воспоминания об Аскольдовом времени в позднейших летописях тщательно изымались. В религиозной истории все приписывалось Крестителю Руси, и если бы не византийские источники, то мы не догадывались бы о благодатной роли Аскольда. Трудно писать об этом, но у всех в памяти, еще со школьной скамьи, запечатлелась роль «равноапостольного князя». Да и эта книга вызовет неоднозначное восприятие читателей. Не исключено, что на меня, популяризатора идей Брайчевского, обрушится град критики, ну и что же, кому-то это необходимо делать. А по большому счету, не так важно, при ком происходила христианизация Руси, важно, что эта вера стала основой для создания новой державы, ее главным фундаментом. Благодатные зерна новой веры упали на хорошо возделанную почву

и помогли формированию, укреплению государства.

Период правления Аскольда стал для Руси гранью, отделяющей первобытный строй от феодализма. Ситуация характерная, когда качественные изменения ломали рамки старого мира. Каким бы гениальным ни был конкретный исторический деятель, каким бы даром предвидения он ни обладал, никому не удалось выйти за границы своего времени. В этом суть исторического процесса! История ставит перед собой лишь достижимые цели! Киевская Русь, которая начала формироваться, при Аскольде была молодой страной, еще не успевшей накопить необходимый политический опыт. Этим она отличалась не только от Византии, но и от Франкского государства, освоившего опыт бывшей Римской империи. Руси нужно было начинать с самого начала, почти на пустом месте. Ее положение среди других стран было неопределенным и неясным – о ней никто ничего не знал, она вынуждена было завоевывать свое место под солнцем. Все зависело от создателя, взявшегося вывести свое государство в широкий фарватер международной жизни. Вспомните, сколько подобных «варварских» государств исчезло бесследно, не сумев найти своевременного правильного пути. Но все помнят Аттилу, держава которого рассыпалась после его смерти, а кто в мире вспоминает Аскольда?! Заслугой нашего князя было то, что он удивительно мудро определил главные направления своей политики и строил государство с учетом далекой перспективы. Не его вина, что начертанные им пути были окончательно реализованы лишь через столетие – в ход событий вмешались чужие, враждебные силы. Внутреннюю жизнь страны Аскольда представить сложно. Это не парадокс, всему есть свое пояснение. Ее не освещали ни отечественные, ни иноземные документы, а вот в международных отношениях киевский царь достиг ощутимых успехов. Это характеризует последнего Киевича (мне импонирует схожесть наших фамилий) как человека мудрого, способного вглядываться в суть вещей, не удовлетворяться текущими потребностями и хлопотами.

Аскольдова могила. Худ. Т. Г. Шевченко

Он, очевидно, хорошо понимал, какую роль идеология играет в социальной жизни и ощущал необходимость действовать. Самым удивительным актом Аскольда было почти пророческое понимание великого будущего Руси, провидение «русской

эры» – отсчет годов с того момента, когда она провозгласила себя неотъемлемой частью ойкумены (так греки представляли цивилизованную территорию). Нужно было иметь большое мужество отважиться на такой шаг – решительно и четко определить точку отсчета, с которой началась отечественная история. Мы можем с удовлетворением утверждать, что до реформ Владимира Святого Русь земля «была ведома и слышима всеми четырьмя концами земли», потому что трудами Аскольда и его наследниками она стала такой. И раз в памяти народа осталась романтическая местность – Аскольдова могила, значит, как ни старались вычеркнуть имя создателя Киевской Руси, этого не произошло.

Определить границы Аскольдовой державы в IX в. можно весьма приблизительно. Все же попытаюсь. Не вызывает сомнений, что ядром Киевского государства была Средняя Надднепрянина с Киевом, Черниговом и Переяславом – территория, где возникла, вызрела и сформировалась Русь Изначальная и стала первоисточником русской государственности. Эти города и упомянуты в договоре с греками 907 г., включенном в «Повесть...». Тут нельзя не сказать о Тмутаракани, которая давно будоражила своей загадочностью умы многих исследователей. И вопрос не в возникновении и переходе под киевскую власть конкретной местности на Таманском полуострове, а в долгом и трудном процессе утверждения славянского (русского) элемента в Приазовье и Южно-Восточном Причерноморье. В общем организме Киевской Руси Тмутаракани принадлежит особое место, и не потому, что здесь не преобладал славянский элемент. Даже среди дружинников, набранных из разных уголков земли, славяне были в меньшинстве. Впрочем, разноплеменные наемники были и при других дворах. Так как Тмутаракань располагалась на пересечении важных торговых путей, то контроль над ней, как и над Крымом, защита интересов купцов были основной целью княжества. О славянизации Тмутаракани и Крыма нужно сказать особо, недаром эти земли иногда называют Руськой Арсанией. Некоторые авторы готовы провозгласить их исконно славянской территорией, считая крымских скифов прямыми предками Руси. При этом присутствует совершенно противоположное мнение – исключать славянский элемент в формировании этноса Крыма. Это понятно, наплыв славянского населения в рассматриваемые земли в последней четверти I тыс. практически не освещен в письменных источниках. А с этими землями связаны самые ранние упоминания имени «Русь» и «Рос», что приводит нас к относительной славянизации других этносов и подтверждается экспансией Руси на Тавриду, Тамань. Налет Бравлина на Сурож – это лишь звено из длинной цепи важных событий. В. Васильевский, автор серьезных исследований Амастридского и Сурожских житий, считал, что *«все сообщения о Руси и руських до половины IX в. относятся к тавроскифам»*. Именно Приазовская Русь впервые встречается в византийских документах, которые отличали ее от Киевской.

Город, который в документах описываемого периода называется Тмутаракань, в период хазарского правления имел греческое название Таматархи. Первое упоминание о принадлежности его к Руси относится к 988 г. В этот год Владимир Святой отправил туда сына Мстислава – будущего победителя предводителя племени касогов Редеди. Но скорее всего, это территория отошла к Киеву при Святославе. Так Руськая Арсания стала существовать под киевским влиянием. Киевская Русь к IX в. занимала южную половину средневропейской равнины. Северная граница ее проходила между землями дреговичей и кривичей, охватывала бассейн Припяти с ее правыми притоками и нижним течением Березины. Через Днепр граница проходила вблизи р. Сож, дальше по Десне, ниже Снова, и по низовьям левых притоков Днепра – Сулы, Псла, Ворсклы, Орели – и до устья Дона, поворачивала на юг к Черному морю. Западная граница проходила вдоль основного Карпатского хребта. Древляне, северяне, дреговичи еще до конца X в. имели политическую автономию. Они платили Киеву дань, признавая его власть, участвуя в совместных походах.

Для большинства интересующихся историей кажется странным титул Владимира Святого – каган. Его придумали не арабы. Об этом сообщают Бертинские анналы, которые принадлежат перу франкского хрониста Пруденция, епископа г. Труа, и охватывают период от 836-го по 861 г. Нас интересует событие 839 г., когда в г.

Идельгейм прибыло посольство из Константинополя, которое принял император Людовик I Благочестивый. Послы назвали себя представителями «народа Рос». Они говорили о государстве, где правил царь, прозванный хаганом (rex, chaganus vocabulo), поддерживающий связи с византийским императором Феофилом. Не будем углубляться в анализ сложных обстоятельств, в результате которых «росы» прибыли. Нас больше интересует титул, который носил царь Руси.

Считаем, что слово «каган» было распространено на Руси IX в. и имело значение официального государственного титула. По рангу это была высокая степень политической иерархии, выше не только князя, но и великого князя (короля), то есть ранг царя и не ниже императора. По средневековой идеологии, император один на всю ойкумену, наследник римских императоров-цезарей. Конфликт между западным претендентом (Карлом Великим и его наследниками) и восточным (византийскими императорами) был развязан на основе паллиативного компромисса – была признана возможность существования двух империй со ссылкой все-таки на римский прецедент. Так, Феодосий Великий разделил империю на две части, оставив Рим Гонорию, а Константинополь – Аркадию. Царей было немало – кроме общепризнанного в Царьграде существовали верховники этого ранга в Болгарии, у аваров, в Хазарии, Армении, Грузии и т. п. Юридическое положение мало волновало многочисленных претендентов на императорский трон – главное, утвердиться и заявить о себе в этом ранге.

По традиции, всех киевских правителей дорюриковичского периода называют «князьями», но ни один источник этого не подтверждает. Единственное, у летописца читаем: **«сий Кий княжеше в роду своем»**, но непосредственно князем его ни разу не называли. А вот в летописи специально подчеркивалось, что Аскольд и Дир не были князьями. Там читаем, что Олег, заноса меч над их головами, произнес: **«Вы не есть князья, ни роду княжа, ни аз есм роду княжа»**. Тут мы видим реальную политико-юридическую коллизию. Этой фразой Олег подчеркивает ничтожество противников и то, что у них отсутствует право правления. Аскольд не был князем – он имел, как сказано выше, титул кагана, то есть стоял в феодальной иерархической лестнице выше не только Олега, но и самого родоначальника династии Рюриковичей. Олег же, несмотря на свою декларацию, князем не был, а лишь правил именем малолетнего Игоря. А Аскольда правильнее будет называть киевским царем или каганом.

Антские властелины именовали себя «рексами» или «риксами», усвоив латинский термин. Так Иордан называет Божа, а Феофилакт Симокатта величает Мусокия, подавая титул в греческой транскрипции и подчеркивая, что так его *«называют варвары на своем языке»*. Может быть, так называл себя легендарный Кий, но скорее, под влиянием аваров его называли каганом. А вот об Аскольде у В. Татищева: *«В молитве акафиста... Оскольда каганом именуют; оное еже имя мунгальское»*. В другом месте историк отмечает акафист Богоматери, в котором упоминается нашествие на Царьград *«скифского воеводы, лютого вепря, онаго прегордого кагана»*. Сомневающимся в достоверности этих сообщений некоторых исследователей еще раз отмечу, что Татищев пользовался источниками, не дошедшими до нас. Таким образом, восточные авторы, упоминая кагана, имеют в виду лишь Аскольда, а вот Олега и его наследников они так бы не величали, так как те назывались князьями.

По свидетельству арабского географа Ибн-Русте, каган считался на Руси верховным правителем, высшей политической, административной и судебной инстанцией. В книге «Худуд-ал-Алам» его даже называют «падишахом», что означает «царь царей», чем подчеркивается особый ранг киевского верховника. По свидетельству Гардизи, он имеет право на одну десятую часть всех доходов государства. В обязанность кагана входило решение всех конфликтов между подданными, и его указания являлись обязательными для исполнения. Свою власть каган делил со своими рыцарями и «знахарями», имевшими право даже на казнь подчиненных. Говоря о жрецах, Ибн-Русте совсем не упоминает христианство. Надо думать, что это касается времени до 860 г., то есть до его принятия.

При Аскольде основные контакты были с Хазарией, о чем я подробно писал выше. Но менее известны отношения с другими народами, в первую очередь с уграми. И сегодня Аскольда объединяют с представителями этого народа. Его могила в Угорском урочище. Там совсем недавно поставили знак в память о переселении угров (венгров, мадьяр), на котором можно прочесть строки из «Повести...», посвященные этому событию в IX в. (непосредственно перед миграцией мадьяр в Паннонию). Прародиной мадьяр принято считать Приуралье. Ряд исследователей, не без основания, сообщает о кавказском или кубанском генезисе, что не лишено основания, так как там мадьяры пребывали довольно продолжительное время и были известны под именем снонгугов. В первой половине IX в. они расположились в Наддонщине, создав большое объединение, известное под названием Леvedия. Отсюда и начинается их достоверная история, подкрепленная письменными источниками. Через некоторое время, под давлением печенегов, мадьяры отошли на запад, в страну Ателькоз (земли между низовий Днепра и Дуная). Тогда и начались первые контакты с Русью. Главная проблема хронологии в том, что летопись приурочивает сообщения о мадьярах только ко времени Олега: **«В лето 6406. Идоше Оугре мимо Киева горою, еже ся зовет ныне Оугорское. И пришедше к Днепру, сташа вежами. Беша бо ходяще тако и Половци. Пришедши от востока, и опустившася черес горы великыя, иже прозвашася горы Оугорскыя. И почаша воевати на живущая ту. Седаху бо ту прежде Словене и Волохове»**. Понимаем это так: 1) мадьяры впервые появились вблизи Киева около 6406 г.; 2) в этом же году они пошли на запад и перешли Карпаты. Иностранцы источники не вносят в этот вопрос ясность. Общепринятая хронология Д. Паулера предлагает следующую схему: появление Леvedии – 836–838 гг.; переселение в Ателькозу – 890 г.; переход через Карпаты и «обретение родины» – 895 г. Вызывает сомнение среднее звено. Константин Багрянородный, например, ограничивает пребывание угров в Леvedии до 3 лет. Это не столь важно до тех пор, пока мы не определимся, когда угры появились под Киевом.

Венгры под Киевом Худ. Ваго Пал

Вот, к примеру, хорошо известные факты: 1) возле Киева в IX в. и позднее существовало урочище Угорское (Угорская гора); именно ее описали как место убийства Аскольда; 2) в урочище Угорском был «Ольмин двор», название которого сохранялось до начала XII в., а «Ольма» – достаточно точная древнерусская транскрипция имени предводителя семи угорских племен Олмоша, наследника легендарного Леvedия, отца Арпада и современника Аскольда; 3) летописный

Ольма после коварного убийства Олегом Аскольда поставил на его могиле церковь Св. Николая.

Летописная дата – 6406-й, если от нее отнять по византийской системе 5508, соответствует 898 г., но в это время угры спустились с Карпат в долину Тисы. Можно говорить о 896 г., то есть о начале их пути из Ателькоза за Карпаты. Наличие Ольминого двора свидетельствует о многом, в первую очередь о том, что пребывание угров не было эпизодическим и кратковременным. Двор – это замок, определенный строительный комплекс, рассчитанный на длительное функционирование. Скорее всего, верхушка угров выбрала окрестности Киева для своей резиденции. Там мажарские верховники ожидали донесений от отправленных разведчиков о местах дальнейшего расселения. Их община уже твердо решила отказаться от кочевого образа и перейти к оседлой жизни. Нет данных об эксцессах между киевлянами и уграми. Их совместное проживание было выгодно или, по крайней мере, проходило без противодействия киевской администрации. Скорее всего, в IX в. существовал русько-мажарский союз. Об этом свидетельствует построение Ольмою церкви. В Ипатьевской летописи: «**...на той могиле постави Олма церковь Святого Николу**». Это еще раз подтверждает особую сердечность в отношениях правителя угров и киевского князя.

Так как этот союз не нашел отражения в последующих письменных источниках и, соответственно, в исторической литературе, то остановимся на нем подробно. Кое-где находим сообщения о незначительных стычках угров с Русью в период с 860-го по 882 г. В это время существовала единственная схема отношений между государями: вассалитет – сюзеренитет. Гипотеза о властвовании Олмаша над Киевом приводится лишь в одном источнике – «Хроники Нотария короля Бейли», известном под названием «Scriptores Regum Hungaricarum», написанном в 1196–1203 гг. В этой хронике действительно говорится о войне мажар с русами. По Нотарию, Олмош покорил не только Киев, но и Суздаль, Владимир, Галич. Но тогда этих городов еще не было, они заложены позже. А упоминания о половцах, появившихся значительно позднее, заставляет сомневаться в достоверности изложенного. Тем более что претензии угорского короля к Руси появились значительно позже, ближе ко времени Нотария.

Русько-угорский альянс – союз Аскольда и Олмоша – был вызван обстоятельствами, сложившимися на востоке Европы в середине IX в., и имел под собой солидную базу. Леведия была данником Хазарии, поэтому у нее была ее протекция, хотя и недостаточная, так как каганат переживал кризис, подвергаясь набегам печенегов. Угры вынуждены были искать союзника в лице Руси, переживавшей в то время активное развитие. Захват Олегом Киева в 882 г. и убийство Аскольда в корне изменили ситуацию. Новая династия, почувствовав себя хозяином положения, не желала продолжать политику своего предшественника. До 890 г. угры оставались в Приднепровье, тогда и была построена Николаевская церковь на могиле Аскольда. Не найдя взаимопонимания с новой властью, угры после 896 г. переселились в Паннонскую долину.

Кто такие печенеги, из-за которых ушли за Карпаты угры? Разберемся с ними. Печенеги оказались самой опасной волной тюрков-кочевников, прокатившейся через Восточную Европу. Особенно от них страдала, вплоть до X в., Русь. Печенеги себя называли кангар и в начале VIII в. пребывали в Приуралье. В течение столетия они оказались в низовьях Волги, между Хорезмом и Хазарией. Вот здесь у печенегов начало развиваться классовое общество, что вызвало у них внешнеполитическую активность. Они теснили мажар в сторону причерноморских степей, но на пути печенегов стали грузы, объединившиеся с хазарами и выгнавшие их со своей территории. Печенеги в IX в. заняли степи между Доном и Сиверским Донцом. Хазары для защиты от них построили крепость Саркел. Для противостояния печенегам принимали меры и на Руси. При византийском императоре Василии Македонянин известны и совместные действия. В Никоновской летописи читаем о возвращении киевской дружины: «**Того же лета избйша множество Печенег Оскольд и Дирь**». Враг был разбит, и по крайней

мере первая волна печенежских набегов получила достойный отпор.

А вот юго-западное направление политики Аскольда имеет несколько проблематичный характер. Имеется в виду Первое Болгарское царство. Этот исторический процесс усложнило вторжение в середине VII в. тюркской орды болгар во главе с ханом Аспарухом. Переоценивать это событие в ранней истории Болгарии не стоит, но тем не менее тюркские болгары дали имя нынешнему славянскому народу. Орда, возглавляемая ханами, попав в монолитное и стойкое земледельческое окружение славян, очень скоро освоила их язык и обычаи, и уже через два столетия бывших кочевников было не узнать. Пращурами болгарского народа были антские (полянские) племена, которые до второй половины VII в. расселялись на севере Балканского полуострова. Византия официально признала существование Болгарского царства в 679 г., заключив договор с ханом Аспарухом. С этого момента начинается быстрый рост царства, в основном завершившийся в IX в. Большие изменения произошли при царе (хане) Круме (802–814). Византия переживала не самые лучшие времена и не могла помешать укреплению своего соседа. Крум занял город Сердику (в будущем – Софию). Император Никифор попробовал добиться реванша и даже захватил столицу болгар Плиску, но вскоре византийцы были полностью разбиты, а сам император погиб в битве. После этого болгары вторглись во Фракию, взяв несколько городов, в том числе и Адрианополь, подойдя к самому Константинополю.

Подобные набеги повторялось неоднократно. Болгария вступила в период своего расцвета, ситуация изменилась лишь в начале XI в. при правлении императора Василия II, прозванного в связи с этим «Болгароборцем». Естественно, Болгария стала союзником Руси в борьбе с Константинополем и была вторым большим славянским государством, возникшим одновременно с Русью. Русьско-болгарские отношения развивались, несмотря на определенные противоречия. С одной стороны, две молодые державы выходили на мировую арену перед лицом своего основного соперника-врага – Византии. И византийская дипломатия, используя давний принцип Юлия Цезаря «Divide et impera», старалась усилить разногласия между Русью и Болгарией. В Никоновской летописи под 6372 г. имеется очень интересное сообщение: «**Убиень бысть от Болгарь Оскольдов сынъ**». Что это значит, трудно пояснить. А почему бы не предположить, что сын Аскольда был женат на болгарской принцессе, и смерть его наступила в результате каких-нибудь интриг. Но скорее всего, киевский царевич погиб во время военного похода. Об этом говорится как-то без связи с другими сообщениями. Очевидно, хронист посчитал его не настолько важным, чтобы выделить в специальный сюжет летописного рассказа. Между Западом и Востоком все более разгоралась борьба за влияние на церковную жизнь Болгарии. В 870 г. болгарская архиепископия оказалась в подчинении Константинополя, порвав все связи с Римом. Но это продолжалось недолго – болгарская церковь получила долгожданную автономию (экзархию).

В то время окончательно сформировалось Болгарское царство, а на Западе в 751 г. под ударами лангобардов пала Равенна – самый важный оплот Константинополя, что означало и потерю Рима. Папа Стефан II, утратив надежду на помощь с Востока, обратил внимание на молодое Франкское государство. Его король Пипин Короткий милостиво одарил престол св. Петра землями, отобранными у Византии, которые с тех пор образовали светские владения Ватикана – Папскую область. Под властью Царьграда на Апеннингах осталась Венеция и еще несколько небольших городов. В 774 г. Карл Великий, которого через 26 лет провозгласили императором, подтвердил бенефиций Пипина. В 812 г. власть Карла, основного соперника, признала Византия. До этого византийский император формально считался властителем ойкумены.

Византия нуждалась в кардинальных переменах. И они наступили в начале царствования малолетнего императора Михаила III, при котором регентшей стала его мать, царица Феодора. Именно при правлении этого императора и стала «**начася прозывати Руска земля**», то есть началось постоянное давление восточноевропейского государства на империю. В это время из

константинопольской знати выдвигается энергичный и честолюбивый политик – кесарь Варда, ставший фаворитом царицы, а вскоре и ее сына. Более 20 лет он занимал ключевые посты в империи, помогал вывести государство из кризиса. Первым делом началось возобновление иконопочитания и прекращение смут на религиозной почве (843 г.). В стране произошла консолидация правящего класса против народных восстаний и нападений внешних врагов.

Император Михаил III достиг совершеннолетия в 856 г., но еще десятилетие правила его мать. Большинство исследователей считают его никчемным, не имеющим никаких способностей правителем. Император Михаил увлекался охотой, маскарадами и до такой степени попойками, что получил прозвище Пьяница, но и военных походов он не пропускал, где использовал любую возможность покомандовать. Вообще в Византии всем заправлял кесарь Варда. Важной проблемой империи того времени была борьба за высшую церковную иерархию между патриархом Игнатием и его соперником Фотием. С этим столкновением был связан раскол Вселенской церкви на Западную и Восточную и начало противостояния между католиками и православными. К столь важному сюжету мы еще вернемся.

Международное положение сильно изменилось после смерти Карла Великого. По Верденскому договору 843 г., его империя разделилась на три громадные части, проявляя тенденцию к дальнейшему расколу. На Востоке, после смерти Гарун аль-Рашида, Багдадский халифат также приходил в упадок. Некоторые изменения наметились и на юге, в Хазарии, куда в 861 г. с миссией направился Константин Философ (Кирилл). Тогда же началась христианизация Болгарии, а царь Борис стал союзником империи. Свидетельство роста авторитета Византии – просьба моравского князя Ростислава послать в его страну миссионеров с целью ознакомления народа с христианством. Деятельность Кирилла и Мефодия в ответ на эту просьбу сыграла громадную роль для культурного развития славянства.

Новый этап развития Византии, как это часто бывало, начался с убийств правителей. Кесарь Варда 21.04.865 был убит Василием Македонянином, впечатлившим императора Михаила умением укрощать коней. Ранее ничем не приметный, Василий смог уговорить императора сделать его соправителем. Новый фаворит традиционно отблагодарил Михаила III, которого 24.09.867 закололи в опочивальне. В очередной раз обогрив руки кровью, Василий стал единовластным императором и заложил новую династию. Правление Македонской династии историки считают эпохой наивысшего развития Византии, а все ее представители оказались выдающимися личностями. Первым в этой веренице стал Василий I, неожиданно проявивший неслыханные способности политика и государственного деятеля. Он уделял большое внимание организации центральной власти, считая, что лишь константинопольский правитель имеет право на титул императора, и утвердил принципы легитимности и престолонаследия. В «Жизнеописании» Василия, составленном его внуком Константином Багрянородным, утверждается, что он был защитником бедных, что вряд ли соответствует истине. Тем не менее система налогообложения была приведена в порядок. Правительство Василия понимало, что ограбление населения приведет государство к упадку. Это бы разумеется – да современным правительствам!

Внешняя политика Византии стала более успешной. В это время неожиданно и уверенно на международную арену вышла Русь. Она начиная с IX в. заявила о себе целой серией походов на сильнейшую державу того времени. В правлении «царя Михаила», 6360 г.: «**...прихила Русь на Църьград, яко же пишашеть в летописании Грецком**», – наверное, это был поход Кия. Только в Никоновской летописи говорится о четырех походах Аскольда и Дира на Византию. Очень важны для отечественной истории византийские литературные памятники, особенно две речи константинопольского патриарха Фотия, пережившего нападение русов в 860 г. Первое выступление было в Софийском соборе, когда флотилия наших земляков стояла у стен города, а второе – после снятия блокады. Фотию принадлежит Окружное послание (энциклика) 867 г., где еще раз упоминается нашествие Руси и рассказывается о ее крещении. Это свидетельство современника

принадлежит к церковной литературе и выполняет задачу не только изложения реальных фактов, но и раскрытия определенной тенденции.

Походы Руси отражены во многих документах, где изложенные события или совпадают, или противоречат друг другу. Этим раскрывается важность событий, растущее значение Руси. А несоответствия изложенного вполне могут свидетельствовать о нескольких походах, и скорее всего, это связано с тем, что было несколько военных операций. Б. Рыбаков считает, что их было четыре. Один поход состоялся в начале лета 866 г. Войско Аскольда на двух сотнях кораблей выступило в поход вдоль берегов Болгарии против Византии и напало на Константинополь. Именно во время похода император и его соправитель вели свои войска против арабов. Но как только до них дошли страшные вести от епарха (градоначальника), они безотлагательно повернули войска назад. Их возвращение, пусть и неожиданное, не смутило русов, которых было немало, и они были привычны к боям. Но неожиданный шторм разбросал легкие корабли, и часть их затонула. Так как осажденные все время проводили в молитвах, стихия была воспринята как заступничество Влахернской Божьей Матери. Эта морская катастрофа не сломила Аскольда, не заставила отказаться от своих планов, и через 8 лет он вновь предпринял попытку покорить Константинополь (Царьград). Летописцы детали похода не описывают, но известно, что в результате мирный договор между императором и русами был заключен. Об этом Константин Багрянородный записал: *«Василий склонил к дружбе народ руський, воинственный и языческий, раздавая ему одежды золотые, серебряные и шелковые и установив с ним приязнь и соглашение, уговорив принять крещение».*

При этом летописная версия о первых договорах Руси с греками – в том виде, в котором она дошла до нас в третьей редакции «Повести...» – непосредственная часть интерполяции, преобразовавшей Аскольда и Дира из законных киевских правителей в норманнов и «бояр Рюрика». Новая редакция летописи настойчиво и последовательно стремилась вытравить из хроникальных текстов любые упоминания о реальной деятельности предшественников Олега и Игоря или приписать ее другим лицам из членов дома Рюриковичей. Но имя Олега грекам неизвестно, то есть ни о походах, ни о какой-либо его дипломатической деятельности в византийских хрониках сведений нет. Сообщения о походе Олега в 907 г. и о его посольстве в 911 г. являются полностью вымыслом и не подтверждены надежными источниками.

Князь Игорь, после неудачного похода на Византию, присягнув перед Перуном подтверждает договор Олега с греками, но с некоторыми ограничениями прав русских. В этом договоре впервые употреблено выражение: Русская земля. Убиты возмущенные Древлянами.

Князь Игорь.

Князь Игорь Рюрикович присягает византийцам перед идолом Перуна. Худ. В. П. Верещагин

Собственно все, что мы читаем в «Повести...», кроме самого содержания договора, имеет более чем сомнительный характер. А что говорить о таких деталях, как то: Олег поставил корабли на колеса и передвинул их по суше прямо к стенам Константинополя, фантастическое определение его армады (2000 кораблей); эпизод с удивительной прозорливостью киевского князя, отказавшегося пить отравленное вино, поднесенное греками; поволочаные (парчовые) паруса, пошитые русами; даже прославленный А. Пушкиным эпизод со щитом Олега, вроде бы вывешенным «на вратах Цареграда» (обычай, ни в одном источнике не зафиксированный). В общем, нужно сказать, что фигура Олега Вещего в древнерусской литературной традиции весьма спорна. Достоверных свидетельств, кроме убийства Аскольда, о нем не имеется. Его образ выглядит несколько фольклорно и часто используется в классической литературе. Советская историография сохранила традиционный образ Олега. Очевидно, договоры, заключенные с Византией в 907-м и 911 г., на самом деле были подписаны раньше и не с Олегом. В Византии существовало правило: все соглашения, заключенные с другими народами, писать в двух вариантах: по-гречески и на языке другой стороны. То же было сделано при подписании «договора 911-го». Текст этот попал в Ипатьевскую летопись: **«...бывшии миръ сотворихом... царя вашего и своею рукою, предлежащим честным крестомъ и святою единосущною Троицею, единого истинаго Бога вашего...»** Из этого отрывка выделим последние слова, которые даются лишь в рукописи, датированной XV в., и, очевидно, являются поздней поправкой. В других списках читаем **«нашего»**, а упоминание о Перуне и других языческих богах отсутствует. В 874 г. Русь была христианским государством. Император Василий и патриарх Игнатий, кстати, направили к нам епископа. Подробности ниже. А вот в 911 г. в Киеве антихристианское движение было в разгаре.

Остановимся на договоре 860 г., заключенном Византией с победившей Русью. Его содержание состоит из двух основных позиций: контрибуции и соглашения о дани, что очень характерно для времени, когда Константинополь, не имея возможности противостоять «варварским народам», вынужден был откупаться. Факт выплаты дани в пользу главных русских городов не вызывает никаких сомнений: **«первое на Киевъ, таже и на Черниговъ, и на Переяславъ...»** Важным в этих договорных делах является и то, что торговые связи Византии и Руси находились в стадии интенсивного развития, поэтому в договоре отражены интересы русских купцов, частенько захаживавших в города Византии, заинтересованных в товарах, привезенных из «заморья».

Христианизация Руси

Общим местом исторической литературы – как отечественной, так и зарубежной – является признание 988 года годом христианизации Руси. Просветителем восточного славянства категорически и безапелляционно утверждён Владимир Святославич. В связи с этим его возвели в ранг «равноапостольного» и провозгласили Святым. Но есть другое, малоизвестное мнение и опять же М. Брайчевского. Сразу оговорюсь, что моя книга – для разумного читателя, а не для зашоренного уставными требованиями потребителя мифов.

Мое личное отношение к равноапостольному князю Владимиру остается весьма уважительным и, несмотря на нижеизложенное, непоколебимым. Я по-прежнему коллекционирую современные книжные свидетельства Крещения Руси в 988 г. и с удовольствием демонстрирую их на выставках. Кроме того, я автор трех книг о моем любимом Владимирском соборе. К тому же я кавалер ордена Святого Владимира, который получил за заслуги перед церковью. Как верующий человек, я – поклонник принятых догм, а как историк и писатель, должен рассказать о более раннем Крещении Руси.

То, что написано ниже, также нельзя считать окончательной версией, и повторюсь, мне просто симпатичны и близки по духу предположения Брайчевского, поэтому ими и воспользуюсь.

Истинная дата христианизации Руси – 860 г., и первым просветителем нашего народа был Аскольд. И только его трагическая судьба стала причиной появления легенды Крещения Руси св. Владимиром. Внимательного исследователя поражает полное отсутствие в иностранных источниках каких-либо сведений о Крещении Руси в 988 г., а Титмар Мерзебургский упоминает в это время лишь о крещении князя. Особенно удивляет абсолютное молчание византийцев. Тем более что новая вера пришла к нам из Константинополя, цареградская патриархия должна была рассматривать это как особую удачу, но никто и нигде не сообщает об этом. В конце X в. Лев Диакон вспоминает об осаде Херсонеса киевским войском. Скилица и Зонара пишут о женитьбе Владимира на царевне Анне (условием которого стало крещение князя). Михаил Псел рассказывает об участии русьской дружины в междоусобной борьбе за престол... Но о введении христианства в «варварской стране» ни слова. Почему?

Объяснение этому может быть лишь одно: христианизация Руси в 988 г. – историческая фикция, созданная древнерусскими книжниками в XI–XII вв. Тогда увидели свет такие выдающиеся произведения литературы, как «Слово о законе и благодати» Иллариона, «Похвала» Иакова Мниха, несколько вариантов Жития Владимира, а также летописная статья 986–988 гг. Все это обусловлено канонизацией Владимира и его бабки Ольги. Именно им, как представителям правящей династии, нужно было приписать всю честь введения новой религии. Благодаря этому и появились церковно-житийные легенды типа рассказа о своеобразном теологическом диспуте в Киеве, помещенном в «Повести...» под 986 г., или отправка Владимиром приближенных для изучения религий мира (там же, на год позднее). Авторы этих пересказов не очень озабочены исторической правдоподобностью и руководствуются исключительно идеологической целью.

Для всего мира Русь X в. была христианской страной, а провозглашение греческой веры произошло значительно раньше – во времена Аскольда. Об этом достаточно сведений в византийских источниках. Внутренние пертурбации, происходившие на Руси после 882 г., не касались ни византийцев, ни других народов Европы. В созданной легенде Владимир приравнялся к восточноевропейскому императору Константину, провозгласившему христианство государственной религией. Ольге была отведена роль сообразно царице Елене, матери Константина. Это предание должно было поглотить реальные исторические сведения о распространении христианства на Руси. В одном из поздних летописных кодексов, который дошел до нас в рукописи XVIII в., между прочим, читаем: **«Бысть основание его в лето от Христа 334»**. Имеется в виду Киев, но откуда такая удивительная дата? Вряд

ли это простая выдумка позднего книжника, который жил во времена, когда традиция древних воспоминаний угасла, а новая историография, базировавшаяся на критическом использовании источников, еще не начала формироваться. Почему 334-й, а не 435-й или, скажем, 233 год? В IV в. ничего не произошло, но что же вывело хрониста на такое определение? Может быть, близость этой даты ко времени провозглашения христианства в Римской империи и перенос столицы в Константинополь? Это приближение обретает глубокий смысл для вышеуказанной параллели между Владимиром = Константином, Ольгой = Еленой, Киевом = Царьградом. Так создавался тезис: «Киев – соперник Константинополя». В православной церковной традиции утверждение веры в империи связывают с легендарным воздвижением Креста и переносом его части в Константинополь. Над воздвигнутым Крестом в Иерусалиме в 335 г. была построена церковь. Это верхняя дата. Нижняя определена построением стен Царьграда, а это 330 г., тогда летописная дата попадает в этот временной диапазон. Когда же Константин принял русского властелина и обласкал его? Очевидно, не раньше, чем его двор переехал на берега Босфора, но и не позже 337 г., когда император умер. Так можно интерпретировать дату 334 г.

Необходимо отметить и причины раскола христианской церкви, и не главные и глубинные политические, а те поверхностные, которые стали поводом. Определенные расхождения Вселенской церкви проявились рано. Речь идет о так называемых ересях. Например, арианская ересь была порождена толкованием догмата Троицы: расхождение касалось одного слова, даже одной буквы – «гомоусия» или «гомюусия»? Следует ли считать Бога-сына тождественным Богу-отцу или только подобным ему? Что считать истиной, а что ересью или схизмой, должны были определить Вселенские соборы, то есть собрание епископов. Так, арианство было осуждено и провозглашено ересью, а учение Афанасия – главного противника Ария – одобрено и утверждено как догмат Никейским собором 325 г.

Вся история христианской церкви наполнена напряженной борьбой между отдельными группами идеологов. В основном разногласия удавалось преодолевать, часто дорогой ценой, вплоть до кровопролития и военных действий. Важными были расхождения организационного порядка: они были обусловлены претензиями Папы (римского епископа) на верховенство над остальными иерархами. Этому противилась Восточная церковь (греческая схизма). Догматическая суть и оценка этих расхождений не определены и по сей день, потому что не был созван такой Вселенский собор, в котором приняли бы участие епископы как Запада, так и Востока. Соборы, которые время от времени собирались, были односторонние – или католические, или православные, поэтому не признавались противоположной стороной. Я надеюсь, что при моей жизни будет созван Вселенский собор, и я стану свидетелем того, как Московский патриархат перейдет к диалогу с другими конфессиями, при этом не будет утверждать свою исключительность и главенство над всем миром.

В начале соперничество между Римом и Константинополем, имевшее в основе политический смысл, приобрело интересную идейно-догматическую окраску. В основе понятия Вселенская церковь лежала идея Космоса или, скорее, человечества, которое нужно было привести к Христу. Евангельским преданием это было поручено апостолам – ближайшим Его ученикам. Они для миссионерской деятельности поделили между собой земли и народы. Апостольские центры стали первыми епископскими кафедрами – Иерусалим, Антиохия, Александрия, Рим, Коринф, Эфес, Солунь, Синоп и т. д. Позже появились и другие епископии, но основанные апостолами имели больший авторитет. На самой ранней стадии Рим – резиденция св. Петра – претендовала на особую роль, потому что Петр был признан первым учеником Иисуса. Константинополь не стоял в списке апостольских центров, а епископская кафедра появилась позднее, но в IV в. там провозгласили христианство государственной религией. А город Константина противопоставили старому, дряхлому, языческому, а самое главное – разрушенному и заполненному «варварами» Риму. Центры, которые в начале эры играли большую роль, потеряли первоначальное значение. Часто это происходило в результате варварских завоеваний. На более заметное место могли претендовать

Рим, Александрия, Антиохия и еще, учитывая первоначальную значимость, Иерусалим. Это стало предметом рассмотрения на одном из Вселенских соборов. Перечисленные церкви и Константинополь были выделены из других епископий и провозглашены патриархиями, что сохраняется и по сей день, но без прежнего влияния. Догматические моменты помогли ограничить претензии некоторых центров. Так, александрийский епископ Диаспор на Халкидонском соборе был осужден как еретик, что надолго подорвало доверие к его кафедре. II Вселенский собор в 381 г. признал в Константинополе «Новый Рим», а IV собор это подтвердил. Но в 476 г. Рим рухнул под варварами, и Западная империя перестала существовать. Западная церковь, отстраненная от светской власти, старалась взять главенство над душами людей. И это ей удалось. В VII в. на эту роль претендовали лишь Рим и Константинополь, они не уступали друг другу. Со временем между ними усилилась борьба, приведшая к глобальному разделу церкви в IX в.

На Востоке сложилась другая ситуация. Восточная Римская империя смогла отразить варваров, и хотя сменила свою социальную суть, однако сохранила в неприкосновенности политический облик. Эпоха Юстиниана I стала периодом подъема громадного государства, когда утвердилась сильная и ничем не ограниченная власть императора, а церковь оставалась подчиненной светской власти и не могла думать о самостоятельности. Ее сотрясали различные ереси. В то время Рим мог гордиться своей идейной стойкостью и верностью христианству, но при этом и материальной бедностью, характерной для Западной Европы. А дискуссии, возникавшие между Западом и Востоком, как правило, заканчивались победами более просвещенной кафедры св. Петра. Это способствовало утверждению ее авторитета, и постепенно сформировался догмат о непогрешимости римского первосвященника. Ясно, что с этим согласиться Константинополь категорически не мог. Успехи римской курии в обращении варварских стран в ортодоксальное христианство придали Риму не только авторитет, но политическое влияние. В 800 г. император Карл Великий признал Рим и провозгласил христианство официальной религией своей громадной страны, что значительно усилило роль Папы.

Противоречия, которые спорадически возникали на протяжении многих веков, особенно обострились в IX в. Догматические противоречия не имели особого значения. Обе стороны не раз проявляли готовность закрыть на них глаза, но даже количество этих различий вызывало расхождения. Самым главным различием было формирование символа веры (*credo*) в части, касающейся эманации Св. Духа. Православная церковь признавала сошествие Св. Духа только от Бога-отца («*Святой Дух исходит от Отца и почивает на Сыне*»). Католики утверждают, что эманация идет и от Бога-сына. В связи с этим к формуле, утвержденной еще Никейским собором и подтвержденной вторым Константинопольским, было введено слово «*filioque*», которое было одобрено римской курией как один из догматов католицизма. А в IX в. именно на этом базировалась главная дискуссия между Римом и Константинополем. Позднее к принципиальным расхождениям прибавились: тезис о неспорочном зачатии Девы Марии (т. е. на нее не распространяется смертный грех, и она живой была вознесена на небо), вера в существование чистилища и др.

Суть раскола, как и в 1992 г. между Московским и Киевским патриархами, была не в этом. Всегда и везде все причины были связаны с политикой, замешанной на финансовой основе. Где деньги, там и власть! И в Византии серьезный удар Восточной церкви был нанесен из-за иконоборческой политики. Феодор Студит и другие сторонники православия склонились в сторону престола св. Петра и были готовы признать его приоритет в делах Вселенской церкви, но после окончательного поражения иконоборчества и возобновления иконопочитания в 848 г. ситуация в корне изменилась. Особенно при вступлении на патриарший престол Фотия – талантливого писателя и философа, опытного политика. До этого он был протоспафарием и секретарем императора. Нового иерарха избрал собор епископов, сместивший и предавший анафеме его предшественника Игнатия – представителя реакционных кругов византийского духовенства, замешанного в дворцовых интригах. Сообщники Игнатия не сложили оружия и обратились за

поддержкой в Рим, к Папе Николаю I. Вот тут и началась ожесточенная схватка за церковную власть. Лишь после смерти Игнатия Папа Иоанн VIII пошел на компромисс и согласился признать Фотия патриархом, но... борьба не прекращалась до смерти самого Фотия... Окончательный раскол не произошел только из-за смерти непримиримых соперников. Вселенская церковь, хотя и формально, продолжала существовать.

Предыстория принятия христианства Киевской Русью

Не только предание об апостоле Андрее свидетельствует о раннем распространении христианства среди восточных славян. В IV в. церковный историк Иероним утверждал, что *«холода Скифии пылают жаром новой веры»*. О проникновении христианства в нашу землю скупой отмечали также Тертуллиан (†240 г.), Афанасий Александрийский (†373 г.), Иоанн Златоуст (†407 г.), но трудно сказать, о христианизации какого этноса идет речь: о славянах или готах, в одно и то же время принявших христианство. Скифия тех времен – слишком расплывчатое понятие, охватывающее много народов и племен. Более-менее достоверным сообщением о христианстве у славян считаются строки римского писателя Авита (V в.), упоминавшего среди народов, принявших Христа, народ «Слав». Но обратимся к более точным свидетельствам – к археологическим – по методу захоронения христианского типа. Они достаточно распространены и изучены. Мы видим расширение христианства на нашей земле, и оно соответствует указанному временному периоду. Внедрение новой веры – процесс длительный и трудный. Не исключено, что в VI – VIII вв. христианские идеи среди восточных славян были меньше распространены, чем в III – IV вв., а если разобраться, то окончательная христианизация Руси, как и других «варварских» стран, задержалась до IX в.

Главные сведения о принятии христианства Руси в 860 г. содержатся в знаменитом Окружном послании (энциклике) патриарха Фотия. Это важное для нас свидетельство непосредственного участника. Автор – константинопольский патриарх – обязан был провести обряд крещения. К сожалению, он не был хронистом и поэтому не оставил живого описания, как именно происходило это событие. В энциклике, адресованной восточным церквям, Фотий, подчеркивая успехи православия, писал: *«Не только болгары пришли к христианству, но и тот народ, о котором говорится много и часто и который всех других превосходит дерзостью и зверством, то есть так называемые русы. Покорив соседние народы и чрезмерно возгордившись, они подняли руку на Римскую империю. Но теперь они переменили языческую и безбожную веру, в которой прежде содержались, на чисто христианское учение, войдя в число преданных нам и друзей, хотя незадолго до этого грабили нас и обнаруживали необузданную дерзость. И в них возгорелась такая жажда веры и ревность, что они приняли пастыря и с великим тщанием исполняют христианские обряды»*. Обратите внимание: сообщением Фотия имеет определенный смысл: в нем говорится о тотальной и официальной христианизации. Нельзя забывать, что это время миссии Кирилла и Мефодия в Моравии, что новая вера окончательно утверждалась в Болгарии, Сербии, Хорватии и других славянских странах.

Среди других византийских источников о Руси особое место занимает трактат императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», содержащий жизнеописание его деда Василия I. Именно там говорится о Крещении Руси. Отрывок немалый, но нужно его привести: *«И народ русов воинственный и безбожный. Раздавая ему золото, серебро, шелковые ткани, он (Василий I. – В. К.) склонил к переговорам и заключил с ним мирный договор, убедил принять божественное крещение; устроил так, что они приняли архиепископа, который получил рукоположение от патриарха Игнатия. Архиепископ, прибыв в страну названного народа, был принят доброжелательно. Князь этого народа, собрав подданных и во главе старейшин из его окружения, которые по давней привычке были более склонны к суеверию, и, размышляя по поводу своей веры и веры христиан, стал спрашивать архиепископа. Когда тот положил перед ними книгу Евангелия и засвидетельствовал некоторые чудеса Спасителя нашего и Бога, поведал им о некоторых чудесах, сотворенных Богом в Ветхом Завете, то русы без промедления сказали: „Если мы не увидим чего-то подобного и особенно того, что ты говоришь о трех отроках в чаще, то ни капельки тебе не поверим и не будем слушать твоих речей“. Он ответствовал: „Хотя и не стоит праздно искушать Бога, но, когда от сердца решили приступить к нему, просите, что хотите, – Бог непременно сделает по вере вашей, хотя есмь смиренный и малый“. Они попросили божественное и святое Евангелие бросить в пылающий огонь, пообещав при его неповрежденности податься под Бога, которого оно*

прославляет. Иерей поднял глаза и руки к Богу и воскликнул: „Прославь имя Твое святое, Иисус Христос, Боже наш, и ныне перед глазами народа этого“. И кинута в огонь печи книга святого Евангелия. Спустя продолжительное время, когда печь погасла, был вытащен священный список, он оказался цел, и от огня не было никаких повреждений, даже кисти на концах веревки, что связывала книгу, не получили никакого вреда. Увидев это, потрясенные чудом, варвары без колебаний начали креститься». И хоть рассказ Константина содержит традиционную историю с чудом, но тем не менее подтверждает основание на Руси епархии в ранге архиепископии.

Русские источники сообщают о ранней христианизации Руси нечетко и расплывчато. Очевидно, это результат более позднего редактирования. В «Повести...» есть упоминание о походе Аскольда на Константинополь, но о принятии христианства не сказано, хотя греческие тексты, которыми пользовались летописцы, об этом сообщают. В летописях прослеживаются следы правок. Так, в тексте договора от 911 г. выражение «Бога нашего» заменено на «Бога вашего», то есть греческого, но в одном месте первичный текст не исправлен, что компрометирует редакторов. Текст договора 944 г. оказался не исправленным, поэтому в нем засвидетельствовано наличие христиан среди приближенных Игоря и действующая церковь Св. Ильи на Подоле. Читателю остается догадываться, откуда в языческом Киеве взялась церковь и паства, а вот о появлении христианской общины в летописи не сказано. Под 882 г. об убийстве Аскольда рассказывается о строительстве церкви Св. Николая на его могиле, а о том, что убитый был христианином, не упомянуто. Таких неточностей много: христианское имя Ольги (Елена), которое она носила до официального крещения; откуда взялись христианские храмы, которые рушил Святослав; как появились первые христианские мученики Иоанн и Феодор, принесенные в жертву языческим богам в 983 г., и т. п.

В Никоновской летописи есть специальное отступление, имеющее заголовок «О князе руском Оскольде», где после рассказа о походе Руси на Царьград в 874 г. читаем: **«Василий же много воинствовал на Агарян и Манихен. Сотвори же и мирное устройство с прежереченными Русы, и приложи сих на христианство, и обещавшееся креститися, и просиша архирея, и посла к ним царь»**. Густынская летопись сообщает о пяти этапах в христианизации славян. Первый – миссия апостола Андрея, второй – в Болгарии и Моравии, а третий – во времена Аскольда. Остальные – при Игоре и Владимире. В Иоакимовской летописи Аскольда назвали Блаженным, так что он имел какие-то определенные заслуги перед церковью.

Есть свидетельства об основании в IX в. на Руси епархии, подчиненной Константинопольскому патриарху. Это происходило не только в идеологической сфере, но и в политической жизни. Архиепископа, посланного в Киев патриархом Игнатием, очевидно, звали Михаилом. Это имя находим во многих источниках. Уверенно называет его и В. Татищев. М. Берлинский, уверенный, что первое Крещение было при Владимире, считает, что Михаил прибыл в Киев после 988 г., но прибывшего тогда архиепископа звали Леон (Левон). Киевская (Русская) епархия имела определенный юридический статус. Скорее всего, это был «Церковный устав Аскольда», не дошедший до наших дней, но следы его существования явно прослеживаются в «Церковном уставе Владимира». Тенденция для создания нового документа – брать за образец предыдущий – существовала и тогда.

Прогрессивное значение введения на Руси христианства определяется следующими моментами:

- 1) монистическая религия способствовала социально-экономическому развитию Руси;
- 2) христианство укрепляло молодое государство под властью киевского князя;
- 3) усилилось значение Руси, при этом Византия лишилась важного

идеологического оружия, а имперская администрация – религиозной демагогии;

4) полученное доскональное мировоззрение имело большое влияние на дальнейшее культурное развитие Руси;

5) христианство стало заметным рубежом в развитии морально-этической концепции. Раннее (дохристианское) средневековье культивировало грубую физическую силу, воинскую доблесть. Прав тот, кто сильнее. Этот простой тезис отражен в таких замечательных литературных памятниках, как «Песнь о Роланде», «Песнь о Нибелунгах», былины киевского цикла... Христианство видит главным противником человека не внешнего врага, который идет против него с мечом, а внутренние собственные импульсы, его соблазны, инстинкты и стремления.

Древний христианский миф о Киеве-Иерусалиме, воскрешенный в начале XVIII в. Димитрием Ростовским и Феофаном Прокоповичем, через полтора столетия превратился в общее место, перешел в религиозную литературу, приобрел вид устойчивой формулы «Киев – Иерусалим земли русской» как «Днепр-Славутич» или «Киев – мать городов русских» и подобные расхожие клише. В советское время миф был развенчан и разнесен на куски тем же динамитом, которым взрывались киевские храмы. Паломник Климентий Фоменко: *«Иерусалим приблизительно равен «старому Киеву» в древних границах этой части Киева, то есть от Десятинной церкви до «Золотых ворот» и от памятника св. Ирины до «Сенной площади» включительно»*. Киевские ландшафты, вся история и топография города шли навстречу желанию видеть идеализированный образ Киева-Иерусалима. Были Золотые ворота, Пещеры, Нижний (Подол) и Верхний город, Андреевский спуск, как Голгофа для многих странников Средневековья и тому подобное. Это насыщение города святыми местами, которые пытались если не уничтожить, то хотя бы нивелировать многие завоеватели, если не тела города, то его духа. Основное сходство со Святой землей – там также пытались содейть подобные кощунства.

Уникальный ландшафт города – его живая история. В Киеве, расположенном на крутых, вздыбленных над Днепром холмах, прямая дорога – редкость. Преподнеся горожанину малую свободу от виляний влево-вправо, киевская улица тут же с лихвой вознаграждает себя, то вздымаясь вверх, то скатываясь вниз, одаривая путника неповторимыми видами.

Великолепные пейзажи, красота и гармония родной природы сформировали у славян определенную эстетику, хорошо прослеживаемую в национальной одежде. На одеянии славян, особенно женском, с давних времен присутствовало множество ритуальных символов, все они живописно вышиты на особо заметных местах. Это привело к почитанию рисунка и живописи и, соответственно, к иконе. Так она становится одним из объектов почитания, появляются школы, где на дереве пишут образы. Только почти через тысячелетие великолепие православной иконы признал весь мир. Развитие музыкального слуха с традиционно присущей народным песням мелодичностью сделало церковное пение желанным для каждого жителя страны, считавшего «красотой молимся, красотой побеждаем». В первую очередь, благодаря этому убеждению, христианство стало основным вероисповеданием на Руси. Вот тут и проявляется особое свойство христианства: главное – вера, а не правдивость изложения исторических событий – это считается вторичным.

Укоренившееся в умах христиан понятие, что их вера есть единая, верная, вдохновенная доктрина, явившаяся на свет без родителей – крайне неразумно. Сравнительное изучение религий без всяких сомнений показывает, что христианство заимствовало свою философию и идеи у религий и философий древнего и после-потопного языческого мира.

Христианский крест происходит из Египта и Индии, тройная митра – из религии Митры, пастушеский посох – из мистерий Гермеса и из Греции, непорочное зачатие – из Индии, Преображение – из Персии, а Троица взята от браминов. Деву Марию, как Матерь Божию, находим мы в двенадцати различных религиях.

Существует больше двадцати распятых Спасителей мира. Церковная колокольня является видоизменением египетских обелисков и пирамид, а христианский дьявол есть несколько видоизмененный египетский Тифон. Чем больше углубляешься в этот вопрос, тем сильнее убеждаешься, что нет ничего нового под солнцем. Человечество издавна создавало мифы, а потом для утверждения возводила их в постулаты. Вера, Надежда, Любовь – дети Софии (мудрости). Все они вместе в божественной гармонии и основывали гуманитарное общество, двигали его развитие.

Вопреки вульгарной советской историографии вера не воспитывала трудящихся в покорности, непротивлении злу насилием, подчинении угнетателям. Это не соответствовало действительности. Все выдающиеся социально-освободительные движения средневековья происходили под христианскими лозунгами и, в основном, возглавлялись священниками. Достаточно вспомнить Томаса Мюнцера, Виклефа, Яна Гуса и многих других борцов за социальную свободу народа. Но «сильные мира сего» стремились использовать христианские идеи в своих интересах. Христианство – слишком сложное и многообразное идеологическое явление, чтобы его можно было упростить. Да и нужно ли это?

Для понимания всего многогранного процесса формирования Руси необходимо остановиться на возникновении письменности. И здесь для нас много неясного, неопределенного.

Без сомнения, Русь имела письменность еще задолго до Владимира. Мы уже останавливались на договорах, заключенных с Византией. А их подписывали обе стороны, то есть должны были существовать варианты на двух языках – греческом и варварском, в данном случае славянском.

В начале X в. Ибн-Фадлан, описывая похороны знатного русина, сообщил: *«Они поставили в середину погребального корабля большое дерево, написали на нем имя умершего и имя русьского царя и отошли»*. А так как это было сказано между прочим, свидетельствовало о том, что наличие письменности у русов никого не удивляло. Другой арабский писатель ибн Якуб ал-Недим даже приводит «русьскую надпись» из каких-то знаков, которые по сей день никто не расшифровал. Он уделил внимание письменности: *«Русьские письма. Мне некто рассказывал, что один из царей горы Кабк (Кавказ) послал его к царю русов, утверждая, что они имеют письма, которые вырезают на дереве. Он показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения, не знаю, были то слова или отдельные буквы, подобные этим»*. Скорее всего, араб имел в виду берестяные грамоты. Напомню, что об этом уже говорилось в рассказе о Кирилле Философе. Все это свидетельствует о наличии письменности у славян еще до того, как святые Кирилл и Мефодий отправились ко двору моравского князя Ростислава.

Похороны знатного руса. Худ. Г. И. Семирадский

Говорится о ранней письменности и в трактате Черноризца Храбра. Этот просвещенный болгарский монах (время его жизни неизвестно) написал трактат «О письменах», о том, как св. Кирилл создал азбуку для славян, дал периодизацию создания письменности. Самый ранний период характеризовался «чертами и резами»: **«Прежде оубо словене не имаху книг ну чертами и резами, чьтъаху и гатааху, погани суще»**. Что такое «черты и резы» достоверно неизвестно, тут, скорее, говорится не об алфавитном письме, а об условных знаках с полным семантическим смыслом. Исследователей настолько интригует свидетельство монаха, что они ищут ему материальное обоснование. Распространенным стало мнение, что это были не письма, а своеобразные насечки, которые наши предки использовали для счета (чьтъаху), для колдовства (гатааху). В «Истории древнерусского языка» Л. Якубинского говорится: **«Объяснение колдовских знаков и других знаков, в том числе и числовых, и было смыслом слова «читать» во время господства идеографического письма. Так вот, сождение было совсем другим, чем то, которое стали вкладывать в слово «читать» после возникновения буквенной письменности»**. Далее автор считает, что слово «черта» было у славян «наиболее обобщенным названием идеограммы». В таком виде оно дошло до конца XIX в. до неграмотного населения. Вместе с этим «черта» была связана с культом – в значении «магического знака оберега». Выражение «очертя голову» означало «положив на все черту» или «ложил на все х...». Отсюда, очевидно, и слово «черт», как обозначение нечистой силы. Успехи археологии дали в руки исследователей материалы, позволяющие пролить свет на этот вопрос.

Обнаружено немало таинственных знаков, которые можно с натяжкой отождествлять с тем, о чем писал Черноризец Храбр. По его утверждению, второй этап славянской письменности характеризуется использованием латинского и греческого алфавитов для изображения славянских слов. Это вполне логично, так как славяне поддерживали тесные связи с античным миром и его цивилизациями. Отдельные представители «варварских народов» часто посещали метрополию, иногда получая классическое образование. Достаточно вспомнить Анахарсиса – сына скифского царя, жившего в VI в. до н. э. и неоднократно бывавшего в Греции, получившего там прекрасное образование. Он был близким приятелем великого законодателя Солон и имел честь быть зачисленным в плеяду наивыдающихся

светил Древнего мира. Поэтому реформа славянской письменности, построенной на греческом алфавите, была естественной. Алфавит, составленный свв. Кириллом и Мефодием, стал основой славянской письменности. Археологические материалы дают возможность достаточно точно установить реальное время этого события, и предположить, что оно значительно глубже, чем принято считать: речь идет о письменности Черняховской культуры, которая существовала в первой половине и середине I тыс. То, что уже тогда ощущали необходимость в письменности, сомнений не вызывает. Но это были лишь граффити бытового назначения, чаще на керамике.

Рассмотрим в «Паннонском житие» Константина Философа (Кирилла). Кирилл и его старший брат Мефодий были по происхождению славянами: их отец – македонец, а мать – гречанка из Солуни, где и родились братья. Славянское население здесь преобладало, поэтому староболгарский язык с македонским диалектом они знали с детства. Это облегчило их миссионерское дело, а македонский диалект дал основу общеславянскому литературному языку. Братья получили прекрасное образование. Кирилл досконально владел греческим, латынью, арабским и староеврейским. Он успешно изучал грамматику, диалектику, риторику, литературу, историю, арифметику, геометрию, астрономию. Поэтому, несмотря на то, что у него была возможность занять властные высоты, он выбрал миссионерскую деятельность. В 850-х гг. Кирилл проповедовал в Болгарии, а потом в Сирии. Около 860 г. он едет в Хазарию, причем через Тавриду. Зиму он провел в Херсонесе, основательно готовясь к дальнейшей миссии. И тут он, судя по тексту «Паннонского жития»: *«обретя же ту Евангелие и Псалтырь, руськими письменами писано и человека обрет глаголюща тою беседою, и беседовал с ним, и силу речи приим, своем беседи приклади различнаа письмена, гласная, согласная, и к Богу молитву творя, вскоре начят чести и сказати, и мнози ся ему дивляху, Бога хваляще»*. Значение этого сообщения трудно переоценить – Кирилл, получив русское Святое Письмо, смог с помощью человека, владеющего грамотой, овладеть им. Оно свидетельствует о том, что Русь в то время была христианской страной, имеющей свою литературу и письменность, то есть существовала русская книжность до появления кириллицы. Вот почему св. Кирилл отправился в Хазарию проповедовать – **Русь уже считалась страной с христианским вероисповеданием.**

Кирилл и Мефодий Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Просветительская деятельность Кирилла и Мефодия среди славян развернулась во время моравской миссии. В 862 г. великоморавский князь Ростислав проявил интерес к христианству. Он обратился в Константинополь с просьбой поручить достойным особам проповедь новой веры на территории своего государства. Ближайшими соседями Велеграда (столица Моравии) была Германия, которая признавала приоритет римского первосвященника. Немцы и ранее вели пропаганду христианства в Моравии, но не совсем удачно. Ростислав понимал, что народу не интересно вероисповедание на латыни, которую мало кто понимал, поэтому и обратился в Византию. Во время напряженных отношений Востока и Запада Моравия становилась козырной картой в этой сложной политической игре. Правящие в Византии в то время Фотий и император Михаил не могли отказаться от проявляющего интерес Ростислава, поэтому долго выбирали посланцев. Наиболее подходящей креатурой был Кирилл – личный приятель Фотия и его решительный сторонник. Он недавно вернулся из ответственной и важной миссии в Хазарию, в результате которой каган дал позволение не препятствовать крещению жителей и признал права церкви. Так что выбор выпал на Кирилла, а спутником его назначили его родного брата Мефодия.

В Моравии братья развернули активную просветительскую деятельность. Перевод Евангелия и некоторых книг они выполнили в Византии, а многое было переведено на месте, но для этого необходим был алфавит, они его и разработали. Но главным было переписать переведенные книги. Кирилл и Мефодий создали свою литературную школу. Некоторые из учеников стали выдающимися учеными, просветителями, даже писателями, как, например, Климент Охридский, с именем которого связано усовершенствование кириллицы. Известны также Горазд, Наум, Ангеларий, Константин Преславский, Григорий Мних. Деятельность братьев вызвала беспокойство в Риме.

По мере разрастания борьбы между Востоком и Западом патриарх Фотий все откровеннее шел на раскол, что сказывалось на положении Кирилла и его брата. Население Моравии и князь Ростислав поддерживали их, а католическое духовенство, еще не потерявшее влияние, всячески им препятствовало. Папа Николай I, пытавшийся лишить Фотия сана, вызвал Кирилла на суд в Рим. Неизвестно, чем закончилась бы эта поездка, но просветитель не застал Папу в живых. Его преемник, Адриан II, лелеющий надежду на урегулирование конфликта миром, встретил Кирилла очень хорошо и одобрил его деятельность. Но здоровье просветителя было подорвано. Он умер в Риме в 869 г., а брата его Папа высветил на епископа Паннонии, что не избавило последнего от преследований: новое обострение борьбы между Римом и Константинополем фатально сказалось на судьбе Мефодия. Он был схвачен по доносу зальцбургского епископа, вывезен в Швабию, где его подвергли пыткам. Эти страдания только укрепили волю епископа, и он достиг высоких успехов в миссионерской деятельности. В 871 г. Мефодий крестил чешского князя Борживоя, проповедовал в Силезии и Польше. Но после смерти Ростислава в 885 г. в Велеграде произошли большие перемены: к власти пришли противники православия и славянских книг. Князь Святополк, преемник Ростислава, дал немецкому духовенству полную свободу действий, лишил сана Горазда, заменившего Мефодия на епископской кафедре. Ученики братьев были изгнаны, а служба по-славянски запрещена.

Центр православно-славянского просвещения переместился в Болгарию, и благодаря Клименту Охридскому, Науму и Ангеларию и правлению царя Симеона страна пережила новый бурный подъем. Считается, что именно из Болгарии и пришла в X в. старославянская письменность на Русь. Но имеющийся материал дает основание сомневаться в справедливости общепринятой концепции. Исследователи до хрипоты спорят, где был создан первый славянский алфавит: в Греции в начале миссии или в Моравии. Кирилл свободно владел **своим родным** славянским языком, поэтому поручение 863 г. не было для него неожиданностью и создание азбуки не стало для него проблемой. Давно обсуждается создание Кириллом двух азбук: глаголицы и кириллицы. С последней и связывают его, ведь она носит его имя и получила право гражданства на века. Глаголица стала достоянием ученых-книжников и вскоре полностью исчезла из обихода. Было ли

так на самом деле? Окончательный ответ о разработках Кирилла можно получить после серьезного изучения вопроса.

Кириллица – это приспособление греческих букв к фонетическим особенностям славянских языков. В этом нет ничего удивительного. Все алфавиты ойкумены, кроме глаголицы и грузинского, генетически связаны с греческой графикой. Преобладает мнение, что кириллица появилась после смерти братьев и ее связывают с Климентом Охридским, который добавил пять новых знаков. Но и эта гипотеза не решает проблемы. По свидетельству Черногорца Храбра, алфавит, созданный Кириллом, состоит из 38 знаков, а в X в. кириллица насчитывала 43. Предполагают также, что кириллица – это естественный алфавит, создаваемый в течение длительного времени, который хронологически предвлял моравскую миссию братьев.

Сложнее проследить генезис глаголицы. Некоторые исследователи считают глаголицу естественным алфавитом, создавшимся в результате природного процесса формирования древнерусской народности. Другие полагают, что глаголица – оригинальный алфавит, возникший на базе «загадочных» знаков или уже упомянутых «чёрт и ризив» – что-то наподобие иератического письма в Египте. Время появления глаголицы также спорно. По одной из гипотез она является православно-церковным правописанием, разработанным учениками братьев во время гонений на православных в Моравии. Выдающиеся ученики Кирилла были изгнаны из Моравии, но некоторые остались, в том числе и Горазд, чуть ли не активнейший из их плеяды. Куда они делись, что с ними произошло? Вряд ли они погибли, так как этот факт был бы обязательно использован православной церковью для почитания их как мучеников. Скорее всего, они ушли в подполье и тут им понадобился криптографический алфавит, недоступный для непосвященных. Более вероятной представляется другая гипотеза: автором глаголицы был Кирилл, алфавита настолько искусственного, что мало кто смог его применить. Просветитель так стремился к оригинальности, что полностью отошел от графических систем того времени. Но по какой графической системе развивалась первоначальная русская письменность? Без существования славянского протоалфавита старорусская литература IX в. была бы невозможна.

Со второй половины XX в. С. А. Высоцким проводится углубленное изучение надписей на стенах Софийского собора в Киеве. Как-то на одной встрече Сергей Александрович говорил мне, что для достижения ощутимых результатов по любой научной проблеме нужно заниматься ею и только ею – долгие годы. И он достиг разительных успехов в изучении ранней славянской письменности, в первую очередь, на киевских памятниках X – XII вв. Граффити, выявленные ученым, оказались историческим источником первого порядка и дали исследователям много серьезных материалов, касающихся разных сфер общественной жизни XI—XIII вв. Для пишущих обычаев оставлять надписи на стенах было остро необходимо и считалось чуть ли не сакральным. Штукатурка в церквях служила своеобразной актовой книгой, куда заносились важные документы – договоры, памятные записи, молитвы, покаяние и тому подобное. Среди более 300 граффити практически нет исполненных просто так, без уважительной причины. Как правило, все они имеют глубокий, а иногда и сокровенный смысл. Во время реставрационных работ 1954–1963 гг. в алтаре Михайловского придела (то есть в той части храма, куда мог пройти не каждый), под поздней штукатуркой с росписями XIX в. С. Высоцким была найдена **азбука**, как и все софийские граффити, прорисованная по старой штукатурке. Аккуратность, с какой были выписаны буквы, их размер до 3 см, при этом полный их набор – все это свидетельствовало о том, что этой надписи придавали серьезное значение. Полиграфия не оставила сомнений, что запись сделана вскоре после строительства собора. Удивительнейшим является содержание азбуки. Граффити имела 27 букв, среди них 23 греческих и 4 славянских: «Б», «Ж», «Ш», «Щ». Софийская азбука занимает как бы промежуточное место между греческим алфавитом и ранней (моравской) кириллицей, в которой было 38 знаков. Автор выполнил запись очень тщательно, не забыв написать совсем ненужные для древнерусского письма «ξ» (кси) и «ω» (ома). Но в то же время оставил без внимания такие популярные в XI в. знаки, как

глухие гласные «ъ» и «ь» («ер» и «ерь»), оба юса (назализованные гласные «ЕН» и «ОН»), очень важный «черв», необходимый «ук» и т. д. Очевидно, что при написании софийским книжником азбука была именно такой, докирилловой, и отражает начальную стадию формирования славянского письма.

В первой половине XI в. при соборе существовал организованный князем Ярославом солидный культурно-просветительский центр, своеобразная академия, в состав которой входила первая на Руси библиотека. В ней сохранялись рукописи, в том числе и тексты первых договоров Руси с греками, и много еще важных документов, книги, которые могла уничтожить антихристианская реакция 882–988 гг., хроникальные записи и многое другое. Необычайная для книжника XI в. орфография этих манускриптов – отличная от кирилловой – заставила обратить внимание и реконструировать ее на стене собора для памяти или с учебной целью, в малодоступной части собора, там, где располагался скрипторий с библиотекой. Эта находка уверенно ведет нас в ту среду, где читали «Евангелие и Псалтырь, русьскими письменами писаное».

Таким образом, материальная основа для зарождения славянской, в том числе и древнерусской книжности в середине IX в. существовала. Сложились историко-социальные условия формирования собственной письменности, развивалась деловая документация и переписка. Под влиянием византийской культуры и христианизации появление отечественной книжности на этом этапе было закономерным и неизбежным. На Руси еще до Моравской миссии существовало средоточие книжников. Так как считается, что Кирилл изобрел не кириллицу, а глаголицу, письменность развивалась на глаголической основе. Дошедшая до нас самая старая рукопись, выполненная глаголицей – «Киевские листки» – найдена в Киеве, хотя, скорее всего, написана в Моравии.

Вместе с церковной литературой на Руси в середине IX в. начала создаваться и светская литература, тогда стал формироваться первый летописный свод. Древнерусские летописи – необычайное явление во всемирной литературе. Ни одна страна Европы, кроме Византии, которая следовала античной традиции, не имела столь богатой и развитой историографии. По мнению историка XVIII в. Г.-Ф. Миллера, эта историография *«такая полная, что ни одна нация не может похвастаться, что имела такое сокровище, которое могло непрерывно продолжаться столько лет»*. Старейшим произведением древнерусского летописания, которое дошло до нас хоть и в переработанном виде, является третья редакция «Повести...». Но это, без сомнения, не первое произведение подобного рода, хотя настоящие истоки отечественного летописания потерялись во времена, ошибочно считаемые – без письменности. Истоки древнерусского летописания, безусловно, связаны с политическим развитием страны, с генезисом государственного аппарата. Великокняжеская власть требовала увековечивания своих достижений для потомков. Египетские и ближневосточные деспоты высекали надписи на скалах, а на Руси писали на пергаменте.

По М. Брайчевскому, отечественное летописание сложилось во времена Аскольда. Ученый поддерживает и расширяет предположение Б. Грекова: *«Трудно установить время, с которого началась эта практика, можно лишь с уверенностью сказать, что она утвердилась в том времени, когда укрепились государственная власть в больших политических центрах и особенно, когда Киев стал столицей большого государства, то есть со вт. пол. IX в.»*. В то время уже существовала летописная традиция, кроме киевской. Утверждать это, как и отрицать, нет никакого основания. Историческое развитие Среднего Поднепровья опережало другие восточнославянские земли. Таким образом, начиная систематическое изложение исторических событий, летописец IX в. выбрал условную дату – 860 г. – время успешного похода Руси на Константинополь – и связанную с этим христианизацию. Что еще требовать от монаха? Это дает нам возможность предположить, что именно с этой даты начались хронологические записи, прослеживаемые в Никоновских и Иоакимовских кодексах. Их вслед за Б. Рыбаковым и М. Брайчевским можно назвать «Летописью Аскольда». Сам факт возникновения летописания – независимо от содержания – позволяет утверждать,

что на Руси было зрелое общество, вступившее в эпоху феодального развития.

Правление Олега Вещего

Считается, что почти все свидетельства активной деятельности Аскольда были потеряны после его убийства и захвата Киева Олегом. Особенно это касалось духовной сферы жизни: введение христианства, начало летописания, строительство храмов – после 882 г. все прекратилось, а сама память о погибшем кагане настойчиво и последовательно вытравливалась из сознания народа.

Существование двух больших политических объединений – Киевской Руси и Славии на севере – было главным фактором государственного строительства славян. О Руси мы уже говорили, а вот Славия со столицей Ладогой возникла на основе примитивно развитых племен самоейского, финского и летто-литовского происхождения, которые переживали стадию родового общества. Разбросанные на больших лесистых просторах, они занимались охотой, рыбалкой, собирательством. Обложение их данью ладожскими князьями не стоило больших усилий, хотя отбор шкур да мехов не приносил им особой пользы. Вскоре князья ощутили, что сбор и перевозка дани стала экономически невыгодной. Да что можно было взять с нищих, разбросанных по лесам племен, таких как чудь, весь, меря. Вот Русь имела богатых соседей: Византию, Кавказ, арабский халифат. К тому же у Славии не было ни одного серьезного противника, в отличие от Руси, в заморских походах ковавшей свою мощь. У Славии была единственная сила, с которой она считалась, – варяги, но их родина была за морем. Норманнам нужны были заказчики на их воинскую доблесть, а грабить бедную Ладогу им было неинтересно, поэтому и использовали ее как промежуточную базу. Историки мало упоминают о ней, так как Киев не особенно интересовался Славией, уж очень много было дел и без нее, а дружина Ладоги представляла опасность лишь для племенных вождей, да и то не для всех.

Так было до начала 60-х годов IX в., пока в Ладоге не взяла власть иностранная династия норманнского происхождения. Еще с XVIII в., то есть в начале отечественной историографии, возник не прекращающийся по сей день спор о норманнском происхождении Руси. Это, как основной вопрос философии, что первично: материя или дух, яйцо или курица...

В основе этого спора – легенда о призвании варягов и мифических братьев. Концепция «добровольного призвания» шведских конунгов в Новгород и Ладогу на сегодняшний день потеряла свою актуальность. Но еще имеются защитники концепции «завоевания» Славии, как и того, что норманны создали правящий класс на Руси. В летописи подчеркивается ставшая традиционной мифологема об отсутствии своей местной знати, умеющей управлять краем: **«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет»**. В этой фразе, ставшей в XXI в. в Украине особо актуальной и часто повторяемой, подчеркивалась вся безысходность всего государственного существования, просто какой-то вопль отчаяния! И ждем правителей, регуляторов нашей беспомощной экономики из Прибалтики... и из Грузии, части Византии! Пути Господа неисповедимы, но гнезда вершителю судеб «Нашей Земли, где нет порядка» – те же, что и более 1000 лет назад...

Варяги. Худ. В. М. Васнецов

Итак, в свете вышесказанного: вопрос о варягах и прошлом Отечества – очень больной уже второе столетие, особенно для российских ученых, которым необходимо доказать, что Рюрик – славянин, а еще более – русский... Не будем вдаваться в словесную путаницу, а возьмем «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера. Там сказано, что Р. Якобсон отстаивал этимологию «славян» и что от этого произошли «слово», «слава», а варяги не от «ворюг», а наоборот, – так называли участников военно-корпоративных объединений. «Русый» – «рудый» – «рыжий»... средневековое греческое «русалиа» – троица, латинское «росалиа» – «праздник роз», русское «русалка»... Еруслан – герой ставшей популярной в России давней византийской сказки. Это имя использовал Пушкин для своего, на первый взгляд, абсолютно русского Руслана, но «еруслан» от арабского «ар(ы)слан» – «лев». А Потехня, как и Ломоносов, ошибочно приближает «Рось» к «Руси». В прибалтийских языках корни «рютс», «рутс», «руотс» означают «швед», «шведское»... У Лиудпранда Кремонского «русы» – это «нордманы»... Фасмер этимологически возводит «русов» к древнеисландскому понятию «гребцы», «участники морских походов». Вероятнее всего, «русы-норманны» – все же завоеватели славян, которых все средневековые хроники и летописцы отличают от «русов». Завоеватели-русы дали имя одному из самых своеобразных народов – русскому. И это не исключительный случай. От завоевателей-франков пошло «французы», греки и до сих пор имеют самоназвание «ромей», то есть покорители римлян. До нас не дошло ни одно из названий славянских племен на Балканском полуострове, принявших имя покорившего их чужого этноса – болгар. А еще из того же словаря: «Россия» впервые упоминается в Московской грамоте 1517 г., а также в послании Ивана Грозного. «У» перешло в «о» в патриаршей канцелярии в Константинополе, там родилась «Россия», перешедшая оттуда на Русскую землю... И так прижилась! Как подкидыш кукушки вытесняет всех остальных птенцов!

Собственные имена людей норманнского типа появляются на Руси где-то не раньше второй половины IX в., но не все они, распространившиеся среди восточных славян, имеют скандинавское происхождение. Не все люди того времени, носившие имена Олег или Игорь, были скандинавы, подобно тому, как имена греческие Юрий или еврейское Давид не свидетельствовали о принадлежности к этим национальностям. Норманнские отряды в Киевской Руси, как и в Италии или

Франции, выполняли похожие функции. Они жаждали богатой добычи, в перерывах между набегами и грабежами выискивали хозяев, которые могли их нанять для выполнения присущих им задач. Были норманны и купцами – захваченную добычу предпочитали продавать сами. Вообще норманны не играли существенной роли ни в процессе формирования Киевской державы, ни в социальном развитии племен, ни в сфере культурного прогресса земли, где пребывали и служили. Почти как охранники любого современного босса.

Совсем иной проблемой был захват Рюриком власти в Ладоге и утверждение на Руси норманнской династии. И не было это «призвание князей», как наивно передает третья редакция «Повести...». Эта фальсификация, очевидно, появилась в связи с желанием князя Мстислава лишний раз подчеркнуть, что его отец Владимир Мономах – из норманнской династии Рюриковичей. Тут не имеет значения, были ли Рюрик и его родня шведами или прибалтийскими славянами. Все равно они были узурпаторами власти в Киеве.

Сама персона Рюрика весьма проблематична. Неизвестно ни его происхождение, ни его возраст, нет обоснованных данных, откуда он явился и кем был раньше. Отсутствует даже подтверждение его принадлежности к роду Рюриковичей, который стал главным на Руси.

В литературе существует мнение, что летописный персонаж – это Рорих Фрисландский (Датский). Предполагается, что Рорих выполнял какие-то свои пиратские функции, например захватил Бирку в Упландии (Восточная Швеция) – на том месте в XIII в. возник Стокгольм. Возможно, что оттуда он переселился на озеро Ильмень. Но это не столь важно, более нас волнует родовая связь с Рюриковичами, **державшими** власть в Киевской Руси, а потом в Московии. Был ли Игорь сыном Рюрика, как его называют в летописи? В. Татищев даже дает точную дату: «6383 (875). Родился Рюрику сын и нарекоша его Игорь». Сомнения в родстве придают слова Иллариона в «Слове о законе и благодати», где при перечислении всех князей Рюрик не называется. Правда, автор перечислял только киевских князей – Рюрик в нашем городе не бывал. Но тут возникает еще сомнение: как у Игоря, которого называют Старым, в 60-летнем возрасте мог родиться Святослав?! Не будем же утверждать, что он был первенцем у Ольги. По летописи, она вышла замуж за Игоря в 903 г., когда тому было 28 лет. Рюрик попал в Ладогу уже зрелым воином, а через 5 лет родился Игорь. Вот и остается читателю принимать на веру, что Игорь – Рюрикович.

Олег показывает малолетнего Игоря Аскольду и Диру Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Конфликт между Ладогой и Киевом назревал, и восстание Вадима в Новгороде против заезжих норманнов ускорило его разрешение. Аскольд, занятый своими юго-восточными делами, явно недооценил опасность из Славии. Рюрик умер в 879 г., оставив малолетнего Игоря. Фактически правителем Ладоги стал Олег. Этот правитель еще более таинственный, чем Рюрик. Кроме старых летописей, повторяющих одна за другой удивительные, часто фантастические вещи, это имя не упоминается ни в одном иностранном документе. Историческая деятельность его более чем сомнительная, происхождение тем более загадочное. Олег был правителем при малолетнем Игоре, а единственной достоверной акцией, ставшей главным рычагом для дальнейших интерпретаций и фальсификаций, был захват Киева в 882 г., подробно описанный в «Повести...». Она подается в типовых формах народной поэзии. Это касается появления Олега в виде «гостя» (купца), а также упоминание Диры в этом эпизоде. Дир, предположительно, жил раньше. Да и действия Олега, его неуверенность не убеждают в достоверности произошедшего. А поведение Аскольда, наивно вышедшего без солидной охраны на встречу с прибывшим противником? Да и появление Олега с ребенком на руках, прямо заявившего о подчинении ему Киева и всех земель, весьма наивно. Безусловно, на самом деле все происходило иначе.

Летопись вообще переоценивает личностный момент в развитии политической жизни. Физическое устранение Аскольда не решало конфликт власти между Ладогой и Киевом. Киевский законный каган имел наследников. Один из его сынов погиб в Болгарии в то время, когда Вадим поднял восстание против Рюрика в Новгороде. Если же род Киевичей заканчивался на Аскольде, то и тогда судьба престола должна была определиться более основательным способом, чем лозунговое заявление северного конунга с ребенком на руках: «Киев – се мать городов руських». Но последующие «исправления» летописных текстов подчинялись единой цели – объявить Олега заявителем справедливости и государственной моральности.

Пора перейти к важному, но необходимому объяснению, которого старались избежать составители и редакторы «Повести...». На какие силы опирался Олег? Трудно представить, что было сражение между отрядами Славии и Киева. Тогда что? Русь была значительно сильнее Славии. Незадолго до этого Аскольд совершил успешный поход против могущественной Византии, торжественно вернувшись с богатой добычей. Если бы произошла битва в чистом поле, то Русь, находящаяся на подъеме, без особых усилий добилась бы победы. Да и не пошел бы Олег на открытое сражение. Вряд ли они, морские пираты, привычные к водной стихии, высадились на берег. Тут присутствовали внутренние силы, которые поддержали, если и не призвали норманнов Славии.

Реформы, проводимые Аскольдом, затрагивали глубокие слои социальных отношений и имели большое общественное значение. Обычно такие новации не проходят гладко, не все импонирует, не всех удовлетворяют, затронуты кровные интересы слишком многих и далеко не простых людей. Киевский царь вызвал ненависть у некоторых представителей власти, не принявшей христианство. Язычество не сдавалось и спустя столетие, при Владимире. На антихристианскую, проязыческую оппозицию, по всей вероятности, и опирался Олег. Об этом писал Татищев *«И может, не хотя оже киевляне крестися Ольга на то призвали»*. Историк XVIII в. смело считал, что Аскольда *«Можно за первого русского мученика причесть»*. Татищев имел все основания так заявлять вопреки господствующей официальной версии единственного «Крестителя Руси».

Академик Б. Рыбаков характеризует Олега как *«безызвестного конунга, что по-разбойничьи овладел Киевом и умер неизвестно где»*. К тому же при Аскольде феодальный уклад все более завоевывал свои позиции. Социальное разделение углублялось и обострялось, оделяя богатством одних, делая нищими других. Были обделенные – потерявшие свои прежние права и привилегии. Поэтому захват власти в Киеве менее всего похож на обычное завоевание власти. В 882 г. состоялся государственный переворот, выполненный консервативными силами, призвавшими на помощь воинов другого государства. Русь была откинута на целый

период назад, и лишь через 100 лет Владимир Святой смог продолжить реформы Аскольда.

Сразу началась языческая реакция, и Олегу пришлось жестко утверждать себя в качестве правителя. Отдельные племена, входившие в состав Киевской Руси, смерть Аскольда восприняли как сигнал к выходу из объединения. Олегу довелось заново покорять некоторые земли. Это частично отражено в летописях. Объединение Славии и Руси под властью Киева было скорее юридическим актом, так как наследникам Олега пришлось снова и снова покорять непокорных древлян, уличей, радимичей, вятичей...

Олег впервые привнес в Киев новый титул конунга (князя) не королевского ранга, который был ниже того, что имел Аскольд. Князь по западноевропейской табели о рангах равнялся герцогу. Верховный правитель Руси, чтобы сохранить королевское достоинство, величался великим князем. Хотя некоторые из последователей Олега стремились вернуть себе императорский титул, называя себя каганом (Владимир Великий) или царем (Ярослав Мудрый, Ярослав Мстиславич), но эти попытки имели локальный характер и не создали единой государственной традиции. Для феодальной Европы Русь оставалась герцогством. Это имело многочисленные неприятные последствия в виде территориальных притязаний соседних властелинов, обладающих более высоким рангом. Я имею в виду Болеслава Храброго.

В сложившейся ситуации Олег не мог и думать о широкой внешнеполитической деятельности. У исследователей вызывает сомнение освобождение сиверян и радимичей от хазарской зависимости. Отношения с каганатом стали напряженными. Позиции с Византией были утрачены, и только Игорю удалось восстановить прежние отношения. Громкий поход на Царьград 907 г. (с прибитым щитом, кораблями на катках, зажигательными ракетами...) – абсолютная фикция. Греки восприняли смерть Аскольда как освобождение от обязательств, вызванных договорами 860-го и 874 г. Мирные отношения с каганатом и отказ от союза с уграми привели к появлению печенежских орд в южных степях. Особо сказался переворот на духовной жизни Руси – христиан притесняли и даже подвергали репрессиям, исчезла потребность в книгах и летописании, прекратили существование школы и центры переписывания книг. Подобная ситуация повторилась при сыне Игоря и Ольги – Святославе. Летописи сохранили упоминания и о человеческих жертвах (рассказ об убийстве христиан Феодора и Иоанна).

Олег у костей коня. Худ. В. М. Васнецов

То, что Олег, став киевским князем, имел не только сторонников, призвавших его, но и враждебные к нему силы, сомнений не вызывает. Осуждение язычника Олега открыто ощущается и в «Повести...»: **«И прозваша Ольга – Вещий: бяху бо людие погани и неvigласи»**. Особенное значение имеет знаменитая (благодаря поэтическому слову Пушкина) легенда о смерти конунга, помещенная в «Повести...». Обратимся к акад. Б. Рыбакову: *«Легенда о смерти Олега явно направлена против князя. Героем получается не сам князь, а его конь, через его непосредственно и действовали неумолимые вещи силы. Легенда построена на противопоставлениях: с одной стороны, князь, прозванный Вещим, сюзерен ряда «светлых князей», триумфатор, что возвратился из похода на греков с золотом, шелком и мирным договором, а с другой – всего-навсего коняка. Узнав о пророчестве, князь принял необходимые меры, отослал коня, а после похода укрывал кудесника. Но составитель легенды считал, что волхвы и кудесники Руськой земли не ошибаются, то есть символ добра, доброжелательности касательно человека, чьим образом заполненный весь руський крестьянский и феодальный фольклор, а также и народное искусство. Тот самый конский череп, на который «ступи ногою» великий князь, действует в фольклоре как источник благ, защитник сирот, дающий мудрые советы. Славянская археология знает ряд случаев, когда конский череп закапывают под угол хаты, очевидно, в роли могучего оберега. Добрых людей конь или его череп, а также бронзовый оберег и амулет в виде коня – всегда защищает от зла. А тут? «От сего ли лба смерть было взяти мне?» И неумолимая смерть, напророченная волхвами могучему князю, в момент и догнала его»*.

Эта легенда, несмотря на свою религиозно-идеологическую завуалированность, имеет антиязыческий смысл. Воинственный язычник Олег, враг христианской Руси, гибнет от сверхприродных сил, перед которыми бессильны и волхвы, и сам правитель. Он легко разгадал план коварных греков и отказался пить отравленное вино. А вот спастись от заранее предсказанной смерти не сумел. Языческим богам не удалось защитить своего адепта – вот главная идея, положенная в основу легенды.

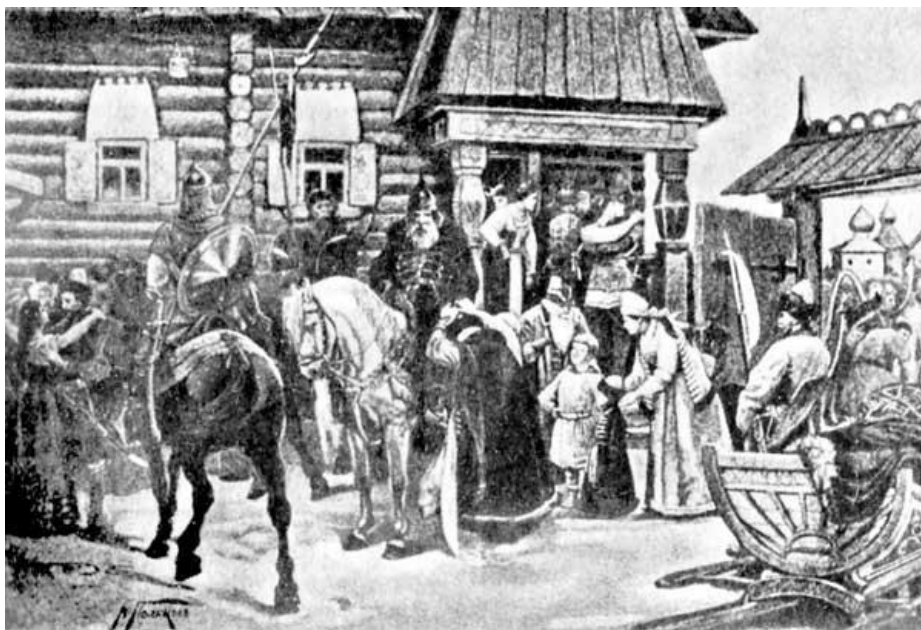
К этой группе сведений, характеризующих враждебное отношение к Олегу, можно отнести и неясность, связанную с местом захоронения непопулярного князя: во всех источниках разночтения. В «Повести...» говорится, что это в Киеве, на Щекавице. Подчеркнем: не в Старокиевском некрополе, где традиционно хоронили киевских правителей, а на отдаленной горе, находящейся за пределами города. Но в Киеве, кроме «щекавицкого варианта», существовал и другой: некоторые исследователи отождествляют летописную Щекавицу с возвышенностью в районе университетской обсерватории. В Новгородской I летописи при этом утверждается, что Олегова могила находится в Ладоге, куда он отправился перед смертью. Почему? Что заставило «великого князя», сюзерена ряда «светлых князей», оставить собственную столицу, провозглашенную им «матерью городов руських»? Существует и четвертый вариант, согласно которому Олег из Ладоги отправился за море, на родину. Летописцы явно не представляли, какую легенду выбрать. Таким образом, ощущался негативный взгляд на Олега в фольклорно-летописной традиции.

Смерть, подытоживающая жизненный путь человека, считалась особо важной как со стороны современников, так и последующих поколений. «De mortuis aut bene, aut nihil» – говорили древние, и в этом имеется важный этический смысл. Неопределенность относительно места погребения свидетельствует об отсутствии особого почтения к князю. А шведско-ладожские варианты вызывают предположения, что князь мог оставить незаконно захваченный престол и покинуть Киев. Эта неуверенность вызвана тем, что, по всей вероятности, «Олеговой могилы» не существовало, а поиски ее были спровоцированы поздней историографической традицией. Как тут ни вставить стихи Михаила Максимовича,

посланные Михаилу Погодину в Москву, как воспоминание об их совместном поиске на местности «Олеговой могилы».

Как долго продолжалась активная антихристианская реакция после переворота 882 г. – сказать трудно. Скорее всего, она нивелировалась задолго до смерти или бегства своего инициатора. Сломив сопротивление оппозиции и утвердившись на киевском престоле, предусмотрительный Олег вынужден был добиваться спокойствия в своих владениях. После запоздалого законного вступления на престол его воспитанника, 40-летнего Игоря, ситуация существенно изменилась. Русь стала двоеверной страной, где спокойно соседствовали язычество и христианство. В ней не было идиллической гармонии, общественные противоречия были подавлены радикально. Немногочисленные сведения говорят, что в государственном управлении Игорь старался достигнуть компромисса. Но это опасный для правителя путь, так как угодить всем невозможно. Трагический финал его княжения был предопределен. Даже сейчас в Украине достичь компромисса власти и общества довольно сложно, даже при военной агрессии с Севера!

При Игоре христиане имели свои храмы, по крайней мере, нам известна киевская церковь Св. Ильи. Среди близкого окружения князя были и христиане, о чем свидетельствует договор с греками, заключенный в 944 г., так что Русь была дуалистической страной. Можно предположить, что Рюриков сын крестился, как и его супруга Ольга, но летопись этот факт не отразила.

Княгиня Ольга провожает князя Игоря Рюриковича за данью к древлянам. Рисунок начала XX в.

Политическая ситуация X в. определялась двумя основными тенденциями: центристской – киевский князь со своим окружением – и центробежной племенных центров – Пересечена, Искоростени и других. Наиболее значительным взрывом стали события 945 г., связанные с Древлянским восстанием. В 912 г. умер Олег. Этим воспользовались древляне и тут же вышли из подчинения Киеву. И лишь спустя десятилетие их удалось вновь покорить. С 936 г. три года пытались покорить уличей, которые сдались лишь при взятии их столицы Пересечена. Это удалось воеводе Игоря Свенельду, который получил уличские земли в правление. А еще через три года воевода имел и древлянскую землю. Право собирать дань по

всей Руси принадлежало формальному собственнику – киевскому князю. Он мог передавать это право по своему усмотрению, что и произошло со Свенельдом. Оставшиеся дружинники, увидев чрезмерное обогащение воеводы, возмутились: **«отроки Свенельда изоделись суть оружием и порты, а мы наги. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудешь и мы»**. Дружинники Игоря – высшая феодальная верхушка Древней Руси, к которой принадлежал и сам Свенельд. Воины князя возмутились из-за того, что все достается только одному. Игорь решил отобрать у воеводы Древлянскую волость и пошел в поход. В «Повести...»: **«Возьмем дань, пойдем в град свой. Идуци же ему вспять, размыслив речи дружины своей: «Идите с данью домови, а я возвращаюся похожу и еще». Пусти дружину свою домови, с малом же дружины возвратиси, желя больше именья. Слышавше же древляне, яко опять идет, сдувавши со князем своим Малом: «Аще ся вводит волк в овце, то выносит все стадо, аще не убьют его: тако и се, аща не убьем его, то вся ны погубить»». И послаша к нему, глаголюще: «Почто идешь опять? Поимал еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедше из града Изкорестеня древляне убиша Игоря и дружину его, бо их мало»**.

Приведенный текст, по мнению М. Брайчевского, весьма красноречив, и тут я, как во многих местах книги, привожу его предположения. Игорь пошел к древлянам взять дань еще большую, и повторно, после Свенельда. Но дальнейшие его действия, получается, совсем лишены логики. Первый раз князь идет с большим войском. А когда решил «закрутить гайки», то отправляется за третьей данью (!) с малой дружиной, как бы на верную смерть. Последнее летописец подчеркивает дважды: Игорь погиб из-за малочисленности дружины. Очевидно, эпизод с «третьей данью» и отправлением войска в Киев и являются поздней вставкой. Дело в том, что в дошедшем до нас тексте «Повести...» полностью отсутствует история Свенельда и упоминание об обеих бенефициях.

В действительности события (по Брайчевскому) развивались следующим образом: сбор дани на Руси проходил осенью – когда урожай был собран. Поход Игоря против древлян состоялся после заключения договора с греками, который, по данным В. Татищева, был подписан 20 апреля «в третью седмицу после Пасхи». Следовательно, время похода выпадает на весну или лето 945 г., к этому времени Свенельд уже успел собрать дань. Повторный сбор, сопровождаемый насилием, и вызвал возмущение древлян, так как это могло привести к обнищанию и голоду. Вот они и восстали, разгромили дружину и убили князя. Не исключено, что к этому был причастен сам воевода. Хотя имеются данные, что в это время он был в Киеве. Б. Греков допускает, что Свенельд намеревался известить Рюриковичей (благо их было немного) и захватить киевский стол. Об этом событии можно прочитать и у Льва Диакона и у Яна Длугоша. И лишь в тексте у последнего, подробно описавшего ход событий, мы узнаем имя убийцы Игоря – Мистиша (Мстислав). А. Шахматов считает, что это сын Свенельда, и с этим трудно не согласиться. Мистиша Свенельдович после этого не упоминается, может быть, и он погиб при подавлении восстания.

Казнь князя Игоря Рюриковича дrevлянами. Худ. Ф. А. Бруни

Что происходило после смерти киевского князя, подробно описали все кому не лень: от маститых академиков до журнала «Мурзилка», поэтому мы опустим эту часть повествования. Те, кто все же не знаком с подробностями, могут обратиться к книге Веры Пановой «Сказания про Ольгу», вышедшей массовым тиражом в издательстве «Детгиз». Моя книга - для подготовленного читателя. Лучше обращусь к мало упоминаемым текстам, вызывающим у «русских патриотов» полное смятение. Это книга Олжаса Сулейменова «Аз и я». В этом серьезном исследовании о Киевской Руси, кроме всего прочего, автор сделал вывод, что поляне люди новой формации - горожане, жители «полиса», а дrevляне - живущие старым укладом. Что-то в этом есть, хотя дrevляне более архаичные в жизни, а поляне все-таки получили название от выжженных в чаще полян, а не от «полисов».

Теперь пришло время рассказать о дrevлянском князе Мале. Тем более что и в летописи, и в последующих художественных произведениях князь и его окружение представлены полными глупцами. Дrevлянские лучшие мужи составляли окружение князя, держали свои феодальные владения, в центре которых были укрепленные усадьбы. Характерными примерами этих градов-замков являются городища в Городске, Малине, Иванкове, Ораному... Эти землевладельцы были обложены повинностями - данью. Взаимоотношения дrevлян с киевскими князьями были достаточно драматичными и с характерными для раннего феодализма конфликтами. Еще в 883 г. Олег обложил их данью, но через пару лет - новые стычки. Уже в 913 г. их покорял Игорь, через три десятилетия здесь хозяйничал Свенельд. Стойко и упорно защищали дrevлянские князья свою землю. Как не перелистать несколько страниц «Повести...» назад, где читаем о Кие, Щеке и Хориве: **«И по сих брати держати почаша род их княженъ в Полях, а в дrevлях свое, а дреговичи свое...»**

Эти дrevлянские мужи, приехавшие в Киев вести переговоры с Ольгой о ее браке с Малом, были местными феодалами. Понятно, что они стремились обогатиться - получить новые надель с высокими должностями. Но восстание 945 г. было спустя год подавлено, причем при участии Свенельда. А как могло быть иначе? Мал со своими воинами планировал лишить воеводу власти так же, как и Игоря, а после смерти князя и его жену Ольгу прибрать к рукам. Киевская княгиня победила.

Таким образом, великокняжеская власть вновь показала свою стойкость и силу.

Руси это потрясение не принесло пользы. Во избежание новых конфликтов Ольга пошла на реформы, направленные на стабилизацию спасенного престола. Положение в стране улучшилось, хотя между языческой и христианской частями боярства существовали определенные противоречия. Насколько можно судить из скудных источников, киевская княгиня, в отличие от своего сына Святослава, ориентировалась не столько на наемников-варягов (преимущественно язычников), сколько на местных феодалов, в большинстве – христиан. Они были многочисленнее, богаче и влиятельнее. Тут еще раз выскажу предположение, что формально Игорь тоже поддерживал христиан, хотя не так явно, как его супруга, впоследствии канонизированная. Факт крещения Ольги бесспорный, хотя и трудно сказать, когда, где и при каких обстоятельствах он свершился.

Беседа княгини Ольги и византийского императора и ее крещение в Константинополе. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Внимательный читатель «Повести...» обратил внимание и на стилистическое единство рассказа о мести Ольги и об осаде Константинополя Олегом, и на явный стилистический разрыв в повествовании о поездке Ольги в Константинополь, ее крещении, возвращении домой и последующей смерти. Собственно, здесь перед нами как бы два образа Ольги: энергичная, жестокая, властная правительница (в разговорах с императором в Царьграде, в ответе его послам в Киеве) и благочестивая христианка, терпеливо сносящая строптивость сына, а потом и просто попавшая в осаду бабушка с внуками. Двум этим образам соответствует и стилистическая двойственность текста, заставляющая полагать, что перед нами результат многократной переработки.

При первом чтении рассказ «Повести...» о поездке Ольги в Константинополь не вызывает вопросов. Настораживает только ее ответ послам императора уже по возвращении в Киев: из него можно понять, что она долго ожидала приема во дворце, будучи задержана на своем корабле у причалов Золотого Роба. Куда же делась эта деталь повествования? В сохранившемся тексте ее нет, но ответ послам свидетельствует, что в «Сказании...» она была на своем месте. Загадочна и причина поездки Ольги. Если житие княгини достаточно пространно говорит о ее сочувствии христианству, о желании креститься именно в Царьграде, то «Повесть...» этого еще не знает. Она воспроизводит сохраненные редактором фразы «Сказания...», но ничего не говорит о причинах поездки. По-видимому, последняя была изъята редактором, не получив никакой замены.

На самом деле дошедший до нас текст говорит лишь о том, что «Ольга пришла к Царьграду», была принята императором, и «когда тот увидел ее столь красивую и умную, то удивился ее разуму и, беседуя с ней, сказал: «Пригодна ты царствовать

вместе с нами в столице». Из этого Ольга заключила, что императором овладел бес сладострастия, и весьма разумно заявила, что сначала (то есть до того, как пойти под венец) ей следует креститься. Когда же маневр удался и Ольга была крещена при участии самого императора, что исключало попытки соития с крестной дочерью – последнему ничего не оставалось, как с восхищением признать: «Перехитрила ты меня, Ольга!»

О полнейшей нереальности рассказа говорили многие. Факт этот лишь подтверждает высказанные выше предположения о мнимой подлинности всего первоначального «Сказания». Но есть еще одно обстоятельство. Комментаторы отрывка восхищаются остроумием княгини, однако не задаются вопросом: а в чем, собственно говоря, проявилась хитрость Ольги? Она сделала императора своим восприемником при крещении. Но если крещение было действительным, то никакой хитрости в этом нет. Вот если Ольга уже была крещена, то значит, она притворилась некрещеной, чтобы избежать сетей, которые расставил ей сластолюбивый император. Тогда, конечно, это хитрая уловка.

Но если произошло настоящее крещение и в Киев Ольга возвратилась новообращенной христианкой, вряд ли бы автор «Сказания...» решился вложить в ее уста столь непочтительный ответ послам ее крестного отца! Мнимого крестного – другое дело... Именно этот факт – изначальное христианство Ольги – редактор «Повести...» (или «Начального свода» 1039 г.) убрал из текста – ему надо было рассказать о принятии креста княгиней из рук самого константинопольского патриарха. Как и автор «Сказания...», последующий редактор точно знал, что Ольга ездила в Константинополь, причем датировал это событие летом 955 г. В качестве отправной он взял дату смерти Ольги – 11.07.969 (впрочем, дата эта ничем не подтверждена) и известие о том, что после смерти Игоря до ее крещения прошло десять лет, а после крещения она прожила около 15 лет.

Существует описание приема Ольги в императорском дворце, составленное Константином VII Багрянородным (оно вошло в его книгу «О церемониях») – тем самым императором, которого молва совершенно напрасно пыталась обвинить в посягательстве на целомудрие русской княгини. У Константина VII была жена Елена – в ее честь, вероятно, Ольга и получила христианское имя Елена, был сын Роман II – соправитель. К тому же – и это, пожалуй, главное – Константин резко выступал против браков членов императорской семьи с «варварами», к которым относил славян и русов. В императорском дворце Ольга была торжественно принята дважды – в среду, 9 сентября, и в воскресенье, 18 октября. Но в каком году? Согласно всем расчетам, выбирать приходится между 946-м и 957 годом. Мнения историков на этот счет расходятся, однако большинство из них сейчас склоняется к первой дате – на нее указывает ряд обстоятельств, связанных с описанием приема Ольги, и указание в общей описи этой группы приемов во дворце.

В «Повести...» дата 955 г. приблизительно. Одни кодексы свидетельствуют, что Ольга крестилась при императоре Константине Багрянородном, иные называют Иоанна Цимисхия, что выглядит весьма сомнительным. Он занял престол в 969 г., то есть уже после смерти княгини. Такую же путаницу наблюдаем и с патриархом, крестившим Ольгу. Одни летописи называют Феофилакта, другие – Полиевкта, Скомодрена и даже... Фотия, а это 100 %-ная фантастика. Считается, что Ольга посетила Константинополь в 957 г., и в ее свите находился священник Георгий. Его присутствие подтверждает более раннюю версию крещения правительницы Руси. Есть мнение, что киевская княгиня приняла новую веру еще при жизни супруга, то есть до 945 г., при императоре Романи I Локапине, который отстранил законного императора и крепко держал власть, чем заслужил уважение современников. М. Брайчевский смело предполагает, что супруги крестились вместе, что, может быть, и послужило еще одной причиной злодейского убийства Игоря. Дружина норманнская не признавала князя-выхреста. Крещение, пусть только княгини, значительно укрепило позиции христиан. Дальнейшее распространение новой религии должно было усиливаться уже после упомянутого путешествия Ольги в Царьград в 957 г., подробно описанного императором Константином

обошлись Руси. Для Святослава всегда приоритетами были меч и грубая сила против ума, права и истины. Поэтому и христианство стало для него чужим и враждебным.

Мало кто сомневался, что после смерти матери последует антихристианский террор, вызванный провалом военной политики Святослава. Уже были определены виноватыми единоверцы его постоянных врагов – византийцев. Первая Балканская война проходила для русов более удачно, но когда на византийский престол взошел энергичный и решительный Иоанн Цимисхий, ситуация в корне изменилась. В ходе Второй Балканской войны судьба утопической авантюры Святослава была решена. Если вначале киевский князь заигрывал с болгарской знатью, то впоследствии перешел к безудержному террору, который со временем перерос в геноцид. У Льва Диакона читаем, что Святослав приказал убить 300 знатных болгар, остальных бросить в темницу. При взятии Филиппополя (Пловдива) было казнено 20 тыс. болгар, то есть вырезано население целого города. И даже если хронист преувеличил, что вполне вероятно, то ужас, который охватил современников, передался и Льву Диакону. Современные рунвирцы (так себя называют новые язычники) поставили недавно в Киеве два памятника воинственному князю. Они Святослава считают своим идолом, при этом не знают или не хотят знать о страшной ночи с 19.07.971 (накануне Доростольской битвы), когда воины Святослава на берегах Дуная зажгли ритуальные костры, на которых горели тела погибших дружинников. Пленных, оставшихся в живых, убивали. Болгарских пленных женщин и младенцев бросали в реку вместе с жертвенными петухами. Это было массовое жертвоприношение языческим богам христианских женщин и детей, тщательно продуманное и организованное мотивированное убийство во славу Перуна. Подобное Святослав практиковал и на Руси, правда, не в таких грандиозных масштабах.

Необычайно важное свидетельство об антихристианстве Святослава находим у В. Татищева. Ссылаясь на Якимовскую летопись, он писал: *«По смерти Ольги Святослав, пребывая в Переяславце на Дунае, воюя с хазарами, болгарами и греками, имея помощь от тестя, князя угорского и князя ляцкого, не побеждая, мог войско погубить... (обвиняя в этом христиан)... послал в Киев, повелел храмы христиан разорить и сжечь, а сам вскоре придет, и хочет всех христиан погубить»*. Историк сообщал, что среди киевских церквей была Софиевская, построенная Ольгой, Николаевская церковь на Аскольдовой могиле. Это подтверждается раскопками в 1978 г. Я. Боровского и П. Толочко. На Старокиевской горе было найдено языческое капище, при строительстве которого использовались фрагменты христианского храма с фресковой росписью посредине. Хотя Татищева многие упрекали в фантазии, тем не менее нельзя отрицать достоверность его трудов, потому что в его распоряжении были документы и тексты летописей, впоследствии утерянные. В «Повести...» говорится о договоре после Доростольского поражения русов между Святославом и Цимисхием. В договоре наши соотечественники клянутся Перуном и Волосом. Это свидетельство того, что, в отличие от 945 г., среди русов уже не было христиан.

Первые христиане в Киеве. Худ. В. Г. Перов

Современники воспринимали Святослава как воплощение типичного образа полководца, для которого его войско и есть народ – таким был Александр Македонский и подражавший ему Карл XII. Подобный полководец всегда в бою со своими воинами, а между сражениями ест и пьет, живет в таких же условиях, одевается, как они. Когда к Карлу XII прибывали послы, он встречал их в палатке своего подчиненного. Так же и Святослав – **«...воз по себе не возяше, ни котла; ни мяс варя, но потонку на углях испек ядаше; ни шатря имяше, но подклад послав и седло в головах; тако же и прочие вои его вси деяху...»**. У такого правителя-полководца дружинники становились братьями. Святослав был обязан водить их в походы, где их ожидала обогашение. Дружинный воин при всей своей выносливости и неприхотливости обходился на деле недешево: дорого стоили вооружение, кони, содержание. Но все это с лихвой покрывала добыча в случае победы. Некоторые, у кого проходила жизнь в походах, имели свои возы в обозе, где находились женщины, как часть трофеев. Они редко имели свое постоянное жилище, разве что выживший в боях «старый хрен», и обзаведясь в походах женой с кучей ребятишек, уходя на покой, приобретали усадьбу или дом в городе. Большая полноценная дружина, захватывая все новые территории, требовала все больше добычи, а обрастая ею, они становились мало похожими на воинов. Им все тяжелее и тяжелее вступать в бои, ходить в походы.

Походы Святослава, безусловно, сыграли исторически позитивную роль, расширив границы Руси. Однако с оценкой этих походов в советской исторической науке возникали определенные трудности. В ней существовали завоевательные – «плохие» войны и «освободительные» – «хорошие». Отсюда миф о Святославе – «освободителе» болгар от «византийского ига» и «защитнике» Киевской Руси от набегов кочевников. Но пристальное рассмотрение образа князя, которому поклоняются современные «антихристиане» – рунверцы, убеждает нас в том, что большинство его походов – а иной государственной деятельностью он не отмечен – принесли мало хорошего Киевской Руси.

Отправляясь во второй раз в 969 г. на Балканы, Святослав оставил править на Руси трех своих сынов: Ярополка, Олега и малолетнего Владимира. В это время уже скончалась Ольга. До последнего вздоха, несмотря на 76-летний возраст, княгиня держала бразды правления. Воинственный Святослав во время военных походов был спокоен за свое государство. На сей раз князь фактически разделил власть между сыновьями следующим образом: Ярополку (ему было 17-18 лет) достался

киевский престол. Олег, на несколько лет младше, был назначен в Древлянскую землю. После 945 г. населению этой территории центральная власть не доверяла. Владимир как бастард, не имеющий шансов на отцовский престол, был отправлен в Новгород. Его выпросили жители далекого края, вняв совету дяди незаконнорожденного княжича Добрыни Малковича. Летописный рассказ об этом приглашении, явно более поздняя вставка, к которой нужно относиться критически.

Юный возраст новоявленных государственных мужей предполагал наличие у них опытных советников. О Добрыне я уже упомянул, при Ярополке был воевода Блуд, как мы узнаем, сыгравший трагическую роль в судьбе старшего Святославича, а кто был с Олегом – неясно. Старшие Святославичи, скорее всего, были христианами, так как Ольга при их рождении уже была крещеной. А вот Владимир воспитывался у Малуши, и он был до 988 г. язычником. Ольга, не сумев отговорить своего сына от язычества, растила внуков сама и в христианской добродетели. Почему Святослав оставил править Русью своих сыновей-христиан? Других не было, да и приставил к ним доверенных дядек-язычников.

Кем была законная супруга Святослава, точно не известно. Предполагают, а В. Татищев утверждает, что это венгерская принцесса Предслава, а ее родина к тому времени была христианской. Король Гейза Великий крестился в Константинополе по греческому обряду, поэтому неудивительно, что его дочь для своего сына выбрала Ольга. Женой Ярополка была гречанка, и, по всем данным, он был человеком новой генерации, как бы первым «интеллектуалом» на великокняжеском престоле. Впоследствии их было немало, а тогда Русью правили люди, предпочитавшие военную удачу – разуму. Ярополк с детства отличался тягой к духовной жизни. Можно утверждать, что при нем возродилось летописание, прерванное после смерти Аскольда. Он предпочитал общение с представителями стран развитой культуры – Византией, Болгарией, Великой Моравией... И все происходило на глазах современников типа Свенельда, Добрыни, Блуда и других аматоров рыцарского толка, вынужденных терпеть странности княжича. Но Ярополк был слабохарактерным, нерешительным, легко поддавался влиянию. Именно эта «кротость и благодетельность», по словам В. Татищева, послужила одной из психологических причин убоицы 975–977 гг., возникшей после гибели Святослава.

Апостол Петр с княгиней Гертрудой, ее сыном Ярополком и невесткой Ириной. Миниатюра из Кодекса Гертруды, конец X в.

На обратном пути из Болгарии в 972 г. Святослав погиб в бою с печенегами. Произошло это следующим образом. Князь вел измученную в боях дружину. Без добычи, без «славы», то есть достаточно деморализованных людей. Вот здесь проявилось коренное отличие капризничавшей дружинной корпорации от позднейшей регулярной армии «дешевых пехотинцев», которые беспрекословно подчинялись... Дружинники знали свои права. Старые и молодые «шверды», «хрычи», «хрены» и «мечи» начали роптать, им вспомнилось былое, когда правителя-полководца избирали, и произошел раскол. Как это было, можно только предположить. Л. Гумилев утверждает, что это был конфликт между христианами и язычниками и что первых поддержал Ярополк, сын Святослава. С подобной версией не все соглашаются, считая, что в дружине не присутствовали конфессиональные разногласия. Скорее всего, конфликт разразился между этническими группами – норманнов и славян. Погиб Улеб, предположительно, брат князя от другого, менее значительного брачного союза. Его имя явно скандинавского происхождения, означающее «предок возрожден», «предок остается», то есть имя первенца. Другой предводитель дружины Свенельд (Свеналд) направился в Киев с намерением подготовить замену Святослава его молодым, более послушным сыном Ярополком. Дружинники надеялись, что он не будет игнорировать интересы своей команды.

Рисунок с картины Г. И. Семирадского «Тризна дружинников Святослава после боя под Доростолом в 971 г.»

Со Святославом могли остаться верные воины, с которыми он направился домой, в Киев. Печенеги у Днепровских порогов напали на малочисленный отряд князя, и Святослав был убит. Из его черепа печенег сделал чашку для ритуальных напитков. А «Манасиева хроника» рассказывает о том, что болгарский правитель Крум в 811 г., обезглавив захваченного императора Никифора I, насадил его голову на кол, а затем, оковав череп серебром, получил сосуд для питья... В польском языке «череп» переводится как «чашка».

Внезапная смерть отца от рук печенегов фактически сделала Ярополка главой Киевской Руси. Но он не справился - не хватало таланта и опыта, его надежной подсказчицы - бабушки - уже не было в живых. Советники Свенельд и Блуд в первую очередь блюли собственный интерес, забывая о княжестве и о ее юном правителе. Ситуация была крайне напряженной. В Киеве свирепствовал антихристианский террор, от которого мог пострадать и молодой князь.

Открытый конфликт начался с 975 г. убийством Люта Свенельдича в Древлянской земле. Можно мысленно реконструировать произошедшее, а изложение в «Повести...», скорее, легендарное. Оно сводится к тому, что Лют охотился на землях Олега Древлянского. Князь, выехав на ловы, пришел в ярость и убил нарушителя. Взбешенный Свенельд потребовал у Ярополка наказания убийц. Последний дал себя уговорить и в 977 г. отправился с войском в Древлянскую землю. Первая стычка закончилась поражением Олега, он бежал во Вручий (Овруч) и тут во время паники на въездном мосту был затоптан вояками. Весть о смерти брата очень огорчила Ярополка, и он стал укорять воеводу: **«Вижь, сего ты еси хотель!»**

Теоретически убийство за ловы на чужой территории возможно, но маловероятно, что древлянский князь поднял руку на сына самого влиятельного боярина лишь за охоту в его лесах. Тут скрываются более веские причины. Для Свенельда Олег был соперником, захватчиком его владений. Особо интересным историческим документом, отражающим эти события, являются былины о Вольге Святославиче и Микуле Селяниновиче. Исследователи обнаружили во всех циклах исторический смысл и связали их с определенными этапами развития Руси. Реальная

ономастика, хотя и деформированная неоднократными пересказами. Описанное в былине происходит в известных городах: Крестьяновец (Коростень), Гурчевец (Вручий), Ореховец (Олевск), Туринск (Туров). И действующие лица хорошо угадываются: Вольга Святославич – Олег. Его враг Сантал – Свенельд. В былине прослеживаются произошедшие события: охота Вольги в лесу, столкновение Вольги с Санталом, гибель войска (силушки) на мосту Гурчева и т. п. А центральный эпизод с главным героем Микулой Селяниновичем отражает народные симпатии к «богатырю в полотняной сорочке». Так же четко она выражена в поединке сокола (Вольги) с черным вороном (Санталом). У Б. Рыбакова: *«Эпизод в древлянских лесах, когда сокол побеждает черного ворона, был первым открытым выступлением против наиболее знатной и сильной части киевских варягов, что дало основание воспевать его в былине с сочувствием смелому Олегу Святославичу»*. Народ поддержал антиязыческое выступление.

Смерть Олега, князя Древлянского. Худ. Т. Г. Шевченко

Свенельд, потерявший свое влияние после смерти Игоря, воспрям в боевом окружении Святослава. Такой талантливый воевода и хитрый политик был очень нужен князю, который поставил его своею правою рукой. Иначе как объяснить, что договор с греками 971 г. был заключен от имени Святослава и Свенельда. Он и занял место ближайшего помощника наследника своего сюзерена. Особое внимание привлекает фраза: **«Свенельд же приде Киеву к Ярополку»**. В «Повести...» она идет после рассказа о гибели Святослава и о чаше для питья, которую сделал из княжеского черепа печенежский хан Куря. Это наводит на весьма красноречивые выводы об участии Свенельда в гибели его сюзерена, а слабовольный наследник оказался под мощным влиянием матерого языческого волка. Ярополк, способный лишь на слабые словесные возражения, становится послушной игрушкой в руках всемогущего мажордома. Христианская часть боярства не желала сдавать позиции Свенельду, прекрасно понимая, что воевода стремится к абсолютной власти на Руси, и стала рассчитывать на Олега. Роль Ярополка в этой истории трагическая. Он нехотя выступил против своего брата, единоверцев, народа. Узнав о бессмысленной смерти Олега, он горько укорял своего воеводу, но решительно возмутиться и воспротивиться не сумел. Скорее всего, Свенельд не достиг своей цели, не стал победителем, хотя летопись ничего

не сообщает о нем. Он исчез с ее строк. А вот согласно былинному сюжету, сторонники Олега победили. И Ярополк занял положение, которое ему предназначалось, – лидера основной части общества.

Этот период часто определяют как надплеменной (племенные объединения и княжения) и дружинный (поскольку дружина была господствующей верхушкой). Во внутренней политике важной проблемой было удержание под властью Киева племенных княжений, которые долгое время сберегали свою автономию, а также получение от них дани.

Владимир Великий. Подъем Киевской державы

Очередной период в истории Киевской Руси связан со вступлением на престол князя Владимира. Историки называют его Великим, церковь – Святым, а вот народ – былинным Владимиром Красное Солнышко. Правда, в этом легендарном, литературном образе соединились два исторических деятеля – Владимир Великий и его внук Владимир Мономах. О правлении князя Владимира написано очень много в разноплановой древней литературе: от религиозного жития до поэтических былин. И новейшие авторы не отстают. Его образ волновал всех от Прокоповича и Пушкина до... и сегодня кто-то пишет... Короче, о князе Владимире написано больше, чем о его тезке – «вожде пролетариата», и не менее тенденциозно и, соответственно, фантастически.

Князь Владимир начал править в Киеве с 978 г. (хотя предпочтительнее дата 980 г.). Остановлюсь на этом великом правителе только как государственном строителе. О его просветительской деятельности я рассказал в моих книгах «Владимирский собор», «Киев для романтиков» и «Мой Город – Киев». Там же подробно изложен «Выбор Веры». О Крещении Руси написано столько, что даже перечислить публикации не хватит места. Так как моя книга о развитии и истории города, то избежать рассказа о Великом князе невозможно, да и не нужно. Поэтому остановлюсь на тех процессах, которые формировали Киев, делая его стольным градом. Кий основал город, Олег сделал его центральным, но на века Киев заявил столицей князь Владимир Великий, иначе его не назовешь. Много важного было им сделано для Руси! При нем она всемирно заявила себя Киевской! Я пришел к выводу, что Великие Реформаторы появляются раз в столетие: так в XVI в. – Лютер, XIX – Бисмарк, в начале XX – Столыпин... В X в. – Владимир Великий. Правление его стало временем расцвета Древнерусского государства: за это время окончательно сформировалась территория государства, были ликвидированы племенные княжения. Благодаря Владимиру произошла религиозная унификация всех провинций, укрепилась княжеская власть, благодаря росту культурного влияния Византии на Русь усилилась роль книжности и грамотности. Значительно вырос международный авторитет государства. Когда пишется эта книга, моя личная коллекция икон, произведений искусства и книг X – начала XX века о князе Владимире демонстрируется в Софийском соборе, в той части, которую, по мнению специалистов, возвел сам князь! В стенах, которые помнят равноапостольного!

Князь Владимир. Худ. В. М. Васнецов

Но вернемся к тому времени, когда Владимир из Новгорода наблюдал за событиями соперничества старших братьев за власть на Руси.

Окончание усобицы 975-977 гг., исчезновение Свенельда и неожиданное и закономерное укрепление власти Ярополка докатилось и до Новгорода. Это встревожило воеводу Добрыню и его племянника Владимира. Они были язычниками и поэтому побаивались, что христианская партия, взявшая верх в Киеве, не будет к ним снисходительна. Довелось им искать спасения за пределами Руси. Как уже говорилось, Владимир был внебрачным ребенком Святослава и ключницы Малуши, дочки Малка Любечанина и сестры Добрыни. Имеется очень хорошая, по крайней мере, с интересом читаемая книга А. М. Членова «По следам Добрыни», что Любечанин был не кто иной, как сосланный в Любеч древлянский князь Мал.

Незаконное происхождение Владимира повлияло на его судьбу и характер. Хорошо известен факт оскорбления, нанесенного полоцкой княжной Рогнедой Владимиру, пожелавшему стать ее супругом, - «робичич». Но в Древней Руси «раб», «раба», «рабыни» не имели четкого классового смысла - означали работающего человека, а те, которые находились в рабстве, назывались в хозяйстве - «холопами», а в обслуге - «челядью». Поэтому ошибочно считать Малушу и Добрыню невольниками. Фольклор говорит, что он был конюшим при великокняжеском дворе, а это очень почетная должность. То же относится и к ключнице - одной из основных фрейлин двора. Малуша, как и ее брат, была представительницей феодальной верхушки приближенных княгини Ольги.

Добрыня и его сестра Малуша

Бегства Владимира за море не было, просто это был тактический ход для поиска союзников в борьбе за власть в Киеве. На самом деле Ярополк младшему брату не угрожал, но такое поспешное решение принял его властолюбивый дядька, имеющий свои четко определенные планы. Так получилось, что после гибели Святослава за власть боролись не его дети, а их наставники. Для правильного понимания сути происходящего нужно представить расстановку сил в стране, что всегда полезно и верно для всех времен: если хочешь разобраться – «зри в корень»... и увидишь, кому это нужно. Да, именно это я имел в виду! И в Киевской Руси в X в., и в Сирии в XXI в., всегда – даже за маленькими политическими пертурбациями скрываются заинтересованные лица – а чаще всего кланы. Неважно кто – Владимир-княжич, Владимир Ульянов, Владимир Путин – в начале своей деятельности не имели ни малейшего представления, что они станут абсолютными властителями... Будущий Великий Креститель был уверен, что на Руси он не найдет поддержки. Лишенный прав как незаконнорожденный и несовершеннолетний, он не мог стать знаменем даже самой незначительной группировки. Но настойчивость и харизма Добрыни сделали невозможное: племянник оказался в самой гуще политической борьбы.

Ярополк Святославович. Худ. В. П. Верещагин

Ярополк по слабости своего характера опирался на прохристианские силы, которых он устраивал. Язычники хоть и не имели лидера, Владимира всерьез не воспринимали. Единственным козырем бежавших за море было наемное варяжское войско, которое не раз и не без успеха встревало во внутренние дела Руси. Через пару лет, наняв за деньги новгородских купцов дружину в Швеции, Владимир и Добрыня вернулись. Началась новая усобица, сыгравшая важную роль в дальнейшем развитии государства.

Решительной попытке Владимира захватить киевский престол предшествовала трагедия Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода. Образ этой женщины надолго остался в памяти и всегда интересовал летописцев и хроникеров. А в наши дни одна из улиц Киева носит ее имя. Богатейшая Полоцкая земля, не знавшая набегов кочевников, давно была предметом политических устремлений. Именно Добрыня уговорил Владимира посвататься к полоцкой княжне. Но гордячка презрительно отказала «За робичича – не пойду». Дело тут вовсе не в капризе княжны. Все решал отец Рогнеды, не считающий Владимира серьезным претендентом на престол. Отказ возмутил жениха и его «вуя». В результате варяги взяли штурмом Полоцк, убив Рогволода. Лаврентьевская летопись сообщает, что княжна была изнасилована Владимиром на глазах ее родителей. Ученые спорят о дате этого события. Определяющей является дата жизни сына Рогнеды и Владимира Ярослава Мудрого. Он умер в 1054 г., в возрасте 76 лет. А поскольку у Рогнеды он был третьим сыном (после Вышеслава и Изяслава), то взятие Полоцка произошло не позднее 976 г., и княжеская усобица началась, скорее всего, из-за этого события, а отъезд (бегство) Владимира в Швецию был, очевидно, позже сватания и покорения Полоцка. Так считает М. Брайчевский, и трудно с ним не согласиться.

Когда дядя и воспитанник вернулись в Новгород, то застали Ярополковых посадников. Поэтому Владимир с наемным войском отправился на юг и взял в осаду Киев. Это было непросто – Ярополк пользовался поддержкой горожан. Для Владимира ожидание было невозможным, его наемники постоянно требовали все больше и больше оплаты. Пришлось пойти на хитрость и вступить в переговоры с воеводой Блудом, которого удалось перекупить. Как всегда, нерешительный Ярополк совершил ошибку, поддавшись на уговоры Блуда и покинул Киев. На некоторое время законный князь укрепился в Родне над Росью, но нехватка продовольствия вынудила его сдать. Ярополк в очередной раз поверил Блуду и явился к брату, где был предательски убит двумя варягами.

Так «незаконнорожденный» Владимир, имевший менее всего шансов на успех, благодаря дядьке, своей воле, твердости характера и постоянному обману стал властелином Киевской Руси. Стол в Киеве еще не решал всех проблем. Захват столицы в 980 г. с помощью варяжских дружинников поставил новоиспеченного князя в зависимость от них. Наемники незамедлительно напомнили о себе, требуя денег: *«Этот город наш, мы пришли и хотим откуп, по 2 гривны с человека»*. Выгнать их князь не посмел, боясь остаться беззащитным перед сильной христианской оппозицией. Но и в данном случае смекалка не подвела Владимира. Он оставил самых надежных и лично ему преданных, а остальных, наиболее буйных, отправил воевать на юг, с византийцами. Владимир, придя к власти как сын великого князя и как лидер антихристианских сил, приказал создать новый языческий пантеон на Перуновом холме (Старокиевской горе). В святилище было шесть идолов-богов, которым поклонялись поляне, сиверяне, древляне, дреговичи, кривичи, ильменские словени – это Дажбог, Хорс, Перун, Стрибог, Симаргл, Мокошь. Не все божества были чисто славянскими: Хорс имел иранское происхождение, Перун – бог молнии у литовцев, Мокоше поклонялись финские племена Поволжья. Явный смысл создания пантеона – утверждение политического верховенства Киева, одоление идеологической инерции центробежных сил разных племен. Создание капища было торжественно обставлено с тщательным исполнением обрядов. **«И осквернилась кровью земля Руська»**, – пишется в «Повести...». И не только кровью животных, но и человеческой. Это был проверенный способ борьбы с недовольными противниками режима. Подтверждением служит легенда об отце и сыне – первых мучениках – Иоанне и Феодоре. Содержание легенды не отличается сложностью: язычники кинули жребий, и он выпал на молодого Иоанна. Но его отец воспротивился, заявив: «Ваши боги, суть дерево, вами же сделанное». Это возмутило толпу, и они убили обоих. В церкви их по сей день называют «первыми русскими мучениками».

Попытка укрепить капищем централизованную власть не привела к ожидаемым результатам, и Владимир вскоре отказался от этой идеи. Он понимал: нужно было проводить реформы и в первую очередь уходить от язычества. Но что могло стать

достойной заменой? Это мог быть иудаизм, который хорошо прижился у соседних хазар. Как тут не вспомнить В. Ключевского: «Владимиру легче было загнать своих дружинников в воду, чем заставить их сделать обрезание».

М. Брайчевский рассказал и о скандальном эксперименте с... исламом, что старательно замалчивалось в нашей письменной традиции по вполне объяснимым причинам. Ал-Марвази, арабский ученый второй половины XI в., сообщал о Руси: «...И таким образом воспитывались они до тех пор, пока не стали христианами, но религия притупила их мечи, вера закрыла им двери занятий, и вернулись они к тяжелой нищенской жизни. И решили они стать мусульманами, чтобы были позволительны набеги и война, возвращение к прошлому. И послали они послов к правителю Хорезма, четырех человек из приближенных царя - у них был свой царь, и звали его Владимир. И пришли они в Хорезм и принесли послание. И обрадовался хорезмшах их решению возвратиться в ислам. И вернулись они в ислам».

Убийство первых мучеников - Иоанна и Федора. Худ. П. Сорокин

Такая возможность существовала, поэтому С. Толстов писал: «В исламе Владимир мог искать идеологическое оружие для примирения противоречий интересов киевской аристократии, которое достигло своей кульминации: догмат борьбы за веру и перспектива союза со странами ислама обещали успешное развитие военной экспансии против давнего врага - Византии. Система ислама как церкви и религии могла, казалась, помочь и решить внутренние проблемы, что легли в остаточную консолидацию феодально-крепостнического строя». Тут видим и обращение в монотеизм, и нежелание возвращаться в греческую веру.

В 985 г. Владимир вместе с воеводой по имени Волчий Хвост совершил поход против волжских булгар, которые незадолго до этого приняли ислам. В процессе этой экспедиции князь мог познакомиться со службой в мечетях. Безусловно, Русь мусульманство не приняла бы. Для восточного славянства это была по духу и традициям чуждая вера. Но о возможности стать иудеями или мусульманами надо сообщить, как бы в противовес утверждению тезиса: «Русский народ - **исконно**

православный!»

Политическая подоплека принятия на Руси христианства малоосвещена. Остановимся на ней. В 986 г. в Византии развивались драматические события. После смерти Иоанна Цимисхия в 976 г. и устранения ловкого правителя паракимомена Василия, вызывавшего всеобщую ненависть, к власти пришли законные наследники престола – дети императора Романа II – Василий и Константин. Против них выступили влиятельные феодалы Варда Склир и Варда Фока. Смутой в империи воспользовались болгары и нанесли поражение византийской армии. В этой критической ситуации император Василий II обратился за помощью к киевскому князю. Посол Владимир принял радушно, почувствовав возможность поднять свой авторитет. Взамен военной поддержки русич потребовал руки принцессы Анны. Такой неслыханной дерзости императоры не ожидали. Византийские принцессы не выходили замуж за иностранцев – это считалось унижительным. А для незаконнорожденного князя, захватившего власть с помощью наемников, акт бракосочетания был несказанно престижным. Константинополь с возмущением отказал наглому претенденту. Вот тут и состоялся успешный поход Владимира на Херсонес. Правда, захватили город благодаря предательству Анастаса, о котором еще вспомним. Потеря самого важного центра в Крыму заставила императоров изменить первоначальное решение. Владимир крестился в херсонесской церкви Св. Иакова, вернулся домой с женой, многочисленными попами во главе с помогавшим ему Анастасом и полными сундуками награбленного имущества. Среди прочих трофеев были мощи св. Климента. А 6-тысячное войско, взявшее Херсонес, отправилось в Византию на помощь законным императорам.

Поход князя Владимира на Корсунь. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Так христианство, много претерпев за столетие, окончательно утвердилось на Руси. Во внешней политике Владимир переходит от экспансии к обороне границ собственной державы. Проводится строительство мощных укрепленных линий с валами и отдельными крепостями, своего рода «богатырскими заставами» приграничных территорий и заселением их воинами со всех земель.

Основными задачами оставались оборона южных границ от нападения печенегов и обеспечение благополучной регулярной русско-византийской торговли. Владимир был настоящим реформатором. «Племенные» княжества были ликвидированы, а территория Руси была поделена на 8 административных округов: Новгородский,

Полоцкий, Туровский, Ростовский, Муромский, Древлянский, Владимирский (на Волыни), Тмутараканский. Административная верхушка была тщательно подобрана сплошь из местного населения. Поэтому произошла замена местных князей вначале старшими дружинниками, потом сынами Владимира. Их летописи насчитывают 12. Думаю, что тут сказалось определенное влияние Святого Письма. Потому что в том году, под которым даются их имена, - 988-м, некоторые еще не появились на свет (например, Судислав). Тем не менее их упоминают как удельных правителей вышеперечисленных земель. Назовем их имена в порядке старшинства: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав.

Была проведена и военная реформа: на смену наемным варяжским дружинам пришли славянские воины. Произошло слияние военной системы и феодального землевладения. На рубежах Руси Владимир раздавал землю с местным оседлым населением определенным лицам, военной обязанностью которых было организовать ее защиту. Так появилась на Руси служивая знать. Причем необязательно из общественных верхов. Лен (земля с обязательствами от феодала) мог получить и простой человек за свои заслуги. Была создана мощная и многочисленная дружина, благодарная и подчиненная воле князя. Это воинское объединение воспето в летописях и былинах. Дружинники противостояли старой киевской знати, не желавшей примириться со смертью Ярополка и лелеющей надежду на возвращение своего господства.

Князь Владимир свергает идолов. Худ. В. П. Верещагин

Важной частью реформаторской деятельности Владимира был ряд действий

религиозного плана. Крещение великого князя сделало христианство государственной религией. Язычество было признано нежелательным, а капища повсеместно уничтожались. Показательно в этом отношении их свержение в Киеве, о чем красочно рассказала «Повесть...». Недавнего властелина – Перуна – низвергли, привязали к хвосту лошади (что весьма сомнительно, – оборвался бы – не выдержал), потащили по Боричеву спуску, плевали, испражнялись на него... Потом скинули в Днепр – как бы окрестили.

Очередная историческая дата – и, соответственно, очередной повод позанудствовать.

Возобновилось церковное строительство. Как и положено, первые храмы, освященные в честь патрона князя, были Васильевскими – в Киеве и Вышгороде – загородными резиденциями. Сооружение каменной Десятинной (Богородицкой) церкви стало государственным актом, узаконивающим снятие десятины на содержание легализованной епархии. По византийскому образцу составлен был Церковный устав. В 991 г. в Киевской митрополии были созданы архиепископии. Прежняя деятельность Владимира-язычника сказалась на взаимоотношениях с киевским митрополитом, поэтому он предпочитал опираться все на того же Анастаса. Этот предатель, способствовавший падению византийского Корсуня, пользовался авторитетом у властелина-неофита. Именно ему было поручено строительство кафедральной Десятинной церкви. Не исключено, что и львиная часть «десятины» прилипла к его рукам. Замечу – в человеческом обществе львиная доля почему-то достается шакалам. Особенно в последнее время!

Всеобъемлющая серия управленческих мероприятий Владимира сильно укрепила его положение и создала впечатление общегосударственного процветания и социальной гармонии. Но под внешним благополучием затаились острые противоречия. Я спрошу читателя: а в какие времена их не было?

Именно уверенность в отсутствии симпатии к себе киевской знати объясняет странные обстоятельства постоянного пребывания Владимира вне Киева. Известно ярко выраженное желание его, которого величали Красным Солнышком, жить в пригородных резиденциях, а не в столичных дворцах, находившихся в Киевском детинце. Увы, сохранились только их фундаменты. Сегодня их контуры, обозначенные кварцитом, можно увидеть: один, условно названный Западным, в Десятинном переулке, второй находился ближе к улице Владимирской и как бы пересекал переулок, который ведет к фундаментам Десятинной церкви. На фасадной стене дома по Владимирской, № 4 – памятный знак с изображением реконструкции этого парадного сооружения, именуемого Южным. По исследованиям 1911–1914 гг. выполнена его реконструкция. Дворец расположен на экскурсионном маршруте, что позволяет моим коллегам излагать различные легенды и прочие исторические байки. Чего таить грех, сам люблю порассуждать.

Киевлян крестили в реке Почайне

Место Крещения киевлян по Лаврентьевской летописи – это Днепр: «**...Посем же Володимиръ посла по всему граду, глаголя: „аще не обрящется кто реце: ботал ли, ли убогъ, или нищъ, ли работникъ, противен мне да будетъ“.** Се слышавше людье, съ радостью идяху, радующеса и глаголяще: „аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре пріяли“. Наутрїя же изиде Володимеръ съ попы царицины и съ Корсуньскими на Дънепръ, и снисдеся безъ числа людїй: влезоша въ воду и стояху овы до шїе, а друзїе до персїй, младїи же от берега, друзїе же млади держаще, свершенїе же бродяху, попове же стояще молитви творяху. И бяше си ведети радость на небеси и на земли, толико душъ спасаемыхъ, а дѣвол стенья глаголише: **увы мне, яко отсюда прогонимъ есмь! сде бо мнѣхъ жилище имети...**» Что маловероятно из-за крутого правого берега Днепра. А вот приток или старое русло Почайны подходит более. И по Холмогорскому и Львовскому списку – это Почайна: «**...Посем же князь великій Владимиръ посла по всему граду, глаголя: “Пойдите на реку Почайну креститесь. Аще кто не идет креститесь, да тот мне противен будет”**». В пользу приверженцев версии о крещении киевлян в Почайне может свидетельствовать упоминание этого факта не только в указанных летописях, но и в иных древних документах. А для историков XIX в., знавших о бывшей короткой протяженности русла Почайны, впадавшей в Днепр ниже Крещатика, вопрос о месте крещения киевлян вообще не стоял. Они понимали, что в X в. рядом с Древним городом, Боричевым узвозом, Подолом просто не было другой реки. Поэтому историки объясняли разночтения в летописях о месте Крещения киевлян погрешностью авторов летописей, которые могли, например, воспринимать Почайну и Днепр как единое целое из-за разлива рек весной. «**...В начале еще X столетия составляла она (Почайна) глубокую речку, протекавшую у самого Подола, отделяясь от Днепра длиною узкою косою, и с Днепром возле Крещатика соединялась. Во время весеннего наводнения совершенно сливалась с Днепром. По чему, ежели крещение народа при св. Владимире происходило в полную воду, то все равно на Почайне ли или на Днепре оно совершалось. По чему и не удивительно, что в разных летописях иногда Почайна, а иногда Днепр упоминается**» (Белинский М. Ф. Краткое описание Киева. 1820).

Улица Почайнинская проложена после пожара 1811 г. перпендикулярно улице Спасской по плану В. Гесте, именно по руслу старой речки. Вот в ее водах Владимир крестил киевлян, и именно Почайна прослужила городу речной гаванью практически на протяжении всей его истории. Название «Почайна», вероятно, происходит от праиндоевропейского корня «пот» («вода», «влага») и в древности могло означать «водопойная речка» или «тихая, спокойная речка». Собственно, Почайна представляла собой не приток, как многие считают, а рукав Днепра. Он ответвлялся от главного русла между Вышгородом и устьем Десны, проходил по сегодняшней Оболони и вновь соединялся с главным руслом ниже современной Почтовой площади - там, где стоит пешеходный мост. Нижний участок Почайны был отделен от Днепра узкой песчаной косой и служил киевской гаванью. Русло реки уничтожил судоходный канал, прорытый в 1712 г. для сокращения водного пути к пристани. В XIX в. разделяющая коса была размыва - воды Днепра поглотили Почайну, смыв оставшийся остров и часть Подола.

Тело князя Владимира ночью тайно выносят из дворца. Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе». Сильвестровский список XV в.

Часто я занудствовал об утвержденной официально дате отмечаемого Дня князя Владимира. Итак, смерть Святого Владимира. 15(28) июля 1015 года. То есть: случилось 15 июля 1015 года по старому стилю, отмечаем 28 июля... Но само событие, 15 июля 1015-го по старому - это и близко не 28 июля 1015-го по новому. Наверняка к этому моменту почти все уже опередили меня и вычислили в уме... но для остальных после паузы сообщим: разница между стилями тогда составляла не тринадцать дней, а шесть. Ergo, по новому стилю это произошло 21 июля 1015-го. Я считаю, 21 июля и надо (было) отмечать. Но... в 1015 году никакого нового стиля и в проекте не было. Григорий ввел его в 1582 году. Так вот, одно очень известное событие 1453 года, дата которого точно зафиксирована, так и записывают по старому стилю, без всяких пересчетов. Речь о падении Константинополя: вторник, 29 мая 1453-го. По дню недели легко проверяется, что это старый стиль. По новому, это было бы 7 июня (разница в XV веке составляла 9 дней). Так если исходить из этой логики, то и день смерти Владимира надо бы отмечать 15 июля, вообще ничего не пересчитывая. Мол, тогда весь христианский мир знал эту дату не иначе, как 15 июля, значит, и мы сейчас должны считать так. А что тогдашнее

15 июля и сегодняшнее 15 июля соответствуют заметно разным положениям Земли на орбите... ну, что вы хотите, скорость вращения Земли изменилась! И что делать?

P.S. А для отмечающих не день смерти, а день Крещения Руси - так оно было не в XI, а в X веке, и тогда разница была не 6 дней, а 5. Так что не 21 июля, а совсем даже 20-е. Вот... Взято у Стефана Машкевича.

На Печерске сохранилась одна из древних церквей Преображения Господнего, более известная как Спас на Берестове. Предпочитаю перед тем, как зайти в храм, немного постоять или обойти его. Тогда можно дать волю воображению и представить, как здесь тысячелетие тому назад было загородное село князя Владимира, здесь он любил отдыхать от государственных дел, в кругу своих самых преданных дружинников и 300 хорошеньких девушек. Ими он за боевую отвагу и достижения на государственном поприще одаривал своих друзей. Может быть, с тех времен и появилась схожесть в украинском языке названий князьего войска и жены - «дружина».

По летописям, тут Владимир и построил свою первую личную церковь - Спас на Берестове. Но существование при князе домовой церкви представляется сомнительным. Постараюсь объяснить. Когда 15.07.1015 умер Креститель Руси, его тело тайно ночью на ковре, проломив пол, вынесли из дворца, положили на сани, чтобы доставить на Старокиевскую гору. Если внимательный читатель спросит, какие сани летом? - отвечу: по древним обрядам, покойника нельзя везти на любом транспорте с колесами, так как они олицетворялись с нечистой силой. Умершего христианина несли на руках или тащили на дрогах без колес! После отпевания князя похоронили в Десятинном храме, что свидетельствует об отсутствии церкви в загородном селе. Ее, даже домовой, тогда не было. Значит, церковь на Берестове появилась позже.

В дальнейшем берестовский дворец приобретает значение старого родового гнезда для потомков Владимира Святославича. Благоклонность к нему сохранили: сын Ярослав, а следом Святослав Ярославич, Всеволод Ярославич, Владимир Всеволодович Мономах, Изяслав Мстиславич. Спесивый, с излишней гордыней Юрий Владимирович Долгорукий тоже не смог отказаться от этого дворца, справедливо считая себя потомком вышеназванных князей.

Где голова равноапостольного князя Владимира?

Для большинства читателей этот вопрос, безусловно, покажется несколько странным. Какой еще князь Владимир? Он же умер почти тысячу лет тому назад! Равноапостольный (потому что он крестил Русь) князь «почил в Бозе» 15 июля (по ст. ст.) 1015 года. Но его голова, одна из основных святынь православного мира, пропала где-то в 1937—1939-х годах. А может, вовсе не пропала и найдется, если не на 35-летие, то хотя бы на 50-летие нашей независимости!

Теперь по порядку. На Руси стали чтить память своего Крестителя, вероятно, уже после его смерти, когда отошли в прошлое ужасы княжеской междоусобицы, а в Киеве утвердился его сын Ярослав. Об этом свидетельствуют не только дошедшие до нас былины о Владимире Красное Солнышко, но и часто встречаемое имя Владимир среди князей, что говорило о большом почтении к славному предку. Уже в конце 1040-х гг. будущий киевский митрополит Илларион произнесет свое знаменитое «Слово», обращенное к памяти святого князя: *«Восстань, о честная глава, из гроба твоего! Восстань, отряси сон! Ибо ты не умер, но спишь до всеобщего восстания. Встань, ты не умер! Не надлежало умереть тебе, уверовавшему во Христа, который есть жизнь, дарованная всему миру. Отряси сон, возведи взор и увидишь, что Господь, таких почестей сподобив тебя там, на небесах, и на земле не без памяти оставил в сыне твоём...»*

Радуйся, учитель наш и наставник благочестия! Ты облечен был правдой, препоясан крепостью, обут истиной, венчан добромислием и, как гривною и золотой утварью, украшен милосердием. Ты, о честная глава, был нагим – одеяние, ты был алчущим – насыщение, ты был жаждущим – охлаждение утробы, ты был вдовым – вспомоществование, ты был странствующим – обиталище, ты был бескровным – покров, ты был обидимым – заступление, убогим – обогащение.

В утешение за эти и другие дела приемля воздаяние на небесах, вкушая блага, «что приготовил Бог вам, любящим Его», и насыщаясь сладостным лицезрением Его, помолись, о блаженный, о земле своей и о народе, которым благоверно владычествовал ты. Да сохранит его Господь в мире и благочестии, преданным ему тобою, и да славится в нем правая вера, и да проклинается всякая ересь, и да соблюдает его Господь Бог от всякого ратного нашествия и пленения, от глада и всякой скорби и напасти!»

В этих строках, как и во всем страстном «Слове» Иллариона, – целая программа причисления князя Владимира к лику святых как заступника и благодетеля Руси, как равного апостолам, просветившего светом веры свою страну. Но как актуально звучат эти строки! Слово их писали не 1000 лет тому, а сегодня, когда народ Украины не может объединиться ради строительства своего государства, стремящегося стать воистину европейским. Даже православные христиане разделены. Нашему обществу, где семь десятилетий внушали безверие и отрицание духовных ценностей, жизненно не хватает этой НЕОБЫЧАЙНО ВАЖНОЙ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОЙ СВЯТЫНИ.

Князь Владимир смог преобразовать государство и вывести его на верный путь развития. Поэтому и отдавали ему почтение государи, князья и другие правители. Автор летописной похвалы князю Владимиру, помещенной в «Повести временных лет» в 1015 году, писал: **«Память его чтут русские люди, поминая Святое Крещение, и прославляют Бога в молитвах, песнопениях и псалмах, воспевая Господу. Новые люди, просвещенные Святым Духом»**. Однако по каким-то причинам официальная канонизация задержалась на два столетия. Скорее всего, в обществе в XI—XII в. шла подспудная борьба за официальное, общецерковное признание князя Владимира святым. Как такое могло быть? Какие силы и по какой причине противились прославлению Крестителя Руси?

Только в XIII в. происходит общецерковное причтение князя Владимира к лику святых. А святым его впервые записали в Галицко-Волынской летописи в 1254 г.

Это произошло в то время, когда его захоронение уже было погребено под руинами Десятинной церкви. Тут они лежали в саркофаге – неподалеку от гробницы его бабки св. Ольги.

Столетия о них не вспоминали, вплоть до 1635 г. Св. митрополит Петр Могила понимал, что для объединения православного люда с целью эффективного противодействия католической экспансии необходимы особые святыни. Поэтому он берет за воссоздание Десятинного храма, построенного князем Владимиром для объединения народа в новой вере. Во время расчистки старого фундамента было найдено два саркофага. В одном из них находились мощи Крестителя Руси. В 1795 г. в «Кратком историческом описании Киево-Печерской лавры» автор, почтенный митрополит Киевский Самуил (Миславский) описал многочисленные подробности этой находки.

Правицу как дар, достойный «царского величества», митрополит послал в Москву. След ее теряется в веках. Часть святых мощей, а именно нижняя челюсть, согласно описи Московского Успенского собора, находилась там: *«Да в том же большом ковчеге великого князя Владимира Киевского часть мощей, исподняя кость с зубами, а под нею доска кипарисная»*. Еще одна часть мощей – кость руки – была передана Петром Могилой в Свято-Софийский собор после того, как он его отобрал у униатов. Частицы мощей находились и в других местах. Например, в одном из напестольных крестов Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Но основная святыня – глава князя – находилась столетиями в Киево-Печерской лавре. В средней части Успенского собора в конце правой стороны большого иконостаса у южной стены в серебряном кованом ковчеге хранилась *«глава св. благоверного и равноапостольного князя Владимира»*. Об этом свидетельствовала надпись золотыми буквами на медной доске: *«Лѣта отъ созданія Мiра 7270, а отъ рождества Христова Спасителя нашего Бога 1762, месяца октомбрія 24, въ первое лѣто благополучнаго Государственія Благочестивѣйшія, Самодержавнѣйшія, Великія Государыни нашея Императрицы Екатерины Алексѣевны всея Россіи, и при дражайшемъ сынѣ Ея, Благоверномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, законномъ Всероссійскаго Престола Наследникѣ устроена сія фрамуга и къ ней рака отъ древа кипариснаго и украшена серебрянымъ и протчимъ окладомъ, въ которой положены... Святого равноапостольнаго Князя Владимiра, в святомъ крещеніи нареченнаго Василія, Самодержца Всероссійскаго, просвѣтвишаго Россію святымъ крещеніемъ, глава»*. Ковчег прикрывала верхняя доска с чеканным изображением св. Владимира во весь рост с отверстием к самой главе для воздаяния почестей, то есть целования. Она была выполнена лучшими отечественными ювелирами в 1825 г. и приурочена к приезду в Киев нового императора.

Дело в том, что все российские самодержцы после торжественной коронации в Москве обязаны были побывать в Киеве для торжественного приложенья к ковчегу с «честною головою равноапостольного князя». Замечено, что если властитель не поспешил это совершить, то мог на престоле долго не удержаться. Не верите – проверьте по российской истории. Это легко проследить по документам и придворным журналам о почитании этой важнейшей святыни. Особенно преклись о своем благополучном царствовании те, кто занял престол при не совсем легитимных обстоятельствах: Екатерина II, Александр I, Николай I. Так, последний из вышеуказанных императоров *«высочайше пожаловал золотой глазетовый с орлами и горностаями покров»* на мощи св. Владимира.

Митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) возложил этот покров 25.06.1827 в день рождения Николая I, при этом произнося пространную речь о важности этой святыни: *«Мы вспоминаем все те жертвы признательности, коими чтили тебя как праотца и родоначальника своего достойные наследники твоего престола за утверждение, распространение, прославление и просвещение России. Подражая твоей мудрости, мужеству, благочестию, ревности по Вере, они сохранили то, что ты стяжал, более распространили то, что ты приобрел, препрославили наследие твое, насажденную тобою по всем пределам царствия твоего Веру Христову они возродили и соблюли в чистоте. Православную церковь, тобою*

водворенную, они покровительством своим утвердили, призванные тобой в державу науки умножили. Все сие совершение есть их почесть благому началу, тобою положенному; и посему-то с признательными чувствованиями они благоговели всегда и к останкам твоим на земле, прославленные от самого Бога святостью, и в жертву благодарности к тебе украшали оные дарами своими и благолепием. Но никто еще не приносил тебе в дар порфиры, от тебя наследованной».

Постоянные почести мощам Крестителя Руси воздавались вплоть до советского времени, когда под видом помощи голодающим начали грабить церковное имущество и святыни. Тогда все драгоценные подношения продавали, переплавляли или просто крушили. Так пропало всё, кроме кипарисового ковчега с главою Владимира. Ее еще показывали в 1920—1930-е годы многочисленным зевакам, посещавшим или жившим на территории Музейного городка – так называли Киево-Печерскую лавру в то время. Она исчезла где-то в 1938 г. Старейший знаток истории Лавры Щаденко утверждал, что главу отправили в Ленинград известному скульптору-реконструктору М. Герасимову для создания портрета князя. Но Герасимов впоследствии отрицал это.

Глава могла находиться в подвалах Атеистического музея, что в советское время был размещен в Петербургском Казанском соборе. Там же находились мощи св. Серафима Саровского. В бывшем КГБ Украины их быть не может, так как эта служба все возвратила церкви начиная с 1985 г., когда вернули верующим в Чернигов святые мощи Феодосия (Углицкого). Они впоследствии оттринули радиоактивное облако от города. Вот почему Чернигов из ближайших к Чернобылю городов наименее загрязнен.

Не хочется думать, что глава князя Владимира уничтожена. Давайте верить, что она сохранилась и ждет своего часа, когда православный народ Украины утвердится в своей единой вере. Тогда она чудесно явится для того, чтобы главы нашего государства имели все возможности ради всеобщего блага воздавать ей почести и вести Украину к светлому будущему!

Князь Владимир умер в особо напряженное для него время. Святополк уже два года как заключен в погреб. Существовала опасность выступления старого киевского боярства, не принявшего Владимира. На западе открыто занял враждебную позицию Болеслав Храбрый, тесть арестованного князя. На севере конфликтовал Новгород во главе с князем Ярославом. Для отражения опасных печенегов из Ростова был вызван готовившийся в наследники любимец Борис, который с 8-тысячной дружиной отправился в Степь. Владимир умирает внезапно, не сделав никаких распоряжений о преемнике. Сторонники князя растерялись, наиболее вероятный правитель Киевской Руси – Борис – находится далеко в походе против печенегов. Что же произошло в Киеве?

Среди множества загадок отечественной истории есть такие, о которых не любят вспоминать. Одна из них связана с именем Святополка. В памяти потомков его имя слилось с прозвищем Окаянный. Трудно найти другого исторического деятеля, чья характеристика на протяжении столетий была бы столь краткой, исчерпывающей и безжалостной. Кажется, никаких надежд на прощение потомков у Святополка нет и быть не может. Но так ли это? Кое-что удалось прояснить.

После убийства ненавистного ему Ярополка Владимиру Святославичу удалось сесть на киевский престол! Он, всегда равнодушный к прекрасному полу, забрал себе и вдову Ярополка, красавицу гречанку. Родившийся вскоре Святополк считался Владимировичем, хотя на самом деле был сыном Ярополка. Когда ему было около 10 лет, произошло Крещение Руси. Источники не сообщают, какое крестильное имя было ему дано. Известный историк В. Л. Янин считает, что крестильное имя Святополка было Петр. После рассказа о крещении сынов святого князя имя Святополка исчезает со страниц летописи на добрые четверть века. И лишь после внезапной кончины Владимира 15.07.1015 туровский князь как-то «всплывает» из летописного небытия. Это, естественно, вызвано непростыми отношениями между Владимиром и Святополком. А был ли он его сыном,

равноапостольный не был уверен. Поэтому все источники отмечают неприязнь великого князя к своему то ли сыну, то ли племяннику. Назначенный Святополку удел Туров считался самым худшим. Это была экономически отсталая, бедная земля с рассеянным убогим населением, с которого нечего было брать.

Святополк был князем Туровским с 990 г., и его земли граничили с Польшей, поэтому князь Владимир и соединил его брачными узами с польской принцессой, дочкой Болеслава Храброго. Это, скорее всего, результат миссии цестарианца Бруно в 1008 г., а долгожданный мир закрепили браком. Польша опасалась сближения князя Владимира с империей, поэтому, когда в 1013 г. начались интриги с Западом, Болеслав очень рассчитывал на помощь зятя. Тогда епископ Бруно получил соизволение проповедовать западному клиру, поэтому с Болеславной прибыл колобжеский епископ Рейнберн. Владимир, решив привести в христианство своих степных врагов, с почестями принял папского посланника и лично проводил к границам своих владений за Переяславом. Бруно сумел завоевать доверие печенегов и склонил их к миру с Киевом, убедил великого князя послать в Степь какого-нибудь сына в качестве государственного представителя. Выбор пал на наименее любимого Святополка. Но и тут деятельный княжич оказался верен себе, подружился с кочевниками и в дальнейшем использовал их в своих политических целях. Со временем Святополк вернулся в свой Туров. Киевский князь заточил Рейнберна как польского шпиона, а Святополка перевел на княжение в Вышгород, чтобы он был на глазах. Выдающийся исследователь летописей А. Шахматов даже высказал по этому поводу предположение, что Святополк был вышгородским князем. Но ведь Вышгород никогда не был центром княжества, а всего лишь загородной резиденцией киевского правителя...

Когда в загородном селе Берестове внезапно скончался князь Владимир, Святополк был в Киеве. Он был человеком действия и приказал тайно перевезти Владимира в Десятинную церковь. Ведь пышные похороны могли привлечь внимание и лишит Святополка важного козыря – фактора времени. Он на следующий день с помощью митрополита, по праву старшинства, объявил себя великим князем и, собрав киевских бояр и купцов, щедро одарил их из сокровищницы отца. Он имел все основания считать себя более легитимным претендентом на киевский стол, так как его отец – Ярополк.

В это время дружина его брата Бориса, состоящая из молодых воинов, стояла лагерем на р. Альте. Перед самой кончиной Владимир послал сына Бориса с войском против печенегов. Киевские дружинники стали уговаривать княжича напасть на узурпатора и отобрать отцовский престол. Борис отказался, ссылаясь на старшинство Святополка. Дружине такой ответ пришлось не по нраву, и войско покинуло Бориса. Ободренный таким поворотом событий Святополк вернулся в Вышгород и послал к Борису верных слуг: Путшу, Тальца, Оловича и Ляшка. В ту же ночь, 24.07.1015, в опустевший лагерь пробрались посланцы Святополка. Они ворвались в шатер и ранили копьем спящего Бориса, но он успел схватить меч и выбежать. Его верный оруженосец Георгий Угрин своим телом попытался закрыть князя. Оба были заколоты. В спешке убийцы отрубили Георгию голову, чтобы снять золотую гривну. Кроме Георгия у Бориса служили Моисей и Ефрем Угрины, оба впоследствии стали печерскими подвижниками, о них сбереглась светлая память. Коварные «посланцы» Святополка вынуждены были сразиться и с охраной Бориса, где погибли «отроки многи». Так, на 9-й день после кончины равноапостольного князя, не стало и его сына – того, которого отец видел своим преемником.

Тело Бориса повезли в Киев. Но по дороге неожиданно оказалось, что князь еще дышит. Тогда Святополк, бог весть как узнавший об этом, послал из Киева двух варягов. Один из них, увидев, что князь жив, пронзил сердце несчастного мечом. В поздней Тверской летописи сохранилось сообщение, что киевляне оттолкнули ладью с телом Бориса, когда она по Днепру подплыла к Киеву. Похоронен Борис тайно в Вышгороде, возле церкви Св. Василия.

Святополк, не останавливаясь на содеянном, задумал еще убить братьев Глеба и

Ярослава. Глебу (он княжил в Муроме) сообщили, что Владимир тяжело заболел и срочно вызывает сына. Глеб не заставил себя ждать и «с малою дружиною» отправился в Киев. Корабль уже миновал Смоленск, когда муромскому князю передали послание из Новгорода. Ярослав предупреждал Глеба о кончине отца и об убийстве Бориса. Однако уже было поздно. Не успел Глеб оплакать отца и брата, как его корабль 5 сентября был захвачен наемными убийцами. По приказанию некоего Горясера повар Глеба Торчин зарезал несчастного князя. Тело Глеба погребли рядом с Борисом. Злая участь была уготована и другим братьям Святополка, который по «**высокоумию своему**» решил перебить их всех и принять «**власть руськую един**». Третий брат Святослав, правивший в Древлянском княжестве, пытался спастись бегством. Но князя догнали в районе нынешнего Сколе. Сохранилась легенда о битве, произошедшей у Гребенова, где вся долина реки была усеяна трупами. Силы Святополка были значительно сильнее, и он отдал приказ: «Сколить их всех», – отсюда и название города. Святослав погиб, а оставшиеся дружинники, отказавшись служить его брату, осели в Бескидах, основав Славск. Это произошло не позднее дня убийства Глеба.

В этой истории много загадок. Зачем Святополку потребовалось дважды посылать убийц к Борису? От кого Святополк узнал о том, что «убитый» князь еще жив? И почему сами убийцы, везшие его тело, не заметили этого? Еще загадочнее после этого выглядят заявления летописца и автора житийной повести о Борисе и Глебе, что киевляне (те самые, которые уговаривали Бориса захватить Киев!) отказались принять его тело, и князя пришлось похоронить в другом месте. Или почему митрополит Георгий, присутствовавший в 1072 г. при перенесении мощей Бориса и Глеба в новую церковь, засомневался в их святости? Да и вообще, зачем Святополку понадобилось убивать братьев? Ведь Борис и Глеб добровольно признали его старшинство и право на киевский престол. Но пока на время оторвемся от загадок и неясностей, а перейдем к изложенным в летописи событиям...

По сложившейся исторической версии, предел бесчинствам Святополка положил Ярослав. Вовремя предупрежденный своей сестрой Предславой, он не только попытался спасти Глеба, но и решил отомстить братоубийце. 4-тысячное новгородско-варяжское войско Ярослава встретилось с киевско-печенежскими полками Святополка недалеко от города Любеча. Противников разделял Днепр. Три месяца простояли они на противоположных берегах реки, не решаясь напасть. И лишь, когда уже начались заморозки, старый воевода Владимира Волчий Хвост, дразня противника, ездил вдоль берега и кричал новгородцам: «**Пошто приидосте с хромичем тем, а вы плотници суще, а мы приставим вас хоромы рубить**». Ярослав, как и другие потомки Рогнеды, страдал заболеванием коленного и тазобедренного суставов, поэтому он и хромал. Ярослав не выдержал и дал приказ переправляться. Чтобы не помышлять об отступлении, новгородцы оттолкнули от берега свои ладьи. Лагерь Святополка располагался между озерами. Дружинники всю ночь безудержно кутили и нападения не ожидали. Варяги Эймунда загнали неприятеля к озеру с непрочным, проваливающимся льдом. Ярослав одержал победу и 26.XI.1016 сел в Киеве, «**на столе отъни и дедни**», при этом пленил жену Святополка и ее свиту.

Поверженный брат укрылся в Берестье, ожидая помощь от тестя. Союзник Ярослава император Генрих II в июне 1017 г. форсировал Эльбу и начал войну с поляками, а рать Ярослава вышла в поход лишь в августе и через месяц овладела Берестьем, где отсиживался Святополк. Причиной задержки Ярослава было нападение на Киев печенегов, поддерживающих Святополка. Печенеги подступили под городские стены, сожгли церковь Св. Софии, заложенную еще при Владимире (об этом сообщает Титмар). Ярослав разбил их и на месте победной битвы заложил каменный храм Св. Софии. Императорские войска, не дождавшись своевременной помощи, потерпели поражение и отошли в Чехию. Вскоре, в октябре, император заключил мир, выгодный для Болеслава. При этом он для борьбы с Русью обещал дать 300 немецких рыцарей и 500 всадников из Венгрии. Теперь Святополка сопровождал Болеслав Храбрый.

Болеслав I Храбрый. Худ. Я. Матейко

Личность и деятельность Болеслава I Храброго вызывала у хронистов и историков весьма неоднозначные оценки. У немецких он назван львом рыкающим, коварной лисой, ядовитым змеем. Польские же источники прославляют его как благородного и великодушного властителя, словом, идеального короля. Галл Аноним вообще рисует его почти святым. У этого автора XII в. в его произведении «Хроника и деяния князей или правителей польских» есть глава «Каким образом Болеслав вошел бесстрашно в земли Руси», фрагмент которой я привел в книге «Байки и хроники Андреевского спуска». Отмечу, что хроникер Галл уж очень тенденциозно отнесся к своему кумиру Болеславу и оскорбительно изобразил фигуру Ярослава.

Теперь попробуем восстановить события первой известной оккупации Киева с помощью серьезнейшего исследования Л. В. Войтовича «Княжа доба на Русі: портрети еліти». Из исследований Леонтия Викторовича я почерпнул многие необходимые подробности.

Итак, летом 1018 г. на Русь обрушились польско-немецкие отряды. В походе приняли участие венгры короля Стефана. Во главе объединенного войска на Киев шли Болеслав Храбрый и законный наследник киевского престола Святополк. С запозданием Ярослав узнал о наступлении. Собрав войско из славян и варягов, он 22.07.1018 встретил Болеслава на р. Буг. Воевода Блуд, в свое время предавший Святополка, впоследствии стал любимцем Ярослава. Само сражение началось спонтанно, когда толстый Болеслав, грузно сидящий в седле, взбешенный насмешками Блуда, бросился на противника. Рыцари последовали за королем. Войско Ярослава, не успев построиться в боевой порядок, было разбито, а Блуд убит. После этого Болеслав стремительно подступил к Киеву и после непродолжительной осады взял город. Тогда и был зачерблен меч о Золотые ворота. Теперь «Щербенец» – самая большая святыня Польши. При коронации, когда меч клали на плечо, под ним, преклонив колена, присягали на верность

трону польские короли.

Изгнав Ярослава, 14.08.1018 Святополк торжественно вступил в Киев. Его достаточно доброжелательно встретили и восстановили на столе. Ярослав позорно бежал в Новгород, бросив в столице мать и восемь своих сестер. Среди них – Предславу, к которой в 1014 г. неудачно сватался Болеслав. Остается только посочувствовать несчастной – ее участь ужасна. Впрочем, ее судьба, видимо, мало занимала брата. Он был в бегах. Ключник грек Анастас, который когда-то помог Владимиру взять Херсонес, служащий и Ярославу, охотно отдал победителям сокровищницу Рюриковичей. В Киеве Болеслав получил большую добычу, часть которой раздал своим рыцарям, а многое отправил в Польшу. Бахвалясь, он публично оскорбил низвергнутого Рюриковича, «грубо» сделал своей наложницей Предславу, к злорадству Святополка, не простившего сестре ее попытку предупредить Ярослава о смерти братьев.

Болеслав Храбрый ударяет Щербенцом в Золотые ворота в Киеве. Гравюра нач. XIX в.

Болеслав всеми путями пытался занять господствующее положение на Руси. Для этого он изменил свое отношение к сестре Ярослава Предславе и даже стал к ней свататься. Так как она играет значительную роль в нашей истории, то изложу о Предславе все, что известно. Она была старшей дочерью князя Владимира и Рогнеды. Очевидно, что еще с детства она дружила с Ярославом. По Киево-Печерскому Патерику, княжна похоронила Моисея Угриня, ближайшего сподвижника князя Бориса. Народная память назвала в честь княжны местность, где она проживала. Так в Киеве появилась Предславинская улица.

Основной целью Болеслава Храброго было не восстановление на княжеском столе Святополка, а захват русских Червенских городов, что позволяло контролировать важнейший торговый путь в Восточной Европе. Болеслав остался зимовать в Киеве. Из нашего города он отправил три посольства: одно – в Византию с мирными предложениями, второе – к Генриху II с дарами и третье – к Ярославу. Ее возглавил митрополит, который в очередной раз принял сторону победителей и поехал в Новгород, не думая о примирении братьев. Суть его предложения сводилась к обмену дочери Болеслава на мачеху, жену Анну и сестер Ярослава, плененных в

Киеве. Ярослав бежал в Новгород в панике. Там задумал найти поддержку в Швеции. Но решительные новгородцы, во главе с посадником (двоюродным дядькой Ярослава Константином (Коснятином) Добрыничем), разбили княжеские лады и заставили Ярослава возглавить поход против Святополка. Новгородцы не хотели терять привилегий, полученных благодаря Статуту Ярослава. Положение князя укрепилось. Союз со Швецией был закреплен браком с дочерью конунга Олафа Уйриксона Ингигердой-Ириной. Ее родственник ярл Рагнвальд Ульвсон привел свою дружину. В благодарность за это Ярослав отдал ему Ладожский уезд. Брак Ярослава со шведской принцессой принес ему удачу. В честь ее покровительницы Ярослав построил церковь Св. Ирины. О красоте Ингигерды слагали саги и легенды. Она умерла 10.11.1051, а сам Ярослав, уходя из жизни, распорядился положить ее останки рядом с ним, чтобы их тела вечно были рядом. Подобного захоронения Русь не знала.

Святополк пытался укрепить позиции за счет печенегов, а также привлечь на свою сторону Византию, в армии которой продолжал служить 6-тысячный киевский корпус. В 1018 г. воины отличились в боях с арабами на Сицилии и в Апулии в битве при Каннах, где были разбиты французские номады Мелоса. Святополк, надеясь на помощь, послал посольство к базилиевсу Василию II. Византийские хронисты Скилица и Кедрин сообщают, что воспитатель Святополка Саренг помогал флоту императора захватить хазарское княжество с центром в Судак-Сугдее. Саренг выполнял поручение Святополка, чтобы обеспечить ему помощь Византии, которую мало волновали междоусобицы за киевский стол.

Болеслав фактически был захватчиком и оккупантом. Киевляне это быстро поняли и попытались сопротивляться. Святополк, осознал, что до тех пор, пока агрессивный тесть остается в Киеве, ему не править. Поэтому он начал истреблять небольшие отряды поляков в окрестностях города: **«Елико же ляхов по городам, вбивайте»**.

Фактическая измена Святополка, известие о новых отрядах под стягами Ярослава заставили Болеслава весной 1019 г. вернуться в Польшу. Из Киева король отправился не с пустыми руками. С ним была богатая добыча, сломленная Предслава, плененные сподвижники Ярослава, двурушник Анастас, в очередной раз предавший. На обратном пути произошло еще одно сражение с Ярославом, причем на этот раз поляк едва не потерял всё. Дело в том, что, не ожидая приближения отрядов противника, Болеслав начал распускать войско. Он оставался лишь с небольшим числом рыцарей. Воодушевив их напоминанием о славе, Болеслав контратаковал новгородцев и после яростной схватки обратил в бегство. После победы он беспрепятственно овладел Червенскими городами и с триумфом вернулся в Польшу. Титмар успел сделать запись о возвращении Болеслава (напомню, что мерзбургский епископ умер в декабре того же года).

Святополк Окаянный. Худ. Б. А. Чориков

Через три месяца дружина Святополка сошлась на поле боя с воинами Ярослава. Сражение произошло у Любеча приблизительно в декабре 1018 г. Победу одержал Ярослав. Судя по всему, Святополку удалось скрыться с поля брани, но это не спасло его от мести Ярослава. Только через год произошло между братьями решающее сражение. Их войска встретились на Альте, в том самом месте, где нашел свою смерть Борис: **«И бысть сеча зла... и к вечеру одоле Ярослав, а Святополк побежа»**. Тут он заболел странной болезнью: он так ослаб, что не мог даже на коне сидеть, и слуги несли его на носилках. Святополку казалось, что за ним гонятся и вот-вот настигнут. И хотя не было никакой погони, он заставлял своих отроков быстрее нести его вперед. И так он прибежал, по словам летописца, **«в пустыню межю Ляхы и Чехы, испроверже зле живот свои в том месте»**. Даже от могилы его, как утверждал автор «Повести...», исходило страшное зловоние... Так заканчивает Летопись рассказ о Святополке Окаянном. Но достаточно ли правдиво это повествование? При внимательном чтении невольно возникают сомнения в полноте и достоверности летописного рассказа.

Автор «Повести...», на первый взгляд, довольно подробно приводит обстоятельства гибели неудачника. Не правда ли, впечатляющее описание? Полное ощущение, что эти строки изложены очевидцем, бежавшим вместе с проклятым князем. Картина столь яркая, что не остается сомнения в ее подлинности. Так же очевидно и отношение летописца к умирающему Святополку и восприятие текста подавляющим большинством историков. Например, Карамзин, описывая бегство и смерть Святополка, ограничился пересказом летописного сообщения, дополнив его

лишь замечанием: «*Имя окаянного осталось в летописях неразлучно с именем сего несчастного князя: ибо злодейство есть несчастье*». Автору «Истории государства Российского» удалось подметить то, что от нас уже ускользает. Слово «окаянный» он понимает не только как «проклятый», но и как «жалкий, несчастный». Действительно, в древнерусском языке оно имело и такое значение. Но «окаянный» значило и «многострадальный, заслуживающий сожаления». Это добавляет новые штрихи к характеристике Святополка, делает ее мягче, что ли... Подробное описание бегства Святополка появилось, видимо, под пером автора житийного «Сказания и страсти и похвалы святым мученикам Борису и Глебу», составленного перед канонизацией первых русских святых в самом конце XI в., за несколько лет до появления на свет «Повести...».

Почему победивший Окаянного Ярослав никого из своих сынов не назвал Борисом или Глебом, либо Романом или Давидом (их крестильными именами)? Только среди внуков Ярослава мы находим Глеба, Давида и Романа (но не Бориса!). Все они – сыновья черниговского князя Святослава. И среди детей Всеволода – преемников Бориса на ростовском столе – никто не назван его именем. И лишь внуку Всеволода, сыну Владимира Мономаха, было дано имя Роман (но опять-таки не Борис!). Зато сына старшего Ярослава Изяслава назвали Святополком. И это еще при жизни Ярослава. Значит, тогда, в 1050 г., имя туровского князя еще не считалось запятнанным братоубийством? Но кого же тогда считали убийцей?!

А как увязывается с обликом Ярослава, братолюбца и мстителя «окаянному» братоубийце, заточение в тюрьму другого брата, Судислава, уцелевшего в кровавой усобице? Только после 24-летней изоляции во Пскове последний был освобожден и стал монахом в Киево-Георгиевском монастыре, патроном которого был Ярослав. А длительная война Ярослава еще с одним братом, Мстиславом Удалым? Не все просто и с самим Святополком. Почему, скажем, киевляне поддержали его, а не Ярослава? Увы! На все эти вопросы ни Летопись, ни другие отечественные источники ответов не дают. Возможно, помогут на них ответить зарубежные авторы, по воле случая описавшие те же самые события, но, так сказать, с другой стороны. Современником распри между Владимировичами был епископ Титмар (Дитмар), который с 24.04.1009 до самой своей смерти служил на границе немецких и западославянских земель, в городе Мерзебурге. С 1012 г. и до своей кончины 1.12.1018 он вел хронику, но в ней события изложены не всегда последовательно и четко. Кроме того, оригинал хроники Титмара уничтожил страшный дрезденский пожар в 1945 г., но все равно эти сведения поистине бесценны. Например, только из хроник мы узнаем о том, что третья дочь польского короля Болеслава I Храброго вышла замуж за Святополка: «*одна [из дочерей Болеслава] стала аббатисой, другая вышла замуж за графа Германа, а третья – за сына короля Владимира*». Брак был заключен не позднее 1012 г., и для этой дочери замужество обернулось трагедией. По словам Титмара, Владимир обвинил Святополка в том, что тот поддался на тайные увещевания Болеслава и готовился захватить киевский стол. Туровское княжение и семейная жизнь составили не более трех лет жизни многострадального князя: «*Имел он [Владимир] трех сынов: одному из них он взял в жены дочь нашего гонителя князя Болеслава, с которой поляками был послан епископ колобжегский Рейнберн... Упомянутый король, узнав, что его сын по тайному наущению Болеслава собирается вступить с ним в борьбу, схватил его вместе с женой и епископом и заключил в отдельную темницу*». Известие об этом Болеслав получил, судя по всему, в январе 1013 г. и тут же начал подготовку к походу на Русь, который не состоялся. Болеслав смог лишь спровоцировать нападение печенегов. Поэтому имя Святополка отсутствует в рассказе летописца о перераспределении княжений между Владимировичами: в момент смерти Вышеслава он находился в заточении по обвинению в государственной измене и, естественно, не мог претендовать на положенное ему по праву новгородское княжение.

Нам привычно думать, что летопись составлялась по княжескому заказу и, соответственно, для него и предназначалась. Обилие в летописи косвенных цитат, сложная образная система, на которой строится летописное повествование, заставляют усомниться в том, что автор адресовал свое произведение только

властелину. Обнаружить в летописи второй смысловый ряд, основанный на использовании библейских образов, было по силам лишь просвещенному человеку. Следовательно, можно предположить, что летописец адресовал сокровенный «текст» своего труда совершенно определенной аудитории. Ее, в частности, могли составлять такие же начитанные монахи, как и он сам. Летописец был христианином в полном смысле слова и обязан был в своих поступках ориентироваться на христианскую систему нравственных ценностей. Для того чтобы понять сказанное, надо просто иметь желание услышать человека, мыслящего и говорящего иначе, чем мы. И чуть-чуть усомниться в собственной непогрешимости. Святополк был сыном своего времени. Возможно, он был жесток и коварен подобно большинству своих современников-правителей. Но мало кто из них был так опозорен перед потомками. Даже после гибели он не освободился от того, что мы называем политикой: на него, видимо, удалось «списать» целый ряд политических преступлений, совершенных другими, скажем, тем же самым Ярославом Мудрым.

Но в данном случае, пожалуй, важнее другое: буквальное понимание древнерусского или западного источника чревато серьезными ошибками. Слишком уж различны те миры, в которых и которыми живем мы и летописец.

Подлинные летописи X – XIII вв. не дошли до нас. Они исчезли в огне войн и многочисленных пожаров, внутренних усобиц, стали жертвой невежества и политических расчетов. Ни одна из них не уцелела. Сохранились лишь их тексты более поздних сводов. Естественно летописи неоднократно переписывались, редактировались, иногда сокращались, либо, наоборот, дополнялись. В результате первоначальный текст, как правило, сильно искажался. Поэтому, обращаясь к летописи, трудно определить, кому принадлежит текст: автору середины XI в. либо редактору XII в., а может быть, и переписчику, жившему на полтысячи лет позднее. Лишь отдельные, иногда почти неуловимые следы позволяют отыскать первоначальный вариант.

Историк Н. Ильин потратил несколько лет для определения источников, использованных автором «Повести...» для описания событий 1015 г. (6523 – по древнерусской системе летосчисления). Полученные результаты, выглядели «еретически». Правда, опровергать их никто не стал, но и не использовали. В чем же дело? Ильин сопоставил имя Бурислава и обстоятельства его гибели, описанные «Эймундовой сагой», с сообщениями в «Повести...» и заключил: Ярицлейв в саге сражался вовсе не со Святополком или Брячиславом, а с... Борисом. Кстати, в источниках встречается и полная форма этого имени – Борислав. Но тогда получается, что с Борисом расправились убийцы, посланные не Святополком, а Ярославом! Возможно ли это? В этом предположении нет ничего невероятного.

Академик В. Янин еще в 1969 г. высказывал подобное суждение. В эпоху тоталитаризма собственное мнение считалось большим мужеством. Отход от официальных стереотипов и оценок тогда особенно не поощрялся. Предположение это полностью совпадает с данными Титмара. И кроме того, позволяет объяснить многие странности и недомолвки «Повести...». Становится ясным, что Борис занимал киевский престол после смерти Владимира, пока Святополк был в изгнании, а Ярослав правил в Новгороде. Находит вполне естественное объяснение таинственное исчезновение посланников Ярослава к Глебу. Они должны были предупредить того о готовящемся на него покушении, но сами и были убийцами. Становится понятным и сюжет с отсечением головы у Георгия Угриня. На самом деле обезглавлен был Борис, и это, видимо, его тело не смогли опознать. Совсем по-другому воспринимается теперь и миниатюра XIV в., близкая к оригиналу начала XII в. На ней убийцы передают посланному их князю меч Бориса и какой-то круглый предмет, как предположил М. Алешковский, голову убитого. Находим мы ответ и на вопрос, зачем князю-убийце потребовалось посылать варягов к уже убитому Борису (чтобы приставить голову к трупу и похоронить его). Яснее становится поведение киевлян, отказавшихся принять тело убитого Бориса. Ведь покойный не раз «наводил» на Киев «поганых», нанятых для борьбы с Ярославом и наносивших городу значительный ущерб. Становится понятным, почему нельзя

было оставлять в живых Бориса: очевидно, он не собирался добровольно расстаться с захваченным киевским престолом.

Конечно, это не является безусловным доказательством гипотезы Ильина. Но, главное, не противоречит ей, а подтверждает неожиданный вывод. Итак, если он прав, то ход событий после внезапной кончины Владимира Святославича можно представить следующим образом. Киевский престол занял Борис, которого отец любил, по свидетельству летописца, более других сынов и всегда держал рядом с собой. Ярослав, нанявший к тому времени варягов для борьбы за независимость Новгорода от Киева, выступил против нового киевского князя и в битве на Днепре (вероятно, осенью 1015 г.) одержал победу. В результате киевский престол перешел к нему. Тем временем из темницы удалось бежать Святополку, который отправился, не мешкая, к своему тестю, рассчитывая с его помощью отвоевать киевский престол, принадлежащий ему по праву старшинства. Пока он собирался с силами, Борис, опираясь на поддержку печенегов, попытался вернуть утраченную власть. Но киевляне во главе с Ярославом и при поддержке большого отряда наемников дали ему отпор. Во время обороны Киева Ярослав получил ранение, сделавшее его калекой. Это столкновение, очевидно, завершилось в 1016 г. В следующем году новая попытка Бориса вернуть Киев закончилась для князя-неудачника трагически - 24.07.1017 его убили варяги, посланные Ярославом. На какое-то время на Руси воцаряется мир... Хотя мир ли? Не будем забывать, что приблизительно в это же время смерть настигла Глеба и Святослава Владимировичей.

Ярослав Владимирович, по Карамзину - Мудрый

Поход Ярослава зимой 1019 г. и смерть «окаянного» Святополка сделали Ярослава Владимировича абсолютным хозяином Руси. А митрополит-грек, всегда уважавший власть, теперь был на стороне Ярослава. В 1020 г. на Руси появились первые местные святые. Убитые князья Борис и Глеб были провозглашены святыми чудотворцами, над могилами была поставлена деревянная усыпальница, и их канонизировали раньше, чем отца и бабу - княгиню Ольгу. Тень Святополка сразу стала символом зла. Можно не сомневаться, учитывая менталитет того времени и религиозность церковников, что если бы Ярослав хоть мало-мальски был замешан в гибели братьев, он бы не осмелился так поспешно их канонизировать. Высказанные мной сомнения просто указывают, что и 1000 лет назад, и сегодня, в политике мы не далеко все знаем и больше предполагаем, чем выражаем в чем-то уверенность. Когда в изложение событий прошлого - давнего или не совсем - замешивается политика, то даже «ясное» дело становится темным...

О Ярославе литературы не меньше, чем о князе Владимире, да и отношение к его персоне тоже неоднозначное. В наше время развенчания кумиров могли обвинить даже... в голубизне. Эта единственная характеристика может хоть как-то пощекотать больное воображение некоторых моих современников... Мое мнение об этом великом князе однозначно положительное, несмотря на предположение М. Брайчевского о том, что Бориса и Глеба убили по его приказанию, не лишено основания. Время было такое: к власти шли, не щадя ни свата, ни брата. Если говорить о первых православных святых Бориса и Глеба, то мне понравилось выступление Папы Римского Иоанна Павла II в Киеве: *«Борис и Глеб предпочли принять смерть, чтобы самим не пролить кровь своего брата, поэтому они Стратотерпцы»*. Видим очередное создание мифа, но такого очаровательного и трогательного.

Ярослав Мудрый. Худ. В. П. Верещагин

Столетиями сложился несколько лубочный, приукрашенный портрет Ярослава Мудрого. О нем пишут восторженно, считая его чуть ли не самым великим украинцем. Я не ставлю задачу написать ему апологию, так как ради исторической справедливости неплохо убрать некий излишний глянец, созданный литераторами и школьными преподавателями. Писателям в СССР очень хотелось «героизировать» не только революционеров и бунтарей. Для этой цели очень подходили князья Киевской Руси и дворяне-декабристы. Скульптурное изображение Ярослава Владимировича, вернее историческую реконструкцию, выполненную по его черепу скульптором-антропологом М. М. Герасимовым, мы можем увидеть в Софии Киевской. Но у многочисленных туристов, которым я показывал этот бюст, образ князя вызывал некий скепсис. Уж очень он был... Впрочем, дам слово писателю в. А. Чивилихину, с которым я был дружен, а его произведение «Память» для меня во многом – образец для подражания. «Какой-то хитрый купчик!» – прокомментировал это изображение Владимир Алексеевич. И действительно, образ киевского князя вызывает такое впечатление. Не мудрый, а хитрый, хотя в древние времена это были синонимы. Кстати, в летописях князь упоминается лишь как Ярослав Владимирович, без определения «мудрый». А ведь летописцы, находившиеся почти всегда на службе у князя или монашья, не упускали возможности дать свое определение. Но первым назвал князя Мудрым Н. Карамзин, и с его легкой руки это прозвище стало чуть ли не узаконенным. Но почему же Русская церковь не сделала Ярослава святым? Все основания для этого были: храмы строил, жизнь вроде праведная, веру распространял, нетленные останки сохранились... Правда, где-то в Америке. Но не канонизировали...

С самого начала правления Ярослав показал соратникам – тем, кто фактически привел его к власти, – что игрушкой в их руках не будет. Княжич Илья Ярославич был посажен в Новгороде. Это сильно ослабило власть посадника Коснятина Добрынича. Но в 1020 г. молодой князь внезапно умер, посадника сослали в Ростов, а потом в Муром, где через пару лет по приказу Ярослава Коснятин был убит. Причины его гибели неясны. Одни считали, что смерть – расплата за попытку узурпировать власть в Новгороде, другие – за реальную вину в смерти Ильи Ярославича, третьи, что это месть за издевательства его отца-Добрыни над Рогнедой. А что мы можем сказать о политических стычках в Украине в начале III тысячелетия? Все ли мы знаем?! Да и догадки всегда ли подтверждаются?!

Другого своего сторонника варяга Эймунда Ярослав через год с неприятностями изгоняет со службы. Князь ограничил независимость своего племянника – полоцкого князя Брячислава, в отместку тот взял на службу воинов Эймунда, а они, в свою очередь, из мести за свои обиды ограбили Новгород.

Чтобы получать поддержку Византии, Ярослав, подобно Святополку, вынужден был посылать империи в помощь военные контингенты. В 1021 г. император Василий II начал войну против абхазского царя Георгия I Багратиони (1014–1027). Киевский корпус расположился в Трапезунде, а вскоре помог византийцам взять верх в битве при Эрзеруме.

Также против Ярослава выступил племянник Брячислав Изяславич, сидящий в Полоцке. После ряда победоносных сражений Ярослав уступил ему Усвят и Витебск, взяв с него клятву: «быть с ним в единстве». Но напрасно: Брячислав, стремясь к независимости, пытался сам строить свое княжество.

Успех полоцкого князя подтолкнул к выступлению Мстислава Тмутараканского. Он крепко держал в повиновении все Предкавказье, недаром в народных сказаниях ярко освещена его победа над касожским князем Редедей. До наших дней дошла его личная печатка, где Мстислав именуется «великим царем Руси». Под 1023 г. читаем: «*Поиде Мстислав на Ярослава с казарами и с касогами*». Главный удар был направлен на Киев. Претендент был уверен в легком успехе, так как Ярослав был в то время в Новгороде. Но киевляне не пустили Мстислава, и он захватил Чернигов, сделав его своим опорным пунктом. Ярослав, как всегда, призвал варягов во главе с Якуном. Братья встретились под Лиственном на

Черниговщине. Сначала Мстислав направил против варягов сиверцев. Они и перебили друг друга, спасши дружину, приведенную из Тмутаракани. Ярослав еле унес ноги со своим Якуном. Далее летопись сообщает странные и непостижимые вещи. Несмотря на победу и сохраненное войско, Мстислав отказался идти на Киев и признал «старшим» брата, который скрывался в Новгороде. Скорее всего, претендент не хотел связываться с гонористой и неуправляемой киевской знатью. А к тому же братья имели свои дружины, которые не участвовали в битве. Они разделили Южную Русь. Киев с Правобережьем безраздельно подчинился Ярославу, а Левобережье – Мстиславу. Интересно, что Днепр и в XVII в. стал границей между Речью Посполитой и Московщиной. Конечно, такая ситуация, длившаяся 12 лет, вплоть до смерти Мстислава, не устраивала великого князя, но другого варианта не было.

Смерть брата привела к серьезным изменениям в статусе Ярослава. У него проявились ярко выраженные автократические замашки, спровоцировавшие несколько серьезных конфликтов. Их он решал в свою пользу и весьма сомнительными методами. В первую очередь стычка с Новгородом, жители которого дважды спасали Ярослава и привели его к великокняжескому престолу. Это было зафиксировано в «грамотах Ярослава», которые хранились в Софийском соборе до погрома Новгорода в 1478 г. московским великим князем Иваном Васильевичем. Неблагодарным Ярослав был не только по отношению к новгородцам, но и к всегда поддерживающему его посаднику Коснятину, о чем я говорил выше. Но, несмотря ни на что, Новгород помог Киеву во время набега печенегов в 1036 г., то есть Ярослав по-прежнему пользовался авторитетом. Также были проведены военные действия и с младшим Владимировичем – Судиславом, пребывавшем во Пскове.

Повторюсь: Ярослава Мудрым впервые назвал Н. Карамзин. И справедливо – за мудрую политику и правление. При княжении Ярослава Владимировича усилилась Киевская Русь, укрепились ее границы, особенно на юге. Интересная подробность: Владимир основал южную крепость Васильев (ныне Васильков), а через 54 года Ярослав заложил Юрьев на Роси (ныне Белая Церковь), которая находится на 54 км южнее. Получалось, что колонизация юга, откуда постоянно нападали летучие отряды кочевников, проходила по 1 км в год!

Самым весомым вкладом в управление стало «лестничное восхождение», когда правящий род занимал стол согласно возрасту. Например: Смоленск, Владимир-Волынский, Переяслав, Чернигов, Киев. Эту верхнюю ступеньку мог занять каждый и мирным путем, дождавшись смерти великого киевского князя. Тогда по старшинству вся лестница приходила в движение. Эта система сыграла свою положительную роль, но, к сожалению, ненадолго. Все равно пошел брат на брата.

Чтение народу «Русской Правды». Худ. А. Д. Кившенко

Далее идет продолжение политики христианизации Руси, активная борьба с язычеством и волхвами, повсеместное строительство храмов, стремление Руськой церкви к независимости от Константинопольского патриарха (без его согласия в 1051 г. высветили Иллариона – первого русина-митрополита), широкое культурное строительство, основание школ, организация первой библиотеки, кодификация законов, создание их первого сборника – «Руська правда».

Поддерживались тесные отношения с Византией. Смена династий и приход к власти враждебного к Руси императора Константина Мономаха привели к войне. В 1043 г. старший сын Владимир Ярославич пошел походом на Константинополь, но буря уничтожила корабли русов, и Ярославич повернул назад. Часть кораблей выбросило на берег, воины попали в плен и по приказу императора были ослеплены. Император, понимая, что с нашими предками предпочтительнее жить в мире, заключил союз с Ярославом. Мир был подкреплён браком дочери императора с сыном князя Всеволодом. Вот как появилась знаменитая шапка Мономаха. Неблагоприятная обстановка сложилась на Западе, продолжалась борьба с Польшей за Червенские города. В 1031 г. Ярослав и Мстислав их отвоевали, окончательно закрепив за Киевской Русью. Это не помешало киевскому князю заключить мир с Казимиром, опять же скрепленный династическими браками. Некоторые северо-западные племена – ятвяги, литовцы, чюдь – постоянно нападали на славянские поселения. Ярослав положил этому конец, покорил и их, обложив немалой данью. Шла активная борьба на южных границах. Несмотря на сооружение новой линии укреплений по р. Рось, в 1036 г. печенеги прорвались через них к Киеву. Ярослав нанес им сокрушительное поражение и на 30 лет обеспечил безопасность южной границы.

Таким образом, Ярослав Мудрый укрепил и расширил свое государство. Во внешней политике большое внимание уделял дипломатии, заключив династические браки с правящими династиями Германии, Франции, Византии, Венгрии, Польши, стран Скандинавии. Поэтому получил звание «тесть Европы».

Идеологическая политика Ярослава – одна из блестящих страниц отечественной истории. В первую очередь поражает широта и многогранность программы, настойчиво и последовательно выполняемой великим князем. Она охватывает все стороны духовной жизни – архитектуру, градостроительство, искусство, литературу, церковную документалистику (экклизиастику)... Подробно об этом в «Повести...»: **«В лето 6545(1037) заложил Ярослав город великий Киев, и**

возле него Золотые ворота. Заложил и церковь митрополичью на честь святой Софии... После этого монастырь Святого Георгия и Святой Орыны. И при этом началась вера христианская множится, и появились монастыри. И любил Ярослав церковные статуты, и попов любил очень, особенно черноризцев. И до книг был охоч, читал и днем и ночью. И собрал писцов много, и переложили они из грецькой на словенский язык и письмо. И написали они много книг...

И другие церкви ставил он в городах и местах, посылал в них попов, и давал им из богатств своих урок, и наказывал им обучать людей и часто ходить в церковь».

Особенно преобразилась столица. Расширилась граница Киевского кремля, появилась грандиозная система городских укреплений «города Ярослава», закладка и сооружение новой княжеской резиденции и ряда великолепных храмов: Георгиевская, Ирининская и другие церкви – все это имело не только утилитарный смысл, но одновременно играло и важную роль: каждое строение призвано было утверждать могущество государства. С юга город украшали Золотые ворота, увенчанные надвратной церковью Богородицы Благовещения. Важным сооружением, возведенным Ярославом Мудрым в Киеве, был Софийский собор, заложенный в 1017 г., хотя деревянное строение с таким названием существовало и раньше, может быть, еще при Ольге, а скорее, при Владимире. Илларион, в частности, писал: подобно тому, как Соломон завершил строительство храма, начатое его отцом Давидом, так Ярослав, соорудив Софию, воплотил в жизнь задуманное его отцом Владимиром. Во время печенежского нападения летом 1017 г. деревянная София сгорела, как и большинство киевских церквей. Считается, что на ее месте «на поле вне града» была заложена новая, каменная София, но строительство затянулось по ряду причин. Основную часть величественного пятиапсидного храма освятили еще до 1030 г., строительство галерей закончилось через 7 лет. Знаменательно, что Мстислав Тмутараканский, заняв Чернигов, незамедлительно стал строить грандиозный Спасский собор – аналог Софии. К моменту кончины князя стены храма были возведены только на высоту всадника с поднятой рукой. Завершал строительство также Ярослав. Киевская София строилась как реплика константинопольской святыни, чтобы в очередной раз подчеркнуть и утвердить международный авторитет Киевского государства. Большое внимание было уделено интерьеру: мозаикам, фрескам, работе по камню... Но самое главное в храме – это мозаика. Прежде всего, привлекает внимание Богоматерь Оранта в главной апсиде храма. Алтарную конху завершает надпись на греческом языке о Божьем городе, под которым устроители храма подразумевали Киев: «Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра». Алтарная часть с этим бесценным образом с веками стала почитаемой – получила сакральный смысл и названа «Нерушимой стеной». Известна легенда: Если «Нерушимая» будет разрушена, то Киев перестанет существовать. В центральном куполе поясное изображение Христа Пантократора в образе грозного судьи. Последовательность размещения мозаики и фресок полностью соответствует традициям Византии – эта модель впоследствии повторялась во всех православных церквях, поэтому София считается символом Вселенской церкви.

Семья Ярослава Мудрого. Фреска Софийского собора в Киеве

Внутренний простор храма разделен на пять приделов. На трех стенах центрального придела был уникальный для своего времени фресковый портрет семейства Ярослава Мудрого. Указанная композиция делится на три части. Центральная на западной стене, напротив главного алтаря, к сожалению, не сохранилась, ее изображение передал художник XVII в. А. Вестерфельд. Она состояла из пяти фигур: Христа на троне (Спас в силах) с Богородицею слева и Иоанном Предтечей справа; рядом с Марией изображена кн. Ольга, а рядом с Иоанном – кн. Владимир, канонизация которого составляла главный смысл Ярославовой епископии. На северной стене центрального нефа были изображения Ярослава и трех его старших сыновей (Владимира, Изяслава и Святослава); на южной – женская часть семьи (Ингигерда, Анна, Елизавета и Анастасия). Но это все предположения... Сотрудники заповедника считают иначе: что на южной стороне изображены сыновья князя. Среди фресок, сохранившихся в северной башне, ведущей на хоры, особое место занимает изображение ипподрома. Предположение, что это царградский стадион (его роль в политической жизни весьма значительна), вряд ли отвечает действительности, так как противоречит идеологической концепции антивизантийца Ярослава. Более уместно изображение киевского ипподрома, предполагаемого или реального, где восседает сам Ярослав с регалиями царской власти. Подтверждением особой власти князя стали серебряные монеты, выпущенные по его указу. На одной стороне изображение св. Георгия – патрона Ярослава, а на другой – трезубец. Утверждением государственной мощи Рюриковичей на киевском престоле служат и две церкви в честь патронов княжеской четы: св. Георгия и св. Ирины. Мы уже знаем, что Золотые ворота, Св. София фигурируют ранее. Считается, что в поздней редакции «Повести...» все сооружения объединили под одним 1037 г., когда после смерти Мстислава Ярослав стал единоличным правителем всей Руси.

РАХОУ КОЖЫСНІ . ТОЛЬКОВѢ МОРО ВМНІ !

Скрипторий в Софийском соборе. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Параллель Константинополь – Киев настойчиво и последовательно проводилась в умах и отражалась в киевском строительстве. Правда, Золотые ворота у нас более парадные, масштабные и внушительные, чем оригинал. «Соперник Константинополя», по мнению хрониста X в. Адама Бременского, должен быть достойным конкурентом Второму Риму.

Но столица государства обязана была поражать не только внешним величием. По инициативе великого князя при Софийском соборе образовалось некое подобие академии – кружок хорошо подготовленных книжников и ученых. Они занимались не только переводами с греческого и переписыванием существующих книг (скрипторий), но и созданием новых литературных произведений, призванных распространять гуманитарные идеи. Один из особо важных переводов – «Иудейская война» Иосифа Флавия с фрагментом об Иисусе Христе, который был утрачен в латинских текстах. В результате деятельности переписчиков появилась первая библиотека (находилась в Михайловском приделе Софийского собора). Каменное сооружение обеспечивало сохранность книг от пожаров. Так получилось, что время сохранило лишь отдельные имена людей, связанных с политическими событиями. Среди них – Лука Жидята, автор ряда поучений, в 1036 г. высвященный на новгородского епископа; митрополит Иоанн, автор «Службы Борису и Глебу», преподобный Илларион, в 1051 г. избранный митрополитом. При этом в Софийском кружке было написано немало оригинальных произведений – публицистических, агиографических и исторических. Из дошедших до нас следует отметить летописный свод 1037 г. Увы, имена большинства авторов этих памятников затерялись в дымке времени. Только некоторые из них навсегда утвердились в истории. С детства мы слышаны о легендарном поэте и певце Бояне и философе и публицисте Илларионе.

Об Илларионе, в отличие от Бояна, известно чуть более подробно. Он, выдающаяся и яркая личность, был признанным главой Софийского кружка. Философские взгляды Иллариона были близки к неоплатоникам. Это естественно, так как раннее христианство базировалась на основе этого научного направления. Вызывает восхищение смелость и уникальность мировоззрения киевского мыслителя, считавшего, что высшим звеном благодати выступает разум. И это впервые во всемирной философии! Самое важное дошедшее до нас его произведение – это «Слово о законе и благодати».

Внимательное прочтение текста дает основание предположить именно авторство Иллариона. Расцвет его творчества датируется где-то 1037–1050 гг. До нас дошли довольно скудные сведения о жизни митрополита. Так, мальчиком он попал в

киевскую школу, основанную в 988 г. князем Владимиром. О высокой книжности Иллариона упоминает летопись. Некоторое время он жил в пещере возле с. Берестовая, поэтому его иногда ошибочно называли основателем Печерского монастыря. Илларион пользовался необычайной популярностью у современников. Неудивительно, что Собор русских епископов 1051 г. избрал его митрополитом после смерти грека Феопемпта. Кроме того, это решение соответствовало и требованию Ярослава. Князь желал видеть на посту митрополита соотечественника. Таким образом, Киевская Русь избавилась от влияния Византии. Это было одно из важнейших деяний мудрого князя. Идеологическое обоснование независимости Киевской Руси блистательно выполнено в «Слове о законе и благодати»: Русь не нуждается в опеке, тем более в чужом господстве, которое в принципе противоречит благодати, то есть свободе. Руси принадлежит большая историческая миссия, славное будущее. Илларион в своем произведении выдвинул национальную идею, без которой не может развиваться духовность и государство.

Жители государства, лишённые тем или иным способом центростремительных объединяющих сил и связей, перестают быть народом. Они превращаются просто в население, в механическое скопление определенного количества людей, скрепленных кое-как лишь внешними формами единства: границей, языком, территорией, полицией, армией, инерцией. Внутренне же, духовно, национально эти миллионы ничто не объединяет. **Объединить народ может только национальная идея!** Идея, неотъемлемой частью которой является память об историческом прошлом, вызывающем гордость. Для этого мы стараемся разобраться в событиях ушедших эпох. Петр Столыпин мудро произнес: *«Народы забывают иногда свои национальные задачи, но такие народы гибнут и превращаются в наем, удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы»*. Например, итальянцы не являются потомками древних римлян, но попробуйте их в этом разуверить. А населением управлять могут и президенты. Лишь бы было достаточно многочисленных силовых структур. Монархия хороша для россиян, но не для украинцев, более склонных к демократии, к избирательной системе, особенно в западной, галицийской ее части, где парламент работал с 1848 г. и послами (так тогда называли депутатов) были многие великие украинцы. Недавние события: майдан, объединение украинцев против агрессии «северного соседа» тому пример!

Вернемся к «Слову...» Иллариона, который не только утверждал равенство Византии и Руси, но обвинял греков в притеснениях других христиан, корил их за то, что они не желают делиться благодатью с другими народами, забывая, что она общая для всех. Он сравнивает греков со старыми мехами, куда не следует наливать молодое вино – они не выдержат. Для нового вина нужны новые мехи, новые народы, среди которых Русь, где князь правит «правдой, мужеством и смыслом». Подобно тому, как Константин вынужден был перенести крест из Иерусалима от иудеев, не принявших Христа (то есть благодати), так и Владимир переносит крест из Византии, где благодать находится в состоянии, далеком от идеала. И когда в конце концов Илларион говорит о возможном разрушении Иерусалима за попытку замкнуть на себе божественное сияние, то это воспринимается как грозное предупреждение Византийской империи.

Вспомним еще «Слово...», где «не худая и неведомая» Русь, а *«известная и слышимая во всех краях»*. Тут прослеживается идейная суть программы, выполняемой князем Ярославом, – максимальное утверждение Киевского государства как активного и важного фактора во всемирно-историческом процессе. Задачей книжников Софийского кружка было показать не просто историю страны в героизированном и прославляемом виде, но и воспеть предков Ярослава и его близких. Скорее всего, Илларион конкретизировал их: Игорь, Ольга, Святослав, а особенно – Владимир. Но их реальные деяния были не христианскими, а Святослав был даже христианофобом. Возникла необходимость несколько приукрасить реальность и показать пристойно! Подобные идеологические мероприятия по определению – кто же герой (!?) не раз проводились в независимой Украине, а в России повсеместно и всегда. Там четко определенный на все времена герой и отец родной – действующий глава государства, который всегда во много раз лучше

предыдущего.

Перенесение мощей св. Бориса (вверху) и св. Глеба (внизу) в новую церковь. Миниатюра из Сильвестровского сборника, XIV в.

Так, под пером Ярославовых «публицистов» Аскольд и Дир – последние представители династии Киевичей – трансформировались в «бояр Рюрика» и захватчиков киевского престола, а узурпатор Игорь вместе со своим воспитателем Олегом – в законных правителей и орудие правосудия, заявляющих: «Киев – се мать городов руських». Аналогично выступление Владимира против старшего брата было расценено как необходимый акт самозащиты перед выдуманной самим Ярополком автократии. В усобице, которая возникла после смерти Владимира, был обвинен «окаянный» Святополк, Ярослав на его фоне выглядел орудием заслуженной расплаты и Божьего промысла. Одновременно старательно замалчивалось все то, что могло повредить репутации Рюриковского дома: введение христианства в 860 г., просветительская и церковная деятельность Аскольда, антихристианство Святослава, отрицательное отношение киевского боярства к убийце Ярополка, неудачная попытка Владимира ввести на Руси ислам, политическая программа Святополка... Центром надуманной исторической концепции, созданной книжниками кружка, была «легенда о Владимире – Крестителе Руси». Именно тогда Владимир Святославич был признан святым, равноапостольным и настолько укоренился в сознании «истинно православной» Руси, что и по сей день это – непререкаемая истина, вопреки очевидной противоречивости и несоответствию историческим фактам.

Борис и Глеб. Икона XIV в.

Одним из основных действий церковной программы киевского престола стало утверждение национальных святых Бориса и Глеба, а также торжественно был объявлен равноапостольным князь Владимир. Правда, константинопольская кафедра отказалась считать Владимира святым. Это вызвало серьезную теологическую полемику. В самый разгар конфессионального спора, во второй половине XI в., Иаковом Мнихом была написана «Память и похвала Владимиру», на страницах которой отражена вся сложность ситуации. Правда, около 1072 г. удалось добиться признания Константинополем Бориса и Глеба как святых страстотерпцев, а Владимира не признали. В Царьграде хорошо знали, когда произошло Крещение Руси и кто был истинным просветителем, но не хотели обострять отношения с крепнущей и имеющей международный авторитет державой. Образ Крестителя Руси получил особую популярность в торжественно отмечаемом 900-летию принятия православия, то есть в 1888 г. В память о Владимире было открыто множество церквей. Но Владимирский собор в Киеве был освящен в день св. Владимира в 1896 г., в присутствии августейшей четы.

Последние годы жизни Ярослав провел в Вышгороде. Наследникам князь оставил завещание, но в Летопись попал, безусловно, отредактированный вариант. Князь поделил между сынами землю и установил порядок наследования, который с небольшими изменениями использовался и позднее.

Умер Ярослав 20.02.1054 в Вышгороде и был похоронен в саркофаге, и ныне стоящем в Софийском соборе. Его открывали в 1936-м, 1939-м и 1964 гг., выполняя не совсем квалифицированные исследования. Когда саркофаг открыли в 2009 г., убедились, что останки Ярослава отсутствуют. Предполагают, что они были

вывезены в 1943 г. А. Повстенко, тогдашним директором Софии. Есть основания считать, что сейчас они находятся в США. Мой дядя, И. М. Скуленко, будучи в то время первым директором музея «Софийский собор», присутствовал при открытии гробницы Ярослава в 1936 г. и останки, которые там были, отправил на исследования. Ученые, проведя работы по индентификации, утверждали, что скелет принадлежал Ярославу Владимировичу.

Смело утверждаю: Ярослав Мудрый делал все для наивысшего подъема Руси. Киевская держава оформилась как могучий фактор общеисторического развития и международной жизни, что радовало сознание современников. Все эти решительные меры охарактеризовал летописец: **«Посемь же перея власть всю Ярослав, и бысть самовласцем Руськой земли»**. В конце своей жизни киевский правитель принял царский титул, который имел Аскольд и вернул себе Владимир. Но Аскольд и Дир себя называли «каганами». Ярослав же выбрал греческое слово «царь». Именно оно обнаружено С. Высоцким в эпиграфической записи на стене Софийского собора. Принятие императорского титула было не только результатом достигнутого, но и утверждением международных претензий Руси и ее правителя. Такого могущества не достигал ни до ни после ни один из Рюриковичей.

Анна Ярославна и ее муж Генрих I Капетинг. Гравюры XVII в.

При обилии литературы об Анне фантастического, в лучшем случае – романтического плана отсутствуют подробные сведения о ее муже, а тем более о детях. Ни одна из королей Запада не уделяла столько времени воспитанию детей, как Анна. И в первую очередь Филиппа, которого сызмальства воспитывала как будущего короля, передавая ему то, чему ее учил отец: обычаи и привычки киевского княжеского двора. На далекой чужбине она всегда помнила, как ее дед и отец собирали земли вокруг сердца Руси – Киева!

В то время во Франции не было принято, чтобы мать занималась мальчиками после достижения ими 7-летнего возраста. В эпоху Средневековья на Западе женщина для мужчины была непонятным и таинственным существом. Ее считали потенциальным источником греха и требовали постоянно контролировать и ограничивать, даже если она достигала политической власти. Только спустя два столетия после этого Бланка Кастильская добилась признания своей значимости, и лишь после этого была узаконена связка «мать – сын», словно у Богоматери с Божественным Сыном. В сознании французских обывателей королевский престол был аналогией Царства Небесного.

Отношение к женщинам на Руси было иным, но нашей землячке удалось изменить это правило. У Анны был пример ее прабабки княгини Ольги, властвовавшей в княжестве, и сводной бабушки Анны, прибывшей из Византии. Поэтому и захотел ее жених Генрих I породниться с влиятельной семьей, направляя послов в далекий Киев. Он был третьим коленом Дома Капетингов, правившего во Франции и ряде государств. Этот род, начиная с Гуго Капета (ок. 940—24.10.996), дал стране 16 государей.

Имена предшественников Капетингов были окружены ореолом героического эпоса. Так, например, авторитетный Роберт Сильный, который владел значительной территорией на средней Сене и Луаре, он вел успешную героическую войну с норманнскими викингам. Его правнук Гуго Капет в 987 г. избирается королем в Санлисе. Он был королем Парижа и Орлеана, территории хотя и стратегически важной, но незначительной по сравнению с более могучими и влиятельными соседями. Не раз ему приходилось с мечом в руках защищать свои владения, отстаивая законность своей династии. Особенно досталось его сыну Роберту I Благочестивому (970—20.7.1031) в канун 1000-летия от Рождества Христова, который современниками считался концом света.

В этот период всеобщего благочестия и страха перед днем Страшного суда Римская церковь усилила свое влияние и, соответственно, политический нажим не только на народ, но и на правителей. При этом Папа и епископы ряда стран использовали все возможное, чтобы властвовать над феодалами, которые часто вступали в брак с близкими родственниками. На это их толкала не любовная всепоглощающая страсть, а расчет: сохранение целостности владений. Чтобы продемонстрировать свою силу, католическая церковь перегнула палку, запретив браки вплоть до 7-й степени родства. Эта мера была лишь ширмой для властолюбивого папского престола, так как к этому времени все владетельные феодалы Европы так или иначе породнились.

Роберт II, разойдясь со своей первой женой Розалией, обвенчался со своей кузиной (четвертая степень!) Бертой Бургундской. Это накликано на него в 996 г. анафему Папы Григория V. Не робеющий в битвах король струсил – осталось 4 года до Страшного суда! Пришлось разводиться и жениться на Констанс Арльской. У них родился в 1008 г. Генрих I.

Генрих, после смерти жены Матильды, дочки германского императора Конрада, которая не оставила ему наследников, столкнулся с проблемой: где найти супругу, не родственницу, влиятельную, здоровую, способную рожать мальчиков и при этом красивую? Такой была Анна Киевская. На первый взгляд этот брак был странным,

ибо не присоединял к Генриху домен, но усиливал его авторитет, потому что Анна считалась внучкой византийской принцессы.

Все долгое 29-летнее царствование Генриха I прошло в борьбе против младшего брата Роберта, которому он должен был уступить в 1032 г. герцогство Бургундское. Впоследствии тот стал основателем родословной линии герцогов Бургундских. На них останавливаться не будем, так как они не роднились с нашими земляками. Сам Генрих I одновременно вел борьбу и со своей матерью Констанс, принявшей безоговорочно сторону младшего сына, и против крупных феодалов, особенно графов Блуа, и против императора Генриха III – за Лотарингию, которую справедливо считал достоянием своего Дома, и против папства – за независимость французского епископства.

Наша княжна искренне сочувствовала своему мужу: так же трудно было и на Руси, раздираемой междоусобицами! Королю Франции помогал нормандский герцог Роберт Дьявол. Когда он умер и стал править его сын Вильгельм I, то Генриху I, его союзеру, подчинить своему влиянию Нормандию не удалось. Его счастье, что Вильгельм I (1027-1087) направил свои интересы в другую сторону (недаром его прозвали Завоевателем) и, покорив Англию, стал ее королем.

Подробности сватанья, венчания, о легендарном «Реймском Евангелии» можно прочитать в десятках книг, но наиболее достоверно – у С. А. Высоцкого в книге «Княгиня Ольга і Анна Ярославна – славні жінки Київської Русі» (Киев, 1991). Там датой рождения Анны считается 1028 год. Венчание Генриха с Анной состоялось 14.05.1049 в Реймсе, тогда столице Малой Франции. Имеется и иное мнение – 19.05.1051. В уникальном справочнике, изданном в Москве в 2002 г., я нашел еще одну дату – 29.01.1044, к тому же там дают годы жизни Анны: после 1016 – около 1075. Высоцкий, научными трудами которого я всегда восхищаюсь, свидетельствует, что сын Анны Филипп заказал в аббатстве Бове в 1079 г. по ней заупокойную мессу. Значит, она умерла позже и во Франции, так и не возвратившись на родину.

Различные обстоятельства вынуждают Генриха I вместе с молодой женой-славянкой переезжать из одной резиденции в другую. Чаще всего они задерживались в Санлисе, который сразу же пришелся по душе Анне. И я ее прекрасно понимаю: и теперь, несмотря на прошедшие столетия, этот город покоряет своей ухоженной стариной. Захватывает дух, когда блуждаешь по чистым улицам со старинными каменными домами, чтобы найти аббатство, основанное дочкой Ярослава. Существует предание, что у венценосных супругов долго не было детей. После молитвенного обращения Анны к св. Винсенту, которого французы считают своим покровителем, в 1051 (1053?) г. она родила сына Филиппа, а вскоре Робера (1055-1060) и Гуго (1057—18.10.1102).

О младшем сыне нужно сказать особо. Гуго I получил прозвище Великий, был женат на Аделаиде, имел титул де Вермандуа и де Валуа. Он покрыл себя рыцарской славой, дважды участвуя в крестовых походах.

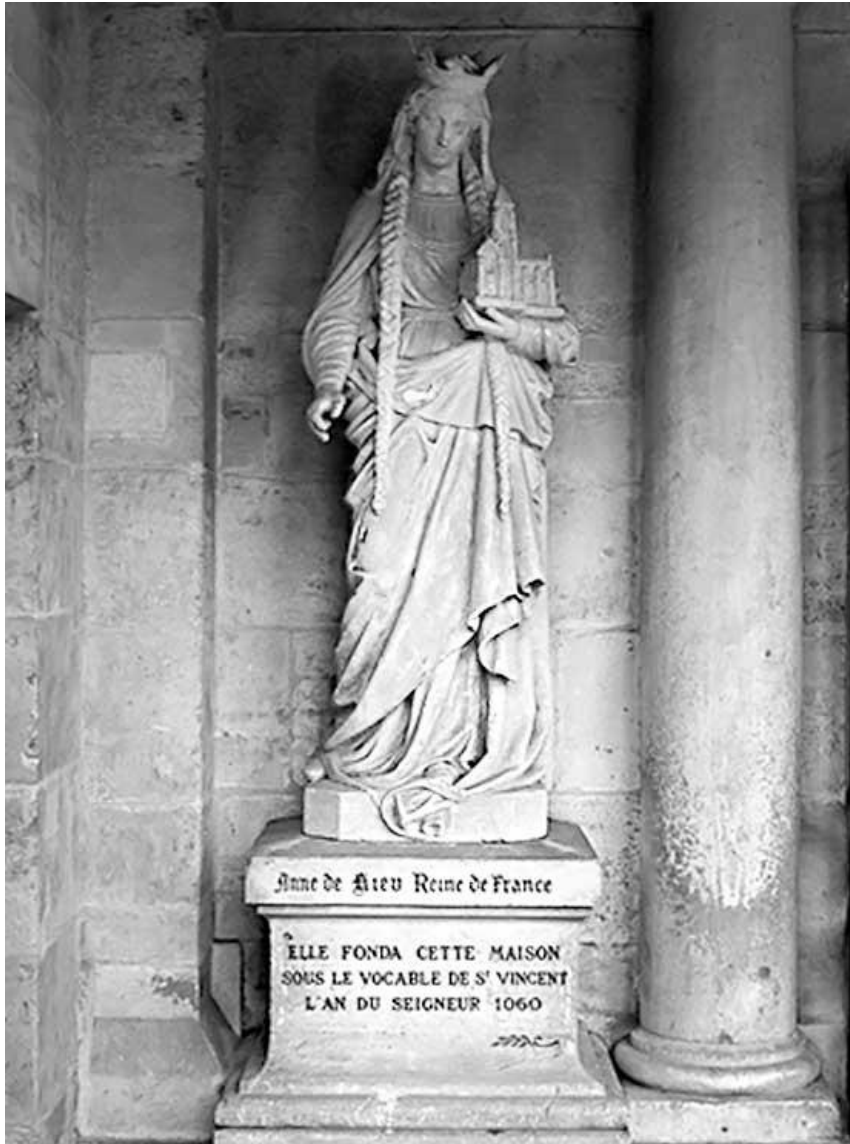
Как властелин государства, Генрих I все время находился в военных походах, обороняясь от внешних и внутренних врагов. Супруга с детьми чаще всего живет в Санлисе. Капетинги, чтобы стать династией, а не выборными королями, как было до этого, должны были обеспечить безусловную передачу своего титула наследникам. Поэтому и короновали своих детей при жизни. Предчувствуя скорую кончину, Генрих I 23.05.1059 передает свою корону восьмилетнему сыну. И вскоре, 4.08.1060, в Витри-о-Лож у него случился сердечный приступ. Похоронили Генриха I в Сен-Дени.

Подчеркивая свои права на наследование престола, Капетинги (как позже Романовы) по обычаю давали старшему сыну короля имя деда, а второму – отца. Этим они легализовали свое право на абсолютную власть. Имя Филипп в этой династии, да и на латинском Западе, появилось впервые. Мать дала такое имя своему старшему сыну, потому что ее род считал своим патроном св. Филиппа, родом из Византии. Разрыв с традицией в Средневековье считался серьезным

шагом. Это свидетельствовало о кардинальных изменениях восприятия окружающего мира, появлении новых планов укрепления власти. Филипп I, не без помощи матери став королем, внес свою лепту в «революцию имен», назвав своего сына Людовиком (так в латинской традиции звучало имя Хлодвиг). Король, соблюдая государственную традицию Regnum Francorum, продемонстрировал окружению, что ведет свой род от легендарного крестителя франков. Как и на Руси Владимир.

Когда на французский престол взошел Филипп I, то регентами и опекунами его стали Бодуэн V Фландрский и королева-мать Анна Ярославна. Граф Бодуэн имел твердый характер: понимая важность централизованного государства, он вплоть до своей смерти в 1067 году сумел оградить молодого короля от алчных притязаний его вассалов. Когда Бодуэн V Фландрский умер, 15-летний Филипп, потеряв мудрого советчика и не слушаясь матери, стал совершать необдуманные поступки, вмешался в междоусобную войну сынов Бодуэна и был наголову разбит в битве при Каселле в 1071 г. Горячий Филипп I постоянно попадал в неприятности, из которых, в отличие от отца, всегда выходил с потерями: если не территориальными, то имиджа. В этом его сходство с наследниками Ярослава Мудрого, но, скорее всего, это свойственно всей эпохе феодализма!

По-прежнему основное время вдовствующая королева проводила в своем любимом Санлисе, который она сравнивала с родным Киевом, и где воспитывала Гуго – брата короля. Анна планировала открыть аббатство в честь своего святого благодетеля, но смогла это сделать лишь в 1060 г. В хартии королевы в честь основания монастыря, датированной этим годом, записано: *«Даря (церковь), я совершила расходы как со своей собственностью, так и с имущества, которое подарил мне в день свадьбы Генрих, король и мой муж»*. Насельники этой обители обязаны были соблюдать все правила монастырской жизни, молиться за Анну и ее родственников, даже киевских. Как видите, был во Франции монастырь, где молились за нас.

Памятник Анне Ярославне в Санлисе

Строительство закончилось через шесть лет, после чего в течение столетий, особенно в XVI в., появляется ряд интересных зданий, выдержанных в едином архитектурном стиле. Неподалеку от входа в часовню во время празднования 800-летия аббатства поставили скульптуры Анны и св. Винсента. Под женской фигурой была надпись: «Анна Русская, королева Франции». Теперь такой надписи нет. Исправили ее 29.09.1996 представители украинской общины, подправив надпись «de Russie». Получилось: «Анна Киевская, королева Франции». Это более соответствует истине, потому что при Анне, как бы многим ни хотелось, еще не было ни России, ни Украины.

Анна постоянно проживает в Санлисе. Закончилась ее роль регентши и воспитательницы, она достаточно красива и молода, ей только 40 лет и претит одиночество. Она сама решает свою судьбу. Во время охоты в Санлисском лесу ее выкрал (не исключено, что по согласию) потомок Карла Великого, один из влиятельных феодалов, могущественный граф Рауль II Перонн де Крепи и Валуа. Он, невзирая на гнев сына Анны, короля Франции, своей законной супруги и папского отлучения, венчается с вдовствующей королевой. Несмотря на проклятия

со всех сторон, они прожили вместе 12 лет.

Внук Ярослава Мудрого в 14 лет по существующим в то время законам посвящается в рыцари и получает всю полноту власти короля. Анна продолжает помогать сыну в государственных делах. Ее подписи исследователи находили на многих государственных документах, а с 1062 г. появляется и имя ее второго мужа, графа Рауля. Мы не будем подробно рассматривать их, об этом есть достаточно литературы, особенно о грамоте 1063 г., на которой наша землячка подписалась кириллицей «Ана рѣина».

Анна присутствовала в 1071 г. на свадьбе сына с Бертой Голландской (1055–1093), с которой тот прожил до развода 20 лет. Второй женой Филиппа I стала Бертрада де Монфор (ум. 1117). Он ее похитил у графа Анжуйского: не исключено, что сказался пример матери. У Анны Ярославны от Филиппа, не считая двух умерших в малолетстве, было 14 внуков. Среди них назовем графа Мантского Филиппа (ок. 1093 – после 1118), епископа Нойонского Симона (ум. 1148), а также короля Франции с 1108 г. Людовика (Луи) VI Толстого (1081—1.08.1137), сын которого Людовик (Луи) VII (правнук Анны) также стал французским королем с 1137 г. То есть эти короли, правящие Францией не одно столетие, вплоть до Карла IV Красивого (1295–1328) в какой-то степени Рюриковичи. Все они, несмотря на противоборство крупных феодалов, много сделали для укрепления государства.

Наследники Генриха I и Анны Киевской не теряли энергии, не уставали присоединять земли и заводили в брачных союзах разнообразные родственные связи, подготавливая почву для дальнейших аннексий. После присоединения Нормандии и других земель образовалось большое государство, которое требовало административной централизации – бюрократического управления во все увеличивающемся королевском домене. Все князья признают себя вассалами короля, он *seigneur fiefieux du royaume*. То есть образовалась иерархия во главе с королем, который играет значительную роль в международной политике, его подданные активно участвуют в крестовых походах.

Капетинги стремились соответствовать идеальному образу христианского императора, защитника слабых и убогих, созданному интеллектуалами католической церкви. Однако Филипп I проигнорировал призыв церкви принять участие в Первом крестовом походе, даже несмотря на то, что Папа Римский Урбан II прислал ему персональное приглашение возглавить его. Внук Ярослава не понимал, что участие в крестовом походе значительно поднимет его авторитет среди вассалов.

Король Филипп I стал помогать принцу Роберту в борьбе против отца – Вильгельма Завоевателя, что привело в 1087 г. к войне английского короля с Францией. Народу не нравился Филипп из-за его лени и неспособности доводить дело до конца. Он окончательно опротивел людям после развода с первой женой. Поэтому пришлось ему в конце концов взять в соправители сына – Луи VI Толстого.

Меня многие годы мучает вопрос: почему в центре Киева нет Анне Ярославне памятника? Да и улицы нет... Ну чем она хуже проходимцев Паниковского и Голохвастова?!

Всё могут короли...

Мы так стремимся в Европу, что не хочется от рассказа об Анне Ярославне переходить к княжеским распрям XXI..., о, простите XI столетия. О «проклятых» французских королях слышал, наверное, каждый. И многие читали чудные книги из серии романов французского писателя Мориса Дрюона с таким же названием, где описывались события, происходившие во Франции первой половины XIV в. начиная с 1314 г., когда был закончен процесс над Орденом тамплиеров.

Главный герой первой книги: «Железный король» – Филипп IV Красивый (1268–1314), согласно легенде, вызвал череду бедствий на свою династию и свое королевство тем, что приговорил к казни Великого магистра Ордена тамплиеров Жака де Моле (1244/1250—1314) и способствовал усилиям Папы Римского по полному уничтожению Ордена рыцарей-монахов. Взойдя на костер в Париже 18.03.1314, Жак де Моле, проведенный в тюрьме последние 7 лет своей жизни и перенесший за это время жесточайшие пытки и лишения, умирая, проклял непосредственных виновников своей гибели: Папу Климента V и короля Франции Филиппа IV вместе с их потомками до тринадцатого колена. Более того – Великий магистр тогда же заявил, что «не пройдет и года, как я призову вас на Суд Божий!»! Совпадение или нет, но Папа Римский скончался уже в следующем месяце после проклятия – 20.04.1314, французский король – через 8 месяцев, 29.11.1314.

Три сына Филиппа IV, последовательно правившие после его смерти Францией, – Людовик X Сварливый, Филипп V Длинный и Карл IV Красивый – скончались один за другим еще в молодости, не оставив после себя наследников мужского пола (у каждого из них были сыновья, но все они умерли в младенчестве). Внук проклятого короля, Иоанн I Посмертный, прозванный так за то, что родился через пять месяцев после смерти своего отца Людовика Сварливого, в ноябре 1316 г., был королем (и прожил) только пять дней – с 15-го по 20-е число, скончавшись по неизвестной причине. Со смертью младшего сына Филиппа Красивого, Карла IV, в 1328 г., французская королевская династия Капетингов пресеклась по мужской линии.

Самое интересное, что проклятие Жака де Моле исполнилось и относительно мало кому во Франции известного королевства Русь: в 1340 г. там умер последний представитель династии Рюриковичей на галицко-волынском престоле по мужской линии, Владимир Львович Галицкий. Хотя какая, казалось бы, связь между знаменитыми «проклятыми» королями и потомком королей Руси? А самая прямая – кровная:

1. Король Франции Филипп IV Красивый Капетинг (1268–1314) был прямым потомком Рюриковичей, причем по обеим линиям: и отцовской, и материнской. Со стороны отца, короля Филиппа III Смелого, он был правнуком (в 8-м поколении) знаменитой дочери киевского князя Ярослава Мудрого, Анны Ярославны (1024/1036—1075/1089). А мать Филиппа, королева Изабелла Арагонская (1247–1271), приходилась родной праправнучкой княжне Ефросинии Мстиславне Киевской (1130–1196), дочери великого киевского князя Мстислава Владимировича, ставшей после брака с королем Венгрии Гезой II в 1146 г. королевой Фружиной.

2. Кровное родство Филиппа IV с Рюриковичами не ограничивалось его далекими предками. Родство французского короля непосредственно с галицко-волынскими князьями идет через его бабушку по материнской линии, Иоланду Венгерскую (ок. 1215–1253), принцессу из венгерского королевского дома Арпадов.

У этой бабушки Филиппа было шестеро братьев и сестер. У самого старшего из братьев, короля Венгрии Белы IV (1206–1270), в свою очередь, было два сына и восемь дочерей, две из которых – Анна и Констанция – вышли замуж за Рюриковичей. Венгерской бабушке проклятого короля Анна и Констанция приходились родными племянницами, а самому Филиппу IV – двоюродными тетушками.

3. Анна Венгерская (1226/1227—около 1285) в 1247 г. была выдана замуж за Ростислава Михайловича Галицкого и Черниговского (1227–1262). Князь Ростислав потерял все права на Галицкое княжество в 1245 г., после неоднократных военных столкновений с Даниилом Галицким, и к этому рассказу имеет только косвенное отношение. Хотя о жизни этого удивительного авантюриста и афериста я расскажу ниже.

4. А вот вторая тетька короля Франции, Констанция Венгерская (годы жизни неизвестны), была выдана замуж за князя Перемышльского, Белзского, Холмского, Галицкого и Волынского, Льва Даниловича (ок. 1228—ок. 1301), в честь которого назван город Львов! Таким образом, благодаря своей жене Лев Данилович Галицко-Волынский стал дядей одному из самых могущественных монархов своего времени, королю Франции. Единственный сын от этого брака (у супругов было еще две дочери), Юрий I Львович (1252/1262—1308/1316), король Руси с 1305 г., приходился, таким образом, троюродным братом проклятому королю Филиппу IV Красивому. Общим предком братьев был их прадед – король Венгрии Андраш II (ок. 1175–1235).

5. У Юрия I Львовича, короля Руси, было четверо детей, две дочери и два сына: Андрей I Галицкий и Лев II Галицкий. Братья правили отцовским наследством вдвоем, при этом Андрей княжил во Владимире-Волынском, а Лев – в Галиче. Погибли они в битве, в один день, в 1323 г. Точная дата их гибели неизвестна, как и неизвестно, от чьего меча они пали. Обе гипотезы их смерти – как в битве с монголо-татарами, так и в сражении с литовцами при обороне Подляшья – имеют полное право на существование.

6. После гибели сыновей Юрия I остался единственный прямой потомок королей Руси, его внук, сын Льва II, Владимир Львович Галицкий. Дата рождения этого последнего Рюриковича на галицком престоле не установлена, впрочем, в древнерусских летописях он вообще не упоминается – историки знают о нем исключительно из польских хроник. Известно только, что правил он Галицко-Волынским княжеством очень недолго – максимум два года, с 1323-го по 1325-й, да и то не сам, вместо него княжеством управлял боярский совет во главе с боярином Дмитрием Детьком. Видимо, Владимир Галицкий был тогда совсем ребенком, и поэтому не смог удержать власть в своих руках – угроза захвата Галицко-Волынского княжества со стороны великого князя литовского Гедимина заставила бояр призвать на княжение двоюродного брата Владимира, 18-летнего Юрия-Болеслава (Юрия II Галицкого) (1308–1340), сына одной из двух сестер погибших галицко-волынских князей, Марии, и польского князя Тройдена I Пяста. В очереди наследников на трон Руси он был первым законным кандидатом после Владимира по женской линии, так что, приняв православие, этот первый и последний представитель польских Пястов в качестве Галицко-Волынского князя спокойно правил до своей смерти в 1340 г. В том же году скончался и отстраненный от власти Владимир Львович Галицкий (где и как это произошло – неизвестно), так что галицко-волынская династия Романовичей (Рюриковичей) пресеклась не только по мужской линии, но и по линии ближайшего законного наследника – у обоих двоюродных братьев не было детей.

7. У Юрия Тройденовича, однако, остались после смерти два младших брата – Земовит III Мазовецкий (ок. 1320–1381) и Казимир I Варшавский (1321/1331—1355). Но так получилось, что вскоре после смерти Юрия, в 1341 г., скончался их общий отец, Тройден I Пяст, князь варшавский. Земовит и Казимир как его безусловные и единственные наследники, видимо, выбрали надежное и никем не оспариваемое владение отцовскими княжествами вместо сомнительных притязаний на спорное наследство с неизвестным результатом. Во всяком случае, на корону Галицко-Волынского княжества они никогда не рассчитывали и никогда не оспаривали претензии на нее польского короля Казимира III Великого (1310–1370), который с 1346 г. добавил в свой королевский титул претензионный монарший домен, что он «пан и дедыч Руской земли».

8. Интересный момент – после смерти бездетного Юрия-Болеслава (Юрия II Галицкого) и отказа его братьев от притязаний на корону Руси – права на галицко-

волинский престол получали сыновья второй сестры Андрея I Галицкого и Льва II Галицкого, княгини Анастасии Тверской (ок. 1300/1303—1364), которых у нее было четверо. Однако историкам ничего не известно о каких-либо попытках младшей дочери князя галицко-волинского Юрия I Львовича претендовать на престол своего отца для его внуков. Корона Галиции и Волыни осталась бесхозной в 1340 г., а за год до этого, в Орде, по приказу Узбек-хана были казнены муж Анастасии Юрьевны, великий князь Тверской Александр Михайлович (1301–1339), и старший сын Федор, которому было тогда около 15 лет. Княгиня Анастасия Тверская осталась после смерти мужа вдовой примерно в 38 лет, с шестью малолетними детьми на руках (четырьмя сыновьями и двумя дочерьями), старшему из которых, Всеволоду, было всего 11 лет. Совершенно очевидно, что положение Анастасии Юрьевны в то время было настолько тяжелым, что выдвигать требования на Галицко-Волинское княжество, которые к тому же требовалось подкрепить военной силой, у нее не было никакой возможности.

9. Результат пресечения как династии Капетингов, как и династии галицко-волинских Рюриковичей был, кстати, одинаков. Во Франции свои права на корону объявил сын единственной дочери и сестры проклятых королей, Изабеллы Французской (ок. 1295–1358), король Англии Эдуард III (1312–1377). Его притязания на французский престол привели, в конечном итоге, к печально знаменитой Столетней войне (1337–1453). Война за галицко-волинское наследство не так знаменита в истории, но, в общей сложности, она длилась тоже очень долго – с 1340-го по 1392 год – 52 года. Тесные родственные связи галицких князей с венгерским королевским домом Арпадов и великокняжескими династиями польских Пястов и литовских Гедиминовичей делали претензии всех этих государств на королевство Русь вполне сопоставимыми и обоснованными.

10. Однако наибольшие права на получение короны Руси (после сыновей княгини Анастасии Тверской, которые ими не воспользовались) имел великий князь литовский Любарт Гедиминович (ок. 1300–1383/1385). Первым браком он был женат на единственной дочери Андрея I Галицкого (одного из двух погибших на неведомом поле брани братьев-князей) Анастасии-Буче (Эфеми) – двоюродной сестре последнего Рюриковича на галицко-волинском престоле. Княгиня Анастасия Андреевна умерла в 1349 г., их общие с князем Любартом дети умерли еще при ее жизни, но законные права на наследство покойной первой жены у литовского князя сохранились, и он не собирался от них отказываться. Это привело к многолетнему военному противостоянию между ним и польским королем Казимиром III. Однако вплоть до своей смерти в 1385 г. Любарт Гедиминович постоянно владел как отдельными частями, так и всем целиком Галицко-Волинским княжеством, и поэтому с полным на то правом именовался князем Галицко-Волинским. Его старший сын от второго брака, Федор Любартович Волинский Гедиминович (1351–1431), стал последним князем древнерусской Лодомерии (Волыни) и последним галицко-волинским правителем до полного завоевания земель и их раздела. После подписания в 1385 г. Кривской унии между Великим княжеством Литовским и Польшей борьба этих двух государств за галицко-волинское наследство свелась к подавлению самостоятельности Федора Любартовича.

11. В результате войны с Польско-Литовским государством, возглавляемым теперь единым правителем Ягайлом (между прочим, в качестве внука княгини Анастасии Тверской, до замужества – княжны Галицко-Волинской, Ягайло имел определенные права на галицко-волинское наследство) Федор потерял Луцк в 1387-м и Владимирскую землю в 1390-м, прекратив быть Волинским князем. Войну завершило подписанное между Польшей и Литвой Островское соглашение 1392 года. По нему Польша получила Галицкое княжество, Белз и Холм, а Литва – Владимир-Волинский и Луцк.

Вряд ли, конечно, князья Рюриковичи галицко-волинские что-то слышали о Великом магистре Ордена тамплиеров Жаке де Моле, сожженном на костре в Париже в 1314 г. их родственником Филиппом IV Красивым, не говоря уже о его проклятии. Но ненависть умирающего страшной смертью старика-крестоносца к

своим мучителям «дотянулась» издалека и до них. Я, впрочем, считаю это всего лишь совпадением, пусть даже и с налетом мистики. Но совпадением очень и очень интересным.

Период феодальной раздробленности

Во второй половине XI в. Киевская Русь вступила в так называемый период феодальной раздробленности и время резкого обострения общественно-политической борьбы. Борьба за власть и землю произошла не только между владельцами и теми, кто на ней работал, но и между феодалами. По уровню развития городской жизни в этот период Русь была одной из передовых в Европе. Такие богатые и многолюдные города, как Киев, Чернигов, Новгород, Галич, Смоленск и другие, сами решали свои проблемы и не без успеха защищали свои права от претензий крупных феодалов. А иногда и диктовали свои условия.

Основой феодальной раздробленности стали экономические отношения, связанные с эволюцией земельной собственности. *«Каждый феодал, – пишет академик Б. Рыбаков, – стремился сохранить в неприкосновенности свое микроскопическое государство – вотчину, и постепенно возникло понятие «запрета», феодального иммунитета, то есть юридически оформленного договора между младшими и старшими феодалами о невмешательстве старшего во внутренние дела младшего».*

Первой вотчиной стало Полоцкое княжество. На Любечском съезде 1097 г. главные уделы – Чернигов, Переяслав и Волынь – были преобразованы в вотчины. Позднее к ним прибавились Смоленск и Суздаль.

Формально на это время Киев оставался общерусским центром, где правил великий князь, но реальное значение его постепенно нивелировалось. В конце концов за киевским князем оставался небольшой домен с Вышгородом и Белгородом. Тем не менее за киевский стол все же соперничали династии черниговских, суздальских, смоленских, волынских князей. Реальная сила каждого претендента обуславливалась масштабами его собственных земель. Феодальную раздробленность, ослабляющую государство, закономерно пережили все страны мира. Русь, несмотря на раздробленность, продолжала существовать как определенное общественно-политическое целое. Говорить об упадке Киева в XII—XIII вв. нельзя. Археологические исследования свидетельствуют о высоком уровне экономическо-культурной жизни города в этот период.

Ослабление централизованной державы после смерти Ярослава требовало объединения сил его старших сыновей. Так сложился триумvirат: Изяслав Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский. Среднее Приднепровье осталось главным политическим центром Руси.

Старшие Ярославичи придерживались разных взглядов в решении политических проблем. За каждым из них стояла определенная политическая сила. Святослав был сторонником своеобразного «изоляционизма», выступая за независимую внешнюю политику. Изяслав был женат на польской королеве, имел тесные связи с Западом, а Всеволод – зять греческого императора – более контактировал с Византией. Эти князья решили ввести иерархию наделов с обоснованным переходом правителя в более значимый, в связи с кончиной князя. Если умирал великий князь киевский, то на его место переходил черниговский. Ниже по иерархической лестнице был Переяслав, потом Смоленск, Волынь... Вначале эти правила соблюдались, но вскоре родовые линии перепутались, так как, по мнению В. Ключевского, древнерусские князья имели *«привычку рано жениться и поздно умирать»*. Киевская Русь вступила в полосу очень тревожных событий и грозных потрясений.

Остановимся на великом князе киевском Изяславе-Дмитрии, который после смерти Ярослава с 1054 г. наследовал киевский стол. До этого он был туровским, а потом новгородским князем, поэтому княжение в Киеве сочетал с защитой интересов Новгорода. Так, в 1055 г. Изяслав с киевской ратью вступил в землю эстов и заставил сосолов платить дань Новгороду.

Изяслав пытался продолжать политику отца, но для этого ему не хватало

твердости, братья старались подчинить себе киевского князя. Одной из основных задач киевской власти было уменьшение количества уделов и их полное подчинение. С этой целью было решено исключить из числа наследников детей умерших братьев. До 1073 г. три старших брата совместно решали судьбу других княжеств, заключили Всеслава Полоцкого в киевскую темницу, освободив дядю Судислава. Племянники были готовы вернуть ему Псковское княжество, но с обязательством не требовать великокняжеского стола. Несчастный после многолетней неволи не стал искушать судьбу и принял постриг в Киево-Георгиевском монастыре, где провел остаток жизни.

Среди братьев сильной личностью был Святослав. У Всеволода были свои нерешенные проблемы: еще в 1055 г. половцы хана Блуша, преследуя торков, вышли на границы Переяславского княжества. Тогда все закончилось миром. Но 2.02.1061 половцы разбили войско Всеволода и осадили Переяслав. Изяслав был в то время занят проблемами Новгорода, поэтому брату не помог.

А тут выявились сложности Киева с уграми. Их король Андрей I, свояк Изяслава, имея конфликт с герцогом Белою, обратился за помощью к кайзеру Генриху III. Андрей умер в 1060 г., а Бела I стал королем, которого неожиданно поддержал Киев. Сестра Изяслава Анастасия с сыном, не найдя защиты на Волыни, вынуждена была искать приюта в Польше. Через год в Киев прибыло посольство от Генриха с предложением поддержать сына Андрея Шоломона. Изяслав изменил свое мнение о Беле и помог Шоломону стать королем – Киев тогда еще решал судьбы западных королевств.

В 1060 г. три брата совершили совместный успешный поход на кочевников-торков, а через 8 лет потерпели поражение от половцев на злополучной р. Альте. Святослав убежал в Чернигов, а Изяслав с Всеволодом – в Киев. Половцы оккупировали всю страну, угрожая столице. Киевляне обвиняли в поражении тысяцкого Коснячка и требовали у Изяслава коней и оружие для продолжения борьбы со степными врагами, но неожиданно получили отказ. Возможно, у Изяслава и не было оружия. А может быть, князь банально побоялся дать его «черни», которой опасался больше половцев. По крайней мере, летописец сообщает о вече на рыночной площади Подола. Это был торгово-ремесленный район, поэтому пришел трудовой и торговый люд. Недовольные с криками пошли в верхний княжеский город ко двору ненавистного тысяцкого, но его не обнаружили. Возле двора полоцкого князя Брючеслава случайно выяснилось, что его сын Всеслав заключен в «поруби». Тут восставшие разделились. Одна часть пошла освобождать заключенных, а вторая – к княжескому двору. Летописец пишет: *«Пойдем высадим дружину свою из погребя»*. В старину слово «дружина» означало товарищи, спутники.

Исходя из текста летописи получается, что какие-то волнения происходили еще до похода на половцев и каких-то недовольных посадили. Горожане, перейдя мост, подошли к самому дворцу, где Изяслав обсуждал с ближайшими советниками сложившуюся ситуацию. Один из них сказал: «Слышишь, князь, как люди кричат? Нужно послать кого-то лучше стеречь Всеслава». – «А лучше его убить», – было предложение бояр, но Изяслав пойти на это не решился, и, опасаясь непредсказуемого развития событий, вместе с Всеволодом спешно покинул Киев. Тем временем был освобожден Всеслав, которого на радостях провозгласили киевским князем. Толпа с воодушевлением ограбила двор Изяслава. Произошло это 15.09.1068. Всеслав Полоцкий сидел на столе в Киеве 7 месяцев. Этот период не был отмечен ничем примечательным. Во всяком случае, о конкретных действиях князя сведения до нас не дошли.

Тем временем Всеволод бежал в свой Переяслав, а Изяслав – в Краков к своему тестю Болеславу II. Не сразу нашел он поддержку, но через полгода Изяслав с помощью Болеслава и польской рати двинулся на Киев. Всеслав выступил навстречу и стал лагерем возле Белгорода, но той же ночью, тайно от всех, бежал к себе в Полоцк. Оставшись без предводителя, киевское войско вернулось в город, а вече решило поляков в город не пускать. Святослав и Всеволод выступили на переговорах как посредники. Они в ультимативной форме потребовали, чтобы

Изяслав отпустил польские полки. Было договорено об амнистии для участников бунта, иначе киевляне не открыли бы ворота. 2.05.1069 вместе с дружиной в Киев вступил старший сын Изяслава Мстислав и жестоко расправился с бунтовщиками. 70 жителей было казнено, а многих ослепили. В довершение всего подожгли Подол. Изяслав даже торг перенес на Гору.

Расправа с киевлянами всех возмутила, а особенно печерских монахов и их игумена Антония, почитаемого народом. Изяслав пригрозил, что прикажет раскопать пещеры. Чтобы обезопасить обитель, Антоний с частью монахов покинули Киев. Некоторые из них, такие как свв. Леонтий, Исаия и Кукша, стали проповедниками среди финских народов и погибли как мученики. Никон, много сделавший для развития летописания, пошел в Тмутаракань и там основал монастырь. Св. Антония приняли в Чернигове. Князь Святослав предложил подвижнику выбрать любое место, но Антоний выкопал пещерку возле Елецкого монастыря, где продолжал молиться и собирать братию. Изяслав Ярославич, понимая, что с Антонием он попал впросак, попросил у 90-летнего старца прощения и умолил его вернуться в Киев. По возвращении Антоний с братией выкопал пещеру на ближней горе, а игуменом благословил Варлаама. Последний вскоре умер. Тогда в 1072 г. настоятелем выбрали ближайшего сподвижника – Феодосия. Именно этот пастырь очень много сделал для развития Печерской обители да и прочих русьских монастырей, которые стали жить по студийскому уставу византийского монашества, отличавшегося особой строгостью. Его разработал известный ученый и подвижник Феодор Студит. Печерский монастырь стал называться Феодосийским. Игумен вскоре подружился с Изяславом. Примирение способствовало расширению монастырской территории и процветанию обители. Авторитет Феодора был настолько велик, что даже судьи меняли свое решение, если оно не совпадало с мнением подвижника.

Лаврой (с греч. «благодать», буквально – улица, застроенный квартал), как правило, называли особо почитаемые монастыри. Подобный титул нужно было заслужить не только указами власть имущих, но и у народа. Еще недавно мне Я. Бердичевский подсказал, что обычай захоронения в пещерах в Киев пришел от хазар, с их древнего ритуала погребать умерших в «катакомбах».

С **«умножением братии»** Антоний, пожелав **«жители в уединении, как прежде»**, назначил «братии» игумена и выкопал неподалеку свою «пещерку». В ней он прожил 16 лет до смерти в 1073 г. и в ней был «запечатан», то есть засыпан. Так же стали хоронить и остальных усопших. Так возникло «катакомбное» кладбище. Некоторые из них естественно мумифицировались, становились «мощами», то есть обладающими определенной силой, мощью. С веками сложилось и получило массовое распространение мнение, что душа бессмертна, а «тело есть лишь временное вместилище духа и души человека». Соответственно, останки преподобных вполне логично «одухотворены», поэтому возник культ «мощей святых нетленных». Они в самом деле «светятся» и не только физически, а, скорее, духовно, помогая живым (!) исцелять «духовные и телесные хвори».

Об этом свидетельствует «Киево-Печерский патерик» – «Книга жития отцов» (от греч. «патер» – «отец»). В этой книге Антоний и Феодосий названы «богоносными». Поскольку они **«носили в себе Благодать Божию, и воспринимали это миряне как “свет лучистый”»**. **«По ночам Антоний и Феодосий читали Евангелие, не зажигая свечей, ибо «освещали страницы Писания светом, исходящим от перстов и чела»**. **И эта «богоносность» сохранилась и после кончины праведников. Так, Антоний изъявил желание, молясь Богу в уединении, даровать мощам своим быть недоступными людям. Некоторые дерзновенно ископавшие место преподобного, были чудесно наказаны нисшедшим огнем и долго страдали телом, доколе не покались»**. Подвижничество же Феодосия в период его игуменства (1061–1074 гг.) «Патерик» поясняет не менее «зримым» феноменом – над его обителью «огненный столп». Феодосия тоже погребли в «запечатанной» пещере. Когда Преподобный Нестор-летописец с братией с пением псалмов достиг гроба: **«Открыв его, мы увидели, что все суставы**

преподобного целы, лицо светло, очи закрыты, уста сомкнуты, волосы прилипли к голове. Возложив нетленные мощи на одр, мы вынесли их из пещер».

Эту особенность подтвердили медики, которым в феврале 1921 г. представилась возможность осмотреть мощи. Вопреки ожиданиям атеистов, заключение экспертов гласило: *«Предъявленное экспертизе тело святителя Феодосия есть действительно тело человека без признаков гниения. Данные микроскопического исследования подтверждают найденное внешним осмотром и обнаруживают довольно ясное строение ткани и клеток, в особенности волокнистой и мышечной ткани, а также красных кровяных телец!»* В годы разгульного атеизма неоднократно пытались разоблачить «поповские бредни», поэтому неоднократно производили исследования. В 1939 г. специальная группа экспертов раскрыла мощи печерских подвижников и тоже обнаружила, что *«на большинстве останков нет следов разложения и тления»*.

В этом смог убедиться оккупационной осенью 1941 г. комендант Киева генерал-майор Эбергард, осматривавший лаврские пещеры. Он весьма скептически высказывался о находившихся там «куклах». И, по легенде, «эксперимента ради», приказал сопровождавшему его солдату ткнуть «куклу» штыком. Однако из пореза выступила... свежая кровь! Испуганные таким чудом немцы поспешили покинуть пещеры.

Еще одна легенда. Очередная кампания «борьбы с религиозным дурманом» произошла в 1954 г., когда подземелья Лавры решили преобразовать в складские помещения. Мощи стали одни за другими выносить и укладывать на грузовики для «эвакуации». Но ни одна из машин не завелась. Стали перекладывать на подводы, но и они не сдвинулись с места. Испугавшись и боясь пересудов, исполнители вернули тела подвижников на место. Так пишет исследователь Сергей Петров.

В бытность мою экскурсоводом я неоднократно наблюдал, практически во всех группах, особенно сборных, набранных из «случайных» людей, одну и ту же ситуацию. Некоторые не могли заставить себя войти в пещеры и стремительно возвращались к выходу! Не смог попасть в пещеру и скандально знаменитый экстрасенс А. Кашпировский. Вот свидетельство того же Петрова: *«Он остановился как вкопанный! Не мог сделать и шаг! Так что «целителя» вынуждены были подхватить под руки и вынести на свежий воздух, где к нему вернулись силы. С позором покинул он территорию монастыря»*.

И тут приведу случай, произошедший со мной. Давно ищущ ответа на вопрос, почему я начал писать, с чего это меня потянуло на литературные хлеба. Думаю, после одного памятного случая со святыми мощами преподобных Лавры. Было это в начале 1985 г., когда меня пригласил Сергей Грабарь, работающий тогда экскурсоводом Киево-Печерского заповедника: *«Хочешь посмотреть на мощи без одежды?»* Я в то время работал экскурсоводом в Киевском бюро путешествий и экскурсий (КБПиЭ), не захотел упустить такой возможности и сразу согласился. Зашел в помещение, в районе Ближних пещер. А там такой запах... Оказывается, что через определенные промежутки времени, по совету каких-то «химиков», лаврские мощи обрабатывали тем же вонючим раствором, что и ленинскую мумию. После таких опрыскиваний они должны были подсыхать. Грабарь показывал останки каждого и комментировал. Преподобный Нестор лежал самый последний в ряду. Я остановился возле него, молча и почтительно созерцал. Тут что-то на меня нахлынуло. К удивлению присутствующих, я преклонил колени и своей правой рукой погладил его правицу. Вскоре я почувствовал зуд в руке, который проходил сразу, если я брал ручку и что-то писал. После этого у меня вышло более четырех сотен статей, десяток сценариев, а эта книга – 28-я. Спасибо Нестору!

Современные исследователи неоднократно убеждались, что святые мощи излучают энергию, и не только намоленную. Это созвучно с определениями Н. Рериха, что «психическая энергия» всемогуща. Исследовательница к. б. н. Решетникова описала результаты эксперимента, проводимого в 1980-х гг. по определению «влияния святых мощей на живые объекты». Элитные зерна пшеницы сорта

«Мироновская-808» в бумажной упаковке прикладывали к мощам Агапита-целителя. В результате эти семена росли в три раза быстрее и имели в 2-3 раза большую массу, чем контрольные. Изменился их химический состав: из семян ушло 18 % цинка и появилось 11 % кальция и 4 % калия. Исследователи решили облучить «освященные» злаки. После этого часть семян приложили к гробу «угодника». И чудо – эти семена не только проросли, но и прибавили в весе! А другие погибли... Не в этом ли причина исцеления страждущих?

В трагическом мае 1986 г. исследователи провели эксперименты в Лаврских пещерах. Они установили аппаратуру возле захоронения игумена Печерского Никона Великого (†1088), сотворили просительную молитву и на их глазах стрелка дозиметра «поползла» к 0 на 50 делений. Это произошло и возле других преподобных.

Хочется упомянуть «мироточивые главы», о которых упоминает еще и Киево-Печерский патерик: *«Главы эти источают сверхъестественное миро целебное, указывает на благодать Божию, обитавших в тех угодниках, кои тело и душа неразрывно были соединены с Богом...»* Хранятся «мироточивые главы» в серебряных сосудах в Дальних пещерах Лавры. Даже не верится, что черные, масляно блестящие черепа наполнены живыми частицами. Да и мироточить черепа начинают по «желанию», то есть когда внешние, вполне мирские условия благоприятствуют. Так, в 1926 г., когда атеистическая власть расположила на монастырской территории светские учреждения, сделав лаврские пещеры объектом для зевак, черепа как бы замерли. А «ожили», да и то не все, лишь после возвращения Пещер верующим и торжественного празднования всей страной 1000-летия Христианства на Руси. Обнаружили мироточение, как ни странно, не монахи, а сотрудники Киево-Печерского заповедника.

Исследовали «миро» киевские биохимики и пришли к мнению, что они являются «высокоочищенными маслами белковых соединений органического происхождения». А по утверждению профессора Ю. Хмелевского, «синтезировать подобные соединения, даже при использовании современных технологий, – невозможно».

Православие связывает Житие с сошествием Святого Духа на праведников вполне обоснованно. Недаром на ряде икон Божественная Благодать изображена в виде энергетических лучей. Работа мысли индивидуумов, сопряженная с духовным самосовершенствованием, преобразует человеческий организм, стимулируя даже обмен веществ. Это преобразование настолько влияет на функционирование биополя человека, что квантовая оболочка вокруг его головы становится зримой для подготовленных и расценивается окружающими как признак святости. Причем не только как световой нимб, но и как свидетельство нравственной чистоты. Постоянное пребывание в таком энергетическом состоянии превращает тела праведников после их ухода в мир иной в ретрансляторы «высоких», «тонких» исцеляющих энергий невидимого мира. Да что говорить, я пишу эти строки после сильнейшей травмы. Врачи предрекали мне беспомощность и неподвижность рук. Но сила духа и молитва помогают мне бороться с болезнью! И книга, которую вы держите в руках – результат моей победы над немощью!

Возле «угодников Божьих» болезнетворных микробов до 10-ти раз меньше, чем в других помещениях пещер. Особо опасные гемолитические бактерии отсутствуют вообще. Получается, что энергия преподобных делает окружающий воздух бактерицидным. Возникает вопрос, а почему лаврские угодники не отторгли радиацию Чернобыля в 1986 г., как это сделали святые мощи святого Феодосия Углицкого в Чернигове? Дело в том, что в то время в пещерах было проведено электроосвещение, которое задерживало, экранировало благодать Преподобных. Несмотря на возражения моих друзей по поводу вышесказанного, я все-таки настаиваю на своем! Пусть меня простит воспитанный в атеистических годах читатель за этот пассаж, но в величии Киева немалую роль сыграли святые Киево-Печерской лавры!

Вернемся к князьям. Всеволод Ярославич участвовал 19.08.1071 в битве при

Манцикерте, где сражались киевские и переяславские полки. Несмотря на эту помощь, византийский император Роман IV был разгромлен турками-сельджуками султана Алп-Арслана. Так началось завоевание ими Малой Азии. Это поражение немного отрезвило враждующих братьев. Была проведена последняя попытка примирения. Изяслав в Вышгороде организовал торжественное перенесение мощей свв. Бориса и Глеба в новопостроенный храм-усыпальницу. Ученый-теолог митрополит Георгий хоть и высказал сомнение в их святости, но вынужден был подчиниться большинству. Участие в торжествах принимали черниговский епископ Неофит, переяславский Петр, белгородский Никита и юрьевский Михаил. Также присутствовали игумены наибольших киевских монастырей: престарелый Феодосий Печерский, Софроний Выдубицкий, Герман Спасо-Берестовский. Князья приехали в Вышгород со своими тысяцкими и на сходе приняли новый свод законов - «Правду Ярославичей» - первую кодификацию русского права, дошедшую до нас.

Перенесение мощей Бориса и Глеба на первом сейме князей в Вышгороде. Миниатюра из «Жития князя Владимира Мономаха»

Это стало последним совместным деянием триумvirата. Святослав и Всеволод обвиняли в сговоре против них старшего брата с Всеславом Полоцким. Младших поддерживал и митрополит. Посредничество в переговорах взяли новгородский епископ Феодор и печерский игумен Феодосий, по-прежнему горячо поддерживающий Изяслава. Но ситуация сложилась не в его пользу. В марте 1073 г. Изяслав Ярославич с семьей и сокровищницей во второй раз покинул Киев. И в очередной раз обратился к Болеславу II. Польский король деньги охотно взял, а с реальной помощью не торопился. Позднее изгнанный князь утверждал, что в Польше его обокрали.

Преподобный Стефан, игумен печерский. Худ. Я. Кончаковский

Великим князем киевским стал Святослав-Николай, самый активный и решительный из Ярославичей, что было одобрено всеми, кроме печерских монахов, щедро одариваемых Изяславом. Чтобы успокоить печерскую братию, Святослав в 1073 г. заложил Успенский собор и финансировал его строительство. Сам князь, взяв золотой пояс боярина Шимона, сына воеводы Якуна, размял будущий котлован. Но щедрость правителя не изменила отношение к нему насельников обители, которые в ектениях по-прежнему поминали Изяслава как великого князя. 3.05.1074 умер св. Феодосий, подорвав здоровье суровым подвижничеством. Игуменом стал его ученик Стефан, но симпатий к Святославу в обители не прибавилось. Придворные нашептывали князю о непослушании монахов, но это его не останавливало - строительство продолжалось. И воздвигнутый Успенский собор

стал украшением обители и всего Киева. Лишь после торжественного освящения храма Святослав почувствовал себя на престоле более уверенно.

При Святославе дальнейшее развитие получили киевский и черниговский скриптории – об этом свидетельствуют дошедшие до наших дней два «Изборника» 1073 и 1076 гг., составленные по заказу Святослава. В раннем сохранилась миниатюра с изображением княжеской семьи. В позднем, 1076 г., текст подан в виде сборника отрывков, приписанных давним христианским пророкам, святым, писателям. Но после тщательного изучения и анализа текста ученые пришли к выводу, что некоторые статьи не принадлежат Иоанну Златоусту или Василию Великому, а являются оригинальными произведениями древнерусской литературы. Книга состоит из 48 разнообразных по тематике статей, главным содержанием которых были проблемы, связанные с новыми, феодальными отношениями, возникшими на Руси. Ощущается, что составитель, а скорее, автор «Изборника», был участником киевского восстания 1068 г., что заставило его иначе оценить реальную действительность на Руси, потому что события развивались не в древлянских чащах и не на далекой северной окраине, а в стольном граде, политическом центре государства, где власть, казалось, была такой сильной и нерушимой.

Изяслав вынужден был покинуть Польшу. Он обратился за помощью к кайзеру, который принял его в Майнце. Но посланное в Киев императором посольство Бурхарда без проблем было куплено Святославом. Хронист Ламберт Герцфельдский отметил в своих «Анналах»: *«Бурхард привез королю столько золота, серебра и дорогой одежды, что никто не помнит, чтоб когда-нибудь такое богатство сразу прибывало в германское государство. Руський князь заплатил этими дарами королю за то, чтобы он не помог его брату, которого он выгнал из страны»*. Хронист тут же добавил, что король был так занят своими проблемами, что Святослав мог и не посылать столь щедрый подарок.

Изяславу пришлось искать убежище у Дедо II, правителя Восточной марки (Нижних Лужиц). В 1074 г. на его посербице Кунегунде-Ирине, дочке графа Майсенского, женился Ярополк Изяславич. Это событие зафиксировали иллюстрации знаменитого Трирского Псалтыря, который принадлежал супруге Изяслава – Гертруде-Олисаве. По инициативе новых родственников, начались переговоры с Римским Папой Григорием VII, который выразил желание поддержать киевского князя и даже возвести его в королевское достоинство. Но в обмен за корону Изяслав должен был присягнуть Святому престолу. Сам Изяслав не рискнул поехать в Рим, а отправил сына. Ярополк с супругой был принят Папой и получил как лен Руське королевство, что подтверждено специальной буллой Изяславу от 17.04.1075 в том, что Ярополк был католиком: *«Ваш сын, посетив могилу апостолов, прибыл к нам и смиренно просил нас, желая получить ваше государство от нас, как подарок св. Петра, принесший клятву быть верным апостолам. Он утверждал нам, что вы согласились на его просьбу»*. Довольный визитом Григорий VII написал королю Болеславу II: *«...Беззаконно присвоивши себе сокровищницу руського князя, Ты нарушил христианскую добропорядочность. Молю и заклинаю тебя именем Божьим отдать ему все взятое тобой или твоими людьми, так как ослушники не войдут в царство небесное, если не отдадут краденного»*. Но польский король по-прежнему не спешил с помощью Изяславу.

27.12.1076 в Киеве внезапно скончался Святослав Ярославич – князю неудачно вскрыли фурункул, что привело к заражению крови. Монахи увидели в этом Божий гнев и наказание за незаконный захват киевского стола. Его похоронили в Софии, а через три месяца перевезли тело в черниговский Спасский собор.

Всеволод вступил с братом, на этот раз получившим помощь от поляков, в переговоры и уступил ему Киев. Когда беспокойный Изяслав вернулся в Киев, то намерился изгнать сынов покойного Святослава с занятых ими престолов. Первым погиб новгородский князь Глеб. А вот Олег Святославич и смоленский князь Борис Вячеславич с хазарами и половцами взяли Чернигов. Изяслав дождался волынских полков Ярополка, переяславцев Всеволода, смоленцев Владимира Всеволодовича,

впоследствии Мономаха, и совместно выступил против племянников-изгоев. Борис и Олег покинули Чернигов, а вот возмущенные мещане закрыли ворота и оказали сопротивление. Пришлось Всеволодовичу брать приступом Восточные ворота, но взять детинец не удалось. Тогда, спалив внешний город, нападавшие покинули Чернигов. Изгои не сдавались, хотя Олег был склонен к переговорам. Но князь Борис из-за отсутствия наделов – за 22 года – перестал кому-нибудь и во что-нибудь верить. Опять все решала сила оружия. Битва состоялась 3.10.1078 в урочище Нежатая Нива близ Чернигова. Конница претендентов атаковала киевскую пехоту. Ее в первых рядах возглавлял Изяслав Ярославич. Князя убили ударом копья. Летопись: **«Изяславу стоцю в песцех, унезапу приехав един, ударил его копцем за плеча»**. В этой же атаке погиб и Борис. Разбитая дружина Олега бежала в Тмутаракань. Тело Изяслава привезли в Киев и похоронили в мраморной гробнице в Десятинной церкви.

Со смертью Изяслава не удалось закрепить Киев в порядке наследования за одной ветвью династии. Ни сам Изяслав, ни его сын Ярополк не рискнули обнародовать на Руси папский акт коронации.

Более спокойным было киевское правление самого младшего сына Ярослава – Всеволода. Никто не отрицал его права на Киев, однако и его правление нельзя было назвать тихим. Племянники требовали у Всеволода уделов и приводили на Русь отряды половцев. Кое-кому пришлось уступить землю. Всеволод нарушил отцовский порядок наследования. Он отдал Чернигов сыну Владимиру, а Волынь утвердил за Ярополком Изяславичем. Это решение великого князя ущемило права Давида Игоревича, получившего эту землю по завещанию отца. Началась смута. В конце концов, по непонятным причинам, Всеволод изгнал Ярополка Изяславича и поставил на Волынь Давида Игоревича. Последующая попытка сына Изяслава вернуть Волынь удалась, но вскоре он был убит подосланным убийцей Нерадицем. 5.12.1086 Ярополка торжественно похоронили в Киеве. На похоронах присутствовали великий князь Всеволод с семьей и митрополит Иоанн II Продром.

Владыка проявил себя энергичным и разумным проповедником. Как убежденный ортодокс, митрополит в Киевской Руси свою задачу видел в искоренении следов язычества и в борьбе с католицизмом. Иоанн II активно препятствовал многоженству, от которого не хотела отказываться киевская знать. Сохранились ответы митрополита печерскому монаху Якову. В письмах владыки прослеживаются элементы гуманизма и передовые для своего времени взгляды. Перу Мниха Якова принадлежат «Память и похвала князю руському Владимиру» и одна из повестей о Борисе и Глебе. Монах не стал печерским игуменом лишь из-за того, что принял постриг на р. Альте, а не в пещерах. Иоанн II не верил в святость Бориса и Глеба, а великого князя корил за брачные связи родни с латинянами. Всеволод более терпимо относился к католикам, поэтому вскоре из Византии в Киев прибыл новый митрополит-скопеч Иоанн III **«не книжен, но умом прост и просторен»**. Люди между собой называли его «трупом». Но тем не менее Иоанн III, проявил инициативу и отправил посланцев на Маларский собор, созванный Папой Урбаном для примирения католиков и православных. Присутствующие на этом соборе приняли участие в освящении украденных в Малой Азии мощей мирликийского епископа св. Николая. Наши земляки были потрясены, и свои впечатления от увиденного выразили на Руси так образно и убедительно, что слава и почитание Николая Угодника сохраняется до сегодняшнего дня. Киевский митрополит провел канонизацию св. Феодосия и торжественно перенес его мощи в Успенский собор. В этом важном действии принимал участие преподобный Нестор-летописец, красочно описавший всю церемонию. Когда несли гроб со святыми мощами печерского подвижника, остановились отдохнуть. Впоследствии на этом месте был сооружен ныне стоящий Феодосийский собор.

Всеволод в 1070 г. заложил храм Чуда архистратига Михаила, ставший главным собором Выдубицкого монастыря, одного из красивейших и почитаемых в Киеве, что свидетельствовало об определенных амбициях переяславского князя относительно Киева. И произошло это в период временного преодоления угрозы от

половцев и ослабления власти великого князя. Каждый из трех братьев Ярославичей мечтал о превосходстве, стремясь создать себе культурный ореол, обращаясь к архитектуре храмов, их виду и размерам – как к средству возвеличивания. Все три брата почти одновременно строят или хотя бы участвуют в строительстве своих «фамильных» или «подшефных» монастырей: Изяслав – Дмитровского в Киеве, Всеволод – Выдубицкого, Святослав – Успенского в Печерском монастыре и собора в Вышгороде. Все эти храмы схожи по архитектурному замыслу: трехнефные и пятиглавые, с использованием башен (Выдубицкий собор) и круговых галерей (Дмитриевский собор). Они должны были производить впечатление построек не только княжеского, но и общегосударственного значения. Относительно глав Михайловского собора В. Ульяновский считает, что первоначально он был пятиглавым.

Основание храма Чуда архистратига Михаила в Выдубицком монастыре. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Нужно отметить, что, несмотря на политические и персональные амбиции, для князей при основании строительства собора движущей силой выступает **вера и только вера**. Пора отказаться от ошибочного мнения, что в прошлом люди руководствовались относительно Церкви исключительно прагматическими соображениями и расчетами, как сейчас.

Всеволод при выборе посвящения Выдубицкого собора учел господствующий культ архистратига Михаила. Тут, очевидно, сказалась рекомендация знаменитого переяславского митрополита, выдающегося деятеля Руси Ефрема, который особенно почитал св. Михаила. Митрополит был скопцом, что для XI в. считалось «**яко ангел**». Михайловский собор так же был заложен в Переяславе. Изначально Ефрем был дворецким киевского князя Изяслава и был пострижен в 1061 г. в Печерском монастыре игуменом Никоном Великим. Потом – послушание в константинопольском монастыре Феодора Студита. Это он переписал его устав и передал св. Феодосию. Вернувшись на Русь, он был поставлен на Переяславскую кафедру как титулярный митрополит. Допускают, что с 1090 г. Ефрем 6 лет был киевским митрополитом, но есть мнение, что из-за разногласий с Константинополем киевская кафедра пустовала.

Преподобный Ефрем. Худ. Л. Тарасевич

Еще до заложения Михайловского храма в Выдубичах Всеволод построил на вершине высокого холма свою загородную резиденцию, известную как Красный двор. Это место стало любимым не только для самого Всеволода, но и его потомков: Владимира Мономаха, Мстислава Владимировича, его брата Юрия Долгорукого, Бориса Юрьевича... Впервые Красный двор упоминается в связи с поджогом его «шелудивым» ханом Боняком в 1096 г.: **«Тогда же зажгоша двор Красный, его же поставил благоверный князь Всеволод на холму нарицаемом Выдубичи»**. Современные археологи утверждают, что Красный двор находился на мысе Чайка. Это северо-восточная часть современной территории Ботанического сада НАНУ, между Наводницкой и Выдубицкой долинами. Считается, что при княжьем дворе был зверинец, о чем говорит один из вариантов названия местности. Топоним Зверинец используется и сегодня.

Год 1089-й был благоприятным для Всеволода. Он женит своего внука Мстислава Владимировича на дочке шведского короля Кристине. Но особо радостная весть пришла из Германии. Император издал 4.08.1089 манифест о своем браке с дочкой Всеволода Евпраксией. К этому времени киевская княжна уже 6 лет жила в

Германии, так как была замужем за маркграфом Генрихом Длинным фон Штаденом. Но семейное счастье было недолгим. Овдовевшая Евпраксия ушла в монастырь. Аббатисой этой обители была Адельгейда, сестра императора. Во время посещения монастыря Генрих увидел Евпраксию и был покорен ее красотой.

Византия всегда была сферой интересов Всеволода Ярославича, женатого в 1046 г. на родственнице византийского императора Константина IX Мономаха. Мария-Анастасия была или его дочкой от первого брака, или племянницей. По версии Л. Махновца, она родилась от фаворитки Склерины, на которой Константин женился после смерти императрицы Зои. Поэтому окрыленный матримониальными успехами великий князь вновь ввязался в борьбу за византийский престол. Самозванец, который выдавал себя за курополата Льва Диогена, сына императора Романа IV и Евдокии, после нескольких поражений скрывался у половцев. В Киеве признали его права и даже выдали замуж за него внучку Всеволода – Марину. Назревал конфликт с Византией, но 13.04.1093 в зените своей славы умер Всеволод Ярославич и был погребен в Св. Софии возле отца.

Исследователи указывают на то, что после смерти Ярослава существовал своеобразный «мораторий» на погребение в Св. Софии, и только его младший любимый сын Всеволод нарушил этот запрет, создав свой семейный склеп для погребений. Этот вопрос изучался Н. Н. Никитенко. Надежда Николаевна как-то в беседе со мной высказала интересное наблюдение: «Всеволода похоронили через 40 лет после смерти отца». 40 – число «ритуальное», что означает испытание, искупление, очищение, было соблюдено. Таким образом, в очередной раз удостоверимся, что случайностей не бывает. Тем более что Всеволод стремился закрепить за своими потомками киевский стол.

Отметим, что перед смертью Всеволода Русь переживала многочисленные неприятности и скорби: засуху, мор, землетрясение, затмение Солнца, что воспринималось как дурное знамение... Летопись пишет о плохом знаке и самому князю: во время охоты в Вышгороде перед ним **«спаде превелик змей от небес»**. Очевидно, Всеволод ушел в мир иной, не назвав наследника престола. Наиболее вероятным претендентом был его сын Владимир Мономах, имевший репутацию твердого поборника стабилизации политического равновесия на Руси.

Анна Всеволодовна

У населения знание отечественной истории не только примитивно ограничено, но и графаретно банально. Школьная программа дает возможность среднему интеллигенту назвать 5–6 имен князей Киевской Руси, причем 80 % Владимира Святославича называют Красным Солнышком, хотя это обобщенное литературное, былинное имя двух князей Владимиров – Крестителя Руси и Мономаха. А вот с женскими персонажами прошлого и того хуже, наши современники назовут княгинь Ольгу, которая канонизирована, и Анну – ту, уехавшую во Францию. В те времена иметь заграничного супруга было не в диковинку, а скорее нормой. Но мало вспоминают одну из самых обаятельных женщин Киевской Руси – Анну-Янку Всеволодовну.

Внучка Ярослава Мудрого родилась в год смерти князя, но по праву она вполне может претендовать на характерное прозвище своего деда. Четвертый (пятый) сын Ярослава – Всеволод, в крещении Андрей, имел двоих сыновей: Владимира Мономаха и Ростислава. Последний погиб 26.05.1093 в битве с половцами. Были у Всеволода три дочери: Анна (Янка), Евпраксия (Адельгейда) и Екатерина (в монашестве Ирина).

Сын Ярослава Мудрого был образованным человеком. Владимир Мономах в своем «Поучении» утверждал, что его отец выучил пять языков. Основанный Всеволодом «вотчий», то есть фамильный, Выдубицкий монастырь и сегодня считается одним из важнейших исторических памятников. Место нахождения другого, основанного им в 1086 г. патронального Андреевского монастыря точно не определено. В конце 1980-х годов эту загадочную обитель мечтал найти мой близкий друг, известный археолог Виктор Харламов, но увы, его неожиданная смерть прервала проведение планомерных раскопок. Ученый показывал мне предполагаемое местонахождение этой знаменитой обители, между раскопанным Харламовым Федоровским монастырем и зданием нынешнего Министерства иностранных дел. В этом монастыре приняла постриг дочь князя Всеволода Ярославича – Анна (Янка), позднее именно она стала игуменьей этой обители. Этот монастырь, как и многие другие, был разрушен в 1240 г. ордой Батыея.

Благодаря стараниям родителей Анна и ее старший брат Владимир получили хорошее, системное образование. Их учили не только славянской и греческой грамоте, но и математике, философии, астрономии и риторике. Обширные знания, приобретенные Янкой в детские и отроческие годы, помогли княжне в ее разносторонней культурно-религиозной, образовательно-педагогической и дипломатической деятельности.

Детство Янка провела в Переяславе, где княжил отец. Когда впервые приехала к дяде в Киев, была поражена городом настолько, что уже тогда у нее возникло желание остаться в нем навсегда. Тогда с помощью матери она стала изучать рукописные книги хронистов, поэтов и богословские трактаты, которые привозили с константинопольскими товарами купцы. В 1067 г. у Янки умерла мать – византийская принцесса Мария. Девочка очень тяжело перенесла ее смерть, а с появлением мачехи – дочери дикого половецкого хана – стало еще хуже. При крещении половецанке дали имя Анна. По-видимому, именно после этого Янка отказалась от своего второго имени. Нежно привязанный к старшей дочери Всеволод, чувствуя, как Янке тяжело, решил найти ей мужа на родине матери в Византии. В 16 лет златовласая синеокая красавица Янка была помолвлена с царевичем Константином, сыном византийского императора Константина X Дуки. Но венчание не состоялось, так как жениха, чтобы лишить права на трон, насильно постригли в монахи. Побывав в Византии в женских монастырях и познакомившись с их уставом и бытом, Янка по возвращении стала упрашивать отца и киевского митрополита открыть подобную девичью обитель в Киеве. Это благородное дело женского образования в монастыре вызвало поддержку и активное участие ее брата – Владимира Мономаха. Так был основан первый на Руси женский монастырь – Андреевский, который получил в народе другое название – Янчин. Янка Всеволодовна, ставшая игуменьей этого монастыря, собрала в нем, по словам

Василия Татищева: *«младых девиц, обучала их писанию, ремеслам, пению, швеню и иным полезным занятиям, да от юности навикнут разумети закон Божий и трудолюбие...»* За несколько лет игуменства в своем монастыре Янка Всеволодовна так глубоко постигла искусство церковного управления и дела митрополичьего дома, так хорошо узнала русский и константинопольский клир, что после смерти митрополита Иоанна II Продома она в 1089 г. самостоятельно «правила посольство» в Византию за новым русским владыкой. Эту ответственную дипломатическую миссию Всеволод Ярославич и Владимир Мономах поручили ей не случайно. Они были уверены, что дальновидная Янка, тонко разбирающаяся в церковно-политических вопросах, выберет в Константинополе нужного для Руси человека. Так и случилось. Прибывший с Янкой Всеволодовной новый митрополит был простодушным, не зловредным и не препятствовал проведению Киевом самостоятельной политики.

Жизнь умной, красивой и деятельной Янки Всеволодовны 3.11.1113 оборвалась. Первая на Руси женщина-педагог была погребена в основанном ею монастыре. Еще долгие годы ее захоронение была местом почитания и паломничества, в первую очередь тех «девочек и отроковиц», которых она обучила грамоте и ремеслам.

Правление Владимира Мономаха

Всеволод, как бы предчувствуя смерть, вызвал сына Владимира к себе из Чернигова. Но претензии молодого князя на киевский стол вызвали бы возмущение ряда претендентов, в частности Святополка Изяславича, считавшего свои претензии наиболее обоснованными из-за принадлежности к старшей ветви. Согласно «Повести...», Мономах, во избежание вооруженного конфликта, добровольно отказался от великокняжеского титула: **«Аще сяду на стол отца своего, то имам рать со Святополком, яко стол прежде отца его был»**. Престол занял Святополк Туровский. Жадный, эгоистичный, беспринципный, недалководидный Святополк правил 20 лет, но этот период был одним из тяжелых в истории средневековой Руси. Уже первая акция – неудачная война с половцами в 1093 г., начатая по вине Святополка, – продемонстрировала его никчемность как политика и правителя.

Владимир вернулся в Чернигов. Князя ожидал неприятный сюрприз. Получилось, что после победы на Нежатиной Ниве, с нарушением правил, его поставил в этот город отец. Тут из византийского плена вернулся Олег Святославич, имевший все права на Черниговский отцовский удел, полученный в свою очередь от Ярослава Мудрого. Владимир, узрев у стен Чернигова уже в третий раз Олега с половцами, вынужден был согласиться с его претензиями и вернуться в свой законный Переяслав.

Князья князьями, но большую роль на Руси стала играть и аристократия, пустившая крепкие корни в своих вотчинах, почувствовав в себе силу и возможность влиять на управление государством. Вслед за Новгородом аналогичные тенденции наметились и в Киеве. Лидером боярской партии в столице стал внук новгородского посадника Остромира – Ян Вышатич, перенявший у деда четкие убеждения и взгляды. Некоторое время он был киевским тысяцким (высокий государственный ранг), но вскоре перешел в оппозицию. Ян Вышатич пользовался авторитетом среди правящей элиты. Это подтверждает почитание, которого он удостоился в Печерской обители: он и его супруга Мария были погребены в монастырской усыпальнице рядом с преподобным Феодосием.

Глава боярской партии Ян отстаивал приоритет старой киевской знати в общественной жизни страны. Это были давние и органичные для Киевской Руси традиции противостояния единовластию. Функции великого князя хотя и признавались наивысшими юридическими прерогативами, но на практике существенно ограничивались волей представителей влиятельной общественной верхушки, которую некоторые исследователи называют «боярской думой» или «радой», но официально утвержденного и постоянного станового органа власти в домонгольском Киеве не наблюдалось. Реальная сила боярской власти определялась, скорее, моральным авторитетом и экономическими и военными возможностями каждого конкретного лица. Ситуация усложнялась соперничеством между «старшей» (родовитой) знатью и младшей дружиной (главной опорой великого князя). Эти отряды воинов пополнялись представителями разных общественных слоев, преимущественно, как верно заметил акад. Б. Рыбаков, из княжих слуг – мечников, верников, тиунов, посадских, емцев, отроков, детских... Их верность сюзерену определялась социальным положением представителей. Они вынуждены были считаться с угрозой потери своего места при дворе. Эти обстоятельства еще во времена Владимира Святого были одним из главных факторов общественно-политического движения, в значительной мере определившего социальное напряжение в глубине феодального класса.

Идеология старого боярства раскрыта в так называемой «Начальной летописи», написанной печерским игуменом Иваном после 1093 г. (т. е. еще до «Повести...»). Это был политический памфлет современника о грядущих событиях. Обстоятельства, приведшие к написанию сего произведения, были вызваны напряженным положением в обществе. Именно 1093-й – год смерти Всеволода Ярославича. Князь жил в согласии с боярской верхушкой, а тут на киевский стол

зашел Святополк Ярославич – человек другого плана и миропонимания. Начало его правления – неудачная русьско-половецкая война. Враги опустошили значительную часть киевских владений по Стугне и Роси, овладели после долгой и губительной борьбы г. Торческом, нанесли русичам два поражения: одно – под Триполем, другое – под Киевом, на Жиляне. Эти грустные события стали предпосылкой для написания «Начальной летописи». Ее автор был сторонником бояр. Вообще Печерский монастырь, крупный землевладелец, был тесно связан с боярством и нередко становился в оппозицию к киевскому столу. В частности, из «Печерского патерика» мы узнаем о глубоком конфликте монахов со Святополком Изяславичем. Последний отображен негативно и в «Начальной летописи». Столкновение между ними возникло из-за спекуляции князя солью в голодный год, причиной второго стали сокровища, найденные монахом в Дальних пещерах, на которые покусился алчный сын Святополка Мстислав. Великий князь-ростовщик в описании автора выглядел жалко. Игумен Иван сравнивает минувших князей с нынешними, которых осуждает, резонно считая, что они – причина бедствий, обрушившихся на Русь: **«За вашу ненасытность навел Бог на нас поганых»**.

Заключительная статья повествует о кончине Всеволода Ярославича и начале правления Святослава. Текст – своего рода панегирик концентрированной древней мудрости. Покойный князь был боголюбивым, правдивым, щедрым, воздержанным от пьянства... Подробно описывается трагическая война с половцами. Виноватым в беде указан однозначно Святополк, отклонивший мирные предложения хана и заключивший в темницу послов. Князь поступил так по недальновидному наущению своих дружинников. Тем не менее Святополк послал в Переяслав за помощью, и Владимир Мономах с 700 всадниками прибыл в Киев. В Выдубичах состоялось совещание трех князей – Святополка, Владимира и Ростислава. Мономах отстаивал мир любой ценой, а Святополк с дружинниками рвался в бой. Перед началом решительной битвы у Триполя опять возник спор о дальнейших действиях. Владимир настаивал на мирных переговорах, **«смышленные мужи, Ян и другие»** его решительно поддерживали. Но напрасно, великий князь не внял голосу разума, в результате – страшное поражение и гибель Ростислава Всеволодовича. Случилось это 26.05.1093, при переправе через р. Стугну. Смертельно раненный половецкой стрелой в голову Ростислав утонул. Печерские иноки усмотрели в этой смерти Божью кару за то, что он убил, как бы в шутку, монаха Григория. Инок пророчествовал перед началом похода ему смерть именно от утопления. Раздраженный Ростислав, так и не помолившись в Выдубицком монастыре, приказал утопить Григория: **«Князь же страха Божия не имея, не на уме себе положи сего преподобного словес, мне его пустош глаголюща, яже пророчества о нем, и рече: „Мне ли поведаеша смерть от воды, умеюще бродиты посреди ея?“ Тогда разгнеvasи повели его вовреци в воду, связавшее ему руце и нозе, и камень на шию его, – тако потоплен бысть»**. Оценка Иваном описанного события и последовавшего за этим утопления самого Ростислава в «Печерском патерике» однозначна – зло, причиненное монаху, – наказуемо.

Имя Яна Вышатича в ранее цитированном летописном отрывке не случайно. Он был лидером этих «смышленных» или «больших», которым не внял Святополк. Нежелание выслушать мудрых людей, считавших себя ответственными за судьбу страны, неуважение к их мнению, стало прямой причиной поражения и всех последующих несчастий. Прямота высказываний дорого обошлась автору. Великий князь Святослав, прекрасно понимая идейное направление произведения, не замедлил с расправой. Иван распрощался с игуменством и отбыл в Туров, в припятскую глухомань. Скорее всего, тогда потерял звание тысяцкого и Ян Вышатич, что не уменьшило его общественного влияния, а подняло авторитет как лидера боярской оппозиции, не сложившей оружия. Настоящая борьба за влияние в государстве только начиналась. Претензии крупной знати были противопоставлены великокняжеским.

Ярче всего они проявились при Владимире Мономахе, который был не только самым выдающимся политическим деятелем той эпохи, но и талантливым писателем и публицистом. Он посвятил себя государственным интересам, и хоть на

некоторое время сумел объединить под своей властью всю Русь, обезопасить ее от внешней экспансии и от внутренних усобиц, более губительных по своим последствиям. Он выступал инициатором ряда значительных походов против половцев – главной опасности южных рубежей. На это Мономах умел поднимать всю страну. Не менее важным он считал и внутреннее положение Руси, постоянно искал пути ее стабилизации. Он был основным инициатором и участником княжеских съездов, которые собирались для урегулирования внутренних недоразумений. Мономах категорически был против военного решения конфликтов, при этом без малейших колебаний вставал на защиту отечества. Князь старался решать социально-экономические проблемы. Законодательный акт, известный как «Устав Владимира Мономаха», свидетельствует об этом. Он был принят после восстания 1113 г. и облегчил состояние трудового люда.

До нас дошли три произведения князя: «Поучение детям», одно из писем к Олегу Святославичу и «Молитвенное обращение». Все они входят в «Лаврентьевскую летопись». Первое произведение – глубокая антитеза боярской концепции, стремящейся к власти. Но Мономах ощущал тяжесть возможных последствий междоусобиц. Правители из-за своих пустых амбиций часто становились инициаторами политических авантюр. Понимая, как далеки от идеала правителя большинство Рюриковичей, Владимир беспокоился о будущем своей страны. «А что есть мы человеки грешные?» – спрашивал он своего двоюродного брата Олега, одного из инициаторов феодальной раздробленности.

«Поучение детям» – это форма, в которой автор обращается не только к родственникам, а и к более широкой аудитории: «Дети мои или иной кто». Произведение имеет общий характер и, что знаменательно, особо важно для политиков XXI в., постоянно не желающих объединения на благо государства. А чего стоит сентенция о негодах: «всех, кто вершит зло, неизбежно настигнет расплата! Творите добро людям – вечная на все времена идея». Мономах утверждал, что, прожив долгую жизнь, не встречал праведника покинутым, призывал остерегаться вызывать гнев народа, избегать зла, делать добро. Ряд рекомендаций касательно конкретных обязанностей князя характеризует взгляды Мономаха в вопросах управления государством. Главная его мысль заключена в утверждении справедливости и милосердия. Так наш земляк за 400 лет до Макиавелли сформировал образ «идеального» государя.

На этом этапе нашей истории проявилось стремление княжеств к большей самостоятельности, меньшей зависимости от Киева, усилились центробежные тенденции. Этим пользовались князья, лишенные великим князем земель.

Так вот, в 1096 г. Святополк Изяславич и Владимир Мономах предложили Олегу Святославичу приехать в Киев для разработки соглашения о совместной борьбе против внешних врагов. Но двоюродный брат ответил категорическим отказом. Наоборот, бросил им вызов. Так началась самая большая на Руси усобица, надолго охватившая всю страну. Весной объединенные силы Киева и Переяслава двинулись на Чернигов, и Олег убежал на север. Настигнув его в Стародубе, братья взяли город в осаду. В июне Олег, осознав полную безнадежность, попросил пощады и со своим братом Давидом согласился приехать в Киев для переговоров.

Владимир Мономах попал в «Еврейскую энциклопедию», потому что он был очень умным. Просто звучит там несколько иначе: «Моня Мах Рюрикович»

Тем временем внешние враги Руси не дремали. Половецкие орды хана Боняка подошли к столице, захватили и сожгли Берестовое и Печерский монастырь, уничтожили Красный двор Всеволода и засыпали входы в Зверинецкие пещеры, погребя там пытавшихся укрыться монахов. В прекрасной книге С. Грабаря «Метаморфозы» читаю: «Нестор Летописец так описывает события, что произошли в Печерском монастыре 20.06.1096: „...пришел во второй раз Боняк, безбожный, шелудивый, в Киев... И пришли они на монастырь Печерский, когда мы были по кельям, отдыхали после заутрени, и начали кричать возле монастыря, и поставили два стяга перед монастырскими воротами. Безбожные сыны Исмаиловы вырубали ворота монастыря и бросились по кельям, вырубая

двери и вынося все, что находили. И после этого зажгли они храм святой владычицы Богородицы: пришли они до церкви и подпалили двери, которые были сделаны на юг, и другие, что на север, и ворвались в притвор возле гроба Феодосия, и забрали иконы, подпалили алтарные двери и оскорбили Бога и закон наш”».

Одновременно другая орда во главе с ханом Курей напала на Переяслав, а потом подошел Тугорхан и взял город в осаду.

Эти враждебные действия были спровоцированы Олегом, нашедшим в извечных врагах Руси помощников в своих авантюрных происках. Святослав и Владимир, в тревоге за свои владения, боевым маршем отправились на юг и отогнали половцев от Переяслава. Враги бежали в панике, и во время преследования был убит Тугорхан. Кстати, на его дочке в 1094 г. женился Святополк Изяславич. Привез в Берестовое Мономах труп Тугорхана и захоронил его неподалеку, приблизительно в районе нынешней Аллеи Славы. За этими событиями Олег Святославич отошел на второй план, хотя он все время напоминал о себе негодными действиями. Преступив клятву и целование креста, князь вместо обещанного появления в Киеве захватил Смоленск, собрал войско против братьев и пошел на Муром, где княжил сын Мономаха – Изяслав. Олег предложил ему Ростов, входивший в Переяславское княжество. Возмущенный Изяслав вступил в битву и был убит. К этому трагическому событию относится письмо Владимира Мономаха, которое вошло в «Повесть...». С горечью автор укоряет Олега за действия, приносящие беды его стране.

Воодушевленный победой, Олег (его в «Слове о полку Игореве» называют Гориславец) пошел на Суздаль, удельный город Мономаха. И тут черниговскому князю судьба улыбнулась, он взял город без боя, как вскоре и Ростов. Жестокими репрессиями навел «порядок» в захваченных городах и, рассадив в них посадников, стал собирать дань. Опьянев от успеха, он замыслил поход на Новгород – против старшего сына Мономаха – Мстислава. В этих действиях можно разглядеть вполне продуманную программу, ведь под его крылом, хоть и ненадолго, оказалась половина Руси: Черниговщина, Смоленщина, Ростово-Суздальская земля. Фактически Олег временно объединил страну. Действовал, правда, не так, как Мономах, – миром, а захватом, войной, и все это похоже на феодальный передел на Западе. Своими действиями Олег возбудил всеобщее негодование и ненависть, что и дало положенные результаты. Мстислав с дружиной пошел на зарвавшегося князя, стал с успехом теснить его. Города, которые Олег покорял без особого труда, так же легко отходили от него. Вся его территория, захваченная с многочисленными жертвами, вышла из-под контроля. И, столкнувшись вновь с опасностью стать изгоем, Олегу пришлось пойти на переговоры. Авантюрные действия черниговского князя заставили Рюриковичей собраться и стабилизировать внутривосточное положение.

Поэтому старшие князья собрались в 1097 г. на Любечский съезд. В летописи: **«Прибыли Святополк, и Владимир, и Давид Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давид Святославич, и брат его Олег и собрались в Любече, чтоб уладить мир. И говорили они один другому, утверждая: „За что мы губим Руську землю, сами против себя раздор имея? А половцы землю нашу разносят и радуются, что между нами война доньше. Вот теперь объединимся в одно сердце и побережем Руську землю. Каждый пусть держит отчину свою...”»** Главным инициатором и вдохновителем съезда (снима) был, безусловно, искренне желающий централизации власти Владимир Мономах, прибывший хорошо подготовленным и теоретически, и идеологически. Снем проходил в Любече, на Черниговской земле, и Олегу приходилось выступать в роли радушного хозяина. А вот Святополк и Давид лелеяли идеи явного раскола, так как в их интересы не входила защита единства Руси. Описываемые события происходили более 1000 лет тому, но как это похоже на наше время... Когда собственные интересы политиков превалируют над государственными! все же сообща решили: прекратить княжеские усобицы, отказаться от системы «лестничного восхождения», поскольку сыновья

наследовали отцовские владения. После смерти старшего брата престол должен перейти не к сыну его, а к младшему брату, затем к другому, и лишь после смерти всех братьев отца наступала очередь старшего сына старшего брата. Владения должны были распределяться по степени значимости и богатства. Это касалось Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств. Если князю так и не удавалось посидеть на киевском столе, его сыновья также теряли право занять «главный престол» Руси. Такая сложная система наследования соответствовала поздним этапам общинного строя. Не были определены гарантии касательно сурового выполнения соглашений, а также санкции против их нарушителей. Эффективными эти соглашения могли стать лишь с помощью оружия. Любечский съезд является важной вехой в упорядочении престолонаследия в соответствии с «отчинным принципом». Съезд не прекратил усобиц, но создал условия для дальнейшего развития княжеского феодального землевладения и для совместной борьбы против половцев. Были проведены успешные походы 1103-го, 1107-го, 1111 г., которые возглавил Владимир Мономах, а Святополк доверил ему командование войском. Вереница побед над заклятым врагом вызвала любовь народа, особенно киевлян, недовольных Святополком II, положение которого после съезда было неопределенным. Он полностью зависел от милости братьев, имеющих более богатые и обширные территории. К тому же свою власть в Киеве Святополк разделял с влиятельным и своенравным боярством. События после Любечского съезда отчетливо показали неэффективность принятых на нем соглашений.

Василько Ростиславич считался активным инициатором междоусобиц. Его подозревали в убийстве Ярополка Изяславича. Князь собирался единолично воевать с Польшей, и его присутствие в Любече считалось формальным. Поэтому вскоре возникли противоречия между Ростиславичами (Галичиной) и Давидом Игоревичем (Воынью). Кто был инициатором этого конфликта, сейчас трудно судить, скорее всего, виновны обе стороны. Подробно об этих событиях рассказывает автор – непосредственный участник событий, хорошо информированный и достаточно объективно настроенный в «Повести об ослеплении Василька». Поэтому получился первоклассный исторический документ, который необходимо изложить подробно.

Князь воыньский Давид Игоревич проявил себя настойчивым в достижении желаемого. Попытка его расправиться с Ростиславичами с помощью поляков не увенчалась успехом. Поэтому он решил добиться своего, надеясь на поддержку киевского князя. После Любеча он гостил у Святополка, где и вел с ним конфиденциальные беседы, в которых представил Василька Тербовлянского участником убийства Ярополка Изяславича, поведал о заговоре Ростиславичей с Владимиром Мономахом против великого князя киевского. Давно возникшие подозрения Святополка особенно усилились после отказа Василька остаться на его именины. А тут Давид сообщил о намерениях тербовлянского князя овладеть Туровской землей. Сомнения одолевали Святополка, но тем не менее он велел арестовать тербовлянского князя. Один из слуг предупредил Василька об опасности, однако князь отнесся несерьезно к этому сообщению и не поверил ему. По пути в Тербовлю он с небольшой охраной заехал к Святополку. Великий князь лично вышел его встретить и пригласил к столу, где уже сидел Давид. Киевский хозяин вновь стал уговаривать остаться на его именины, но Василько отказывался, повторяя, что обоз уже выдвинулся на Тербовлю. Тогда Святополк встал, извинился, сказал, что ему нужно распорядиться с прощальным обедом и оставил Василька с Давидом. Разговор не клеился. Наконец Давид нашел причину и вышел следом за Святополком. Это был условный знак для его дружинников. Василька схватили и заковали. Видя все еще сомневающегося Святополка, понимающего, что грубо и подло нарушил закон гостеприимства, Давид уговорил его отдать Василька ему.

Ослепление Василька Тербовльского. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Ночью на возу связанного князя привезли в Белгород, где и решили провести экзекуцию. Ее выполнили конюхи Святополка – Сновид Изечевич и Давида – Дмитрий. Но даже эти двое не сумели справиться с тербовлянским князем. Пришлось звать на помощь других дружинников. С трудом повалили Василька на пол. На его грудь положили доску, на которую сели оба конюха, а на вторую, для страховки, другие участники злодейства. Овчар Давида торчин Берендей намеревался сразу ударить лежащего князя в глаз, но тот дернулся и нож попал в щеку. Лишь после этого торчину удалось выколоть оба глаза. Князь от потери крови потерял сознание. Его, полуживого, в окровавленной рубахе привезли во Вздвижень, где остановились во дворе священника. Попадья с громкими причитаниями выстирала сорочку несчастного пленника. Обоз с обессиленным князем прибыл во Владимир. Весть о подломе и кровавом злодеянии быстро разнеслась по всей Руси. Владимир Мономах вместе с Олегом и Давидом Святославичами незамедлительно выступили против Святополка и выставили свои дружины напротив Киева, за Днепром.

Святополк оказался в безвыходном положении: на северной окраине столицы угрожал черниговский князь, имеющий замки в Вышгороде и на Кирилловских высотах, а с юга подошел переяславский князь, чья резиденция находилась в Выдубичах. Нарушитель крестного целования в Любече пытался свалить все на Давида, словно не из его киевского терема подло увезли несчастного. Великий князь собрался бежать из Киева, но боярство задержало его. Пришлось ехать на нем в Городке (Остре), где Владимир Мономах и черниговские князья стали решительно требовать наказания ослушника Любечского собрания. Испуганный Святополк с ними согласился и присоединил киевское войско к коалиции.

Давид струсил и попытался договориться с пленным Васильком, предлагая ему Всеволожь, Щеполь или Перемышль. Конечно, Василько отказался. Тогда Давид скрытно повел свои войска для захвата галицких городов и опять призвал половцев. Ханы Буняк и Алтунопа через Побужье напали на тербовлянские земли, попытались отрезать их от перемышлянского князя Володаря Ростиславича. Он и встретил Давида под Бужеском (Буськом) и загнал его за городские укрепления. Не имея возможности обороняться, Давид стал просить разрешения выйти из Бужеска с войском в обмен на слепого брата. Володарь согласился, но, получив искалеченного Василька, продолжал наступать на Владимир. Теперь за злодейство своего князя стали расплачиваться его подданные. Так взяли штурмом Всеволожь, сожгли, а жителей перебили. Галицкая рать обложила Владимир, требуя выдачи участвовавших в ослеплении бояр: Туряка, Лазаря и Василия. Туряк успел убежать в Киев, двух остальных без колебаний Давид выдал осаждавшим. Тербовляне повесили Лазаря и Василия на дереве и расстреляли из луков. Лишь после этого была снята осада.

Наконец и Святополк выступил в поход, опасаясь, что Ростиславичи сами

совладают с Давидом. Киевско-черниговские рати вступили на территорию Волыни. Дорогобуж сдался, а Владимир оборонялся 7 недель. И только после того как Святополк предложил своему поделнику в преступлении Червенское княжество, Давид сдался. Разделив Волынь с черниговскими князьями, Святополк внезапно напал на Ростиславичей. Но киевская рать потерпела поражение на Рожном поле. Великого князя эта неудача не остановила, он вошел в раж, так как видел Волынь и Галичину своими владениями. Во Владимире Святополк посадил своего внебрачного сына Мстислава, а в Венгрию отправил сына Ярослава, женатого на дочери Ласло I. Новый король Калман Книжник сам собрал большое войско и повел его на Перемышль.

Крутой поворот в ходе событий перетасовал все карты: вчерашние противники и смертельные враги стали союзниками. Давид Игоревич, ведя переговоры с половцами, сидел в Польше, склоняя правителя Владислава-Германа на свою сторону, а его супруга нашла приют у Володаря Ростиславича. Наконец на р. Сяне, вблизи Перемышля, сошлись два коалиционных войска. Одно возглавлял Ярослав Святополкович (его отец вернулся в Киев), имея под своим началом 100-тысячное венгерское войско. Тут летописец явно преувеличил. Стрыйковский говорит лишь о 8 тысячах, что тоже немало. У Давида воинов было значительно меньше, и он с четырьмя сотнями своих и половцами внезапно атаковал киевлян и венгров. Началась паника, которой воспользовался Володарь, совершив вылазку из Перемышля и разгромив войска Калмана. Давид незамедлительно занял Сутейск и Червен, отозвал свои войска из Берестья, Пинска и Выгошева и осадил Владимир, который оборонял Мстислав Святополкович. Последний, рассматривая противника, неосторожно вышел из-за забрала крепостной башни и был смертельно поражен стрелой. Разъяренный убийством сына Святополк послал на помощь Владимиру свежие силы во главе с тысяцким Путятою и сыном черниговского князя Давида Святославича – Святославом (Святошею). Давид Игоревич был вынужден снять осаду и в очередной раз бежать к половцам. Вскоре вернулся со степной ордой и осадил Луцк, где находился Святоша. Противоборствующие стороны так устали от кровопролития, что были согласны заключить мир, в результате которого Давид вернул себе Владимир.

Съезд князей в Витачеве. Худ. С. В. Иванов

Наступил 1100 г. В Витечеве сонм князей потребовал наказать Давида и забрать у него Волынь. Ее получил Святополк, посадив там своего сына Ярополка. Давид отошел от активной политической жизни, основал в низинах р. Горыни, у впадения реки в Припять, неприступный Давид-городок.

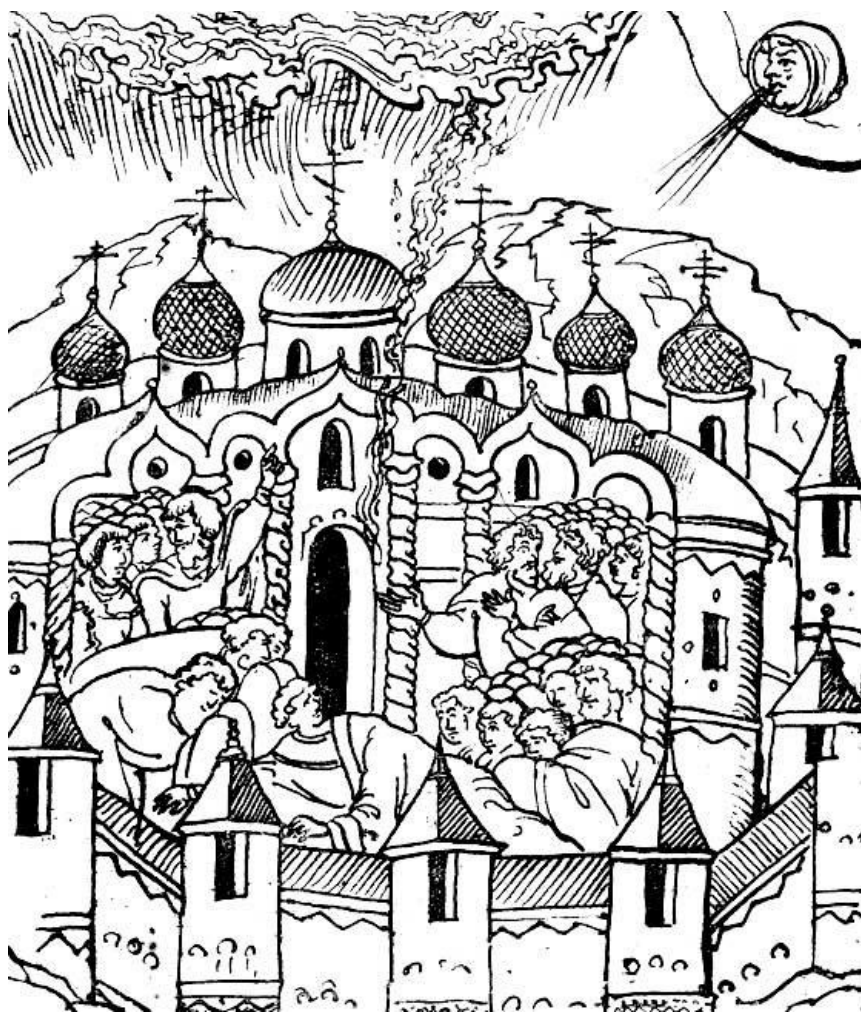
Долобский съезд князей. Встреча Владимира Мономаха со Святополком II. Худ. А. Д. Кившенко

В подробностях описав эту кровавую и жестокую трехлетнюю бессмысленную войну, хочу отметить, что она не заставила большинство князей сделать правильные выводы. Почти вся Руськая земля была обескровлена. Менее всего пострадали Киев, Чернигов и Переяслав (особенно последний, где правил Владимир Мономах, разумно не вступавший в эти конфликты). Досаждали лишь степняки. В 1103 г. состоялся съезд на Долобском озере вблизи Киева, где князья приняли решение о совместных действиях против половцев в том же году и позже. В результате трех удачных походов положение Руси значительно улучшилось. На следующий год овдовевший Святополк женился на дочке византийского василевса Алексея I Комнина Варваре. С большим приданым в Киев прибыла также одна из наиболее знаменитых святынь Православного мира – мощи Варвары Великомученицы. Этот брак существенно изменил Святополка. Он стал ревностным сторонником Слова Божьего. Помог Николе Святоше строить церковь Св. Троицы в Печерском монастыре и заложил Михайловский храм в 1108 г., ставший украшением Киева.

Великий князь Святополк II Изяславич. Худ. В. П. Верещагин

В летописи о Святополке II сказано: **«Сей великий князь был ростом высокий, сухой, волосы черные и прямые, борода долгая, зрение острое. Читателем был книг и вельми памятный. Ел мало через слабость здоровья и пил редко, и только для того, чтобы угодить другим. До войны он был охочий и хотя на когось осердився, але скоро и забыл. При этом вельми сребролюбивый был и скупой...»**. Эти тексты были отредактированы при Владимире и его сыне Мстиславе и поэтому все хорошее писцы приписали им, а негатив достался Святополку. По большому счету, он был недостоин той власти, которой обладал, как великий князь киевский. Святополк был слабохарактерным и часто становился орудием чужой воли и жертвой недоброжелателей. В 1093 г., послушав дружинников, потерпел поражение от половцев, поддался на уговоры Давида, который изувечил его гостя, а потом оказался под влиянием Владимира Мономаха и т. д и т. п. При этом корыстолюбие князя, готового ради выгоды идти на всевозможные аферы, его авантюрные операции были «у всех на языке». А восстание 1113 г. было направлено против финансовых воротил – ростовщиков. К тому же в памяти была афера с солью, когда за 3 года военных действий прервалась связь Киева с Прикарпатьем и в городе не стало этого важного продукта. В «Житие Прохора» – части «Киево-Печерского патерика» – приводится легенда о том, что Печерский монастырь стал раздавать золу, которая чудесным образом превращалась в соль, благодаря чему цена снизилась в 5 раз. Узнав об этом, Святополк распорядился отобрать у монахов золу. Но у князя она перестала быть ценным продуктом, и он приказал ее выбросить. Вновь произошло чудо – превращение золы в соль. Конечно, мотив таких изменений является клерикальной выдумкой агиографического толка, но этот эпизод отражает конфликт власти с монахами на экономической основе.

Знамение в небе. Миниатюра из «Жития князя Владимира Мономаха»

Также вызывала возмущение связь Святополка с ростовщиками. В Киеве был квартал, заселенный ростовщиками-евреями. Но как-то менее известно то, что давали деньги «в рост» и некоторые монастыри. Естественно, конкуренты вызывали у духовенства неприкрытую ненависть, а тем более иноверцы. И хотя в «Повести...» Нестором благоразумно убраны наиболее неприятные детали о Святополке, но все же понятны причины столь мощного восстания в Киеве. Из-за многочисленных редакций трудно сказать что-то конкретно о начале восстания. «Повесть...» ограничивается одной фразой: **«Кияне же разграбиша двор Путятин, тысяцкого, идоша на жиды, разграбиша я»**. И все! Некоторые исследователи считают, что это было не восстание, а еврейский погром. Правда, ниже, в обращении к Владимиру Мономаху **«Поиди, княже, Киеву»**, есть предостережение, что может быть **«много зла»**, и получается, что взрывом киевлян против инородцев стал отказ Мономаха от киевского престола. Явно тут прослеживаются поздние редакции в угоду князю Владимиру и его сыну Мстиславу, который сам принимал участие в летописании.

М. Брайчевский предполагает, что поборы, взимаемые Святополком и его сыном Мстиславом, вызвали неудовольствие киевлян. Первые признаки политической грозы появились 19.03.1113. Полное затмение солнца в этот день воспринималось как грозное знамение. В последующие дни в Киеве обстановка так обострилась, что Святополк покинул столицу, а через месяц умер. Когда тело князя привезли в Киев, возмущение народа княгиня смогла уменьшить лишь благодаря щедрым

пожертвованиям. Похоронили Святополка в им же основанном Михайловском монастыре. Ситуация требовала немедленно решить вопрос о престолонаследии. Наиболее реальным претендентом на великокняжеский престол был Владимир Мономах. До этого он 16 лет был Черниговским, а два десятилетия Переяславским князем, прославился как удачливый полководец и мудрый политик. Но киевляне пригласили его не сразу, а через 10 дней. Можно предположить, что князя они выбирали на вече. И он отказался, как говорит летопись, *«жалея си по брате»*. Но это не так. Владимир Мономах был убежденным сторонником договоренностей Любечского съезда - строгого порядка в престолонаследовании. Кроме того, князь не захотел принимать власть в такой напряженной обстановке от простого люда. Он прекрасно понимал, что восставшие скоро успокоятся и его время придет. И когда волнения в Киеве достигли апогея после погрома усадьбы Путяты, то уже не народ, а перепуганная знать обратилась к князю. На этот раз Мономах направился в Киев, где его торжественно встречали горожане во главе с митрополитом Никифором.

Въезд Владимира Мономаха в Киев. Миниатюра из «Жития князя Владимира Мономаха»

Приведу описание Владимира-Василия Всеволодовича Мономаха: *«...был красив лицом, глаза у него были большие, волосы рыжие и курчавые, лоб высокий, борода широкая. Ростом был не очень высокий, но крепкий телом и очень сильный»*. На склоне лет Мономах пишет: *«Когда я жил в Чернигове, я своим руками стреножил в лесных чащах десятка три диких коней,*

да еще приходилось ездить по степи, где так же собственноручно ловил их. Два раза туры поднимали меня вместе с конем на рога, олень бил меня рогами, лось ногами топтал, а другой колот, дикий вепрь сорвал у меня с пояса меч, медведь укусил колено, а рысь вскочила на меня, свалила вместе с конем...» Словно в подтверждение правдивости этих воспоминаний в 1821 г. в лесах под Черниговом был найден тяжелый и дорогой змеевик, потерянный князем во время охотничьих приключений или стремительной скачки в Киев. «А с Чернигова я сотни раз скакал к отцу в Киев за один день до вечера», – писал князь.

Он в 1070 г. женился на Гиде, дочке последнего англо-саксонского короля Гаральда II, погибшего 14.10.1066 в битве с норманнами при Гастингсе. Гида была вывезена родичами в Данию, где жила при дворе короля Свена Эстридсена и оттуда попала на Русь. Она умерла 7.05.1107 в Смоленске. Тогда Мономах женился на дочке половецкого хана Аепы. Некоторые, в частности М. Баумгартен, считали ее матерью Юрия Долгорукого.

Киевское восстание 1113 г. продемонстрировало, что на Руси уже проявились буржуазные элементы, такие же, как и в Западной Европе, и что страна уже многоукладная, с проявлением новых социальных отношений. Мономах устраивал большую часть бояр, так как его политика отличалась взвешенностью и правильным распределением приоритетов. По отношению к смердам и мелким торговцам князь пошел на определенные уступки, что отразилось в его Уставе. Так, был ограничен процент за заем, дана возможность превращения раба в свободного человека, восстановлена централизованная монархия, прекращены усобицы, созданы условия для социально-экономического развития. В важных городах правили дети Мономаха. После ряда поражений половцы отошли от границ государства далеко на юг. Его, несмотря на семидесятилетний возраст, энергичная деятельность, направленная на улучшение жизни населения, вызвала всеобщую симпатию. Недаром народ воспел в былинном образе Владимира Красного Солнышка две исторические персоны, двух Владимиров – Крестителя и Мономаха. Я уже не говорю о том, что и сегодня половина киевлян и 90 % приезжих уверены, что на киевских высотах стоит памятник Владимиру... Мономаху.

В 1115 г. произошло торжественное (третье) перенесение мощей Бориса и Глеба в новый каменный храм-мавзолей, сооруженный в Вышгороде по инициативе черниговского князя Олега Святославича. Со всей Руси приехали князья Владимир Мономах, Олег и Давид Святославичи Черниговские; церковные иерархи митрополит Никифор, епископы Феоктист Черниговский, Лазарь Переяславский, Мина Полоцкий, Никита Белгородский, Данил Юрьевский; игумены Прохор Печерский, Сильвестр Выдубицкий, Савва Берестовский, Григорий Андреевский, Феофил Дмитриевский, Петр Кловский и др. Во время обряда никак не могли решить – куда поставить раку с останками святых. Черниговские князья настаивали, что место ее в специальной нише в правом алтаре, Мономах – что в центре главного придела, пообещав при этом соорудить над ней роскошную серебряную сень. Пришлось бросить жребий. Таким образом, было принято решение в пользу черниговцев.

Этот представительный съезд в Вышгороде был использован для утверждения нового юридического акта – «Устава Владимира Мономаха», который дополнил «Руську правду». Для утверждения этого документа пришлось переехать в с. Берестовое, что возле Печерского монастыря. Там приняли участие только представители гражданской администрации: великий князь, киевский тысяцкий Ратибор, белгородский тысяцкий Прокопий, переяславский тысяцкий Станислав, киевские бояре Нажир, Мирослав и Иванко Чудинович. Это была социальная реформа, которую давно ждали. В документе ограничивали проценты у ростовщиков и значительно уменьшали спекулятивные надбавки на продукты.

Венчание Владимира Мономаха.

Венчание Владимира Мономаха на Киевский престол. Миниатюра из «Жития князя Владимира Мономаха»

Во время правления Владимира Мономаха усилились попытки Новгорода, территориально далекого от Киева, вести свою независимую политику. Свободолюбивые новгородцы считали, что это князь должен им служить и защищать их интересы, а не наоборот. Выдающийся археолог В. Янин на основе внимательного изучения найденных в Новгороде вислых печатей пришел к выводу, что в период с 1117-го по 1136 г. в городе утвердилось своеобразное «двоевластие» - князя и посадника. Понимая это, в 1118 г. Мономах вызвал представителей новгородской элиты в Киев и вынудил их присягнуть на верность. Отказавшихся заключили «в погреб», среди них был знаменитый боярин-предприниматель Ставр Гордятинич, которому посвящена одна из киевских былин.

Специальное внимание заслуживают действия Владимира Мономаха по подъему духовности народа, к которым он приступил сразу после прихода к власти. Незаурядный публицист, он понимал значение красного слова, влияние его на

общественное мнение. В начале XII в. Киев становится выдающимся центром культуры с опытными и хорошо подготовленными представителями творческой интеллигенции. И это не только литераторы, но и художники Алимпий и Григорий, врач Агапит и др. Не отстают от столицы Новгород, Чернигов и, благодаря Владимиру Мономаху и епископу Ефрему, Переяслав. Этот город застраивается новыми роскошными сооружениями; тут также ведется летописание... Во время правления Владимира Мономаха появилась целая плеяда писателей, очень разных по способностям и взглядам на жизнь, часто противоположных мнению князя. Среди них митрополит Никифор, грек по происхождению, писавший на старорусском; выдающийся паломник Даниил, переяславский епископ Лазарь, выдубицкий игумен Сильвестр и другие. Последние упомянутые считали необходимым всячески восхвалять князя, благодаря чему автор «Сказания о чудесах Бориса и Глеба» Лазарь за короткое время из пресвитера стал епископом.

Но остановимся особо на «Повести временных лет» и ее авторе преподобном Несторе-летописце – уникальной фигуре отечественной культуры. Биографические данные весьма скудны. Известно, что родился он в 1056 г., семнадцатилетним принят Феодосием в Печерский монастырь, где получил серьезное образование. Пострижен был новым игуменом Стефаном, уже после смерти Феодосия. В этой прославленной обители Нестор до кончины в 1114 г. провел всю жизнь. Знал много языков, а греческим владел в совершенстве, поэтому бытует мнение, что свое «Чтение о житии и погублении Бориса и Глеба» Нестор написал по-гречески для византийских теологов, а потом перевел на старорусский.

Печерский монастырь был оплотом той части духовенства, которое отстаивало идею независимости Русьской церкви от Византии и поэтому поддерживалось великими князьями. Именно эта обитель стала колыбелью патриотической идеологии, направленной на обоснование необходимости самостоятельного развития древнерусского общества. Эту традицию Илларионова «Слова о законе и благодати» воспринял и Нестор. Большое значение имели и его личные связи с выдающимися политиками того времени, в частности с домом Вышаты, особенно с его деятельным сыном Яном Вышатичем. Кроме указанного произведения перу Нестора принадлежат «Житие Феодосия Печерского», «О еже что ради прозвался Печерский монастырь», «О принесении мощей св. Феодосия» и, необычайный по важности, список «Повесть временных лет», дошедший до нас в переработанном виде. Перечислено лишь то, что дошло до наших дней.

Среди хронистов прошлого автор «Повести...» – необычайное и уникальное явление. Летописец, настоящий историк, впервые в отечественной историографии применил критику источников. Например, повествуя о том, что Кий был перевозчиком, он не соглашается и дает оценку изложенного другими. И так повсеместно! Критично перебирает версии и останавливается на наиболее вероятной. В «Летописи Аскольда» Нестор удалил ряд очевидных противоречий, написанных книжниками Ярослава Владимировича. Но главное – Нестора волновала современность, давние события для него были своеобразным способом оценки текущих коллизий, связанных с феодальным раздроблением и междоусобицей. Уже тогда Нестор показал, что самое главное – это государство, единственная естественная организация, делающая страну цивилизованной. Сын своей эпохи не представлял его иначе, как феодально-монархическим.

К Владимиру Мономаху «Повесть...» попала уже почти готовой. Ему импонировала эта летопись, так как изложение совпадало с его собственными взглядами. Но исторические акценты произведения печерского инока не совсем устраивали князя, принявшего решение кое-что исправить. Мономах вначале поручил корректирование текста выдубицкому игумену Сильвестру. Важно было не только приуменьшить заслуги его предшественника Святополка. Была поставлена задача больше утвердить исторические права дома Рюриковичей на верховную власть в стране. У Нестора Олег и Игорь – первые Рюриковичи. Показана их истинная роль узурпаторов, захвативших престол ценой убийства законного правителя. Это служило плохим примером и могло привести к потере авторитета правящего князя. Естественно, такой подход не устраивал Владимира Мономаха, поэтому и

был озадачен Сильвестр, которому не хватило способностей для надлежащего выполнения княжеского заказа. Он даже не закончил работу, прервав ее в 1110 г., после чего рукопись у него была отобрана. Но произведения своего патрона Сильвестр постарался вставить в «Повесть...». Это была не совсем корректная интерполяция, которую удалили в третьей редакции произведения. Текст сохранился только в Лаврентьевском списке. Автором третьей редакции, выполненной в 1118–1119 гг., был сын Владимира, новгородский князь Мстислав. Трудно сказать, выполнял ли он ее сам, скорее, кто-то писал под его наблюдением. И как точно заметил Б. Рыбаков, редакторская работа Мстислава Владимировича велась *«очень быстро и скоро, часто неаккуратно и почти всегда бесцеремонно»*. И особенно много исправлений и переработок в первой части летописи. Наиболее существенные поправки, а скорее, авторство князя Мстислава касались наивно-норманнской концепции, которая в XVIII—XIX вв. натворила столько путаницы в отечественной историографии. Третья редакция превратила всю Русь в норманнов. Мстислав был активным и горячим скандинавофилом, недаром исландские саги называют его норманнским именем – Харальд. Именно благодаря его версии Аскольд и Дир не просто «бояре Рюрика», но и норманны. Походы на Константинополь приписывались исключительно Олегу. А так как третья редакция осуществлялась во время новгородского княжения Мстислава, то роль этого города излишне преувеличена. Часто противопоставляется Новгород Киеву. Как ни странно, но это происходило тогда, когда в Киеве правил его отец, умерший 19.05.1125.

По-старославянски – «лето» – это годы. Получается «летописец» – это когда годы закончились!

Правление Мстислава Владимировича и конец относительной стабильности. Политическая раздробленность Киевской Руси и ее причины

Последним киевским князем, которому удавалось сохранять единство государства, был старший сын Владимира Мстислав-Харальд-Федор Великий, последовательный исполнитель воли отца, изложенной в «Поучении Владимира Мономаха». О периоде княжения Мстислава акад. П. Толочко писал: *«Существование относительно единой Киевской державы охватывает период с IX по 30-е годы XII в. Политическая форма – раннефеодальная монархия с элементами федерализма»*. Но мне ближе характеристика М. Брайчевского: *«Можно утверждать, что Русь не приняла завершеного монархического строя и в протяжении всей своей истории тяготела к республиканским формам правления»*.

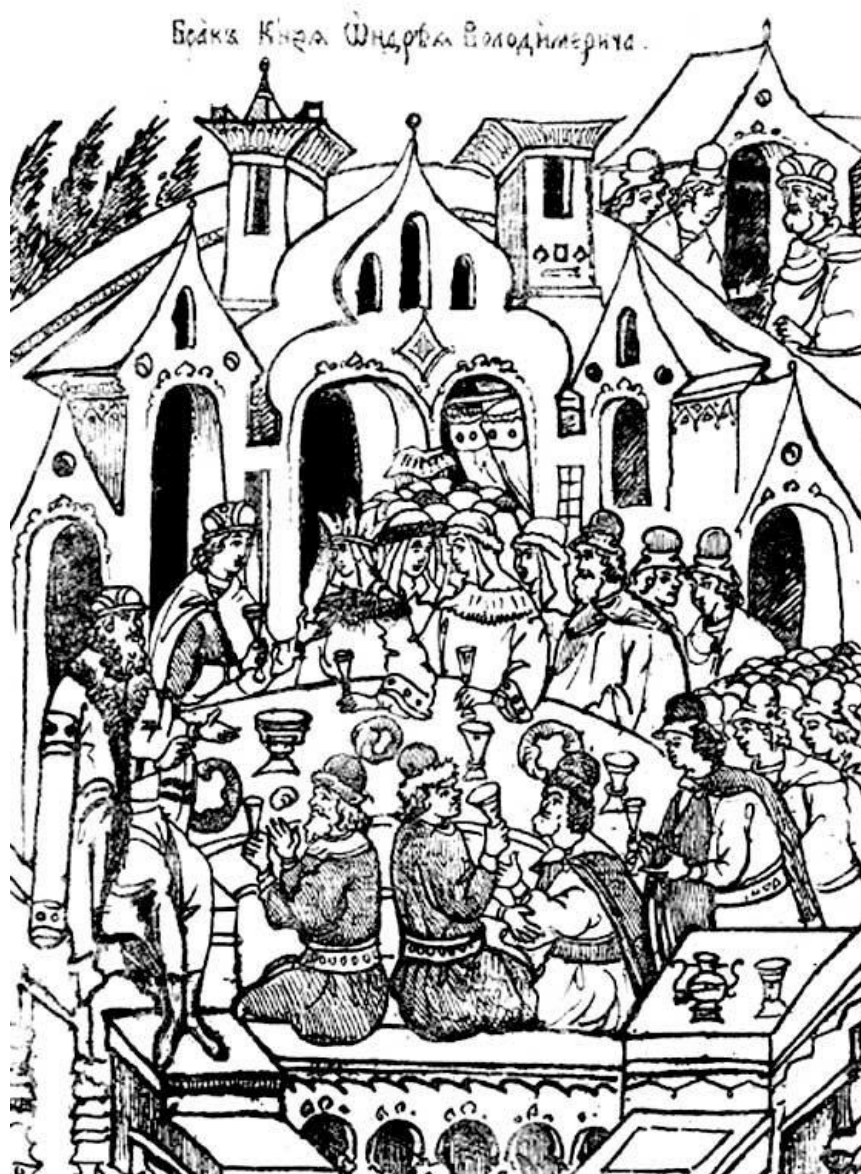
Все же Киевская Русь была монархией во главе с князем. С утверждением династии Рюриковичей Древняя Русь рассматривается как родовое владение этой династии, старший представитель которой правил в Киеве. Старшая дружина – ближайшее окружение князя – исполняла роль центрального аппарата. Она формировалась из служивой верхушки, переходящей за князем из удела в удел, и местной родовой аристократии. Со временем, при утверждении князя в провинциях и формировании местных династий, обе группы «лучших мужей» сливаются. Старшая дружина (совет бояр) исполняла функции совещательного органа власти, складывалась из наивысших чиновников (воевод, тысяцких, посадников и др.). Младшая дружина – это отряд профессиональных воинов на содержании князя, ближайшие его слуги. Нам хорошо известно вече, истоки которого уходят в собрания племени, а с ослаблением централизованной державы активизируются. Это отражают события в Киеве. Вече чаще всего собиралось перед храмами, особенно на площади у Софии. Тут мнения ученых расходятся. Одни считают вече демократическим органом власти, где принимал участие и городской плебс, а другие уверяют, что летописи так называют собрание лишь «лучших мужей».

Не буду утомлять читателя излишними подробностями экономической и хозяйственной жизни Киева. Несмотря на прошедшие 1000 лет, цепочка деньги-товар-услуги-деньги по вине некоторых бездарных руководителей ничуть не изменилась. По данным летописей, на Руси в IX – X вв. было более 20 городов, а в XIII в. более 300 «городов», однако лишь третья часть из них были настоящими укрепленными поселениями с торговым и ремесленным населением, другие просто крепостцы. По подсчетам акад. П. Толочко, население Киева могло достигать 50 тыс., Чернигова, Галича – 25, Переяслава – 12.

Семилетие правления Мстислава было спокойным. Конфликты были, но они носили локальный характер. В 1128 г. в Тмутаракани, которая продолжала сохранять функцию пристанища обиженных князей-изгоев, выступил энергичный и беспринципный князь Всеволод Ольгович, действия которого всегда негативно влияли на судьбы государства и привели к его расколу. Он изгнал из Чернигова своего дядьку Ярослава Святославича и занял его стол. Изгнанник обратился за помощью к великому киевскому князю. Тот пообещал помочь и целовал при этом крест. Но мирным путем конфликт не удалось уладить. На помощь к Всеволоду пришли половцы. Мстислав, взяв в осаду Чернигов, помешал кочевникам объединиться с узурпатором. Но от штурма города князя удержали бояре и игумен Андреевского монастыря Григорий, к мнению которого Мстислав прислушивался и решил, что лучше нарушить крестное целование, чем лишиться раз проливать христианскую кровь. Всеволод остался править в Чернигове, а Ярослав вскоре умер. Так само собой все и образумилось. Мстислав, как и его отец, призвал общегосударственные интересы главным критерием при решении конфликтных ситуаций. И хоть до конца жизни Мстислав жалел о нарушенном обещании, но поступил он с позиции «государство превыше всего». Умер Мстислав 15.04.1132 и похоронен в монастыре своего патрона св. Федора. В 1988 г. мой приятель, Виктор Харламов, во время археологических раскопок этого монастыря нашел останки

князя.

После смерти Мстислава Великого киевский стол занял не сын умершего, а его брат Ярополк Владимирович. Летопись отзывалась о нем как о добром князе и отважном полководце. Но он не смог разобраться с рядом противоречий, возникших сразу после наследования престола. В 1116 г. он женился на дочери яского (аланского) князя Елене. Произошло это после того, как орде Шарукана был нанесен сокрушительный удар. Его сын Отрок принял предложение грузинского царя Давида Строителя, и 45 тыс. половцев пересекли границы Алании, переселились в Грузию. Скрепленный браком с Еленой союз Киева и Алании, заинтересованных в уменьшении количества половцев в Придоньи, помог уйти орде Отрока. Но, несмотря на счастливый брак Ярополка и Елены, детей у них не было. Так что после смерти князя опять бы встал вопрос о престолонаследии.

Брак князя Мстислава I (Федора) Владимировича. Миниатюра из «Жития князя Владимира Мономаха»

Став князем в Киеве, Ярополк отдал Переяслав своему племяннику Всеволоду Мстиславичу, что было вполне закономерно. Но после того как Мономах перешел в Киев, не считаясь со «старшинством» черниговских князей и нарушив принцип вотчины, на Переяслав стали смотреть как на последнюю ступень к великокняжескому престолу. Вот почему другие Мономаховичи, в первую очередь беспринципный и честолюбивый Юрий, сидевший в Ростове, увидели в этом угрозу своим далеко идущим ожиданиям верховной власти. Поэтому не успел Всеволод прибыть в Переяслав, как был изгнан оттуда ростовским князем. Этого не мог допустить великий князь Ярополк. Он тут же изгоняет Юрия из Переяслава, а ставит туда Изяслава Мстиславича, о котором подробный разговор пойдет в дальнейшем. Но и этот долго не задержался, уступив место Вячеславу Владимировичу.

Внутренняя борьба за мелкие уделы между буйными наследниками Мономаха в миниатюре отражала общую обстановку на Руси. Основные причины политической раздробленности Руси – феодальное землевладение, большие размеры государства, этническая неоднородность. Князья и бояре, имея в своем распоряжении земли, крепости, дружины, не желали полной зависимости от Киева. Важным институтом управления государством становятся съезды князей (снемы), совместно решающие важнейшие вопросы. Устанавливается «коллективный сюзеренитет» наиболее влиятельных князей. Каждый имеет тот или иной удел (часть) в Киевской Руси, в котором является полным хозяином и несет строгие обязательства по его защите. Самый влиятельный из них становится киевским князем. Приведу одно послание из летописи черниговского князя к киевскому: **«Я не угрин и не лях, а мы одного деда внуки; сколько тебе до ней (Киевской земли), столько и мне»**. Так древнерусская монархия преобразовалась в федерацию княжеств с номинальным старшинством киевского князя.

Великий князь Изяслав выслушивает претензии Вячеслава. Худ. Б. А. Чориков

Параллельно с упадком политического значения Киева и его правителей возрастала самостоятельность некоторых земель. Центры этих княжеств быстро развивались и притягивали к себе политические, экономические, культурные силы, которые раньше почти полностью концентрировались лишь в стольном граде. Киев, перестав быть реальным политическим центром, стал на одном уровне с другими. Киевский князь, хоть уже и не был сильнейшим среди других, все-таки считался первым среди них, *primus inter pares*, а некоторые киевские владыки действительно умели себя поставить в положение патриархов Руськой земли – пускай с моральным, если не с фактическим преимуществом. Киев оставался своеобразным притягательным символом.

В первые десятилетия XII в. Киевская Русь вступила в эпоху феодальной раздробленности. Эволюция феодализма привела к выравниванию социально-экономического развития в центре государства и в отдельных его частях. Князьям и боярам этих земель было невозможно считать себя зависимыми от Киева. Организованное первыми киевскими правителями объединение земель начало распадаться. Аналогичная судьба ожидала другие средневековые империи Европы, в частности государство Карла Великого. Этим громадным, хоть и примитивным, политическим образованием банально не хватало соответственно технических средств и организационных структур, чтобы удерживать обширные территории в течение длительного времени.

На упадок государства оказали влияние также экономические отношения. Со времен крестовых походов восточные устремления направлялись через Средиземное море и Италию, а Русь оказалась в стороне от всемирных военно-экономических событий. Морская торговля Европы с Востоком привела к упадку главный центр страны – Киевщину и отразилась на всем государственном организме. До середины XII в. на территории Руси сформировалось около 15 больших княжеств, каждое из которых жило, по сути, самостоятельной политической жизнью, лишь номинально признавая старшинство великого киевского князя. Парадокс: чем большей самостоятельности достигали удельные княжества, тем громче пропагандировалась идея «общеродового владения», объединения и братства всех князей. Благодаря этому «феодалная раздробленность» не воспринималась людьми тех времен как окончательный распад державы Владимира и Ярослава. Русь в представлении книжников и их учеников – политмужей-князей – и далее воспринималась как коллективное наследство единого рода, ощущавшее себя «одного деда внуками».

Таким образом, выделилось Киевское княжество, в которое входило Правобережье Днепра, территория бывших союзов племен полян и древлян, верхнее течение Южного Буга. Это была зона развитого земледелия. Главным центром ремесла и торговли был Киев с населением 50 тыс., среди других развитых городов – Овруч, Вышгород, Белгород. Через княжество проходили важные торговые пути с Ближним Востоком, Западной Европой, Балтикой, Черноморьем, другими русскими княжествами. Летопись: **«И кто ж не полюбит Киевского княжения, так как вся честь, и слава, и величие, и глава всем землям Руським Киев»**. Но при этом ни одному колену Рюриковичей не удалось превратить Киев в свою постоянную вотчину.

Борьба за Киев вступила в новую фазу, когда в киево-перемышльские дела вмешались Ольговичи. В 1135 г. Ярополк вместе с братьями Юрием и Андреем двинулись из Левобережья. Непродолжительное время осаждали Чернигов, затем, сняв осаду, ни с чем вернулись домой. Тем временем на помощь Всеволоду Ольговичу подошли половцы в сопровождении обиженного Изяслава Мстиславича. Вместе они пошли на Переяславщину, опустошая главную вотчину Мономаховичей. Этот серьезный удар ознаменовал начало долгой и яростной борьбы за Киев между двумя главными ветвями рода Рюриковичей – Мономаховичами и Ольговичами. Последние постоянно брали в союзники половцев

и вторгались в Переяславское княжество, что привело к постепенному упадку этой земли.

Особый накал борьбы за власть произошел после вступления в схватку младших Мономаховичей – Юрия Ростовского и Андрея Волынского. Им не по душе была бесхарактерность и глупость старшего брата Вячеслава Туровского. Братья, по словам летописца, сказали: **«Брат Ярополк хочет по смерти своей дать Киев Всеволоду, племяннику своему»**, – и поспешили предупредить действия Всеволода, которого Юрий выгнал из Переяслава.

После ряда «перетасовок» владений князья вышли на новый этап противостояния, в которое активно включился и Юрий. Ярополк тщетно надеялся примирить враждующих, уступил ему Переяслав с тем, чтобы Юрий отдал ему прежнюю волость. Юрий согласился передать Ростовское владение, но, не доверяя властолюбивым родственникам, на севере оставил для себя убежище. Тем не менее борьба между дядьями и племянниками разгорелась еще сильнее. Дважды лишенный своих владений, Изяслав, решил не дожидаться никаких новых сделок и уговорил брата Всеволода идти войной на область Юрия. Тогда-то Святославичи увидели, что пришла их пора: они заключили союз с недовольными Мстиславичами, послали за половцами и начали вооружаться против Мономаховичей. «Вы первые начали нас губить», – утверждали Святославичи. Ярополк вместе с братьями – Юрием и Андреем – выступил против Всеволода Ольговича, они переправились через Днепр, заняли несколько сел около Чернигова. Ярополк, постояв там несколько дней, решил, что он этим напугал противника, вернулся в Киев и распустил войско. Это было совершенно напрасно – события стали развиваться по-другому: Всеволод вместе с Мстиславичами и половцами вошел в Переяславскую землю, стал захватывать села и города, убивать людей, сжег Городец (так назывался тогда Остер). Половцы, с присущим им воодушевлением, опустошили все на левом берегу Днепра, пленив и перебив много жителей, угнали множество скота. Днепр был покрыт плавучими льдинами, люди не смогли переправиться и спастись в Киеве, а Ярополк не сумел прийти переяславцам на помощь. Три дня провело войско Всеволода в бору за Городцом, а потом вернулось в Чернигов. Всеволод со своими союзниками стал требовать, чтобы Ярополк вернул им то, что **«их отец держал при его отце»**, иначе **«на вас будет кровь»** (имелся в виду возврат прежнего землевладения). В ответ Ярополк собрал войско киевское, а Юрий – переяславское, и 50 дней они стояли под Киевом, пока не помирились с Всеволодом и не отдали Переяслав младшему брату своему, Андрею Владимировичу.

Юрий Ростовский, увидев, как спорны «руськи столы» и как неблагоприятна Переяславская земля, непрерывно подвергающаяся набегам Ольговичей и половцев, передумал менять ее на свой северный спокойный удел. К тому же сложившееся положение его устраивало. Время показало, что Юрий был прав. Еще долго не утихали страсти по Андрею Переяславскому, его брату, которого так хотели изгнать с его земли Ольговичи.

Необходимая вставка автора о современности. Понимаю, что читатель уже устал, разбираясь, кто на что имел право и кому далее править Руськой землей. Но стойте, а в нынешних коалициях и перестановке власти вы разобрались? Так что вы хотите от князей XII в.? Так что продолжаю, а дотошный читатель может нарисовать эти события схематически, на бумаге. Это будет напоминать игру в «монополию», и, может быть, это поможет хоть что-то понять и в современных событиях, и в тех, что происходили за 1000 лет до нас. А, возможно, и пропустить 10 страниц путаных страстей и бессмысленных кровопролитий!

Трения между Киевом и северным Новым городом начались еще при новгородском архиепископе Иване Попьяне, заложившем много величественных храмов. Он по каким-то причинам, скорее из-за постоянного проявления непокорства, не устраивал киевского митрополита Михаила Грека, который в 1130 г. назначил энергичного и делового епископа Нифонта. Позиция этого предстоятеля надолго оставалась лояльной к митрополии. Эти события предварили так называемую

Новгородскую революцию 1136 г., сильно повлиявшую на стабильность власти и в Киеве.

Этот ремесленно-торговый центр был одним из самых больших в Европе. Социальные возможности киевских ростовщиков продемонстрировали события 1113 г., в результате которых были созданы их объединения. Городское население объединялось по территориальному принципу (кварталы, улицы, яры...), каждое братство (объединение) имело свой патрональный храм.

Закладка церкви Богородицы Пирогощи. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

В Киеве главным ремесленно-торговым районом считался Подол. Тут в описанное время строится церковь Пирогощи Богородицы, которая позже становится главным храмом этой важной части города. Строительство началось в 1131 г. и завершилось через 5 лет. Ипатьевская летопись под 1130 г. упоминает закладку Мстиславом (Федором) Федоровской церкви: **«Заложу Мстислав церковь каменную святого Федора»**, а под 1132 г. – закладку церкви, не называя имени фундатора: **«заложена бысть церкви камяна святая Богородица, рекома Пирогоща»**. В литературе давно утвердилось мнение, обоснованное И. Малышевским, что соорудили храм подольские патриции, которым она служила не только культовым сооружением, но и своеобразным светским местом для их собраний. В ней хранились эталоны мер и весов, за пользование которыми с приезжих взимали налог в пользу корпорации. Это право действовало на протяжении нескольких веков, о чем свидетельствуют универсалы гетманов И. Многогрешного 1670 г. и И. Самойловича от 1672 г. Здесь находились корпоративная казна и архив, тут проходили собрания членов объединения, рассматривались конфликты и судебные дела. Во время волнений возле церкви стихийно собиралось народное вече. Само название «Пирогоща» от славянских слов «пиро» – «хлеб» и «гость» – «купец» красноречиво: построенная на главном киевском рынке, который назывался Житним, она стала называться Житнеторжской. Но есть и другая версия: название связывают с иконой Пирогощи (Пирготессой), от греческого слова «пиргос» – «башня», то есть башенная. Мне кажется, это объяснение звучит надуманно. Зачем простому люду коверкать язык чужими словами, тем более называть так свой самый главный и любимый храм. Более вероятно предположение известного лингвиста А. Соболевского, что название иконы (если такая вообще была) связано с именем человека, привезшего ее в Киев, – купца Пирогоста. Подобное имя торгового человека присутствует в «Степенной книге».

Помимо Пирогощи в Нижнем городе существовало несколько менее значительных патрональных церквей. Они были деревянными и сведения о них до наших дней не

дошли, а каменных было несколько. Археологи зафиксировали фундаменты церквей: Михайловской (Новгородской божницы) и Борисоглебской (Туровой божницы) – они упоминаются в летописях. Первая была собственным храмом братства новгородских купцов, постоянно живущих в Киеве и имевших на Подоле свой двор. Вторая, очевидно, принадлежала одной из ремесленных или торговых корпораций. Нужно добавить найденный недавно на пересечении Юрковской и Фрунзе Николаевский храм. На раскопанном фундаменте XII в. построена деревянная часовенка.

Крупным ремесленным местом был также Копырев конец. Современные исследователи отождествляют эту местность с правым склоном Глубочицкой долины на отрезке от Жидовских до Подольских ворот. И здесь церкви были корпоративными, согласно последним данным, их было четыре. Две атрибутируются с большой долей вероятности по письменным источникам. Первый храм был выявлен на углу улиц Кияновской и Смирнова-Ласточкина. Второй был раскопан в 1947 г. неподалеку от первого. Находился на территории киевской Академии художеств. Он датируется XI в. и, скорее всего, принадлежал монастырю Св. Симеона, известного из летописи. Третья церковь, расположенная немного ниже, была исследована П. Лошкаревым в 1878 г. и М. Каргером в 1947 г. Этот типичный храм XII в. с высокой степенью вероятности отождествляется с церковью Св. Иоанна, о закладке которой в 1121 г. сообщает летопись. И наконец, четвертый – в Нестеровском переулке. По особенностям кладки датируется концом XII в. Из перечисленных три, очевидно, принадлежали ремесленным цехам. Сомнения вызывает возраст Симеоновской церкви. По тому, что она шестистолпная в плане, можно утверждать – сооружение было построено раньше. Известно, что Симеоновский монастырь был основан Святославом Ярославичем во время его трехлетнего пребывания на княжеском столе после 1073 г., а фундатором церкви был Олег Святославич. Но позднее функции родового монастыря Ольговичей перешли к обители на Кирилловских высотах. А после трагических событий 1147 г. церковь, возможно, принадлежала ремесленному патрициату Копырева конца.

Князь Юрий Долгорукий и борьба за Киев

Ни один правитель Киевской Руси не удостоился столь широкой известности. Но вынужден констатировать: не за христианские добродетели и свершения, не за труды по укреплению своего государства, не за ратные подвиги. Стоит этому князю в столице соседнего государства памятник, и никакой другой князь не был изображен на медали, которую шестьдесят лет назад вешали на грудь всем и каждому.

Писать о человеке-памятнике – неблагодарная затея, но справедливости ради ограничимся протокольными сведениями, почерпнутыми лишь из трудов летописцев и признанных историков.

Родился младший сын Владимира Всеволодовича Мономаха приблизительно в 1090-х годах. После смерти отца в 1125 г. кроме него оставалось еще четверо братьев: Мстислав, занявший Киевский стол, Ярополк, князь Переяславский, Вячеслав, княживший вначале в Смоленске, а потом в Турове, Андрей во Владимире на Волыни. О Георгии (Юрии), давно княжившем в Ростове, Мономах в одном из писем говорит: *«Да то ти съдит сын твой хрестъний (Мстислав) с малымъ братом своим (Юрием)»*.

Юрий настолько отчаянно, непрерывно боролся за великокняжеский престол, что и получил прозвище Долгорукий. Имя нарицательное и не связанное с физиологическими особенностями, а данное за личную способность – загребать, о чем образно говорит пословица: «С длинными руками под монастырь». На Украине еще образнее: «Очі – завидуші, руки – загребуші». В дальнейшем в книге я больше останавливаюсь на борьбе за власть. Но даже на этом фоне Юрий выделялся. Вот, вполне справедливо, и получил соответствующее прозвище.

С середины XII в. почти столетие происходила непрерывная сутолока (колотнеча) за Киев, и отсюда понятно, что столичный стол становится искушением для власть имущих. Но не за небольшую территорию Киевского княжества шла борьба, а за саму столицу. Следовательно, Киев в сознании современников был чем-то бóльшим, чем простой удел. Таким образом, и это не подлежит сомнению, он сохранял за собой значение общерусьского политического центра. Только тогда можно разобраться в этом калейдоскопе событий и станут понятны стремления Юрия Долгорукого и его сына Андрея Боголюбского, о чем пойдет разговор дальше.

Князь Юрий Владимирович Долгорукий. Худ. В. П. Верещагин

В то же время наметилась тенденция создания независимых от Киева государственных объединений, что особенно заметно в Полоцке, Суздале и, на другой социальной основе, в Новгороде. Но неоднократные попытки показать прошлое Руси XII—XIII вв. как сумму «историй» отдельных земель или княжеств – ошибочны. Отечественная история этого периода – единый и непрерывный процесс. В это время активизируется городская жизнь. Развиваются ремесленные объединения, интенсивнее растет купечество. Патрициат, в первую очередь торговый и финансовый, начинает играть все более заметную роль в общественной жизни страны. Он создает свою специфическую организацию, которая способствует консолидации сил для защиты своих профессиональных и классовых интересов, все активнее, и не без успеха, вмешивается в политические события, часто решая их в свою пользу. Другой важной силой, прежде всего в Киеве, выступило боярство. Борьба княжеской власти с оппозицией стала особенно характерной для описываемого периода. Часто судьба и даже жизнь зависели от бояр, так Андрей Боголюбский погиб от их рук, а Ярослав Осмомысл в Галиче не смог защитить от боярской расправы свою любимую жену.

Фоном всего происходящего по-прежнему оставалась повседневная свара между большими и малыми князьями, соревнующимися за сущие пустяки – отдельные местечки и села, за место в иерархической феодальной системе, за личные обиды и пустые оскорбления. При этом – никакой последовательности и принципиальности, отсутствие логики, калейдоскоп друзей и врагов приобретал неслыханную пестроту и сногшибательность. Клятвы давались налево и направо, и тут же, без всякого зазрения совести, нарушались. В этой междоусобной чехарде потерялась сама идея государственности, которая когда-то вызвала ее к жизни. Как ни странно, но то время напоминает сегодняшний день – переоценки ценностей, отсутствия порядочности и последовательности у политиков, готовых продать всех и вся за корыто, перебегающих из одного лагеря в другой, до этого

враждебный; в повседневной сумятице забывая о тех, кто их выбрал, кто надеется и ждет обещанного, и, не побоюсь громкой фразы – о своем народе. Сложилось мнение, что в будущем – наши годы – четверть века независимой Украины будут называть не руиной – это слишком громко, а болотом, переполненным низкими страстями представителей «бомонда» и политическим кваканьем «слуг народа». Последующим поколениям будет стыдно вспоминать это время!

Распри между феодалами были характерны для всех средневековых государств. Но понимание прошлого осложняется тем, что зачастую летописцы, запутавшись в клубке политических страстей, фиксировали с одинаковым усердием и по-настоящему важные, животрепещущие факты, и мелочные события, искажающие прошедшее и вводящие в заблуждение. Таким образом можно запутать и сбить с верного пути любого желающего хоть как-то разобраться в той эпохе и попытаться понять закономерность событий.

В середине XII в. сложилась следующая расстановка сил: на северо-западе, в Полоцке, крепко утвердились, по словам автора «Слова о полку Игореве», «внуки Всеслави» – наследники Брючислава Изяславича, внука Владимира Святого. Они традиционно придерживались политики невмешательства в дела других князей и последовательно строили независимое княжество в границах своего удела. Со временем к этому привыкли, и Полоцк в политической борьбе просто не брали в расчет.

На юго-западе, на Надднестрянщине и в Прикарпатье, властвовали галицкие Ростиславичи – наследники Владимира – сына Ярослава Мудрого. Там к середине XII в. сформировалось могучее Галицкое княжество и как вотчина Ростиславичей прдержалось до 1187 г.

Основная же часть Руси – почти $\frac{3}{4}$ государства – находилась в руках двух мощнейших веток Ярославского дома – Мономаховичей (потомков Всеволода Ярославича) и Ольговичей (потомков Святослава Ярославича). Остальные генетические линии, в том числе и Изяслава Ярославича, которому отец завещал великокняжеский стол, полностью выпали из политической борьбы.

Могучий род Мономаховичей управлял практически всей территорией, за исключением Черниговского княжества, находившегося под юрисдикцией Ольговичей. Этим было несложно заставить уйти с политической арены, если бы не одно обстоятельство: Мономаховичи не умели сохранить единство и взаимопонимание. У них в этот период выделились три основные династические линии: волынская, смоленская и суздальская. Противоречия между ними ставили род в тяжелое положение, лишаящее возможности занять подобающее место в государственной иерархии.

После смерти Ярополка Владимировича его брат Вячеслав беспрепятственно занял киевский стол. Но тут незамедлительно Всеволод Ольгович собрал дружину и со своими братьями – родным Святославом и двоюродным Владимиром Давыдовичем – занял Вышгород, который всегда придерживался черниговской стороны, и подошел к Киеву. Стали на Копыревом конце, подожгли дворы и послали сказать Вячеславу: *«Иди добром из Киева»*. Таким образом Всеволод вошел в Киев. Черниговский князь отличался неординарными способностями – и как политик, и как военачальник. Хотя существует мнение, что некоторые его отрицательные черты характера служили препятствием для его деятельности. Имеются все основания утверждать, что он послужил историческим прообразом героя одной из киевских былин Чурилы Пленковича (христианское имя Всеволода – Кирилл, а Чурило – это один из вариантов). Этот персонаж прославился разбойничьими наскоками и грабежами. Согласно письменным источникам, этим грешил и Всеволод. Киевский летописец с явной неприязнью относился к Ольговичам и оставил такую характеристику Всеволода (в пересказе В. Татищева): *«Сей великий князь ростом был велик и вельми толстый, волос на голове имел мало, борода широкая, глаза не маленькие, нос длинный. Мудрый был в советах и судах – того, кого хотел – мог оправдать или обвинить. Много наложниц имел и больше в веселиях, чем в расправах упражнялся. Через сие киевлянам от него тягость*

была большая. А как умер, то вряд ли кто по нему, кроме баб любимых, заплакал, а больше были рады».

Князь Андрей Боголюбский. Худ. В. М. Васнецов

Итак, Всеволода Ольговича никак нельзя было отнести к числу уважаемых и популярных князей. Его восхождение на великокняжеский престол не вызывало особого энтузиазма ни в Киеве, ни по всей Руси. С первых дней правления Всеволод начинает проявлять стремление к единовластью. Он вынашивает далеко идущие планы распространения своей власти на всю Русь. Первыми объектами его притязаний становятся Смоленск, где сидел Ростислав Мстиславич, и Волынь, которая незадолго до этого стала уделом энергичного Изяслава Мстиславича. Заключив договор с галицкими князьями и польским королем Владиславом, а также опираясь на черниговцев, Всеволод пошел походом на Волынь, но там потерпел позорное поражение.

Каким образом Мономаховичи позволили Святославу внуку занять Киев не по отчине? Очевидно, из-за столь затруднительного политического положения, в котором они оказались, – без главы рода и с перманентной враждой между всеми его членами. Старшим в этом «племени» оставался Вячеслав, но особенности характера делали его неспособным беречь выгоды рода, поддерживать в нем единство. Юрий Долгорукий Ростовский более подходил на роль главы, но он не имел права действовать от своего имени, минуя Вячеслава. К тому же его мало знали на Киевской земле. А когда узнали, то и вовсе не обрадовались, настолько он был мало похож на отца и своих старших братьев. Достойным князем казался самый младший – Андрей, но и он не мог ничего сделать без Вячеслава и Юрия.

Мономаховичи были разьединены враждой, поэтому и держался Всеволод в Киеве, но и Ольговичи находились в постоянной размолвке. Непрекращающиеся стычки и военные действия невозможно охватить даже в книге. В этих хитросплетениях запутались – и с трудом выбрались – наши крупнейшие историки. Борьба князей

усилилась со смертью в 1142 г. Андрея Владимировича Переяславского. Осознав себя старшим, Юрий Ростовский приступил к активным действиям и вновь обратился к новгородцам за поддержкой в борьбе против киевского князя Всеволода, но на этот раз он получил от них категорический отказ. Сын Юрия Ростислав уехал в Смоленск. Новгород остался без князя. Тогда рассерженный Юрий Долгорукий захватил Торжок. Новгородцы, привыкшие вольно выбирать себя князей, обиделись на Юрия и пошли просить князя у Всеволода. Но и в Новгороде произошел раскол: что-то торговому люду не понравилось, что-то не пришлось посадским по душе. В Ростове начали собираться многие недовольные из господина Великого Новгорода, они, надеясь на поддержку «долгорукого» князя, делили меж собою руководящие посты. Вскоре, взяв власть, пригласили князя Юрия в Новгород, но он и в этот раз отправил своего сына.

Возмущенный Всеволод Киевский в отместку захватил любимый Юрия Городец на Остре, ряд его сел и имущество, коней, рогатый скот, овец, девиц – все то, что было у него на юге. Между тем Изяслав Мстиславич послал сказать сестре своей, жене Всеволода: «Выпроси у зятя Новгород Великий брату своему Святополку». Эта просьба понравилась Всеволоду – ему приятнее было видеть в Новгороде шурина своего Мстислава, чем сына Юрьева. Новгородцы пошли навстречу Всеволоду – они приняли Святополка Мстиславича с епископом, а Ростислава отправили к отцу. Нужно отметить, что в то время Юрий Ростовский еще не соответствовал своему позднему прозвищу Долгорукий, сидел тихо со своими сыновьями, не вмешиваясь в события, происходившие в Киеве. А они, по описанию летописцев, были довольно бурные и кровавые. Расскажу подробно об убийстве Игоря Ольговича киевлянами, спровоцированном Изяславом.

В 1145 г. Всеволод Ольгович решил назначить своим наследником брата Игоря – человека немощного духом и телом. Выбор, мягко говоря, был странным, тем более что третий Ольгович, Святослав, несравненно более отвечал роли верховного властелина. К тому же, как считает акад. П. Толочко, Всеволод нарушил негласное соглашение с Изяславом Мстиславичем, который намеревался заменить его на киевском столе. Но формальных возражений не было, поэтому все, кто был во власти, согласились целовать крест Игорю как будущему великому князю.

Почувствовав себя достаточно уверенно, Всеволод решился на военные авантюры. Первая – безрассудный поход на Польшу, вторая – против галицкого князя Владимира Володаровича. Была создана большая княжеская коалиция, в которую вошли: Игорь и Святослав Ольговичи, черниговские Давыдовичи – Владимир и Изяслав, Вячеслав Туровский, Изяслав и Ростислав Мстиславичи, Святослав Всеволодович при участии половцев и поляков. Но удача не сопутствовала этому объединению. Весна была ранней, дороги развезло, поэтому многочисленные полки коалиции не сумели использовать всю свою мощь. К тому же Всеволод тяжело заболел и вынужден был вернуться в Киев, где утвердил на стол шестидесятилетнего князя Игоря. Всеволод умер 1.08.1146 г. в Вышгороде и был похоронен в Борисоглебской церкви. Игорь был при умирающем брате в Вышгороде и потом въехал в Киев.

Боярская верхушка присягнула ему. Их вполне устраивал нерешительный и малоавторитетный правитель. Но простые люди были недовольны, и пока в столичном детинце на великокняжеском Ярославовом дворе происходили торжества в честь нового князя, на Подоле, на торговище возле Туровой божницы, собрался киевский плебс, встревоженный ходом событий. Мы уже знаем, что с созыва вече на Подольском рынке начинались все восстания, что не стало исключением и в этот раз. Киевляне отправили к князю посланцев с требованием прибыть к ним на Подол. Игорь поехал вместе с братом Святославом Ольговичем и, соответственно, вооруженной охраной. Но на торговище явиться не посмел, а отправил туда брата. Пишет летопись: **«И начали кияне складывать вину на тиуна на Всеволожа, и на другого тиуна вышегородского, на Тудора, рекучи: «Ратша разорил Киев, а Тудор – Вышгород»; а ныне, княже Святославе, целуй нам крест и с братом своим».**

При обычных обстоятельствах это было бы воспринято как наглость, но Святослав понимал, что придется подчиниться, что весь Киев против брата, и поцеловал крест. Далее Святослав совершил унижительный для феодала поступок, сошел с коня и пообещал, что будут ставить городских тиунов только по согласованию с вече. Потом вернулся к брату и рассказал о случившемся. Игорь одобрил его решение и тоже целовал крест перед выборными от вече. Князь успокоился и поехал на банкет, а удовлетворенные участники вече разошлись. Тогда киевляне, опьяненные своей безнаказанностью, бросились громить дома ненавистных правителей, в частности усадьбу Ратши. Игорь послал брата навести порядок, что тот и выполнил, применяя силу. Обстановка в столице сложилась напряженная, осложненная еще и тем, что на киевский стол претендовал князь волынский и переяславский Изяслав Мстиславич – внук Владимира Мономаха и сын Мстислава Великого. К нему тысяцкий Улеб и боярин Иван Войтишич послали «приглашение»: **«пойди, княже к нам, хотим тебе»**. Власть Игоря стала совсем эфемерной. Изяслав, находившийся в Переяславе, вместе с черными клобуками (кочевниками, осевшими на берегах Роси), двинулся на Киев. Все население, недовольное Ольговичами, приветствовало претендента и присоединялось к его войску. Игорь попросил помощи у двоюродных братьев Давыдовичей Черниговских и надеялся на поддержку киевского боярства. Князь пообещал им деньги и должности, а Улеба назначил киевским тысяцким.

Навстречу Изяславу выступили полки Игоря, во главе которых стояли Улеб, Иван Войтишич и Лазарь Саковский, и полк Святослава, которым командовали Василий Полочанин и Мирослав Халдеич.

Повторилась ситуация 1113 г., когда Владимир Мономах, не имея установленного права на киевский стол, пришел в столицу по приглашению жителей. То же произошло и в 1146 г., когда Изяслав при отсутствии законных прав на трон устранил и киевский плебс, и феодальную верхушку.

Дислокация войск у стен столицы была следующей: Изяслав – возле Надового озера, Ольговичи – возле Олеговой могилы. Игорь вскоре понял, что шансов на успех нет. Киевляне перешли на сторону претендента. У великого князя осталась собственная черниговская дружина. Тут черные клобуки захватили обоз, Улеб и Войтишич оказались в стане у Изяслава. Игорь с братом и племянником Святославом Всеволодовичем совершили отчаянный поступок, атаковав противника, но закончилось все полным разгромом. Игорь попал в болото между Надовым озером и Лыбедью и застрел там беспомощно вместе с конем. Святослав Ольгович смог переправиться через Днепр и бежал, а Святослав Всеволодович спрятался в монастыре Св. Ирины, где его и схватили победители.

Изяслав вошел в Киев под приветственные крики народа в ореоле любимого народом Мономахового внука. Игорь, который четыре дня прятался в Дорогожицком болоте, был пленен. Содержался вначале в Выдубицком монастыре, потом в погребе в Переяславе. Его верных сторонников-бояр отпустили, получив выкуп. Племянник Игоря Святослав Всеволодович остался при новом правителе и получил от него в удел Верхнюю Надбужанщину. Так закончился первый этап восстания. Но Изяслав ничего не сделал для изменения тяжелого положения простого люда, то есть пренебрег истинными причинами народных волнений. Поэтому киевляне продолжали громить дворы наиболее одиозных бояр и усадьбы монастырей. Это были те, кто поддерживал Игоря, остальные притихли, с опаской думая о будущем.

Тем временем Святослав Ольгович собирал войско, чтобы вернуть Киев брату. Больного Игоря выпустили из монастырской темницы, и он принял постриг в Федоровском монастыре. Положение в Киеве продолжало оставаться напряженным, хотя новая усобица отвлекла внимание народа от насущных социальных проблем. Достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло новое восстание. Тут и произошло событие, казалось, обходящее стороной киевские проблемы: настоящая или симитированная измена Давыдовичей Изяславу Мстиславичу. Стоя лагерем в поле между Переяславом и Черниговом, Изяслав узнал, что черниговские князья готовы перейти на сторону Святослава и Юрия. Он

направил Давыдовичам гонца, на что те потребовали освободить Игоря. Изяслав посчитал этот ответ изменой.

Весть об этом дошла до столицы. Киевляне незамедлительно собрались у Софии. Посланец Изяслава сообщил о намерениях Давыдовичей вернуть на стол Игоря. Горожане возмутились, крики в поддержку Изяслава смешались с громогласными требованиями убить низвергнутого князя. Владимир Мстиславич, которого оставили в Киеве следить за порядком, пытался убедить собравшихся, что Игорь под надежной охраной. Но люди не поверили. Толпа стала неуправляемой. Горожане кинулись, благо недалеко, в Федоровский монастырь, где находилась жертва. Их не остановили ни заступничество митрополита Климента Смолятича, ни угрозы тысяцких Лазаря и Рагуйла. Толпа ворвалась в обитель, выволокла Игоря из церкви. В это время прискакал князь Владимир и, накинув плащ на избиваемого, пытался этим его спасти. Но это не помогло, от озверевшей толпы досталось и защитникам. Только с помощью боярина Михаила удалось оторвать от взбесившихся людей избитого, полуживого монаха. Владимир смог вывезти его в усадьбу своей матери, а перед преследователями захлопнули ворота. Досталось и боярину, с него сорвали золотой крест и гривну. Но ворота усадьбы не устояли под ударами, обезумевшая толпа ворвалась во двор княгини, Игоря схватили на ступенях терема вдовы Мстислава, связали ноги веревками и поволокли через Верхний город на княжий двор. Там, возле Десятинной церкви, и добились бедолагу. Бездыханное тело положили на воз и повезли на Подол. Затем бросили на торговище для поругания. Лишь на второй день несчастного погребли в Симеоновском монастыре. Через три года его перезахоронили в Чернигове, в усыпальнице Святославичей, в Спасском соборе.

Трагическая гибель больного, беззащитного князя, к тому же принявшего схиму, возмутила всю Русь. Что говорить, он не сделал ничего полезного, но и зла не творил. Поэтому его и канонизировали как «невинно убиенного». Судьба Игоря Ольговича стала предостережением для правящего класса: все наказуемо, причем не только плохое, но и неправильно сделанное. Изяслав находился далеко от места преступления, а его брат отчаянно защищал жертву, рискуя жизнью, при этом и сам пострадал. Но этим убийством был нанесен неизгладимый урон престижу князя.

Убийство киевлянами Игоря Ольговича в 1147 г. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Политические соперники использовали трагедию, и в первую очередь Юрий Владимирович Долгорукий. Он возобновил активные действия весной 1147 г., когда с союзниками повел наступательные действия против постоянно меняющих своих князей новгородцев и взял Торжок с окрестными землями. Святослав пошел

на Смоленскую землю, захватил Голядай и обогатил свою дружину хорошим «полоном». После чего получил зов от Юрия и отправился к нему в Москву. Это первое упоминание в письменном источнике названия столь знаменитого города и является по существующей традиции датой его основания. Нет необходимости строить или реально закладывать город, а достаточно лишь письменно упомянуть. Таким образом, мы получаем утвержденную дату основания. Поэтому и почти невозможно определить настоящего основателя...

Опишу столь знаменательную встречу, имеющую такие глобальные последствия – **основание Москвы**. Святослав поехал к Юрию с сыном Олегом, князем Владимиром Рязанским и небольшой дружиной. Олег появился раньше и подарил Юрию барса или его шкуру. Вскоре подъехали другие гости, и начался большой пир. Радушный хозяин богато одарил всех именитых гостей. Но одними дарами дело не ограничилось: Юрий обещал Святославу прислать сына в помощь – так и случилось. Глеб Юрьевич с одной стороны, а отряды половцев с другой – позволили Святославу начать наступление на Киев.

Встреча суздальского князя Юрия Долгорукого с князем Святославом Ольговичем. Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI в.

Изяслав, услышав о движении противников, собрал большое войско – полки дяди Вячеслава и волынские – и пошел к Переяславу. С переменным успехом

развивались военные действия, достигшие особого накала во время зимы: коннице легче было передвигаться через замерзшие реки, и население при этом не занято сельскохозяйственными работами, могло и повоевать. Так в конце 1147 г. черниговские князья и их союзник Глеб Юрьевич вместе с половцами вернули себе земли на правом берегу Днепра. К великой радости князя Юрия его сын возвращает отцу и любимый Городец на Остре.

Политический интриган Изяслав пригласил своего родственника Глеба Юрьевича в Киев. Он вначале согласился, но потом передумал. Предпочел внезапно захватить Переяслав и выгнать оттуда Мстислава. Однако эта операция окончилась неудачей. Глеб потерял часть своего войска и спрятался за стенами Городца. Его осадил возмущенный Изяслав с дружиной и берендеями. Юрьевич возопил о помощи и отрядил гонца в Чернигов: *«Идет на меня Изяслав, помогите мне!»* Но помощь не пришла. На третий день Глеб запросил мира, и киевский князь благодушно оставил за ним отцовский город, не разрушив его. И напрасно – Глеб был напрочь лишен чувства благодарности. Дождавшись возвращения Изяслава в Киев, он тотчас послал гонца к своим черниговским союзникам: *«Я поневоле целовал крест Изяславу. Он обступил меня в городе, а от вас не было помощи, но теперь я хочу быть вместе с вами»*. Но Изяслав считался более дальновидным политиком, чем его противники. Он рассчитал все хорошо, и скорее демаршами, чем сражениями, поставил Юрия и его союзников в затруднительное положение. Он отобрал у своих врагов села с имуществом, лишая их возможности безбедной жизни, как своей, так и дружинников. Да и наемным половцам нечем стало платить жалованье. Юрий же и не думал идти на Киевскую землю, полагая, что отправить сына вполне достаточно.

Попав в тяжелое положение, черниговские князья с плачем обратились в Суздаль: *«Ты крест целовал, что пойдешь с нами на Изяслава, и не пришел»*. Юрий и тут проявил свою сущность – даже не удосужился ответить. Тогда черниговские князья запросили у киевского миротворца: *«До каких пор губить Русскую землю? Как нам уладиться?»* Изяслав ответил: *«Братья! Доброе дело христиан блюсти...»* – посоветовался с Ростиславом Мстиславичем и заключил мир. В это время явился к Изяславу старший из сынов Юрия, Ростислав, который в то время держал стол в Новгороде и сообщил о своей размолвке: *«Отец меня обидел, волости мне не дал. Вот я поручаю себя Богу и тебе, ты старший среди нас, хочу трудиться за Русь. И возле тебя ездить»*. Изяслав ответил: *«Всех старше отец твой, но он не умеет с нами жить, а мне дай Бог вас, братию свою всю и весь род свой, иметь в правду, как душу свою, если отец волости не дал, так я тебе даю»*. И дал Ростиславу пять городов и сверх того обожжаемый Юрием все тот же Городец на Остре. Осенью 1148 г. к стенам этой крепости съехались все противники Юрия держать совет. Были там и бывшие союзники Долгорукова – Давыдовичи и сын Ростислав.

Вернувшись в Киев, Изяслав молвил Ростиславу Юрьевичу: *«Ступай в Бужск и побудь там, постереги Руську Землю, пока я схожу на отца твоего, помирюсь с ним или как-нибудь иначе с ним управлюсь»*. В Киеве Изяслав оставил брата Владимира, а сам отправился к другому брату – Ростиславу. Готовясь к войне, тем не менее братья не гнушались мирными переговорами. Направили к Юрию посланца, но непреклонный дядя задержал его, заточив в темницу. Дав указание брату идти с полками на Волгу, Изяслав пошел за новгородцами, которые собрали рать со всей своей земли. В походе участвовали псковичи и корела. Соединившись, братья пошли вниз по Волге. По пути жгли города и села Юрия. Весной 1149 г. закончились военные действия. Покинув земли Юрия, его противники увели 7000 пленных.

В Киеве Изяслава ждали неприятные вести: бояре донесли ему на Ростислава Юрьевича, который подговаривал против князя берендеев и киевлян. В случае перевеса Юрия, он наделся захватить власть в столице. Изяслав послушался совета: *«Отпусти его к отцу, это твой враг, держишь его на свою голову»*, отобрал у Ростислава дружину и имения, отправил его с четырьмя отроками вверх по Днепру. Блудный сын, вернувшись к Юрию, упал перед отцом на колени и

молвил: *«Слышал я, что хочет тебя Русская Земля и Чёрные клобуки. Ступай на Изяслава»*. Возмущенный и огорченный позором сына, Юрий молвил: *«Так ни мне, ни детям моим нет чести на Руси!»*, собрал всю свою силу, наняв половцев, выступил в поход на Киев. Столь решительные действия Юрия говорят о его абсолютной уверенности в удаче, основательной подготовке к походу, да к тому же провокационные действия его сына, надо думать, были им заранее спланированы.

Как бы то ни было, Юрий был на земле вятичей, когда Владимир Давыдович Черниговский послал весть Изяславу: *«Дядя идет на тебя, приготовься к войне»*. В то время Святослав Ольгович соединился с Юрием и стал звать с собой Давыдовичей. Они соединились с Дикой Степью и Святославом Ольговичем. Изяслав послал гонца к брату Ростиславу за помощью, и тот незамедлительно откликнулся. Юрий тем временем подступил к Переяславу и стал ждать поклона от Изяслава, предпочитавшего всегда все решать миром. Но не тут-то было. Изяслав: *«Если бы он пришел с детьми, то я бы дал им любую волость, но пришел он с половцами и врагами моими – Ольговичами, то хочу с ним биться»*. Нужно было понять щекотливость положения Изяслава – киевляне отвыкли от битв и не хотели войны. Юрий был старший среди Мономаховичей, приходился дядей киевскому князю, к тому же во владениях Изяслава зрело значительное недовольство, частично посеянное сыном Юрия. Изяслав уговаривал подданных, уповая на победу. Нехотя обленившиеся киевляне двинулись в поход.

Изяслав переправился через Днепр и встретился с войсками дяди. Передовые отряды его – черные клобуки и молодежный состав дружины – с легкостью отогнали половцев от Переяслава. Но когда сошлись главные полки, то долго стояли друг против друга, осыпая тучами стрел. Юрий отправил посла с просьбой разойтись миром, но чтобы: *«Дай мне посадить в Переяславе сына своего, а ты сиди себе царствуй (!!! – В. К.) в Киеве, если не хочешь так сделать, Бог нас рассудит»*. Изяславу не понравилось это предложение, и он задержал посла, а войско свое из Переяслава вывел в поле. Долго, до самого вечера, разделенные р. Трубеж, стояли друг против друга враждующие полки. Изяслав с братьями Ростиславом и Владимиром, сыновьями Мстиславом и Ярополком, созвал бояр и всю дружину на военный совет – переправляться ли первыми за реку и ударить по Юрию. На беду, решили они переправиться.

На другой день, в полдень, перебежчик поскакал из войска Юрия – за ним погнались. Сторожа Изяслава перепугались и закричали: *«Рать!»* и Мстиславичи повели свои полки вперед, а навстречу им Юрий с Ольговичами. На рассвете 23 августа началась страшная сеча. Первыми с поля боя побежали черные клобуки, за ними Изяслав Давыдович, а следом и киевляне. Переяславцы с первых минут сражения переметнулись к Юрию, при этом крича: *«Юрий нам князь свой, того нам было искать и далече»*. При виде измены и бегства союзников дружины Мстиславичей смешались и запаниковали. В начале битвы Изяслав с дружиной схватился со Святославом Ольговичем и с половиной самого Юрьева полка, проехал сквозь них и, оказавшись в тылу противника, увидел, что его полки бегут. Пришлось и ему покинуть поле боя. Переправившись через Днепр напротив Канева, Изяслав кое-как добрался до Киева.

На следующее утро Юрий вошел в Переяслав и, пробыв здесь три дня, отправился к Киеву. Расположился с войском напротив Михайловского монастыря, на лугу. Ныне это Европейская площадь. Мстиславичи обратились к киевлянам: *«Дядя пришел, сможете ли за нас биться?»* Но жители столицы возопили: *«Господа наши князья! Не погубите нас до конца. Отцы наши, братья и сыновья одни взяты в плен, другие избиты и оружие с них снято. Возьмут и нас в полон, поезжайте лучше к себе в волость. Вы знаете, что нам с Юрием не ужиться, где потом увидим ваши стяги, будем готовы с вами»*. Мстиславичи разъехались – Изяслав во Владимир, а Ростислав в Смоленск.

Юрий Ростовский въехал в Киев. Множество народу вышло к нему навстречу *«с радостью великой»*. Как говорит летописец, сел он на стол отца своего, хваля и славя Бога. Началось награждение союзников – Святославу Ольговичу был отдан Курск с Посемьем и южная земля дреговичей. Сыновья получили: Ростислав –

Переяслав, Андрей (Боголюбский) – Вышгород, Борис – Белгород, Глеб – Канев, Василько – Суздаль.

Изяслав Мстиславич не мог смириться с потерей столицы. Как только достался своей вотчины, обратился к своим родственникам – королю венгерскому, князьям польским и чешским. Изяслав просил, если они не могут сами сесть на коней, то хоть отправить полки ему в помощь. Король венгерский послал десятитысячный отряд, обещая при надобности дать еще воинов. Польский Болеслав сам поехал с братом Генрихом, а Мечислава оставил стеречь землю от пруссов. Всегда осторожный политик Изяслав обратился к старику Вячеславу Владимировичу, сидевшему тогда в Пересопнице: *«Будь мне вместо отца, ступай, садись в Киеве, а с Юрием не могу жить. Если же не хочешь принять меня с любовью и не пойдешь в Киев на стол, то я пожгу твою волость»*. Вячеслав испугался угроз и обратился за помощью к брату Юрию. У Пересопницы собрались дружины Юрия и его сынов. Владимирко Галицкий тоже отправил свои полки, а сам с ратью направился к венгерской и польской границе, тем самым напугал союзников Изяслава. Юрий дождался, когда союзники покинули Изяслава, и направил полки на Луцк. Близ Муравицы (неподалеку от Дубна) произошло событие, впервые проявившее Андрея Боголюбского с ратной стороны. Бегство союзных половцев не лишили князя присутствия духа. Андрей, несмотря на это, приступил к Луцку, где был осажден Ростислав Мстиславич. Когда они подошли к стенам города, из ворот вышел довольно внушительный отряд пехоты. Неожиданно в нее вместе с небольшой дружиной врезался Андрей Юрьевич. В жаркой схватке он преломил свое копьё, враги окружили его со всех сторон, а конь был ранен. Один немец пытался достать князя рогатиной, но тот обратился к Богу, призвал на помощь святого Феодора и смог отбиться мечом. Отец, дядя, братья обрадовались его спасению, признав за ним первенство в бою. Шесть недель стоял Юрий под Луцком. Осажденные изнемогали от жажды. На помощь Изяслава рассчитывать не приходилось – препятствовал галицкий князь. Изяслав запросил мира, а Киев остался за Юрием. По праву старшинства он хотел уступить киевский трон Вячеславу, но бояре отговорили его: *«Брат твой не удержит Киева, не достанется он ни тебе, ни ему»*. Тогда Вячеслава посадили в Вышгороде.

В следующем, 1150 г. Изяслав возобновил военные действия: он неожиданно подошел к Пересопнице, где сидел Глеб, сын Юрия. Тот, не вступая в бой, упрямил отпустить его к отцу. Юрий, узнав о соединении полков Изяслава с черными клобуками, поспешно покинул Киев и спрятался в Городце на Остре. Но киевский престол пустовал всего несколько часов, его незамедлительно занял находящийся неподалеку, в Вышгороде, Вячеслав. Ему не пришлось долго обживать Ярославов двор. Киевляне, узнав, что Изяслав идет к городу, вышли навстречу и обратились к нему: *«Юрий вышел из Киева, а Вячеслав сел на его место, но мы не хотим его, ты наш князь, поезжай к Святой Софии, сядь на столе отцовском и дедовском»*. Как ни привлекал Вячеслава киевский стол, пришлось ему вернуться в Вышгород. Но ненадолго. Боясь потерять свое место в Киеве, Изяслав отправился к старейшему из князей в Вышгород. На этот раз его пришлось уговаривать дольше: Вячеслав не мог простить недавнюю обиду, свое позорное выдворение из Киева. Но Изяслав знал, как смягчить старого князя: *«Тебя люблю как отца, и теперь тебе говорю – ты мне отец, и Киев твой, поезжай туда»*. Смягчили сердце старика эти слова, любо ему стало, и он в знак примирения поцеловал крест на гробе святых Бориса и Глеба, назвал Изяслава сыном, а тот в свою очередь поклялся считать его отцом, целовали крест и бояре их. Уладив дело с дядей, Изяслав вернулся в Киев, ударил в трубы, созвал киевлян и отправился в поход. Но и на сей раз, встретив полки Юрия, довелось отступить, избегая большого сражения.

Едва добравшись до Киева и сев обедать с Вячеславом, Изяслав узнал, что Юрий с черниговскими князьями у Киева. А киевляне на лодках начали перевозить воинов на правый берег. Пришлось дяде и племяннику покинуть столицу. Вячеслав вернулся в Вышгород, а Изяслав – во Владимир.

На следующий день Владимирко Галицкий подошел к Киеву и стал у Олеговой могилы. Сюда приехал Юрий и другие князья. Приветствовали друг друга не

спешиваясь. Введя Юрия в Киев, галицкий князь объехал все киевские святыни, был и в Вышгороде у самой большой святыни того времени – у святых великомучеников Бориса и Глеба. Расставшись с Юрием по-приятельски, отправился домой в Галич.

Но недолго длился мир на Руси. Опять Изяслав, выпросив за рубежом помощь, с верными черными клобуками возобновил военные действия. Его брат Владимир с небольшой дружиной внезапно подошел к Белгороду. Тамошний князь Борис Юрьевич спокойно пировал на сеннице с дружиной и с попами белгородскими. Если бы мытник не устерег и не развел мост, то князя захватили бы. Владимирова дружина, подъехав к мосту, затрубила в трубы. Борис вскочил в испуге и в чем был ускакал с дружиной из города. Горожане, кланяясь Владимиру, побежали к мосту. Изяслав вместе с венграми отправился к Киеву. Борис, тем временем добравшись до отца, в оправдание своей безответственности расписал, что к Киеву идет несметная рать. Юрий бежал из Красного двора, переправился на левый берег Днепра и, как всегда, спрятался в своем Городце.

И так допек он за короткое время киевлян своими действиями, что, скорее всего, именно тогда и получил нелестное прозвище «Долгорукий». А вот Изяслава, как никогда, встречали радушно. Он, раскланиваясь, обнимал своих вчерашних недругов, радовался победе, отметил ее торжественной службой в Святой Софии. А потом был знатный пир на Ярославом дворе. Тут было превеликое веселье, а после обеда венгры удивляли киевлян своим мастерством в конных ристалищах. Владимирко и Андрей Юрьевич, охранявшие западные границы Руси, узнав о позорном бегстве Бориса и его отца, вознегодовали и отказались от дальнейших действий. Причина поразительного успеха Изяслава проста: Юрий своим поведением стал противен народу. Владимирко отбыл к себе в Галич, не упуская возможности по пути опустошать поселения. Андрей и Владимир Андреевич присоединились к Долгорукому в Городце.

В 1151 г. Вячеслав, по приглашению Изяслава, занял вместе с ним стол в Киеве. Оба понимали, что Юрия ничто не остановит, и поэтому начали подбирать себе союзников. А Долгорукий позвал Давыдовичей и Ольговичей. Святослав Ольгович выступил немедленно, соединился в Чернигове с Владимиром Давыдовичем и на лодках приплыли к Городцу к Юрию. Последний с союзниками и множеством половцев стал у Днепра, в устье речки Радуни. Но тут их ждал Изяслав на лодках. Он завязал сражение на водах, от Киева до устья Десны. В этой битве победил Изяслав, так как он оборудовал лодки – защитил гребцов толстыми досками. Настилах стояли одетые в броню лучники, а на носу и корме – два кормчих. Не видя возможности переправиться через Днепр, Юрий с союзниками направился вниз к Витичевому броду. А лодки пришлось отправить в Долобское озеро, затем в Золотчу, а оттуда в Днепр. Это заняло много времени. Когда лодки достигли указанного места, там уже стояла рать Изяслава. Вновь разгорелась битва на воде. Юрий решил захватить Зарубский брод и направил туда передовой отряд. Брод стерег боярин Шварн с небольшой дружиной. Половцы на лошадях бросились в воду, а боярин струсил и бежал. Воспользовавшись ситуацией, переправилось все войско. Осторожный Изяслав с войском отступил к Триполю. Отрядив брата Владимира за помощью к печенегам, торкам, коям и берендеям, Изяслав с восходом солнца отправился к Киеву, но в город не вошел. Союзники расположились у его стен. Изяслав Мстиславич возле Золотых ворот, Изяслав Давыдович, перешедший на его сторону, стал с полками между Золотыми и Жидовскими воротами, Ростислав с сыном Романом – перед Жидовскими воротами, Борис Городенский – у Лядских ворот. Киевляне, кто пеший, а кто конный, стали меж полками князей. Вскоре пришел и Владимир с черными клобуками. Эти «союзнички» принесли больше урона, нежели пользы, вытаптывая огороды, вламываясь в монастыри. Мстиславичи велели Владимиру вместе с берендеями расположиться у Олеговой могилы, от нее до Ивановского огорода и потом до Щекавицы. Коуи, торки и печенеги стали от Золотых ворот до Лядских, а потом до Клава, Берестовой, Угорских ворот и Днепра.

Такой рати Русь никогда ни до ни после не собирала. Как жаль, что не было князя

уровня Изяслава во время нашествия монголо – татар. В 1240 г. некому было организовать такой массовый отпор. Теперь Изяслав мог дать Юрию Долгорукому яростный бой у стен стольного Киева.

Но старый Вячеслав вновь захотел решить все миром. Юрий приходился ему младшим братом. Он любил повторять: *«Я был бородат, когда Юрий родился»*. Начались переговоры. Ведя разговор, Вячеслав постоянно указывал на образ Богоматери, висевший на Золотых воротах, крестясь при этом на него. Но не захотел Юрий мира и с войском стал напротив города за Лыбедью. Началась перестрелка через реку, а часть войска Юрия через нее переправилась. Тут вновь отличился Андрей Юрьевич. Он вплотную подскочил к неприятельским полкам, но один половец, схватив лошадь под уздцы, воротил его назад, браня ратников, отставших от князя.

Изяслав, оценив обстановку, приказал воинам ударить по переправившемуся противнику, отряды которого удалось сбросить в Лыбедь, нанеся большой урон. Был убит половец Савенч Бонякович, который хвастался: *«Хочу ударить мечом в Золотые ворота, как отец мой в них бил»*. Юрий организовал переправу через реку и направился на встречу со своим сватом Владимирком. На следующий день полки, собранные Изяславом, продолжали преследовать противника. Особенно отличились киевляне – сражались все, кто мог держать оружие. Так выразилась ненависть горожан к Юрию! Фактически поднялся весь народ, вся Русь, словно на общего врага.

Мстиславичи настигли Юрия у реки Рута. Переговоры были сорваны половцами и Ольговичами, которые при мирном исходе всего лишались. Юрию не хотелось вступать в бой до прихода Владимирка, а Изяславу по той же причине не терпелось начать. Но тут вмешалась погода – внезапно поле боя покрыла мгла так, что не видно было конца копья, начался страшный ливень. К полудню туман рассеялся, и между противниками образовалось чуть ли не озеро.

Юрий перешел р. Малый Рутец и на ночь разбил лагерь. Мстиславичи с дядей не отставали от него, остановившись на расстоянии полета стрелы. На заре следующего дня в стане у Юрия ударили в бубны, затрубили в трубы, и воины были готовы к бою. Им вторили в стане Мстиславичей. Выстроив полки, Юрий с сыновьями и союзниками пошел к верховьям Рутца. Мстиславичи двинулись наперерез ему, но Долгорукий развернул полки и избежал прямого столкновения. И лишь убедившись в неотвратимости его, принял бой. Сын его Андрей, как старший между братьями, построил отцовские полки. На другой стороне Мстиславичи подъехали к дяде Вячеславу и обратились к нему: *«Ты хотел нам добра, но твой брат не согласился, теперь, батюшка, хотим голову свою сложить за тебя»*. Он ответил: *«Братья, сыновья! От рождения я не охотник до кровопролития. Брат мой довел до того, что мы стоим на этом месте. Бог нас рассудит!»* На эти слова все поклонились старейшему, самому миролюбивому из князей. Изяслав оповестил воинов: *«Смотрите на мой полк, с его движением выступайте»*. Как только обе стороны начали сходитьсь, Андрей Юрьевич схватил копье, посакал вперед и первый врезался в ряды противника, и на этот раз сломав оружие. С другой стороны подобное сделал и Изяслав, но, получив рану в руку и бедро, был выбит из седла. В этой злой сече Мстиславичи победили. Юрия подвели половцы, любители попускать стрелы с безопасного расстояния. На этот раз, не вынимая их даже из колчана, они первыми бросились бежать, потянув за собой сначала Ольговичей, следом Юрия с детьми. Погибло много воинов. Был убит Владимир Давыдович, князь Черниговский. Победители вернулись на поле боя поживиться добычей. Один из воинов, увидел на поверженном дороге доспехи и решил их снять. Раненый приподнялся: *«Я князь!»* – прохрипел он. – *«Вот этот нам и нужен!»* – воскликнул боец, думая, что это Юрьевич или Ольгович. Ко всеобщей радости, когда раненый снял шлем, оказалось, что это их князь Изяслав, ослабевший от потери крови.

Оторвавшись от преследователей, Юрий переправился через Днепр и добрался до Переяслава. Половцы бежали далеко в степь. Ольговичи укрылись в Городце, постоянной базе Юрия. Святослав Ольгович был сильно утомлен, поэтому остался

там надолго. Владимирко Галицкий, проведав о поражении Юрия, трусливо ретировался.

Мстиславичи в Киеве жили весело и дружно, но рядом, в Переяславе, сидел неугомонный Долгорукий, которого требовалось утихомирить. Вячеслав с племянниками Изяславом и Святополком и отрядом берендеев отправился войной на своего младшего брата. Осадили город, бились два дня, а на третий сожгли предместье. Послали к Юрию: *«Кланяемся тебе, иди в Суздаль, а сына посади здесь, в Переяславе. С тобой не можем мы быть здесь – приведешь на нас опять половцев»*. Юрию неоткуда было ждать помощи, поэтому он согласился: *«Пойду в Городец и, пересидев там, уйду в Суздаль»*. Победители согласились, но время вынужденного соседства ограничило месяцем. Юрий целовал крест, присягал на иконе, что так и будет. Оставил Глеба в Переяславе, сам же пошел в свой Городец (ныне Остер), где до наших дней сохранилась алтарная часть его любимой церкви, которую он сам и построил. Андрей отпросился в Суздаль: *«Нам здесь, батюшка, больше делать нечего»*.

По словам летописца, Изяслав поступил по-христиански – помирился с братьями и вотчину им отдал. Но разве мог Юрий расстаться с желанием единолично править Русьской землей? Ни за что! Он нарушил клятву, забыл о крестоцеловании и пробыл в Городце более месяца, пока туда не явился возмущенный этим Изяслав с союзниками. Юрий затворился и долго отбивался. Опять целовал крест и божился. Как бы ни хотелось, но пришлось Юрию покинуть свой город, оставить там Глеба, у которого за нарушение отцом клятвы забрали Переяслав. Отправился князь Долгорукий в Суздаль через Новгород – Сиверский, где навестил своего старого соратника Святослава Ольговича.

В 1152 г. Изяслав Мстиславич встретился с Изяславом Давыдовичем Черниговским и Святославом Ольговичем. Было решено избавиться от «опасного притона» (так образно назвал Городец историк Сергей Соловьев). Князя незамедлительно отправили отряд, который разрушил и сжег эту крепость и особо почитаемую Долгоруким Михайловскую церковь. Как я писал, от нее остался алтарь с фресками XII в. Узнав о случившемся, Юрий «вздыхнул от сердца» – так образно выразился летописец, и снова начал собирать войско. Союзникам князьям – Ростиславу Ярославичу Рязанскому с братией, Святославу Ольговичу Сиверскому – Юрий, в расстроенных чувствах сказал: *«Они мой городок пожгли и церковь, – так я им отожгу за это»*, – и отправился с соратниками под Чернигов.

Изяслав Мстиславич, узнав о дядине походе, послал за Ростиславом в Смоленск, но тот, опередив Юрия, вместе со Святославом Всеволодовичем затворился в Чернигове. Туда вскоре примчались половцы, чтобы заняться своим любимым делом – жечь и грабить пригороды. Осажденные князья, испугавшись бесчинства половцев, предложили ночью перебраться из острога в кремль (детинец). Наутро к городу подошли Юрий и Святослав Ольгович со всеми полками. Половцы бросились в атаку, смели постройки острога, пожгли все предместья и вступили в битву с черниговцами. Князья решили поддержать половцев. Как всегда, в первых рядах был Андрей Юрьевич. 12 дней длилась осада. Но пришла весть о приближающихся полках, ведомых Изяславом и его дядей Вячеславом. Половцы, растерявшие свой пыл в предместьях, как всегда, трусили и сбежали. Юрий и Святослав Ольгович тоже сняли осаду. Узнав, что Юрий намерен возвратиться в Суздаль, новгородско-сиверский князь возмутился: его бросают одного перед наступающим Изяславом! Но Долгорукий, как бы в насмешку, оставил ему в помощь сына Василька с 50 воинами! Изяслав не заставил себя ждать, осадил и взял Новгород-Сиверский. Святослав Ольгович тут же запросил мира. Изяслав вначале не захотел слушать его просьбы, но наступала весна, а как известно, воевали в основном зимой. Поэтому киевский князь взял с него слово не поддерживать больше авантюры Юрия, но при этом отобрал два его города.

В 1154 г. неугомонный Юрий отправился в очередной поход на Киев. И опять неудачно: в этот раз из-за падежа лошадей. Пришлось отправить сына Глеба в степь к половцам за поддержкой и новыми конями, а самому вернуться в Суздаль.

На этом закончился очередной этап борьбы Юрия и Изяслава. В ней главным союзником Юрия Долгорукого на востоке был Святослав Ольгович, которого заставил принять мир киевский князь. Но еще более деятельного союзника Юрий имел на западе в лице своего свата, галицкого князя Владимирка. Его особенно невзлюбил Изяслав. Владимирко Юрьевич жестоко обидел его зятя – венгерского короля Гейзу – убил много его воинов, шедших на помощь киевскому князю. Освободившись на время от Юрия, Изяслав решил отомстить Владимирку, собрав полки и объединившись с Гейзой, пошел на Галич. Битва произошла возле Перемышля (ныне Пшемысль в Польше). Владимирко, потеряв разбежавшееся войско, спрятался в беззащитном городе. Галицкий князь был в ужасе. Но спасла случайность. Неподалеку за городом, на лугу, был богатый княжий двор, его и кинулось грабить войско киевлян. Владимирко притворился умирающим и отправил слуг за архиепископом просить прощения и милости у венгерского короля, снабдив их драгоценными дарами: *«Не губите меня, не слушайте королеву, сестру Изяславоу»*. Киевский князь был непреклонен, приговаривая: *«Нет прощения галицкому Владимирку, так как дважды отступал от клятвы»*. Король убеждал Изяслава, что Владимирко клянется вернуть все населенные пункты, захваченные незаконно. Изяслав отвечал: *«Не для чего заставлять целовать крест человека, который играет клятвами»*. На что король ответил: *«Это тот самый крест, на котором был распят Христос, Бог наш. Он достался предку моему святому Стефану. Если Владимирко поцелует этот крест, нарушит клятву и останется жив, то я тебе, батюшка, говорю: либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую землю А теперь не могу его убить»*. Изяслав согласился. Владимирко целовал крест лежа, изображая израненного человека, а на самом деле на нем не было ни царапинки.

Насмешка князя Владимира над укоризнами посла великого князя Изяслава в клятвопреступлении. Худ. Б. А. Чориков

Простившись с королем, Изяслав вернулся на Русь. Пребывая во Владимире, он направил посадников в города, которые князь обещал возвратить. Их туда не пустили. Наглый притворщик нарушил и другое условие мира: узнав, что сват его Юрий идет на племянника, он тут же без угрызений совести выступил против Изяслава. Управившись с дядей, Изяслав послал в Галич боярина Петра Бориславича - свидетеля княжеской клятвы. Тот сказал Владимиру: *«Князь, ведь ты крест целовал Изяславу и королю, обещал, что все исправишь и будешь с ними в дружеском союзе, как ты мог нарушить крестное целование?»*. Владимирко отвечал: *«Вот еще: что мне этот маленький крестик!»* - *«Князь! Хотя крестик и мал, да сила его великая, ведь тебе король объявил, что это часть того креста, на котором распяли нашего Спасителя»*. Но тщетны были его уговоры, не принимал их галичанин. И Петр, положив перед ним верительные грамоты и письма, пошел прочь, не получив ни повозки, ни корма лошадям. Оскорбленный боярин выезжал с княжьего двора, когда Владимирко шел к церкви на вечерню. Увидев Петра, он прилюдно поднял его на смех. После окончания вечерни, когда князь дошел до того места, где смеялся над боярином, он побледнел вдруг и прошептал: *«Что это, как будто кто-то меня ударил по плечу!»* - и чуть не упал. А ночью умер. Такую назидательную историю для клятвопреступников поведал летописец! Как бы ее донести для нынешних, постоянно нарушающих клятву политиков?!

Сын умершего, Ярослав, не возвращал Изяславу обещанных городов. Пришлось киевскому князю в очередной раз в 1153 г. собрать войско в поход на Галич. Рать собралась внушительная. Возле Теремовли началась жестокая сеча, в которой сложили головы многие сыны Киевской и Галицкой земли.

Так печально завершилась деятельность Изяслава. Женившись в 1154 г. во второй раз на Русудан, дочери Деметрия I и сестре Георгия III - грузинских царей, великий князь киевский схоронил брата Святополка, а вскоре сам занемог и 13.11.1154 умер.

Смерть Изяслава нанесла окончательный удар по притязаниям племянников к Мстиславу колену рода. Из братьев Изяслава ни один не имел права, и тем более возможности, заменить его. Хотя более всех на роль руководителя объединения подходил Мстислав, но он не мог перешагнуть через право старших по роду. Вячеслав, брат Долгорукого, самый старший в роду, больше всего печалился о племяннике. Только с ним он чувствовал себя в безопасности от притязаний родного, излишне амбициозного, братца. *«Сын! - причитал он над гробом, - это было мое место, но видно перед Богом ничего не сделаешь!»* Если в Киеве стоял плач, то на противоположной стороне Днепра - ликование. Так часто бывает, когда у противоборствующей группировки умирает сильный и властный лидер. Юрий, радуясь смерти своего племянника, не тратя времени даром, собирал войско.

Смерть князя Владимирка. Рис. конца XIX в.

Изяслав Давыдович Черниговский немедленно выехал в Киев, но на перевозе у Днепра его встретил Мстислав Изяславич с киевскими боярами и не пустил в город, опасаясь захвата Давыдовичем власти. В Киеве тем временем ждали приезда Ростислава Мстиславича из Смоленска, чтобы передать ему великое княжение. А посадив его, выдвинули условие: *«Как брат твой Изяслав обходился с Вячеславом, так и ты обходись, и до твоей смерти Киев твой»*. Вскоре Ростиславу пришла весть, что половцы, науськанные Глебом Юрьевичем, подступили к Переяславу. Ростислав, отогнав кочевников, собрался идти с войском на Чернигов, но тут гонец принес весть, что престарелый Вячеслав умер. Войтович о нем: *«Послушный исполнитель чужой воли, неплохой администратор в „тихих“ волостях, по образцу Туровского княжества, он стал игрушкой в руках младшего брата Юрия и племянников Мстиславичей, которые использовали его „права“ на Киев. Пошустрее оказались племянники, но для этого им пришлось признать Вячеслава великим князем»*. Умер он в Киеве в декабре 1154 г. и похоронен в Софийском соборе.

Ростислав с небольшим отрядом спешно вернулся в Киев, похоронил дядю, раздал его «имение духовенству и нищим», поручил матери уладить оставшиеся дела и вернулся к войску. Бояре его предостерегли: есть необходимость утвердиться в Киеве, так как возможен скорый приход войска князя Юрия из Суздаля. Но лишенный осторожности брат Ростислав Мстиславич, не слушая приближенных, пошел походом на Изяслава Давыдовича, со словами: *«Целуй крест, что будешь сидеть в своей вотчине в Чернигове, а мы будем сидеть в Киеве»*. Черниговский князь изобразил недоумение и непонимание, а сам, объединившись с Глебом Юрьевичем и половцами, встретил войско Ростислава и Мстислава Изяславича, у которых были значительно меньшие силы. Напуганный Ростислав начал переговоры и согласился уступить и Киев, и Переяслав. Возмущенный сговором за его спиной, Мстислав Изяславич оставил своего союзника одного, уйдя в свой Переяслав. Этим воспользовались противники. В результате двухдневной битвы войско Ростислава Михайловича было разбито, он бежал, а сын его попал в плен к половцам.

Изяслав Давыдович, чтобы добиться симпатии населения, выкупил сына Ростислава из половецкого плена и послал гонца к киевлянам: *«Хочу к вам приехать»*. Половцы бродили в окрестностях столицы, и чтобы защититься, жители

Киева признали власть черниговца. Изяслав занял киевский стол, а Глеба Юрьевича посадил в Переяславе. Но «долгорукого» князя не могли удовлетворить размеры Переяславского княжества. После смерти брата Вячеслава и племянника Изяслава Юрий спал и видел себя великим князем киевским. Он без труда собрал войско прежних союзников и недавних... врагов и пошел на Киев. Бежавший из Киева Ростислав Мстиславич, узнав о походе, пришел к Юрию с предложением мира и целованием креста. Суздальский князь, не доходя до Киева, отправил гонца к Изяславу Давыдовичу: *«Ступай брат из Киева. Идет на тебя Юрий»*. Но наслаждающийся властью Изяслав не хотел никого слушать. Юрий повторяет требование: *«Мне отчина Киев, не тебе»*. Не имея права по старшинству и ощущая отсутствие поддержки киевлян, Изяслав Давыдович побоялся оставаться в столице Руси: *«Разве я сам поехал в Киев? Посадили меня киевляне. Киев твой, только не делай мне зла»*.

В 1156 г. Киевом завладел Юрий Долгорукий. Четырех старших сыновей поставил правителями: Андрея - в Вышгороде, Бориса - в Турове, Глеба - в Переяславе, Василька - на Поросье. На Волыни сидели Мстиславичи: Владимир с племянниками - Мстиславом и Ярославом. Первый успел помириться с Юрием, обещая действовать сообща. Юрий не решился продолжать войну с Изяславичами, а Черниговский Давыдович не расстался с мечтой войти в Киев великим князем. Он начал уговаривать Святослава Ольговича на войну с Юрием, но тот не захотел идти против давнего союзника. Юрий решительно обратился к Давыдовичу со словами, словно из сказки: *«Будем биться или мириться?»* И тот, как всегда, тут же прискакал с мировой!

Георгий (Юрий) в отвращение кровопролития отступает от осажденного им г. Владимира-Волынского. Худ. Б. А. Чориков

Но семена вражды и жажды власти уже щедро были посеяны на Руси. Желанного народом мира и спокойствия не получилось. Аналогия с современностью напрашивается сама собой. Началась, а скорее, продолжилась буза дядей с племянниками, в которую время от времени, словно нехотя, встревал Юрий, наконец-то киевский князь. И все-таки в 1157 г. он пошел походом на Мстислава. А с ним сыновья, его зять Ярослав Галицкий, племянник Владимир Андреевич с вездесущими берендеями. Юрий держал в осаде 10 дней Владимир-Волынский, но безрезультатно. Пришлось суздальскому, а теперь киевскому князю держать совет с сыновьями и дружиной. В результате Юрия уговорили уйти в Киев, а Ярослава – в Галич. Мстислав преследовал Юрия до самого Дорогобужа и, по словам летописца, *«много зла сделал»*. Неудачное нападение на племянников нанесло урон престижу Юрия и разозлило Ростислава Смоленского – он надеялся, что навел на Руси порядок и спокойствие. Это подтолкнуло трусливого, но неугомонного Изяслава Давыдовича начать войну против Юрия. К нему присоединился Мстислав Волынский, вдохновленный недавними военными успехами. Собрали они полки к походу на Киев, но тут в Чернигов к Давыдовичу прискакал гонец из стольного города с вестью: *«Ступай, князь, в Киев – Юрий умер!»*. Сие известие свидетельствовало о желании киевлян сотрудничать с противниками Долгорукого. Изяслав Давыдович прослезился и сказал: *«Благословен еси Господи, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием»*.

У В. Татищева находим описание Юрия Долгорукого: *«Был роста немало, толстый, лицом белый, глаза не велики, великий нос долгий и накривленный, брада малая, великий любитель жен, сладких пищи и пития, более о весельях, нежели о расправе и воинстве прилежал, но все оное состояло во власти и смотрении вельмож его и любимцев»*.

О смерти князя написано немало, например роман Петра Загребельного. 10.05.1157 Юрий Долгорукий пировал у боярина Петрилы, в ночь занемог и через пять дней умер. В Ипатьевской летописи следующее: **«Пировав бо Гюрги в осменика у Петрила, и в тот же день на ночь разболелся, и бысть болести его пять дний и преставился в среду на ночь, а заутра в четверг положиша у монастыря святого Спаса»**. В день похорон, 16 мая, произошло «много зла». Разграбили любимую загородную резиденцию князя – Красный двор, а также другую, за Днепром, которую он сам называл «раем». Сожгли дворец его сына Василька, находившийся в центре города. Киевляне перебили всех суздальцев по городам и селам, имения их разграбили. Били их пуще «басурман». Отражение тех далеких событий и свидетельства невосприятия Юрия Долгорукого и его соратников находим у того же В. Татищева. Он рассказывал, как киевляне, избивая «северных братьев», поговаривали: *«Вы нас грабили, побивали, жен и детей наших насильствовали, не есть вы нам братия, а неприятели»*. Следовательно, недружественные отношения между «двумя братскими народами» начались давным-давно.

Сведения о захоронении Юрия мы находим в Лаврентьевском списке летописи под 1157 г., где сказано: **«...положиша в церкви у Спаса святого на Берестовем»**. В этом храме хоронили нередко. Расскажем еще об одном герое нашего повествования. В 1172 г. летопись сообщает: **«Преставися благоверный князь киевский Глеб Гюргевич и положиша и у святого Спаса на Берестовем, идеже лежит отец его Гюрги»**.

В отличие от прадеда, Владимир Мономах считал, что своих родственников хоронить нужно именно в Берестове. Поэтому и были могилы его жены Евфимии, сестры Софии, сына Юрия Долгорукого и внука Глеба в церкви Спаса. Историки церкви С. Голубев и Е. Голубинский полагают, что церковь построена Юрием Долгоруким. Свои суждения они основывают на том, что, по свидетельству летописи, князь был особо к ней привязан. Церковь была разрушена ордой Батые. В 1638 г. храм отстроил св. митрополит Петр Могила. В северной части храма стилизованный саркофаг, сообщающий, что на этом месте – захоронение князя

Юрия Долгорукого – основателя Москвы. Так ли это?

Рассказывали, что в 1946 г., после принятия решения о праздновании 800-летия Москвы, была образована весьма представительная правительственная комиссия. Однажды на ее заседании выступил сам тов. Сталин. Обсуждая подготовку к юбилею, вождь, даже не выясняя, кто основал город, сказал: «*Поставить основателю памятник в центре города и на могиле!*» В центре столицы проблем не было, и его в 1954 г. воздвигли. А вот на месте захоронения?! Киевские ученые постарались, и за самое короткое время могила Юрия Долгорукого была найдена, несмотря на то, что церковь, где в одном из приделов определили место захоронения, построена значительно позже его смерти. Но разве это могло кого-нибудь волновать, когда выполняется указание «вождя народов»?!

Вот тут произошло непостижимое! Впервые издается указ Центрального комитета Компартии Украины об увековечивании памяти князя, да еще какого – эксплуататора, который ради честолюбивых замыслов в грош не ставил свой народ. «*В соответствии с решением Совета Министров УССР и ЦК КП(б)У об ознаменовании 800-летия Москвы на могиле основателя Москвы Юрия Долгорукого в церкви Спаса на Берестове сооружен мемориальный монумент*». Из документа: «*Монумент представляет собой саркофаг, высотой 95 см, шириной 1 м 17 см и длиной 2 м 12 см, из красивого украинского лабрадорита. Поверхность саркофага отполирована. В его верхней части по периметру идет орнамент. На плите надпись: «Здесь похоронен Юрий Владимирович Долгорукий, основатель Москвы. 1090-1157 гг.». Сбоку на цоколе саркофага надпись: «Сооружено в ознаменование 800-летия Москвы трудящимися Киева 7 сентября 1947 г.»*».

Я люблю язвить и в жизни, и в своих «творениях», но все же считаю – плохо знать много шуток: когда надо – не вспомнишь, а когда кто-то рассказывает – не смешно. Но эту не могу не привести. В столице СССР памятник Юрию Долгорукому поставили на самом видном месте, возле ресторана «Арагви». Он указывал перстом на здание Моссовета.

На вопрос: «*Кто основал Москву?*» автор книги всегда отвечал – грузины и пояснял: «*Скакал князь по «чисту полю», захотелось поесть, смотрит, ничего нет, только один ресторан «Арагви». Спешился князь, зашел, поел, выпил. Понравилось. Сел на коня и сказал, показывая рукой: «Быть здесь городу!»*»

Во время открытия на трибуне среди гостей стояла академик М. В. Нечкина, непререкаемый авторитет по отечественной истории. Полотно падает, общий вздох, несколько мгновений благовейной тишины, в которой негромко, но отчетливо – чтобы все слышали – Милица Васильевна цедит сквозь зубы: «*Русские князья... на кобылах... не ездили!*» На следующий день под Долгоруким был конь. И хорошо сделали! Причиндалы не отвалились за полстолетия!

Прошло почти пятьдесят лет, но дело о захоронении Юрия Долгорукого опять выплыло. Во время прокладки теплотрассы была обнаружены фундаменты древнерусского храма. Экспедиция под руководством Виктора Харламова начала проводить раскопки. Храм был оконтурен. Он стоял вплотную к ныне существующей церкви. Его фундаменты засвидетельствовали более древнее происхождение. Может быть, он был сожжен в 1169 г., когда отряды Андрея Боголюбского вторглись и разрушили Печерский монастырь?

Харламов в очередной раз совершил сенсационную находку. Он нашел останки Юрия Долгорукого! Это подтвердили исследования, доказавшие, что это костяк суздальского князя. Он хранился в фондах экспедиции, завернутый, по бедности наших гуманитарных наук, в газету, и находился в индивидуальном ведре, так как иного места хранения в отечественной археологии не предусмотрено. Во время празднования 850-летия Москвы начались публикации и неприличная возня журналистов вокруг останков князя. К большому сожалению, Виктора Харламова уже не было в живых, а то он обратился бы к мэру Москвы Лужкову с предложением приобрести «останки основателя Москвы». Хотя, зная характер

«московского головы», не думаю, чтобы тот расщедрился. Может, взял бы на это деньги у своей жены. Юбилейные торжества прошли, все затихло, и об останках князя просто забыли – и у нас, а тем более у «старшего брата».

Но все же есть основание полагать, что ненадолго. История учит, что не бывает малозначительных событий, не бывает второстепенных личностей. Тем более что спустя восемь с половиной столетий с той далекой поры мы и сегодня в XXI в. видим, как важно единство народа, как страшны честолюбивые планы у грязных и подлых политиков. Но события 15.05.1157 в очередной раз показывают, что гнев народа может быть страшным. Лучше сделать выводы и не допускать проявлений народного гнева.

Подведем итог «великокняжеской чехарде» 1147-1157 гг. Это десятилетие показало неслыханную коллизию: два главных претендента на великокняжеский стол – «законный» Изяслав Мстиславич и «незаконный» Юрий Владимирович – трижды захватывали власть, дважды каждый вынужден был оставлять завоеванные позиции. Эта отчаянная борьба была усложнена еще и претензиями Вячеслава Владимировича, который козырял «старшинством» поколения перед Изяславом и старшим по возрасту перед Юрием. Борьба между претендентами послужила как бы прологом для новой драки во второй половине XII в. И это не объясняется личными качествами Изяслава и Юрия. Вид политической карьеры, который они продемонстрировали, стал характерным практически для всех их последователей.

Они захватывали Киев:

- черниговский князь Изяслав Давыдович трижды (1150, 1157, 1161);
- смоленский князь Ростислав Мстиславич трижды (1154, 1159, 1161);
- Всеволод Святославич Чермный трижды (1206, 1207, 1210);
- черниговский князь Святослав Всеволодович всего дважды;
- но все рекорды побил смоленский князь Рюрик Ростиславович: он семь раз вступал на киевский стол – в 1173, 1180, 1194, 1203, 1205, 1206 и 1207.

Средняя продолжительность пребывания конкретных верховников на престоле, как правило, не превышала двух-трех лет. 15 княжений продолжалось менее года. Более трех лет подряд удержались:

- Ростислав Мстиславич (1161-1167 гг.);
- Святослав Всеволодович (1177-1180 гг. и 1181-1194 гг.);
- Рюрик Ростиславич (1194-1200 гг. и 1207-1210 гг.);
- Мстислав Романович (1212-1223 гг.);
- Владимир Рюрикович (1223-1234 гг.) – по аналогии с XX в., словно Герои, нет, не Советского Союза, КР (Киевской Руси) – дважды, трижды.

Часто смена правителей происходила с головокружительной быстротой. Так, в 1171 г. на киевском столе побывало три князя: Глеб Юрьевич, Владимир Мстиславич и Роман Ростиславич. То же самое в 1206 г. Тогда Рюрика Ростиславича сменил Всеволод Чермный и вновь Рюрик у власти. На протяжении 1212-го та же карусель: Всеволод Чермный, Ингвар Ярославич и Мстислав Романович. Говорить о какой-либо стабильности не приходится. Не было выработано ни одной политической программы, время проходило в ожидании очередного стука в городские ворота, и приходилось ударяться в бега в поисках военной поддержки для возвращения. Ибо кто вкусил... При этом великокняжеская власть имела чисто юридическое значение и тешила лишь самолюбие. Но разве этого мало для власть предержащих? А по большому счету, чем могли заняться десятки бездельничавших князей и сотни их дружинников, которые, кроме как

воевать, ничего не умели?.. Да и не хотели мирных занятий из-за скудости интересов.

Безусловно, среди претендентов на киевский стол второй половины XII в. были достаточно способные политики. Именно они заняли достойное место в истории. Такие как волынский князь Мстислав Изяславич, смоленский Рюрик Ростиславич и черниговский Святослав Всеволодович, воспетый «Словом...». И хотя судьба не всегда была к ним благосклонна, тем не менее они высоко держали авторитет великого князя.

После смерти Изяслава Мстиславича в 1155 г. его сын Мстислав – властный и энергичный, его Б. Рыбаков называл «непреклонным», – имел более всего прав на киевский стол. Но пришлось уступить Киев его дяде – Ростиславу Смоленскому. Тут сыграло роль «право» старшего.

В 1161 г. Изяслав Давыдович в очередной раз направился на Киев, обманув противника неудачной и мнимой осадой Переяслава. Ростислав отступил к Белгороду, куда уже двигались волынские и галицкие полки. Их было немало, поэтому Изяслав остановился. С ним остался лишь племянник Святослав Владимирович. Далее у Войтовича: *«Изяслав понес значительные потери под Желанью (теперь Жуляны), но окончательно был постигнут под Буличем, где храбро оборонялся, но был поражен ударом сабли по голове и копьем в бедро, упал с коня и попал в плен. Его принесли к победителям, которые мучили умирающего укорами. Ему принесли вина, он немного выпил и сразу умер. Ростислав Михайлович велел отвезти его тело в Киев, в монастырь Св. Симеона, откуда Святослав Владимирович перевез его в Чернигов, где похоронил в церкви Бориса и Глеба».*

В то время и Волынь становится ареной политических баталий. Особенно, когда ее князь Мстислав Изяславич не отказывается и от великокняжеского стола. Несколько раз он был близок к этой цели и наконец в 1167 г. провозглашается киевским князем. Продержавшись в Киеве два года вплоть до погрома города в 1169 г., Мстислав был изгнан. Но не расстался с мыслью вернуться: он умер в 1170-м во время похода на Киев.

После смерти Мстислава главными соперниками за верховную власть стали смоленские князья – Роман и Рюрик Ростиславичи. Первый прославился на ниве культуры: он был основателем учебных заведений в своем уделе, интересовался литературой. А в делах политических особой активности не проявил, хотя дважды занимал великокняжеский стол. А вот его брат Рюрик принадлежал к числу наиболее энергичных деятелей своего времени. Но даже для богатого на предательства XII в. этот князь отличался особой беспринципностью. Поэтому все слои населения – и бедные и богатые – его не любили. Но так как Рюрик Ростиславич 7 раз был киевским князем, то остановимся на нем подробнее.

Политическими контрагентами смоленских князей стали неавторитетные Глеб Юрьевич, Владимир Мстиславич, Михалко Юрьевич, Ярослав Изяславич, Ингвар Ярославич, которые часто выступали исполнителями чужой воли. Но в конце 1170-х вступает в борьбу за великокняжеский стол черниговская династия Ольговичей в лице Святослава Всеволодовича.

В 1177 г. великий князь Роман Ростиславович организовал неудачный поход против половцев, провалившийся по вине смоленского князя Давида. Власть в Киеве захватил Святослав. И хотя ему мешал Всеволод Большое Гнездо, Святослав продержался до самой смерти в 1194 г. и был похоронен в Кирилловской церкви, построенной в родовом замке Ольговичей на северной окраине столицы. Она стоит и сейчас. Время Святослава Всеволодовича считается на Руси относительно спокойным, он даже утихомирил половцев, за что и был прославлен в «Слове...».

При всей ненадежности и непостоянстве княжеского правления значительно усилилась роль высшей знати – бояр, особенно киевских. И что характерно – им не импонировали сильные властные князья. Резкое ослабление великокняжеской

власти, с одной стороны, и постоянное укрепление и развитие вотчинного землевладения с другой – способствовало превращению великого боярства в ведущую социальную силу и открывало им большие возможности для реального воплощения своих планов. Вступление той или иной особы на киевский стол зависело теперь от боярской поддержки. Это отразилось в событиях 1146 г. Всеволод Ольгович, предчувствуя близкую кончину, просит киевских бояр присягнуть его протезе Игорю Ольговичу. От мнения киевской феодальной элиты, представленной такими личностями, как тысяцкий Улеб, бояре Иван Войтишич, Лазарь Саковский, зависела судьба формально утвержденного наследника престола. Именно эти люди выступили инициаторами приглашения на киевский стол вместо Игоря князя Изяслава Мстиславича. Их действия привели к утрате младшим Ольговичем не только титула, но свободы и жизни. Бояре Киева не только приглашали, но и изгоняли. *«Ты князь, когда силен будешь, и мы с тобой. А ныне не твое время, поди прочь!»* – заявили они в 1150 г. ими же приглашенному Изяславу Мстиславичу. «Маятниковый» характер великокняжеской чехарды отражал несогласованную сумятицу в среде киевской знати. Можно утверждать, что роль киевского боярства в политической борьбе была весьма существенна и, бывало, набирала решительный и утвердительный характер.

До 1169 г. Переяслав был трамплином к киевскому столу, но позднее потерял это значение, а из-за близости расположения стал зависим от Киева. Граница Переяславщины со степью заставляла всегда быть начеку. Наиболее известными защитниками южных рубежей были Ярополк Владимирович и Владимир Глебович. В связи со смертью последнего в 18.04.1187 впервые в летописи упоминается «Украина»: *«...плакали по нему переяславцы... был у них князь добрый, сильный в битвах, отличался большим мужеством, и за ним Украина много постана»*.

Чтобы не запутывать читателя еще больше, я решил духовную жизнь описываемого периода выделить в отдельную главу.

Как бы перефразируя пословицу «Пока князья чубятся, попы молятся», замечу, что все слои населения Киевской Руси оказались против своей воли задействованы в этих междоусобных столкновениях и в первую очередь духовенство. Поэтому в самый разгар киевского восстания Изяслав Мстиславич неожиданно взялся за дело, носившее сторонний характер: избрание митрополита на киевскую кафедру. Михаил Грек еще в 1145 г., то есть при Всеволоде Ольговиче, выехал в Константинополь, запретив до своего возвращения править службу в Софийском соборе. Два года кафедра пустовала, а из Византии не было никаких вестей. Константинопольская кафедра оставалась вакантной после смерти в 1146 г. Михаила Оксита. Существование Руськой церкви без главы серьезно беспокоило князя Изяслава. И он решился на рискованный шаг – избрать митрополита из своих епископов, как когда-то Иллариона. Собор состоялся в июне 1147 г., но участники не пришли к единому мнению. Князь предложил инок Зарубского монастыря Климента Смолятича, славного своей ученостью. Эта обитель, расположенная на правом берегу Днепра, напротив Переяслава, всегда была в сфере влияния переяславского князя. Выдвиженца поддержали епископы Онуфрий Черниговский, Федор Белгородский, Евфимий Переяславский, Демиан Юрьевский, Федор Владимирский. Против решительно выступили смоленский Мануйло и новгородский Нифонт, считавшие, что без благословения константинопольского патриарха делать этого нельзя, да и в Софийском соборе, где традиционно проводят освящение митрополита, служба под запретом. Нашли выход – освятили Смолятича «головой св. Климента» (мощами канонизированного Папы Климента, находившимися в Десятинной церкви, куда их привез из Херсонеса князь Владимир). Но тень сомнения все же витала над вновь утвержденным иерархом.

Климент Смолятич был одним из выдающихся деятелей культуры XII в., недаром летописец его характеризует как книжника *«так, якоже в Руськой земле не бжешет»*. К сожалению, до наших дней сохранилось только одно его произведение – «Послание к Фоме, пресвитеру Смоленскому». Да и то не в авторском варианте, а в изложении некоего монаха Афанасия. Смолятич не был представителем

узкоклерикального толка. Можно предположить, что существенное влияние на мировоззрение Климента Смолятича оказали бурные события и общественные процессы того времени. Выдвижение его на высокую должность имело одну особенность: Изяслав пришел к власти благодаря поддержке киевских жителей. Климент, не считаясь с проклятиями неугомонного Нифонта, исполнял свои функции до тех пор, пока Киев не захватил Юрий Долгорукий, который заключил митрополита в Печерском монастыре. Когда князь умер в 1155 г. и в Киеве утвердился Юрий, Климента низложили и запросили у Константинополя нового иерарха. Оттуда быстро направили на Русь митрополита Константина. Однако после смерти Долгорукого Константин вынужден был освободить кафедру и перебраться в Чернигов, где и закончил свой земной путь. Выполняя последнюю просьбу митрополита, епископ Антоний, вместо положенного захоронения покойника, выкинул его тело собакам. Этот вопиющий факт, противоречащий христианским обычаям, вызвал страшный скандал и поставил сторонников Константинополя в затруднительное положение.

На киевскую кафедру снова вернулся Климент Смолятич, однако новый великий князь Ростислав Мстиславич Смоленский отнесся к нему враждебно. Но и вернуть на кафедру Константина он не решился. Патриарху было предложено высвятить на нового митрополита кого-то третьего. В 1161 г. из Константинополя прислали Феодора, но через два года он умер. Тогда Ростислав обратился в Константинополь с просьбой официально утвердить Климента. Но послы задержались и в низовьях Днепра встретили нового митрополита Иоанна, недавно поставленного патриархом. Это был настоящий сюрприз для Киева: то ни одного, то... После длительной переписки, получив от императора Мануила Комнина щедрые дары, Ростислав согласился принять нового иерарха, однако при условии - в дальнейшем назначать митрополитов на Русь лишь по согласованию с киевским столом - в противном случае Киев оставлял за собой право выбирать главу Русьской церкви собором епископов по велению великого князя.

Эпоха Андрея Боголюбского - разрушителя Киева

Периоды обострения борьбы за Киев (40—50-е XII в., конец 60-х, 70-е XII в., нач. XIII в., 30-е XIII в.) сменялись временами стабилизации и мирного развития. Наиболее заметный след оставили правления Всеволода Ольговича (1139–1146) из черниговской династии, Изяслава Мстиславича (1146–1154), старшего сына Мстислава Великого, его брата Ростислава Мстиславича Смоленского (1158–1167), 13-летнее совместное княжение Рюрика Ростиславича (смоленская династия) и Святослава Всеволодовича (черниговская) – 1181–1194 гг. Во второй половине XII-первой и половине XIII в. за Киев боролись между собой соседние князья – черниговские, волынские, смоленские. Владимиро-суздальские князья Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо старались влиять на Киев через своих ставленников и содействовали упадку Киевского княжества.

На Андрее Боголюбском остановимся особо. Трудно найти более противоречивые описания его личности. Родился князь в 1111 г., от Юрия Долгорукого и дочери половецкого князя Аэпы. Первые упоминания летописцев об Андрее Юрьевиче относятся к периоду кровопролитной борьбы его отца с племянником, князем Изяславом, за киевский стол. В этих сражениях молодой Андрей показывал чудеса героизма и частенько рисковал жизнью. Был случай, когда после боя он с почестями, как брата, хоронил своего коня, павшего под ним. Все выдавало в нем кочевника – и в образе жизни, и в страстях. Он один из немногих князей Руси имеет портрет – реконструкцию по черепу, выполненную антропологом М. Герасимовым. Но большинство «патриотов отечества» сожалеют о полученном результате. Страшно смотреть на него! В реконструкциях людей каменного века, проведенных тем же скульптором, находим больше привлекательных черт. Выдающие художники В. Васнецов и И. Билибин в своих работах изобразили его весьма благообразным. Но, прочитав летописи, доверяешь больше фактическому изображению ученого-криминалиста Герасимова.

О двойственности личности Андрея Боголюбского говорится даже в «Православном богословском энциклопедическом словаре», изданном в конце XIX в. в С.-Петербурге: *«...Любовь к родине у него была так сильна, что работам о ней он посвятил всю жизнь... Нелюбовь к югу поддерживала в нем еще антипатия южнорусского населения (Киева, Чернигова... – В.К.) к его отцу, действительно неприятному по характеру человеку (Юрию Долгорукому. – В.К.), а с его отца перенесенная на него. Несмотря на желание отца иметь его при себе, св. Андрей покинул юг и ушел в свои любимые места, взяв с собою из Киева чудотворную икону Божьей Матери...»* Ох, как хочется поспорить с авторами столь уважаемого словаря. Как это взяв?! Похитил после ограбления Киева и сожжения Печерского монастыря по его приказу. Разве может «любовь к родине» проявляться только к какой-то ее части? Что-то противоестественно! Хотя в трагические 2014–2016 гг. любовь-ненависть к вырванным кусочкам Родины стала вопиюще привычной! Или уже тогда все, что было за пределами Суздальского края, было не родное, а чужое? Основной заботой князя Андрея были постоянные опустошительные набеги на собственный народ, населяющий южные земли. С половцами и прочими недругами Земли Руськой он не воевал. Одному «долгорукому» захватчику поставили памятник, а другого прозвали Боголюбским, но не за религиозные чувства, а по названию места, где он проживал. Почему все отечественные советские историки его недолюбливают, а церковные писатели прославляют? Работу Васнецова «Св. князь Андрей Боголюбский» мы видим во Владимирском соборе. Как попал он на столп храма, да еще на самое видное место? Для того чтобы у знатоков истории постоянно вызывать отрицательные эмоции и недоуменные вопросы? Но для Васнецова и его заказчиков это был *«Тип русского князя-богатыря, совмещающего в себе воинственное мужество с христианским благочестием. Мужественное лицо твердого характером и неумолимого князя выражает уверенность в себе и в успехе своих начинаний»*.

Андрей Боголюбский, как отмечали все историки, не просто не любил, а скорее, ненавидел «Мать городов»! По его приказу сын Мстислав в марте 1169 г. сжег Киев, который всего лишь один раз за все свое существование на три дня был

отдан на разграбление. На многих иконах и картинах, где умиленно изображен «благочестивый» князь, он с украденной несколько ранее в 1155 г. из Вышгорода иконой Богоматери. По одному из преданий, она написана евангелистом Лукой, по другому – иконописцем Алипием. С этой иконы («Владимирская Божья Матерь»), находящейся в Третьяковской галерее, начинается список ценностей, нагло вывезенных с территории Украины.

Основателем Суздальского княжества справедливо считают Юрия Владимировича. Именно при нем эти земли вышли из подчинения Переяслава и были определены их границы. Эта большая территория, которая, кроме Суздальского удела, включала также земли Ростовского, Рязанского, Муромского княжеств и область надокского, вятичского Полесья. Кроме этого, существовала перспектива расширения границ в северном и северо-восточном направлении и колонизации указанных земель с немногочисленным населением. Суздальские князья не теряли времени даром, осваивая Северное Заволжье, где возникают города Кострома, Великий Устюг, Вологда, а особенно Среднее Поволжье: там закладывается Нижний Новгород. Правители не забывали и про запад: Тверь, Волок Ламский, Ржев...

Став великим князем, Юрий Владимирович дал Андрею Вышгород и назначил его своим наследником на киевском столе. В отличие от отца, настойчиво и неоднократно пытавшегося овладеть Киевом, Андрей Юрьевич прекрасно понимал, что важнее строить свою столицу. Еще в 1151 г., когда его отец потерпел поражение в борьбе с Изяславом, он убеждал отца махнуть рукой на Киев и вернуться на Суздальщину: **«...се нам уже, отче здесь у Руской земли не рати, ничто же, а за тепла уйдем»**. Но когда отец закрепился на киевском столе, Андрей самовольно бросил Вышгород и подался в Залесье, прихватив с собой вышгородские святыни – образ Богоматери и меч св. Бориса. Предание говорит, что за 11 верст до Владимира конь, который вез святыню, остановился. Это расценили как предзнаменование, и в этом месте князь поставил город Боголюб, ставший резиденцией Андрея. Как видим, имя князя произошло не от особой набожности, а от названия поселения.

Насильственная смерть отца и народное восстание, имеющее антисуздальскую направленность, окончательно отторгли Андрея от княжения в Киеве. В 1158 г., после смерти Юрия Долгорукого, ростовцы, суздальцы и владимирцы выбрали Андрея своим князем. Так нарушилось завещание Юрия, обещавшего землю Суздальскую своим младшим детям. Своих братьев и племянников – детей Ростислава – Андрей изгнал из Суздальской земли, а с ними и **«мужи отца своего передни»**. Сам поселился во Владимире, желая избежать влияния больших бояр. Мечтал князь сделать Владимир настоящей столицей – богаче и краше Киева. Поэтому начал украшать город храмами. Заложил церковь Успения Божьей Матери, расширил детинец и увеличил пригород. С его легкой руки во Владимире появилась киевская топонимика – привычные нам названия – Золотые ворота, Подол и река Лыбедь. По выражению летописца, Андрей хотел быть «самовластным» и в делах церковных, желая учредить во Владимире митрополию. В особо важные походы он брал с собой Вышгородскую икону. Святыня была с князем и в битвах против волжских болгар-мусульман, это придало религиозное обоснование его территориальным притязаниям.

И в данном случае нельзя отказаться от проведения аналогий. В связи с этим праздник Покрова, который до этого на Руси не пользовался особой популярностью, выдвинулся в важнейшие, в так называемые «двунадесятые» церковные праздники. Была проведена параллель победы византийцев над сарацинами во времена Андрея Юродивого и его учителя Епифания (X в.) со взятием войском Андрея Боголюбского города Бряхимова с покорением восточных соседей-измаилитов. Без сомнения, не последняя роль в этом принадлежит совпадению имен главных героев.

Андрей Боголюбский попытался принизить значение Киева и духовным путем. Поднимается культ самой главной святыни Суздальского княжества – выкраденной

из Вышгорода иконы Владимирской Божией Матери. Создается целый цикл легенд, посвященных этой святыне. О большом значении, какое суздальский князь придавал святыне, свидетельствует тот факт, что он лично брал участие в написании «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божией Матери». Андрей решил добиться автокефалии для Владимирской епархии – в противовес Киевской митрополии. Это не только возвеличило бы Суздальское великое княжество, но и обеспечило свободу действий и в сфере духовной политики.

Решение не приняли из-за натянутых отношений Андрея с церковными иерархами. Епископ Леон, который незадолго до этого «не по правде» сменил Нестора, поддерживал тесные связи с суздальским и ростовским боярством. Ни ему, ни знати единовластие князя было не по душе. Леона бесцеремонно изгнали. Его место занял некий Федор («Федорец»), который формально был высвящен на ростовского епископа, но резиденция была во Владимире. Этот ставленник Андрея был столь низкого духовного звания, что его ни в грош не ставили. В Константинополь, минуя Киев, отправился уполномоченный посол Андрея, Яков Станиславич. Но его миссию постигла неудача: патриарх Лука Хрисоверг – скорее всего по согласованию с императором Мануилом Комниным – категорически отказался возвести Федорца в сан митрополита, санкционировав лишь перевод кафедры во Владимир. Это не устраивало Андрея, который надеялся подчинить Ростовскую, а впоследствии – Новгородскую епархии Владимирской митрополии. Задумка Андрея потерпела полный крах, так как была неприемлема для Киева и всей древнерусской иерархии. К тому же патриарх потребовал от Андрея возвращения прерогатив «законному» ростовскому епископу Нестору. Сделать это для суздальского князя было равноценно очередному поражению, но пришлось покориться. Андрей в конце концов выдал своего Федорца митрополиту Константину.

Расправа в Киеве с «новым Сатанаилом» – так назвали протеже князя летописцы – была неслышанно жестокой: несчастному вырвали язык, отрубили руку, выкололи глаза, а потом сожгли на костре. Не знала Русь до этого такой жестокости: в ней, призванной застрашать непокорных, нашел свое воплощение византийский «опыт», усвоенный греком-митрополитом еще до прибытия на Русь. Но чтобы хоть немного сгладить негативное впечатление от ужасной акции, в летописные тексты были внесены не менее страшные обвинения в адрес «еретика». Если верить тем филиппикам, казненный епископ отличался большой жестокостью: он грабил и убивал, выжигал глаза, резал языки, распинал на стене... Колоритные подробности, безусловно, преувеличены, хотя реальный Федорец был далек от христианского этического идеала.

Православное мировоззрение на Руси XII–XIII вв. растеряло значение единой идеологической системы. Параллельно с церковной культурой, которая развивалась очень активно, возникла другая – свободная от узкодогматического миропонимания, светская по содержанию и форме. И что знаменательно: новая культура активно вторгалась в область церковной идеологии, чтобы подвергнуть ее тщательной проверке и критическому переосмыслению. Традиционная система перестала удовлетворять общественную мысль, она требовала развития и усовершенствования, дополнения и адаптации к новым временам и условиям, приближения к тем социальным проблемам, которые стали волновать общественность. Это повлияло на положение и поведение древнерусской иерархии.

Наибольший резонанс, как ни странно, имели дискуссии о посте. Шли они с разной интенсивностью и продолжались почти весь XII в. Христианская церковь, особенно православная, рассматривала пост как один из важнейших способов духовного совершенства. Постными днями считались среда и пятница каждой недели на том основании, что в среду Христа предали и выдали стражникам, а в пятницу – распяли на Голгофе. Кроме этого, восточная церковь утверждала еще долгие сезонные посты – Великий пост перед Пасхой, Филиппов перед Рождеством и т. п. Во время поста строго запрещалось употреблять в пищу некоторые блюда, причем самые питательные, те, которые более всего способствовали пробуждению «телесных», жизненных импульсов – в первую очередь мясо. Но большие

христианские праздники слились с языческими: Рождество – с колядой, Троица – с Ярилиным днем, День Иоанна Предтечи – с Купалою, которые традиционно сопровождалось торжественным и ритуальным застольем. Вспомним ночное гуляние, волнующее воображение Андрея Рублева в гениальном фильме Андрея Тарковского. Стоял вопрос: как действовать благочестивому мирянину, если Рождество или Крещение, Благовещение или Успение приходилось на постный день? Обсуждение этого простого до бессмыслицы вопроса тогда, на Руси, переросло в серьезную общественно-политическую проблему.

Во второй половине XII в. ситуация обострилась – в спор вмешался Константинополь, что привело к конфликтам на Руси. Так Андрей Боголюбский вступил в конфронтацию из-за поста и мясоедения с ростовским епископом Леоном. Он был осужден как еретик, но вдруг получил поддержку от киевского митрополита Константина. Но печерский игумен Поликарп – человек весьма авторитетный в церковных и княжеских делах – оппонировал митрополиту. Тогда великий князь Мстислав Изяславич, который незадолго до этого утвердился на киевском престоле, решил созвать специальный собор епископов для решения этой проблемы. Решительнее всего был Андрей Боголюбский, требуя убрать митрополита с кафедры как еретика и избрать кого-нибудь другого. Что касается мнения Царьграда, то зачем к нему прислушиваться? Константина поддержали лишь два епископа: Антоний Черниговский и Антоний Переяславский. Никакого решения собор не принял. Князь Мстислав, чтобы досадить своему противнику Андрею, не согласился снять митрополита. Константин с помощью своих сторонников схватил Поликарпа и заточил в темницу. В ответ горячий сторонник мясоедства черниговский князь Святослав Всеволодович изгнал Антония из своей земли. Дискуссию перенесли в Константинополь, но и там не пришли к окончательному решению. Патриарх Лука поддержал киевского митрополита, а болгарский экзарх Адриан встал на сторону его оппонентов. Император Мануил Комнин, присутствующий на диспуте, откровенно скучал, и свои суждения высказать не изволил.

В это время на Киев напала рать Андрея Боголюбского, и вопрос, когда и кому есть мясо – утратил актуальность.

Главным актом, имеющим необычайно серьезные последствия и фактически определившим историческую судьбу Суздальской, а потом и Московской Руси, было провозглашение здесь великого княжества, во всех отношениях равного по значению Киеву. Заявив себя великим князем, Андрей сразу же стал стремиться к единовластию. В отличие от традиций, сложившихся в Киевской Руси, в Суздале князь максимально централизовал свою власть, ограничив, до полной ликвидации, удельную систему, значительно уменьшив боярское участие в правлении, исключив любое влияние Киева. Первыми жертвами князя стали его ближайшие родственники. Так были лишены власти его младшие братья Мстислав, Василько и Всеволод, племянники Мстислав и Ярополк Ростиславичи. Затем последовала расправа со старшим боярством. Короче, все государственные дела Андрей решал единолично.

Некоторые историки считают печально известный поход на Киев в 1169 г. более разрушительным, чем монголо-татарское нашествие. Формальным предлогом для этого были новгородские дела. Мстислав Изяславич Волынский, который незадолго до этого овладел великокняжеским столом, добился избрания новгородским князем своего сына Романа, что не понравилось Андрею, имевшему свои планы относительно этого свободолюбивого города. Но настоящая причина серьезнее и глубже. Дело в том, что великокняжеский титул, самовластно присвоенный Андреем, вызывал на Руси скептическое отношение. Для всех верховенство было неразрывно связано только с Киевом, что раздражало властолюбивого и горячего князя. Пока в Киеве правили смоленские Ростиславичи, побаивающиеся Андрея и не пытавшиеся с ним враждовать, открытого конфликта не было. Но в 1167 г. на киевский стол сел решительный и бескомпромиссный князь Мстислав Изяславич, и война стала неминуемой. Андрею

посчастливилось собрать большую коалицию «одиннадцати князей»: Глеб Юрьевич Переяславский, Роман Ростиславич Смоленский, Владимир Андреевич Дорогобужский, Ростиславичи: Рюрик Овручский, Давид Белгородский, Мстислав Храбрый, Олег и Игорь, Святославичи из черниговского дома, суздальские Всеволод Юрьевич и Мстислав Андреевич. Последний руководил походом. Ему помогал боярин Борис Жидиславич. Сам инициатор войны непосредственного участия в ней не брал, стараясь хоть формально сохранить свое реноме. Одновременно против Новгорода послали ковуев хана Бастея во главе с князем Михалком Юрьевичем. Войска коалиции собрались возле Вышгорода.

Талантливый полководец и политик Мстислав Изяславич недооценил угрозу. Он очень беспокоился за сына, которому выслал в помощь черных клобуков с князем Михаилом Юрьевичем, но войско было перехвачено Ростиславичами, и торки послушно перешли на сторону большинства. С Волыни спешили полки Ярослава Изяславича на помощь брату Мстиславу. На подходе были галичане и поляки. Войско коалиции стало в Дорогожичах возле церкви Св. Кирилла и три дня безуспешно штурмовало столицу. Все их попытки захлебнулись, и на протяжении трех недель происходили лишь незначительные стычки. И как всегда, среди боярства нашлись предатели: Петр Борисович, Нестор Жирославич, Яков Дигиневич и еще некоторые вступили в переговоры с Давидом Ростиславичем и указали слабые места в обороне. Только после этого, опасаясь подхода галицкой и волынской рати, Глеб Юрьевич решился рискнуть. Он предпринял отвлекающий момент – направил княжеские дружины на Гору, где оборонялся Мстислав, а сам с суздальцами и черными клобуками прошел в обход. Изменники открыли ворота в столицу. По настоянию дружинников Мстислав покинул детинец, прорвавшись из окружения. При этом много соратников князя погибло: воевода Дмитрий, дворский Александр, судья Родион, Собислав Жирославич, Иванко Творимирич... Мстислав отступил к Васильеву, куда на помощь подходили волыньские полки.

Захват Киева Андреем Боголюбским. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

8.03.1169 Киев был захвачен и подвергнут нещадному грабежу и разрушению. Мстислав Андреевич выполнял указание отца методично и основательно: столица не должна быть восстановлена. Представим слово летописцу: **«И грабиша за два дни весь град: Подолье и Гору и монастыри, и Софью, и Десятинную Богородицу, и не бысть помилования никому же ниоткуда же, церквам горящим, крестьянам убиваемым, другим вяжевым, жены ведомы быша в плен, разлучаемые от мужей своих, младенцы рыдаху, зряще**

матери своих. И взяшо имена множество, и церкви обнажиша иконами и книгами, и ризами, и колоколы изнешоша все, смоляне, и суждалцы, и черниговцы, и Олгова дружина, и все святыни взяты бысть; зажжен бысть и монастырь Печерский, святая Богородица от поганых, но Бог молитвами святые Богородица съблюде и от таковыя нужа. И бысть в Киеве на всех человецех стенание, и туга, и скорбь неутешимая, и слезы непрестанные». Нужно отметить, что в ряде советских изданий этот фрагмент Ипатьевской летописи опускался. Для «официальной» истории такие аналогии были излишни. М. Грушевский этот налет охарактеризовал так: «...ціла хмара українських князів посунула нищити Київ на славу його північного суперника».

Этот поход стал невиданным явлением на Руси. Киев был всегда объектом политических ссор, за него постоянно велась отчаянная борьба, в процессе которой его не раз брали на копье со всеми вытекающими последствиями. Но это была борьба за столицу. Город не уничтожали, не разрушали, так как в планы входило владеть им. Цель у Андрея была иная: раз и навсегда покончить с общерусьской столицей, не допустить какого-либо восстановления ее, оградить Владимир от малейшего упоминания о киевском подчинении. Андрей повелел княжить в Киеве брату Глебу, князю переяславскому – личности малоавторитетной, хотя и не без способностей полководца.

Но задуманный Андреем Боголюбским план потерпел полный крах. Уничтожить Киев оказалось делом трудным, а мысль лишить его значения общерусьской столицы невыполнимой: в представлении народа он оставался центром княжеской власти.

В конце злосчастного для Киева года Мстислав Изяславич выступил из Луцка с братом Ярославом, к ним присоединились полки из разных княжеств, недовольных действиями суздальцев. Вскоре они были у Васильева. Торки и коуи перешли на сторону более мощного Мстислава. Глеб Юрьевич спешно покинул Киев, который без усилий занял Мстислав. Глеб из Переяслава послал навстречу Мстиславу своего тысяцкого с берендеями. Но галицкий полководец Константин Сирославич, связанный с окружением невестки Ярослава Осмомысла, сестры Андрея, подкупленный суздальцами, заявил Мстиславу, что он не может дальше с ним оставаться и показал фальшивую грамоту своего князя. Это было неожиданно для Мстислава – Ярослав Осмомысл обещал ему войско до полной победы или выгодного мира. Поэтому пришлось отступить к Киеву и готовиться к битве у Золотых ворот. Тут киевляне взмолились: слишком тяжелым был для них этот год, и они боялись повторения погрома от суздальцев. Мстислав дал себя уговорить и отошел на зимние квартиры в свою Волынь, где вскоре, в возрасте 50 лет, умер. Вновь Татищев: *«Сей князь не вельми большого, но широк в плечах и крепкий, а его лук мало кто мог натянуть, лицом красивый, волосы кучерявые носил коротко, мужественный в битвах, правдолюб. Храбрости его все боялись и уважали. Хоть и часто с женщинами и дружиной веселился, но ни женщины, ни вино им не владели. Всегда к делам был готов, мало спал, много книг читал. Во всех делах советовался с вельможами, и детей к этому наставлял, указывая им, что честь и польза князя заключается в правосудии, деловитости и храбрости».*

Глеб Юрьевич вернулся в Киев, но вскоре 21.01.1171 его отравили киевские бояре: Григорий Хотович, Степанец и Олекса Святославич. Верховоды вошли во вкус использования «зелья» в своих корыстных целях. Киевский стол вновь перешел к смоленскому дому Ростиславичей. Андрей, узнав о смерти брата, послал в Киев мечника Михна с требованием выдать отравителей. Но Ростиславичи, вкусив власти, не испугались могучего соседа и отказались выдать убийц. Начались взаимные угрозы и оскорбления. Тут князь трипольский Мстислав Храбрый, который, по мнению современников, «не боялся никого, кроме Бога», приказал обрить Михну голову и бороду, что считалось неслыханным оскорблением как для посла, так и для посланного его, и отправил его к Андрею. Назревал новый конфликт, и в 1174 г. суздальская рать, вновь разбавленная другими полками, подошла к Киеву. По данным летописи, их было 50 тысяч. Дошли до Вышгорода, но его оборонял Мстислав Храбрый, и взять город не удалось. Рать начала редеть, не

выдержав долгой осады, так что пришлось Андрею возвращаться восвояси.

Так всю жизнь и провел в сражениях и в борьбе за единоличную власть Андрей Боголюбский, разделяя и разрушая монолитность Русьской Земли. И хотя его смерть описана со всеми подробностями, но хочется остановиться на этих событиях еще раз. За основу возьмем образный и красноречивый текст Кузьмища Киевлянина – современника, и, судя по всему, свидетеля преступления.

Андрей велел казнить одного из братьев своей первой жены – Кучковича. Брат казненного, Яким, организовал заговор, в котором приняло участие два десятка людей. Особые надежды возлагались на ключника князя Анбала Яссина и Ефрема Моизича, которого летописцы называют «юдовиным». Они, напившись допьяна, чтобы не ощущать страх, ночью, выломав дверь, ворвались в опочивальню. Князь вскочил, стал искать меч св. Бориса, висевший всегда над ложем. Как уже говорилось, Андрей выкрал его из Вышгорода. Но меч накануне предусмотрительно стянул Анбал. В потасовке, происходившей в темноте, убийцы нанесли удары, чаще всего мимо жертвы. *«Горе вам, нечестивые, – говорил Андрей. – Зачем хотите походить на Горясера [убийцу св. Глеба]. Какое зло я вам сделал? Если прольете мою кровь, то Бог отомстит вам на небеси!»* Потом князь затих, и заговорщики вынесли его вместе с телами своих сотоварищей, погибших в пьяной неразберихе. Затем сели отметить злодеяние. Панический ужас охватил их, когда обнаружили, что князь исчез, зажгли свечи и начали поиски. Израненный Андрей не мог далеко уйти. Настигнув его, они отсекли ему руку. *«Господи, в руци Твои предаю дух мой», – произнес Андрей и скончался.*

Убийство Андрея Боголюбского. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XIII в.

Пьянствуя, убийцы запугали всех горожан владимирских, поэтому к нагому телу князя никто не подходил почти три дня, кроме слуги Кузьмища Киевлянина. Тот оплакивал тело, лежащее у ограды. Проходящему убийце Кузьмище сказал: *«Ефрем – враг! Брось мне ковер или что-нибудь прикрыть его».* – *«Не трогай, хотим выбросить его псам».* – *«Еретик! Хочешь и сам выкинуть!»* – отвечал Кузьмище. – *«Помнишь ли, жид, в каком платье ты пришел, а теперь ходишь в аксамите, а князь лежит наг. Кинь что-нибудь, прошу тебя».* Ефрем Моизич с усмешкой бросил ковер и плащ. Обвернув тело, Кузьмище поднес его к церкви. Но двери были закрыты, а перепуганные служители их не открывали. Лишь на третий день игумен Космодемьяновского монастыря Арсений отслужил по убитому панихиду. Только после многодневных разбоев и грабежей, которые сопровождали ранее и смерть его отца, Юрия, Андрея Боголюбского похоронили во Владимирском Успенском соборе.

В 1702 г. мощи были открыты и произошла канонизация святого благоверного князя Андрея Боголюбского. Причины этому были, я думаю, следующие: нужно

было оправдать в глазах православного народа далекие от христианской морали деяния царя Петра, убившего сына, преследующего родных и не щадящего друзей. Как схожа жизнь властелинов! Сколько в них общего – как по отношению к населению подвластной страны, так и к близким и дальним родственникам. Напрашивается современная аналогия, но не хочется страницы книги загрязнять...

Заговорщики, опасаясь мести владимирцев, готовились к осаде Боголюбова. Но на удивление, население столицы проявило полное безразличие и ничего не предпринимало. Младшая дружина и городской патрициат были обеспокоены возникшей проблемой: кто займет опустевший престол? Можно было предположить, что ключевые позиции в государственной жизни вновь попытается взять в свои руки старшее боярство, выдвинувшее на стол брата покойного – Всеволода Юрьевича. Старшая дружина предложила своих кандидатов – Мстислава и Ярополка Ростиславича – племянников Андрея, которых он в свое время отстранил от правления. Был разработан план раздробления княжества, чтобы вызвать усобицу. После двухлетней передыжки верх взял старший Юрьевич. Новый князь, занявший владимирский престол – Всеволод Юрьевич Большое Гнездо – уже не пытался бороться за Киев; всю свою энергию он направил на усиление своей власти в Северо-Восточной Руси. Принцип самовластия стал ведущей политической доктриной. Суздальское княжество – одно-единственное на Руси – окончательно стало на путь развития монархической системы правления.

Со смертью Андрея Юрьевича попытка ликвидировать Киев как общерусский центр потерпела полную неудачу. А Плано Карпини, который посетил лежащий в развалинах Киев после монгольского нашествия, называл его столицей Руси.

Истоки формирования трех народов

Весь XII в. был ознаменован серьезными изменениями в жизни Руси. Отход Суздальской земли от Переяславского княжества имел такое же значение, как на столетие раньше отход Полоцкой земли. И к политическим причинам добавились этнические, а также на раннем этапе национальные. Если Полоцкая земля с ее главными городами Витебском и Минском составила тот центр этнической интеграции, который мы сегодня вправе назвать белорусским, то Владимирская Русь – вместе с Ростовом, Рязанью, Муромом и другими городами Волго-Окского бассейна – стала подобным центром русской интеграции. Тут государственная форма в общих чертах отражала более глубокие и давние племенные местные формирования. Таким образом, Киевская Русь представляла собой только относительно видимое единство. Государство имело определенную этническую структуру, генетически связанную с докиевским, дофеодальным периодом, когда летописные «племена» существовали как целиком определенной исторической реалии. В дальнейшем процесс этнической консолидации развивался не вокруг одного центра (Киева), а был связан с тремя – Киевом, Полоцком и Суздаlem. В тяжелых условиях монголо-татарского нашествия и господства Золотой Орды над большей частью страны он завершился выделением трех восточнославянских народов – украинского, белорусского и русского. Я поставил их согласно хронологии окончательного формирования. Этот процесс охватывает время между XII и XV вв. Его проявления прослеживались уже в домонгольское время, в частности в сфере языкового развития. Многие исследователи выявили в письменных памятниках целиком очевидные признаки украинского, белорусского и русского языков, которые имеют соответствующее происхождение. В послемонгольский период в связи с распадом Киевской державы этот процесс значительно ускорился и усилился.

Дискуссионным является вопрос о причинах и факторах, которые создали условия разделения так называемой «древнерусской народности» и формирования на ее основе трех современных народов. В свое время в отечественной литературе приобрела популярность концепция, согласно которой феодальное раздробление и распад Киевской державы на ряд больших владений-полугосударств обусловили и распад «единой древнерусской народности». Этот ошибочный взгляд, поскольку причина и следствие поменялись местами, подвергся справедливой критике. Но и противоположная ему концепция, утверждавшая абсолютное единство «древнерусской народности» в период феодального раздробления, также неверная, потому что не объясняет, почему вместо одного восточнославянского народа сейчас мы имеем три. Мне близка и кажется более правомерной концепция академика Б. Рыбакова. Он считает, что сам раздел Руси на феодальные уделы в полной мере отражал ее этническую структуру. Действительно, если выбрать первое предположение, то задаешься вопросом, почему образовалось только три народа, а не больше, по количеству княжеств... Почему нет переяславского, черниговского народа? Важными оказываются взаимоотношения между княжествами, а они были разными. В этой связи становится понятным, почему владимирские князья стремились к сохранению своего влияния в Рязани, Муроме, претендовали на верховенство над Новгородом, но проявляли абсолютное безразличие к Чернигову, Полоцку, Смоленску. Точно так же волынские князья тщательно берегли Берестье, Туров, Пинск, добивались власти над Галичиной и Подолем, предъявляли претензии к Киеву и Чернигову, но им были неинтересны значительно ближе расположенные Слуцк, Минск, Полоцк. А заинтересованность в этих городах проявляли полоцкие князья, которым нужны земли дреговичей и кривичей – Минск, Слуцк, Друцк.

Витязь на распутье. Худ. В. М. Васнецов

С середины XII в. на политическую арену выступают бывшие окраины: Смоленск, Владимир-на-Клязьме и другие северо-восточные центры. Картина в корне меняется и становится весьма сложной: тенденция отделения Владимиро-Суздальского княжества от Киева, которая начиналась от Андрея Боголюбского, стала весьма заметной, но при этом усилилась центральная власть владимирского князя в границах своей земли. В российской историографии XIX в. активно будировался вопрос о перенесении столицы из Киева во Владимир. Этот тезис приобрел в великодержавной науке характер официальной доктрины, с помощью которой царизм стремился перекинуть прямой мостик от киевской династии князей к московскому царскому дому. Для обоснования этого тезиса пошли в ход всевозможные, часто смехотворные аргументы – от похода Андрея Боголюбского на Киев до перемещения Вышгородской иконы Божией Матери во Владимир. Но в действительности происходило все иначе: очевиден курс владимирских князей на строительство отдельного независимого государства на северо-востоке Руси, не связанного с Киевом. Поэтому владимирские князья, начиная от Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, мало интересовались делами Киева, Чернигова и других южных земель, беспокоясь в первую очередь о своих территориях и собственном государственном суверенитете – в границах тех земель, которые позднее стали основным территориальным ядром русского народа.

На заре существования Киевской Руси отправка во вновь сформированные княжества князя с дружиной, потом чиновников, духовенства для идеологической обработки и подчинения языческого населения обусловила особое состояние местных жителей, на основе которой формировалась русская народность.

Откуда пошли наименования народов... С белорусами ясно – как была Белая заснеженная Русь, так и осталась. С русскими тоже более-менее понятно. Обратите внимание, что национальности всех народов: украинец, белорус, поляк, еврей, чукча, мордвин, грузин... – имена существительные, а русский – имя прилагательное. Как так получилось? В те достопамятные времена, когда происходило присоединение земель, из Киева, Чернигова, Галича... приезжали князья с дружинами и отрядами чиновников, слуг, духовенства. Все они были из Руси, то есть русскими... Потом под влиянием религии, культуры, образования покоренные народы, которые приобщились к правящим слоям пришлого населения, понемногу перенимали язык, вероисповедание, письменность, обычаи, особенно старались, чтобы дети получали развитие более просвещенных пришельцев, то есть происходила постепенная, медленная, но повседневная русификация. Причем не переучивание, как происходило позднее, на польское восприятие культуры в Киевской земле в XVI в. или в Российской империи в XVIII в.

на французский манер. Поэтому меря или эрзя, чудь или вепс стыдились своей дикости и охотно отзывались на прозвание русский меря, русский эрзя и т. д. Впоследствии подобное произошло с татаринцом Кара Мурзой, потомок которого стал Карамзиным, с немцем Фон Визиним... и «имя им легион...».

Киевская Русь стояла, как витязь на распутье: в какой народ определиться, кем стать – белорусом, украинцем или русским?

Получив образование при монастыре или от дьяка, дети священников, дружинников, бояр, князей и их слуг старались переписывать слова Святого Письма, которое уже было составлено на церковнославянском или старославянском. На этом языке и формировалась литература, сначала духовная, а лишь спустя столетия – светская. Летописи не в счет – они тоже велись монахами. Но, уже начиная с Лаврентьевской летописи, мы можем говорить о северо-восточной владимирской традиции, из которой происходят московские Троицкий, Симеоновский и Никоновский кодексы с отличительными элементами русского языка. А также о зарождении литературы Московской державы, продиктованном окончательным распадом Киевской Руси. Московия формировалась и расширялась как государство с сильной централизованной властью, но сохранялась значительная зависимость власти от монголо-татар с их упрощенной, примитивной идеологией: грабь и разделяй. Естественно шел поиск идеологического обоснования политике: источником служили древние летописи. Но это позже, когда происходило формирование Московского ханства, то бишь, княжества. Эти идеи звучали очень остро; они становились действенным оружием в будущей политической борьбе. Вот почему традиции киевского летописания, особенно «Повесть временных лет», переживает в Московском государстве XV – XVII вв. особенное возрождение. В новые своды включают тексты старых летописей. Все это неоднократно переписывается, кое-что при этом сознательно или случайно теряется, но все равно имеет громадное общественное влияние. В киевских летописях берут основные моменты, выгодные московским правителям, тогда закладывающим свои духовные основы: легенда о призвании варяжских князей оказалась ядром, с помощью которого обосновывается историческое право этого самодержавия, добровольная передача власти в руки династии Рюриковичей, занимавшей московский великокняжеский, а потом – царский престол. Фигура Владимира Мономаха в связи с его родственными связями с византийским императорским домом дает основание заявить о Москве, как о Третьем Риме, а «четвертого не дано». Корону, венчающую московских правителей на царствовании, называют «шапкой Мономаха», хотя к реальному историческому Мономаху она не имеет абсолютно никакого отношения. До установления на ней креста она венчала голову кого-то из монгольских ханов. Так что у нас вызывает ироническую усмешку «шапка Мономаха» в руке св. князя Владимира на памятнике, стоящем на киевских высотах. Князья московские уже в XIV в. рассматривали свое правление как непосредственное продолжение истории Киевской Руси. А по мере укрепления и расширения Московского государства эта идея все больше и больше пробивала себе путь, став в конце концов главной в средневековой и более поздней имперской историографии.

Теперь об украинцах. Это народ, испокон веку живущий на одной и той же территории, возделывающий поля и производящий сельскохозяйственные продукты. Археологические находки: керамика, предметы повседневного быта 4–5-тысячелетней давности украшены декором, широко распространенном и у современных украинцев. Нельзя, да и незачем, отрицать тягу к родной земле, политой потом и кровью предков украинцев. Да и само название народа – украинцы, живущие – с достопамятных времен **в своём крае**, на своей земле. Некоторых вводит в заблуждение совпадение названий: у поляков «край» – это граница, поэтому живущие «у края» – на границе, окраине ойкумены – украинцы (пограничники), но это для Европы, а не для русских псевдоисториков и квасных патриотов, считающих: Украина – это «окраина». Как в пословице: «Слышал звон, да не знает, где он». Услышали похожее сочетание и переработали на свое, удобное для россиян, понятие: «Украина». На европейских картах XVI–XVIII вв. Украина уже существует с таким названием, а на месте современной европейской

части России читаем Московия – раньше Татария. Как же иначе, если правители этой территории платили дань и находились в подчинении у Золотой Орды? Вот почему для европейцев украинцы – пограничники, оберегающие их земли от вторжения диких, «татарских» народов.

Теперь об украинском языке. Безусловно, как **литературный** язык он сформировался позже русского. Но некоторые местные, народные, украинские слова и сочетания встречаются в летописях, написанных на старославянском языке. Уже после разгрома Киева и подчинения монголо-татарам Галицкого и Волынского княжеств, объединенных Романом Мстиславичем, в текстах летописей все больше и больше появляются украинские слова и словосочетания. Это вызвано, скорее всего, тем, что летописцы уже не проходили обучение в центрах духовной культуры, испытывающих влияние византийцев, находящихся в Киеве и Чернигове. Ведущие записи уже менее грамотные и книжные, у них больше связь с народом, ведь набирались переписчики из глубинки Киевской Руси. Центры-то разгромили и обезлюднили.

В лесах и болотистых местностях, которых опасались степные завоеватели, люди жили обособленно, как и столетия тому назад, говоря на своем языке, не нуждаясь в письменности. Религиозные обряды им проводил их местный полуграмотный батюшка, на ломаном церковном языке произнося две-три молитвы. Городского населения тогда было очень мало, да и города ставали добычей завоевателей. Население в неспокойное время предпочитало жить в глубинке, так спокойнее и сытнее. Там еду не отберут и жинку не изнасилничают. А за Киевом на северо-западе были дремучие леса, тянувшиеся аж до... Что говорить о XIII—XIV вв., когда в 1990-е из города люди бежали в села, это позднее «село» понаехало в столицу. Мне подсказали, что заселяли (очень соответствующее слово) город и в довоенное время, когда пытались ликвидировать «смычку» между рабочими и крестьянами. Да и при Хрущеве с отменой запрета на выдачу колхозникам паспортов возник поток «новых горожан». К сожалению, у нас не было фермерства... А кулаков, как сословие хозяйствовавших **с любовью** на своей собственной земле, – уничтожили на корню. Вот одна из главных причин отставания современной экономики.

Национализм – это когда лицо одной национальности видит в лице другой национальности – морду.

Летописи: борьба за Киев

Еще раз остановимся на конце XII в. – тяжелейшем времени в истории Руси: разодранная междоусобицами страна стала ареной таких жестоких потрясений, что даже ее непосредственные участники теряли видение каких-либо перспектив. Только отдельные гениальные личности, такие как автор «Слова о полку Игореве», были способны охватить взглядом процессы, бурно протекающие на Руси, понимали их закономерность и могли вынести свой приговор. Для преобладающего большинства современников то время стало невероятным хаосом, совсем лишенным причинно-следственной связи. Заметная особенность летописных текстов этого времени – сверхмерная перегруженность механически сведенными фактами – как важными, так и ничего не значащими. Искать в этих текстах единую философскую концепцию, такую, которая присутствует в «Слове...», – бессмысленно. Его автор поднялся над реальностью, оторвался от обыденности и смог увидеть причину того отчаянного положения, в котором очутилась Русь, и ощутил скорую ее гибель.

Теперь хроники ведутся не только в Киеве и Новгороде, но в Чернигове, Переяславе, Владимире, Галиче, Смоленске... Конечно, каждый из авторов «свое болото хвалит», ставя задачи князя-патрона выше общерусских интересов. Из пестрого калейдоскопа исторических произведений почти ничего не сохранилось в аутентичном виде. Наиболее значительным летописным сводом домонгольского периода является, безусловно, так называемое Киевское сведение 1200 г., составленное поэтом, публицистом, игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Этот комплекс позднее вошел в знаменитую Ипатьевскую летопись конца XIII в. и благодаря этому дошел до нас в практически неизменном виде, убедительно отразил те тенденции, о которых идет речь.

В основу произведения положена летопись «Мстиславого племени» – хроника, которая на протяжении многих десятилетий велась при дворе потомков Мстислава Великого – Изяслава и Ростислава Мстиславичей, а также Рюрика Ростиславича. Первую часть летописи Б. Рыбаков приписывает боярину Петру Бориславичу, выполнявшему функции канцлера при Изяславе. Боярин имел свободный доступ к архиву, материалы которого использовал. Творческой манере этого автора, отражающей волынское течение в киевском летописании, присущ светский характер изложения, свободный от слов, характерных для монахов. Литературная форма близка к стилю рыцарских романов, что вполне понятно, учитывая положение летописца, находящегося в гуще политических событий и конфликтов, а в некоторых даже участвующего. Но при этом в летописи были использованы отрывки из более старых текстов, существенно различающихся по стилю и идеологической направленности. Б. Рыбакову удалось выделить в общем материале следы более десятка произведений, использованных игуменом Моисеем. Черниговское течение представлено тут летописью Поликарпа, ставшего позднее игуменом Печерского монастыря и одним из авторов Киево-Печерского патерика. Он из окружения князя Святослава Ольговича, поэтому именно ему принадлежат строки, приятные Ольговичам. После смерти Святослава Поликарп переориентировался на князя Ростислава (смоленский дом), сохраняя пиетет к своему покойному патрону. К чернигово-суздальской школе принадлежит Кузьмище Киевлянин. Но основная историографическая традиция северо-восточной Руси представляет отдельное явление, очень мало связанное с южнорусской традицией. Смоленское направление представлено хроникой великого князя Рюрика Ростиславича, который долгое время старался занять киевский стол. Эта летопись велась в Белгороде и Киеве.

На основе анализа Ипатьевской летописи Б. Рыбаков пришел к выводу, что на протяжении второй половине XII в. в Киеве было создано четыре свода, авторы которых были представителями разных летописных школ, а именно:

- летописный свод Печерского монастыря, составленный архимандритом Поликарпом и доведенный до 1171 г.;

- летописный свод 1179 г., написанный по заказу великого князя Святослава Ольговича около 1190 г. при Кирилловской церкви;
- летописный свод 1190 г., составленный при дворе Рюрика Ростиславича;
- летописный свод 1200 г., сделанный выдубицким игуменом Моисеем, тоже сторонником Рюрика Ростиславича.

Соперничество за киевский стол между представителем черниговской династии Святославом Всеволодовичем и смоленским князем Рюриком Ростиславичем было неожиданно искажено событиями 1181 г., когда они оба одновременно сохраняли чин великого князя, хотя номинальное первенство сохранялось за черниговским правителем.

Роман Мстиславич. Рисунок неизвестного художника

Святослав-Михаил Всеволодович был одним из выдающихся князей, которому удалось притормозить распад Киевской Руси после долгих лет неистовой борьбы за киевский стол, сдержать аппетиты смоленских и суздальских ветвей Мономаховичей, отразить половецкий натиск и достичь в конце XII в. стабилизации. Одновременно путем разумных компромиссов он уберег Черниговскую землю от распада на Черниговскую и Сиверскую. Святослав Всеволодович продержался на киевском столе с 1177-го по 1194 г. – 17 лет, с небольшим перерывом в 1181 г. Неспроста автор «Слова...» вывел его «великим» и «грозным» властелином, которому внимают во всех концах земли. А вот М. Брайчевский, Д. Лихачев и М. Рыбаков считают его «никчёмным государственнымником, одним из слабейших на достаточно грустном политическом горизонте той Руси. Святослав был типичным порождением эпохи феодального раздробления. В молодые годы он был третьеразрядным удельным князем-изгоем и перетерпел множество передраг. Лишенный надежной экономической и военной базы, он вынужден ценю громадных и временами достаточно сомнительных (как в юридическом, так и в моральном отношении) мероприятий

бороться за сколько бы пристойное место в общегосударственной удельной системе – без конца меняя ориентацию и бросаясь от одного верховника к другому, более могучему. Говорить о какой-либо принципиальности или последовательности событий при таких условиях вряд ли было возможным. При этом вынуждены признать, что была там и последовательность, и полная принципиальность, только своеобразного манера: нерушимого следования принципу личной выгоды и прибыли» (М. Брайчевский). Как определил Б. Рыбаков, за первые 12 лет своей политической карьеры «Святослав одиннадцать раз (!) сменил сюзерена, сделав при этом десять клятвенарушений. Даже для тех беспринципных времен это был своеобразный рекорд прогибания и бесхребетности».

Такой князь целиком устраивал киевскую элиту, которая считала Святослава игрушкой в своих ловких руках. Школа, которую он прошел в молодые годы, хорошо служила ему на великокняжеском престоле. По справедливой характеристике Рыбакова, Святослав был сильным не столько в военных делах, как в царстве хитроумных политических расчетов. Казалось, после 1177 г. Святослав был единственным правителем в Киеве, но в Белгороде и в Вышгороде – прямо у стен столицы – сидел его соперник Рюрик со своим братом Давидом. Великого князя это раздражало, поэтому он вынашивал далеко идущий план **«приятя власть единь»** и совсем отстранить Ростиславичей от власти. В 1180 г. Святослава подговорил его ближайший советник Кочкарь попытаться пленить Давида во время охоты. В случае удачи заговорщикам проще было бы расправиться с Рюриком. Но Давид легко выскользнул из ловушки, а Рюрик, незамедлительно воспользовавшись отсутствием Святослава и не без помощи киевской знати, захватил столицу. Пришлось бежать в Чернигов, но Святослав не потерял надежду вернуть Киев. Вскоре умер смоленский князь Роман Ростиславич, и ближайший его наследник – брат Рюрик должен был занять стол, но он держал Киев и покидать его не собирался. Поэтому в Смоленск направился третий брат Давид, полностью дискредитированный на государственной и политической ниве. Святослав не стал его преследовать, а пошел на Киев. С юго-востока туда стремились союзники – племянник Игорь Святославич с половецкими отрядами ханов Кобыяка и Кончака Отроковича. Рюрик, оказавшись в тяжелом положении, покинул столицу и вернулся в Белгород. Так Святослав без боя вернул себе великокняжеский титул.

Рюрик, имея сильную дружину, и не думал складывать оружие. К тому же его поддерживали киевские патриции. Воевода Лазар, бояре Борис Захаринич и Здислав Жирославич во главе больших отрядов под общим руководством трипольского князя Мстислава Владимировича неожиданной атакой на Долобском озере и Черторое нанесли большой урон половцам, союзникам Святослава. Но Рюрик не воспользовался победой и уступил киевский престол противнику. **«Рюрик победу взял, но гордыню смерил, но любя мир более рати, и желая жить в братолюбии, паче и хрестьян дея на все дни от поганых, и пролития крови их не хотя видити. И размыслия с мужами своими угадав в Святославе старые леты и урядився с ним, уступил ему старшинство в Киеве»**, – читаем в Ипатьевской летописи, но серьезно воспринимать эти заявления не следует. На Руси понятие «старшести» стало пустым звуком, с которым каждый державный муж поступал, как ему вздумалось. Говорить о Рюриковском миролюбии, пацифизме и гуманном отношении к «христианской крови» можно было лишь с горькой иронией. Во всей истории Руси трудно было найти более воинственного, жестокого и безжалостного князя, чем Рюрик. Попробуем найти объяснение этому «милосердному» поступку. Обратимся к тексту **«размыслия с мужами своими»**. Здесь изложена главная причина: позиция киевского боярства не дала ему возможности воспользоваться успехом. Князь заключил по их требованию со Святославом «ряд» (договор), Рюрик снова сел в Белгороде.

Дуумвират Святослава и Рюрика имел очень своеобразный характер – они были отстранены от фактической власти. Ее имел киевский патрициат. Городская элита, понимая свою силу и положение, к власти допускала только своих ставленников. В 1181 г. этот процесс коснулся и Киева. Святослав Всеволодович был переселен из

Большого Ярославового двора в так называемый Новый, который, по мнению Ю. Асеева, Л. Махновца, находился на Копыревом конце, то есть за пределами Киевского детинца. Так власть окончательно перешла в руки Киевской сеньории. Социальные причины этой смены еще не изучены, тем более что такое состояние дел продолжалось недолго и в летописях нет никаких сведений о ней. Удивляться этому молчанию не приходится: после падения олигархического правления киевские князья, в первую очередь Рюрик Ростиславич, скорее всего, позаботились, чтобы воспоминания о временах сеньории не служили соблазном для потомков. Но имеются другие свидетельства, и весьма красноречивые.

В 1975 г. Я. Боровский открыл и исследовал остатки необычайно интересного сооружения – ротонды XII в. Строение поражало своими размерами – около 20 м в диаметре – и наличием центрального столба. Интерпретация сооружения как культового исключается из-за отсутствия алтарной апсиды. Это, безусловно, общественное здание, где происходили важные акции. Ю. Асеев атрибутировал эту находку как палату киевской сеньории – представительского органа власти, который действовал в период Рюрико-Святославого компромисса.

Неоднократно я упоминал «Слово о полку Игореве», которое, как ни одно произведение всемирной литературы, ярко раскрывает ту сложную эпоху. Многочисленные скептики твердят о невозможности создания такого высокодуховного сочинения в те времена. Да и если это было возможно, то почему осталось всего лишь одно-единственное светское произведение древней литературы... Как такое может быть?

Как библиофил и собиратель с 50-летним стажем, могу уверенно сказать: «Такое очень даже возможно». Мне многократно встречались книги, гравюры, открытки, особенно по краеведческой тематике, которые я и мои коллеги видели впервые. А они выходили в XX в. и все были тиражированные – не менее полусотни экземпляров. А тут рукопись, можно сказать потаенной литературы, более языческой, чем христианской! И не каждый мог ее иметь, да и хранить где? Личные собрания книг все-таки были. Живет и имеет своих сторонников легенда о библиотеке Ярослава Мудрого. Пусть шансы минимальны, но все-таки нельзя от них отказываться. К тому же мы знаем множество примеров уничтожения неудобных книг. Это было во все времена. Даже летописи переосмысливались, перерабатывались, писались на заказ. Так что смею надеяться, что «Слово...» не только подлинное, но еще имеет аналоги.

О «Слове» сказано и написано очень много, поэтому я перейду к «Велесовой книге». Для этого имею все основания, так как стал первым, кто опубликовал в СССР этот памятник истории и литературы. В журнале «Дніпро» в 1990 г. напечатали «Велесову книгу» с предисловием О. Билодеда и В. Киркевича. Далее пошли странности, чтобы не сказать, фантастические превращения. Это предисловие напечатали в «Хрестоматії української літератури» для 5–9-х классов. Так меня сделали классиком, которого проходят в школе. Правда, эта публикация вызвала громадное возмущение ряда ученых по поводу подлинности «Книги». Я, в свою очередь, не отказываюсь от своего определения «литературный памятник» – только не знаю, **в какие века** он написан.

Киевская Русь на рубеже XIII века

Существенный поворот в политической жизни Руси произошел в конце XII в. и был связан с волынским князем Романом-Борисом Мстиславичем, который вначале сидел в Новгороде, а в 1170 г. после смерти отца занял стол во Владимире. Роман Мстиславич был наиболее выдающейся личностью этого времени. Наделенный непревзойденными способностями политика и полководца, он отличался необычайной энергией и умением трезво оценивать ситуацию. Но путь, по которому он замыслил совершить объединение Руси, в корне отличался от других. Роман Мстиславич не игнорировал Киев и великокняжескую власть. Даже завладел киевским престолом в 1201 г., но главная мечта его была другая. Учитывая неопределенность ситуации в 1170-х гг., он отказался от решения проблемы напрямую. После разгрома Киева и передачи его в руки малоавторитетного Глеба Юрьевича вокруг общерусьского центра началась такая карусель, которую до этого Русь не знала. К власти пришла боярско-бюргерская олигархия, от воли которой зависела судьба того или иного князя на киевском столе. Князь Роман прекрасно понимал, что сам по себе факт захвата Киева ровно ничего не значит. Малозначительные князья, взобравшись на киевский стол, так же легко и стремительно его покидали. Только правители богатых земель могли претендовать на долговременное пребывание в роли великого князя. Это были черниговские Ольговичи и смоленские Ростиславичи. Когда они были у власти, князь Роман, понимая тщетность своих устремлений на Киев, стал действовать в другом направлении – в сторону Галича, и при первой возможности стал там княжить.

В 1194 г. умирает великий князь Святослав Всеволодович, его погребли в Киеве, в Кирилловском монастыре. Киевский стол занял тесть Романа Рюрик Ростиславич, продержавшийся там до 1200 г. Летописец описывает въезд Рюрика в панегирическом тоне: **«И поеха Рюрик Киеву, изодоша противу ему со кресты митрополиты, игумены вси и кияне вси от мала до велика с радостью великою. Рюрик же вшед во святую Софью и поклонися святому Спасу и святей Богородице, и сиде на столе деда своего и отца своего»**. Роман, который был женат на дочке Рюрика Предславе, уговорил своего тестя выделить ему волость в Надднипрянщине и получил земли над Росью с городами Торческом, Трипольем, Корсунем, Богуславом и Каневом, что вызвало неудовольствие других князей, в частности Всеволода Юрьевича. Он заставил Рюрика передать Торческ Ростиславу. Недовольный Роман принял контрмеры и начал переговоры с Ольговичами для совместных действий против Рюрика. Но его хитроумный тесть разгадал эти планы, и пришлось искать помощи в Польше, что для Романа оказалось сложным и безрезультатным. 15.09.1195 произошла жесточайшая битва под Мозгавой, где Роман Мстиславич был ранен. Вернувшись из Польши, Роман через киевского митрополита попросил у Рюрика мир. Тот предложил зятю компенсацию за отобранные города – Болховские земли с Полонным. В Киеве были удовлетворены этим компромиссом и, когда Роман Мстиславич в 1196 г. выступил против ятвягов, заняли твердую позицию на переговорах с Ольговичами. Но неожиданно для Рюрика зять поддержал Ольговичей и начал тревожить киевские земли из своего Полонного. Через два года Роман вместе Ярославом Всеволодовичем попытались войти в Киев, но и вновь – неудача. Вот тогда князь понял, что без крепкого объединения Волыни и Галичины в Киеве утвердиться невозможно. Реализации этих намерений Роман Мстиславич посвящает все свои силы. И вполне успешно! Тем более что война между родственниками не состоялась. Роман окончательно порвал с Предславой Юрьевной и отправил ее к отцу в Киев.

Двор удельного князя в XIII-XIV вв. Худ. А. М. Васнецов

Роман Мстиславич укреплял свой авторитет присоединением земель и успешными походами против половцев.

В 1199 г. умирает Владимир Ярославич, и Роман при поддержке галицкого патрициата вступает в Галич. Под его властью оказывается большая территория: Правобережное Полесье, Волынь, Галичина, Подолия, Буковина и Понизье. Теперь, объединив под своим крылом больше половины южнорусских земель, Роман мог задуматься о судьбе оставшихся: Киевщина, Черниговщина, Переяславщина...

Вначале нужно было породниться с Византией. Имеется сообщение, что в 1200 г. Царьград от половцев спасла «Богом посланная фаланга Романа Мстиславича». Но его противники не могли смириться с политическими успехами волынского князя. Рюрик договорился с Ольговичами о походе против Романа. Войска Игоря и Владимира Святославичей прибыли для участия в сражении. Но Роман опередил соперников. Направив посольство к суздальскому князю с жалобой на Рюрика, он с волынскими и галицкими полками вторгся на Киевскую землю. Черные клобуки перешли на его сторону, а киевляне открыли ему Жидовские ворота на Копыревом конце. Галицко-волынские дружины заняли Подол. Рюрик Ростиславич покинул столицу и вернулся в Овруч, а киевским князем был поставлен сюзерен Волыни луцкий князь Ингвар Ярославич. Он был старшим из волынских правителей. Здесь Роман проявил политическую мудрость, которая дала ему возможность консолидировать волынских князей. Он сохранил верность соглашению 1170 г., передававшему старшинство Ярославу Мстиславичу и его наследникам. Поэтому Ингвар в июле 1201 г. стал киевским князем, что вызвало сильное недоумение. Вскоре пришлось защищать Киев от половцев, которых, скорее всего, подговорил Рюрик. С помощью Ольговичей и половцев 16.02.1202 Рюрик Ростиславич штурмом овладел Киевом. Город пережил погром, подобный разорению в злосчастном 1169-м. Был сожжен деревянный Подол, ограблены София и Десятинная церковь, а также все главные монастыри и в целом: **«...сотворися велико зло в Русстеи земли, якого зла не было от крещения над Киевом»**. Правда, исследователи считают, что автор текста уж очень негативно настроен против Рюрика, а потому описание бесчинств сильно преувеличено. Археологические материалы не указывают на тотальный погром 1202 г., но подумайте, какие следы, доступные изучению, могли остаться после разрушений 1240-го? Все-таки Ингвар сумел

вырваться, а в плен попал его вассал князь Мстислав Владимирович. Роман тут же двинул свои силы на столицу. Рюрик снова бежал в Овруч. Киевляне предложили Роману занять их город, но князь жаждал мира. Он заставил Рюрика отказаться от союза с Ольговичами. Гарантом компромисса должен был выступать Всеволод. *«Отче и брат, – писал ему Роман Мстиславич, – я спокойствия ради уступил Киев таки Рюрику, взял с него крестную грамоту, которую к тебе посылаю, а другом на твою волю оставляю».*

Но не только на Руси, но и в Византии прекрасно понимали, кто реальный хозяин, именуя Романа Мстиславича «*ἰγεμον*», тогда как Рюрика Ростиславича лишь «*δῆρον*». В 1203 г. Рюрик вынужден был принять участие в походе против половцев вместе с полками Романа. Но и в этой операции, как и после, продолжал вести интриги против бывшего зятя. Поэтому в феврале волынский воевода Вячеслав по указу князя Романа занял Киев. Рюрик, его жена Анна и бывшая венчанная супруга Романа Предслава были насильно пострижены и отправлены в монастырь. Исследователи предполагают, что постриг Рюрика и годовое пребывание в монашеском чине происходили в Выдубицком монастыре. Киевским князем вновь стал Ингвар Ярославич. Роман объединил южнорусские земли от Карпат и Дуная до Днепра и стал великим князем и самодержцем Руси – **«как державце бывше всеи Руской земли»** – пишет Ипатьевская летопись. А В. Татищев приводит обращение князя: *«Вы, братия, знайте о том, что Киев есть старейший престол на всей Руской земле и надлежит на оном быть старейшему и мудрейшему из всех князей русских. Чтобы он мог благоразумно управлять и землю Руску отовсюду оборонять, а в братии, князях русских добрый порядок содержать, дабы один другого не смел обижать и на чужие области наезжать и разорять. Ныне мы видим все тому противное... Мое же мнение ежели принять хотите, когда в Киеве великий князь умрет, то немедленно местные князи: суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский согласятся, изберут старейшего и достойнейшего себе великим князем и утвердят крестным целованием, как и в других добропорядочных государствах чинится. Младших же князей к тому избранию не потребно, но они должны слушать, что оные определяют. Когда так князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына оставить на уделе своем, а молодых наделить от оногo ж или в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало. Ежели кто из князей начнет войну и нападение учинит на область другого, то великий князь да судит с местными князьями и смирит. Ежели на кого придут войной половцы, венгры, поляки или другой народ и сам тот князь обороняться не сможет, тогда князю великому, согласятся с местными князи, послать помощь от всего государства, сколько потребно. И чтобы местные князи не оскудевали в силах, не надлежит им области свои делить, но отдавать престол по себе одному сыну старшему со всем владением. Меньшим искать для прокормления по городу или волости, но оным быть под властью старшего их брата. А буде у кого сына не останется, тогда отдать брату старейшему по нем или кто есть старейший по линии в роде его, чтоб Руская земля в силе не умялась».* Заканчивалось обращение приглашением приехать в Киев или в какое-либо место, чтобы *«установить»*.

Цитированный отрывок имеет очень важное значение. Необычайная честность Василия Татищева в использовании источников сейчас не вызывает сомнения. Большинство документов, которые он использовал, в оригиналах не сохранились. Об этих текстах можно судить сегодня только по изложению историка. Это переписано из летописи его помощником Андреем Хрущевым. Сомневаться в ее достоверности не представляется возможным. Мудрый князь Роман иначе не мог поступить и предложил то, что ему казалось приемлемым. К сожалению, его план не выполнили, и он остался лишь на бумаге как важный общественно-политический документ эпохи.

Серьезным оппонентом Романа выступил суздальский князь Всеволод Юрьевич: **«...боялся старейшинство другому дать, ни сам хотячи в Киеве быть».** Он не изъявлял желаний господствовать над южно- и западнорусскими землями,

направив свои усилия на укрепление единовластия Северо-Восточной Руси. Главным объектом его посягательств был только Новгород. Резко негативную позицию суздальского князя поддержали князья мелких территорий, которым ничего не светило. Князь Роман понял, что не «все еще хорошо в Датском королевстве», оставил в Киеве, по предложению Всеволода, его зятя, Ростислава Рюриковича и возвратился в Галич. Князь Ростислав правил до июля 1205 г., а северные летописцы, повествуя о мире между Романом и Всеволодом, даже не упоминают имя этого князя. Роман Мстиславич, решив все на Востоке, обратил внимание на Запад. В начале 1205 г. был заключен тройственный союз с венгерским королем Андреем II и польским князем Лешком Белым. За год до этого крестоносцы, вместо Гроба Господнего, за который призваны были бороться, захватили Константинополь. От них, по сведениям хрониста Длугош и Густынской летописи, византийский император Алексей III Ангел бежал в Галич. А у кого еще мог скрываться православный император? Только у Романа Мстиславича, который был в то время самым могущественным и мог оказать весьма существенную помощь. Римский Папа простил действия «пилигримов» и санкционировал создание Латинской империи. К тому же существует версия, что второй женой князя Романа была византийская принцесса Анна.

Но вмешательство Романа Мстиславича в западные дела оказалось роковым. Проходя по территории Польши, его войско осадило Люблин. Лешек Белый выступил на помощь городу. Роман, как всегда, проявил мудрость и пошел на мировую со своим союзником Белым, снял осаду, отступил под Завихвост и начал переговоры. Тут Роман действительно расслабился и с несколькими спутниками отправился на охоту. Беспечность стоила князю жизни. 19.06.1205 его убили. Князя похоронили во Владимире.

По В. Татищеву князь: *«...на рост не вельми высокий, но широкий и сверх сильный, лицо красное, глаза черные, нос большой с горбинкой, волосы черные и короткие, яростный в гневе, косноязычен, когда сердился, не мог долго слова произнести. Часто веселился с вельможами, но пьяным никогда не был. Много женщин любил, но ни одна им не владела. Воин был храбрый и хитро располагал полки...»*
В народной памяти отрадное впечатление о князе Романи сохранилось надолго.

Последние десятилетия Киевской Руси

Неожиданная смерть князя Романа спутала все карты на Руси. Последующие десятилетия стали чуть ли наиболее темными в истории древнерусской столицы. Но это совсем не означало, что город находился в запустении. Скорее наоборот, городская жизнь продолжала бить ключом: процветали ремесло и торговля, активно развивалась культура – просвещение, литература, искусство... Об этом свидетельствуют археологические материалы, представляющие картину жизни Киева накануне декабря 1240 г. Тяжелое положение заключалось в том, что общерусский центр стал жертвой политической игры между тремя могущественными силами.

Наименее перспективным считался смоленский дом, действовавший скорее по инерции, не считаясь с существенными изменениями в общерусской политике. Длительное пребывание представителей этого дома – Ростислава Мстиславича, Романа и Рюрика Ростиславича на великокняжеском столе придало некую идеологическую основу для претензий смоленских князей. Нет сомнений, что в Киеве их поддерживали довольно влиятельные силы, которым импонировали невыразительные персоны на престоле, неспособные на самостоятельные акции и целиком зависящие от нобилитета и патрициев. Так, наименее выдающийся Владимир Рюрикович пробыл на киевском столе более 10 лет (1223–1234).

В то время черниговская династия смогла выдвинуть в первой половине XIII в. несколько выразительных личностей, в первую очередь Михаила Всеволодовича, чем проявила значительно больше понимания времени и насущных проблем, имея достаточно широкий политический кругозор. Ее представители не удовлетворялись простым захватом великокняжеского стола, а совершали определенные шаги к объединению русских земель вокруг Киева. При этом все представители действовали согласовано и слажено, чего не скажешь о других претендентах. Но, к сожалению, они недооценивали ситуацию, стараясь реализовать эту великую идею лишь силами своего княжества.

Что же касалось волынского дома, представленного молодым Даниилом Романовичем, то его политика была определена еще отцом: она предусматривала вначале укрепление и усиление Волыни и Галичины. Этот, безусловно, правильный путь, к сожалению, требовал много времени и фактически 30 лет волынский дом не брал участие в борьбе за Киев. Так что претендентов оставалось по-прежнему двое.

После 1205 г. Рюрик Ростиславич немедленно сбросил рясу, так как насильный постриг не считался каноничным, поскольку лицо не давало обетов по собственной воле, и вновь захватил Киев, но продержаться долго там не смог. Через год был изгнан Всеволодом Святославичем Черным, представителем черниговской династии. Но вскоре Рюрик снова в Киеве. Вокруг столицы обостряется междоусобная борьба. «Качели» продолжались: борьба в среде киевской элиты привела к тому, что оба претендента, не обладая существенным преимуществом, дважды сменяли один другого на великокняжеском столе. В третий раз Всеволод зашел на высокий уровень формальной власти вследствие довольно странного компромисса: он получил стол после длительной и ожесточенной борьбы против суздальского князя за рязанские дела и в обмен на свой вотчинный черниговский стол! А жадный к власти интриган Рюрик Ростиславич, почти всю жизнь потратив в борьбе за киевский стол, стал княжить в Чернигове. Событие беспрецедентное! Казалось, эта неожиданно сложившаяся ситуация может привести к объединению противников Ольговичей. Ну не тут-то было! Монолитность и единство черниговского дома проявились в том, что его представители настолько пустили корни во всех феодальных центрах, что появление «чужака» на черниговском столе не имело реального значения. После смерти Рюрика (19.04.1212) на черниговский стол зашел родной брат Всеволода Черного – Глеб Святославич.

Рюрика Ростиславича по-доброму долго вспоминали лишь выдубицкие монахи. Благодаря солидным пожертвованиям прославляли его в Киевской летописи. В памяти оставалась подпорная стена, которая должна была уберечь Чудо-

Михайловский храм от разрушения. «От удара волн церковь все более удаляется в глубь монастыря», – считали монахи, обращаясь к князьям за помощью. Только Рюрик, который «...хотение имел к монастырям и ко всеим церквам, и любовь ненасытну о зданьях», смог выделить средства для спасения святыни. Перед строительными работами в обители великий князь завершил возведение трех каменных церквей – в Белгороде Св. Апостолов и в честь своего патрона Св. Василия в Киеве и Овруче. Создателем стены называют Петра Милонегу. Вполне понятно, почему ее считали «чудом»: до этого, да и после, строили сооружения для людей (дворцы, храмы) или против них (крепостные стены, башни). А тут строение, которое остановило стихию – Днепр! Впечатление на современников в своей речи при освящении стены выразил игумен Моисей. Торжества прошли 24.09.1199 при участии самого князя-ктитора Рюрика, его жены Анны и детей – сынов Ростислава и Владимира, дочери Предславы и невестки Верхуславы – жены Ростислава. В Чудо-Михайловской церкви был отслужен молебен, а затем устроен пир для всех присутствующих гостей, братии и «случайно заходящих людей». Остается неясным, почему в таком значительном событии не принял участие митрополит Киевский грек Никифор II. Причину нужно искать в напряженных отношениях владыки и неистового, властолюбивого князя.

А вокруг столицы после смерти Рюрика продолжались стычки, бои, сражения... Смоленские Ростиславичи не могли смириться с потерей Киева и Чернигова. Старшим в роду после Рюрика стал его племянник Мстислав Романович, который начал собирать союзников – противников Ольговичей. А так как большинство князей, кроме войны и охоты, ничего делать не умели, то их собралось немало. Пришел и Ингвар Ярославич, пару лет побывший на киевском престоле. Видно, еще хотелось... Особенно важным было прибытие новгородского князя Мстислава Мстиславича Удалого. Объединенное войско двинулось на Киевщину и после короткой осады захватило Вышгород. Были пленены два младших Ольговича – Ростислав Ярославич и его брат Ярополк. Всеволод, ощущая, что не остановить ему этой силы, бросил Киев на произвол судьбы, бежал в свой Чернигов, где вскоре и умер. Всеволод-Даниил Святославич получил прозвище Чермный из-за рыжего цвета волос. Вся его политика сводилась к борьбе за Киев и гегемонию на Руси.

После изгнания черниговского князя в Киеве взяла верх просмоленская партия, но Ростиславичи не решились захватить стол, уступив его двоюродному брату Данилы Романовича – Ингвару Ярославичу. Последний не отличался особыми талантами, не пользовался авторитетом у современников и, следовательно, не мог рассчитывать на продолжительный успех. И действительно, тем же летом его свергли с престола, не без участия киевской элиты. Великим князем стал Мстислав-Борис Романович Смоленский, который продержался в Киеве до своей смерти 1.06.1223.

Настал длительный период, когда киевский стол был в руках представителей смоленского дома. Но это было не триумфом, а скорее падением авторитета. Великие князья Мстислав Романович, его сын Изяслав и племянник Владимир Рюрикович были марионетками в руках киевской олигархии и сильнейших удельных князей.

Среди политических деятелей этого периода наиболее заметным был Мстислав Удалой, которого современники считали «рыцарем без страха и упрека». Он очень старался захватить Галицкий стол. Но вскоре на политической арене Руси появились достойные государственные личности – Даниил Романович Волынский и Михаил Всеволодович Черниговский. Оба активно готовились к решительному бою за великокняжескую власть.

Нашествие монголов

Часто на вопросы: «Почему русский народ погряз в пьянстве и невежестве, как так получилась, что коллективизация прошла с перекосами, откуда в государстве пошла круговая порука и воровство?» – советские историки отвечали: «Это из-за того, что 300 лет у нас было монгольское иго». И при этом традиционно продолжали утверждать, что социально-экономическая отсталость России по сравнению с западноевропейскими странами вызвана в первую очередь монголо-татарским нашествием. Что же это за «иго», было ли оно вообще, и что на нашу землю принесли орды хана Батые? Постараемся вкратце разобраться в первую очередь на примере Киева.

Начнем с того, что сведений об этом историческом периоде недостаточно, да и достоверны ли они? Всегда существовала определенная тенденция в освещении давних событий, особенно в отечественной истории. Мало кто знает, что в 1240 г. татары к Киеву подходили дважды. А их особая жестокость к обитателям была нарочито спровоцирована правителями города. Начнем с первого появления на нашей земле монголов, издавна мечтавших покорить западные земли, славившиеся многолюдностью и богатством. В 1219 г. хан Темучжин (Чингисхан) начал войну против крупнейшей империи тогдашней Евразии – государства Хорезмшахов. Причиной войны стало убийство послов. Внимательно изучая свидетельства тех времен, убеждаемся, что истребление жителей монголами было только в двух случаях – при убийстве посланников и при оказании сопротивления. Михаил Грушевский писал, что те земли, которые сразу соглашались платить дань, захватчики обходили стороной. Разве населению не все равно, кому платить грабительские подати? И разве существуют войны без убийств и грабежей? Для большинства воинов всех времен добыча была основной причиной походов. В 1242 г. монголы не пошли в Западную Европу лишь из-за бедности ее жителей, у которых нечего было взять, в отличие от обитателей Азии или Восточной Европы. И еще: все войны, которые вел Чингисхан, были спровоцированы его противниками, и первые территориальные приобретения – это пограничные области Великой степи. Страшные опустошительные войны вызвали не личные качества ханов-чингизидов и не стремление монгольских пастухов к грабежу и убийствам. Завоевателей толкает на это случай, вернее, обстоятельства, существующие в развитии общества помимо нашей воли и формирующие закономерный исторический процесс.

Прежде чем описать битву на Калке – первое противостояние монголов и русских, – скажем о ее причине.

Начиная с 1216 г. монголы враждовали с кочевниками-половцами, приютившими их заклятых врагов – меркитов, и оказывавшими активную помощь другим их противникам. Это вызвало гнев Чингисхана, он стал заклятым врагом половцев и прогнал их к границам Руси. Хан Котян, не жалея даров, стал умолять своего зятя Мстислава Мстиславича Галицкого о немедленной военной помощи: *«Нашу землю нынче отняли татары, а вашу – завтра возьмут, защитите нас; если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы – завтра».*

Три влиятельных князя сошлись на совет в Киеве. Кроме половецкого зятя был Мстислав Романович Киевский и Мстислав Святославич Черниговский. К ним присоединились и младшие князья: Даниил Романович Волынский, Михаил Всеволодович и Всеволод – сын киевского князя. Долго судили – ряздили, пока не приняли роковое решение помочь: *«Лучше их принять на чужой земле, чем на своей».*

У монголов на то время не было никаких причин воевать с Русью. Узнав о решении князей, монголы направили десять послов с предложением: *«Слышали мы, что вы идете против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сёл, на вас не приходили. Пришли мы попусцием Божьим на холопов своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нет войны. Если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда и добро их себе берите. Слышали мы, что*

они и вам много зла делают, поэтому мы их отсюда бьем». Это послание приводит С. Соловьев. Однако князья, уверенные в своем многократном превосходстве, не приняли предложение, и чтобы продемонстрировать свою непреклонность, пошли на преступление – приказали убить послов. А внимательный и исторически образованный читатель уже не раз убеждался, что на Руси коварство, предательство, казни и ослепление беззащитных считались, к сожалению, нормой. Понятен справедливый гнев монгольских воинов, поклявшихся отомстить за подло убитых товарищей.

Под хоругвями коалиции собралась внушительная сила – 80 тысяч половцев и русских. На 17-й день похода, когда союзники достигли р. Рось и остановились близ Олешьи, к ним пришли новые послы от монголов. Они сказали: *«Если вы послушались половцев, послов наших перебили и все идете против нас, то ступайте, пусть вас Бог рассудит, а мы вас не трогаем».* *«На этот раз князья отпустили послов живыми»*, – с сарказмом пишет Соловьев, словно убийство послов стало обыденным делом. Монголами командовал их лучший полководец Субедей, благоразумно отказавшийся от открытого сражения. Передовые части наших соотечественников перешли Днепр и вступили в бой с монголами, которые побежали. Напрасно половцы, много испытавшие от своих братьев-кочевников, предупреждали князей об их коварстве. На 12-й день бегства, 13.05.1223, когда наши соотечественники сладостно предвкушали победу и безрассудно растянули свои полки, противник, пересев на свежих лошадях, внезапно атаковал, дезорганизовав и парализовав союзников. Князь Мстислав Черниговский, за храбрость и воинскую дерзость получивший почетное прозвище Удалой, в самом начале битвы пленил монгольского сотника, которого передал половцам для предания мучительной смерти. Теперь, получив сокрушительный удар, он вместе с волынским князем Даниилом Романовичем первым добрался до правого берега Днепра и в панике приказал уничтожить лодки. Этим поступком они обрекли на смерть своих братьев по оружию, оставшихся на левом берегу, но это не спасло князя с сыном от гибели.

Князь Мстислав Киевский оказался со своей дружиной на высоком холме. Монголы требовали сдаться. Их условия передал предводитель бродников Плоския, давший слово, что кровь пленных не прольется. Князь прекратил безнадежное сопротивление. Однако победители, связав плененных, положили их под доски, на которых устроили длительный пир. Так они, не проливая крови, умертвили русских воинов. Л. Гумилев пишет: *«С точки зрения монголов, клятву они сдержали, а казнь явилась высшей необходимостью и высшей справедливостью, ибо князья совершили страшный грех, убив доверившихся. Заметим, что и по нормам современного права насилие над парламентом строго осуждается и карается».*

Поражение объединенной русской армии на берегах Калки было страшным. Погибло 9 князей, 70 сановников и более 70 тысяч воинов, каждый седьмой из них был киевлянином. Нужно отметить, что в этом сражении, как и в большинстве других, численного преимущества монголо-татар не было. Иллюзию многочисленности создавало умелое военное руководство.

Историки (Б. Соколов) говорят о том, что монголов было 30 тысяч, то есть в 2,5 раза меньше, чем в коалиции. Серьезные, без ложного патриотизма исследования утверждают, что поражение русско-половецкой рати вызвано стратегическим превосходством монгольских воинов. Русский ратник был неплохим воином, когда дело доходило до единоборства. А в этом сражении у наших предков не было единого руководства, поэтому их действия были не только несогласованными, но и хаотичными. Не было такого опытного полководца, как Субедей-багатур, удачно выбиравшего поля сражений.

На Русь бежало 8 тысяч уцелевших и перепуганных ратников. По их следам стремительно двигалась монгольская конница, настигая и убивая. Так погибло еще 6 князей. Новгородский летописец в отчаянии писал: ***«И бысть вопль и плачь по всем градам, и по селам».*** Кажется, нельзя предотвратить вторжение орды.

Но тут Субедея нагнал гонец от Чингисхана с приказом вернуться. *«Селения, опустошенные татарами на восточных берегах Днепра, еще дымились в развалинах; отцы, матери, друзья оплакивали убитых; но легкомысленный народ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему последним»*, – читаем у Карамзина.

В 1227 г. умирает Чингисхан. У него было четыре сына. Старший Джучи умер раньше отца, так что осталось трое: Угэдэй, Чагатай и Толуй, поделившие власть над завоеванными странами. Угэдэй стал верховным правителем и оставил за собой Монголию и Китай. Чагатаю досталась основная часть Средней Азии. Толуй получил Закавказье, Иран и юго-западную часть Средней Азии. Наследникам старшего брата – Джучидам – были отданы еще не покоренные земли Восточной Европы, в том числе и Русь.

Бату-хан (Батый). Рисунок с китайской миниатюры

В 1235 г. на берегах р. Онон очередной великий курултай принял решение по выполнению плана Чингисхана покорить русские и европейские княжества. Великий хан Угэдэй эту миссию поручил внуку Чингисхана, второму сыну Джучи – Батюю. Чем был обоснован этот выбор? С юности хан Батый был вполне сложившимся правителем, усвоившим тактику и стратегию своего прославленного деда. Он был прекрасным наездником, на полном скаку метко стрелял из лука, умело рубился и метал копье. Но, главное, опытный полководец и правитель Джучи обучил сына повелевать людьми, избегая распрей в разрастающемся доме чингизидов. Главным советником Бату-хана курултай назначил Субедей-багатура (1176–1248), имеющего опыт боев с русскими князьями. Датский историк Л. Де Хартог пишет: *«Номинально, как чингизид, верховным главнокомандующим считался Батый, однако на деле все руководство войсками было сосредоточено в руках Субедея»*. План предстоящих походов был подробно разработан и скоординирован с учетом географических и климатических условий. Бесчисленные профессиональные шпионы и лазутчики, собирая информацию, буквально

наводнили Русь и Европу, благодаря чему Батый и Субедей досконально знали о своих врагах все, еще не встретившись с ними.

Настало время разобраться с термином «татары», которым пользовались все европейские народы как определяющим монголов. В отечественной летописной традиции монголы также именуется «татарами». В кровавой борьбе за власть Чингисхан нанес жестокое поражение монгольскому племени татар. Дабы избежать мести и обеспечить потомству спокойное будущее, были убиты все, кто оказался ростом выше оси колеса телеги, что дает основание утверждать, что татары как этническая группа перестали существовать уже в начале XIII в.

Можно ли говорить в этой связи о племенном объединении «татары», которое было уничтожено Чингисханом задолго до прихода на Русь? Нет никаких доказательств того, что именно этим именем – уничтоженного племени – стали называться завоеватели. Вероятнее, «тартары» – «выходцы из ада»... Скорее всего, это перешло в летописи уже из Европы. Во всяком случае, оно появилось у хрониста Матье Парижского. Численность войск, отправляющихся на Запад, была предметом спора не одно столетие. Так, Плано Карпини в своих заметках сообщает, что под Киевом их было 600 тысяч. На самом деле исследования дают основание говорить, что в поход отправились 40–50 тысяч человек.

Опуская подробности осад и взятия городов Руси, сосредоточим свое внимание на Киеве. Город в это время переходил от одного князя к другому, и, по словам М. Грушевского, его можно было без труда взять и так же легко потерять. С 1236 г. он был владением Ярослава Всеволодовича, потом Михаила Всеволодовича.

Напомню одну особенность Батыева нашествия. У монголов был обычай не подвергать опустошению город, добровольно открывший свои ворота. Так произошло с Ростовом, который избежал разорения и ограбления, что и помогло ему впоследствии стать Великим. Сохранились Углич, Тверь и другие города, добровольно подчинившиеся врагу. Их завоеватели называли «гобалык» – «добрый город», с которых снимали умеренную контрибуцию: еду и коней. Грушевский исследовал судьбу «Болоховских земель» (Центральная Украина), которые предпочитали платить дань татарам, а не князьям. После нашествия многие жители бежали туда, чем способствовали оживлению этих мест.

Зимой 1239 г. армия Бату-хана вторглась в пределы Юго-Западной Руси. Первым павшим городом был Переяславль. Затем 18 октября был взят и сожжен Чернигов.

В начале 1240 г. отряды Мунке-хана подступили **«оглядеть град Киев»**. Став на левом берегу Днепра, монголы были поражены его «красотой и величием». Чтобы избежать разрушений «Матери городов», послали посольство из 10 человек, требуя покорности. Но князь Михаил с дружинниками перебили парламентеров. Об этом вероломном поступке, который был бы наказуем и ныне, не то что в те грозные времена, не любят вспоминать. Вот почему Киев был обречен на гибель! После такого преступления Мунке отступил, а киевляне возрадовались. Но напрасно: монголы вероломного убийства не прощали, и свой второй поход осенью 1240 г. Бату-хан начал с Киева.

Великий князь Киевский Михаил Всеволодович у хана Батыя. Худ. В. С. Смирнов

Несмотря на мощные укрепления и население более 50 тысяч, город не был готов встретить грозного врага. Михаил Всеволодич, в страхе от содеянного с послами, бежал в Венгрию. Этим воспользовался Ростислав Мстиславич Смоленский, прибывший в Киев, назвавшись его князем. Но галичанин Даниил Романович, словно не существовало страшной опасности, пошел на Киев, разбив дружину Ростислава, и занял многострадальный город. Но остаться там не захотел, назначив вместо себя тысяцкого Дмитрия. Эти пертурбации воинственность киевлян не укрепили. Хотя Даниил - единственный, кто осознал опасность монголов, понял, что они пришли надолго. Эти кочевники были во сто крат мощнее, чем предыдущие - печенеги и половцы, - поэтому и отправился за помощью в Венгрию. Там правил энергичный король Бела IV.

Объяснима причина смерти Михаила Всеволодовича в Золотой Орде в сентябре 1246 г. Недоброжелательный к нему автор «Холмской летописи» указал: **«еха Батыеви, прося волости свое от него»**, при этом намекает, что мученическую смерть князь принял не за отказ поклониться монгольским кумирам, а в отместку за подлое убийство в 1240 г. парламентариев и впоследствии трусливое бегство из Киева. Из Киевской летописи взял Плано Карпини данные для своей «Истории монголов»: *«Михаил ответил, что охотно поклонится Батыю и даже робам его, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает»*. За это по приказу хана его слуга Доман убил князя.

28.11.1240 г. Батый с туменами (отрядами) Орду, Хайдара, Бури, Гуюка, Менгу, Хадана, Бурундая и Субедея подошли к Киеву. В Никоновской летописи:

«Неслышно было человеческого голоса от скрипа телег, рёва верблюдов и ржания лошадей». Считается, что ставка их предводителя была на горе, и сейчас называемой Батыевой. У города было трое ворот: Жидовские, Золотые и Лядские. Именно последние захватчики решили брать штурмом. Почему именно эти? Применить туры (дощатые башни на высоких колесах для разрушения стен) можно только на ровном месте. Первые двое ворот не годились из-за своего высокого расположения. Перед Лядскими протекал Крещатикский ручей и была невероятная грязь. Еще в XIX в. место называлось Козье болото. В летописные времена заболоченность являлась серьезной преградой для всадников, а татарин без лошади – не воин. Пришлось Батыю ждать морозов, чтобы стремительно, после разрушения ворот пороками (бревнами на цепях), ворваться в Киев. Отныне исход битвы не вызывал сомнений, тем более, что талантливый организатор тысяцкий Дмитрий, лично руководивший обороной, был ранен. Киевляне также использовали валы «города Владимира» X в., что задержало штурмующих лишь на пару дней. Тогда жители в отчаянии, со своим скарбом, забрались на крышу Десятинной церкви. Первый каменный храм на Руси эту тяжесть не выдержал, рухнул. Останки последних защитников были погребены под руинами. Об этом напоминал крест, стоящий вблизи этого памятного места. Теперь его убрали. Обвал стен самого важного Десятинного храма весьма символичен. Строение Владимира Великого, которое ознаменовало собой окончание процесса формирования могущественной державы, было низвергнуто – на этом и закончила существование Киевская Русь.

Имеются две летописные даты штурма Киева в 1240 г. Плано Карпини свидетельствует, что орды Батыя «после долгой осады взяли Киев». Галицко-Волынская летопись также сообщает, что **«...бысть град во одержаньи велиице»**, но согласно жанровой специфике «жизнеописания» князя Даниила Галицкого дату не дают. Разночтения свидетельствуют об изменении этой даты под пером составителей и переписчиков. Так, Лаврентьевская летопись, которую ведут от свода 1305 г., сообщает, что Киев пал **«до Рождества Господня на Николин день»**. Троицкий летописец и те, кто его цитировал, дают несколько иную дату **«месяца декабря в 6 день»**. Летописи из псковского свода середины XV в. – Авраамки, Супрасльского и первоначального Псковского сообщают не только иную дату падения Киева, но и то, что это произошло в результате продолжительной осады, которая началась 5 сентября: **«...придоша татарове к Киеву, сентября 5, и стояша 10 недель и 4 дня, и едва взяша его ноября 19, в понедельник»**. Подробность этого сообщения позволяет допустить, что оно пришло к псковскому летописцу из какого-то определенного письменного источника. По мнению историка Вадима Ставиского, эти данные попали из Киевской летописи 1239–1240 годов. Она была продолжением Киевского свода, сложенного игуменом Выдубицкого монастыря Моисеем. Ставиский считает, что инициатором написания летописи был Михаил Всеволодович Черниговский.

Удивительное число 74! Именно столько стояли под Киевом штурмующие в 1240 году. Но и Парижская коммуна продержалась 74 дня! И Оборона Киева от гитлеровцев в 1941 г. тоже – столько же дней! Красноречивое совпадение!

Город взят, сожжен и ограблен, но что интересно: отсутствуют сообщения об уничтожении посада (Подола) и Печерского монастыря. Монголы редко обижали священников (на всякий случай) и ремесленников (они всем и всегда нужны). Да и воинов противника, особо отличившихся, щадили, приглашая к себе в войско. Так, Батый помиловал тысяцкого Дмитрия, взяв его в свое окружение, что было в обычаях того времени. А почему нашему герою не согласиться – хозяин (князь Даниил) его бросил. Я где-то читал, что Дмитрий показывал дорогу татарам в Венгрию, куда они пошли дальше.

Оборона Десятинной церкви. Рисунок нач. XX в.

Завоевание всего мира в задачу монгольского корпуса, посланного в 1236 г., не входило. Цель похода была гораздо скромнее – разгромить надолго или навсегда половцев и избавиться от внезапного ответного удара, на который половцы, рассеянные по степи, были еще способны. Поэтому монголы, зажав половецкие орды в клещи большим фронтом, заставляли их отступать на запад. В 1239 г. венгерский король Бела IV принял и лично встретил 40-тысячную орду хана Котляна на границе и велел расселить всех половцев внутри Венгрии. Однако венгерские магнаты предательски убили Котляна и его свиту в Пеште. Обозленное этим половецкое войско, сокрушая все на пути, ушло на Балканы. Часть из них поступила на службу к греческому царю. Предательство не спасло Венгрию от монгольского удара, так как венгры убили и монгольских послов. Они содеяли непростительное, и страна была разгромлена. Как реагировали христианские государи на опустошение двух католических стран – Венгрии и Польши? В письмах императора Фридриха II к Беле IV и Генриху III Английскому есть любопытное признание. Упомянув о разгроме монголами Киева, император поносит Папу Григория IX за то, что тот проповедует крестовый поход не против свирепых татар, а против него, Фридриха – защитника церкви. А Папа послал Беле только благословение и предложил подождать с помощью ему до заключения победоносного мира с Фридрихом II, которого понтифик иронически называл «именующий себя императором». Когда же выяснилось, что монголы на Германию не посягают – половцев там не было, – в июне 1241 г. войска Фридриха двинулись на Рим.

В том же 1241 г. все задачи, поставленные перед войском Батые, на Западе были выполнены. А дальше случилось непредвиденное: 11.11.1241 умер великий хан Угэдэй. Согласно монгольскому обычаю, все действия, кроме неотложных, должны быть приостановлены до выбора нового хана. Батый со всей армией повернул назад, тем более что претендентом на престол становился его злейший враг, сын Угэдэя – Гуюк, за которого правила ханша Дорэгэнэ-хатун.

Батый, как человек умный и осторожный, поместил свою ставку в низовьях Волги, у берега ее притока – Ахтубы. Она имела защитные стратегические выгоды: с запада из Польши и Венгрии и с севера – великого княжества Владимирского, которое, вопреки предвзятому мнению специалистов, сохранило свои города, поселения и войско, состоящее из 50 тысяч обученных воинов. У самого Батые, покорившего пол-Европы, после того, как он отпустил войска, мобилизованные специально для похода, оставалось всего 4 тысячи всадников. И то половину он отдал братьям. Фактически у хана осталось два подразделения: конное – из

племени мангут (так до сих пор калмыки называют волжских татар), и зажигательных снарядов – из чжурчжэней, которых летописцы называли хины. Для Европы этот улус монголов никакой опасности не представлял. Тем более что между Русью и Золотой Ордой со столицей Сарай-Бату лежала ненаселенная в те времена степь, в которой ловили птиц и зверей «бродники». Так что здесь надолго могла установиться отчетливая фиксированная граница.

Когда монголы ушли, европейцы приободрились, и в 1243 г. Папа созвал в Лионе собор, на котором решили начать новый крестовый поход, на этот раз против монголов. Но разговорами и спорами все эти планы, как бывает часто, и закончились.

Современные книжники и летописцы, опираясь на «Откровения» Мефодия Петарского, обосновали идею о неизбежном «Божьем наказании» за грехи. Выступая на Лионском соборе в 1245 г. с рассказом о Батыевом нашествии, игумен церкви Спаса на Берестове Петр определил три важнейших рубежа в истории монгольских завоеваний, что свидетельствовало об историческом и географическом кругозоре просвещенных киевлян. Киевский игумен подчеркнул, что Русь *«опустошена уже 26 лет»*, то есть начиная от поражения на речке Калке.

Советская историческая наука дает явно тенденциозное определение монголо-татарскому нашествию, считая, что последующее двухвековое иноземное иго нанесло колоссальный ущерб производственным силам России, надолго задержав ее развитие во всех областях: экономической, политической, культурной. Стали считать, что незваный гость хуже татарина. Тогда получается незваный татарин – вообще страх и жуть. Однако Русь, раздробленная на множество княжеств, находившихся в непрестанной вражде между собой, в не меньшей мере являлась ареной кровопролития и войн, уносившей жизнь тысяч и тысяч людей, теряющих чувство единого народа. И почему пылали свои же города, разрушались родные памятники культуры и искусства? Нелишне вспомнить погром Киева в 1169 г., когда единоверцы по приказу Андрея Боголюбского разрушили Печерскую обитель, которую впоследствии не тронули даже монголы. И хоть история не терпит сослагательного наклонения, зададимся вопросом, а было бы объединение русских земель вокруг Москвы, если б монгольская экспансия прошла стороной? Да и начальный период разделения жителей Киевской Руси на русских, украинцев и белорусов попадает на время монгольского ига, которое активно затронуло лишь территорию центра нынешней Российской Федерации. На землях современной Украины правление монголов почти не ощущалось, даже в первые десятилетия. Золотая Орда словно заразилась от русских князей властолюбием и алчностью. Считая себя властителями Земли, монголы убивали и свергали друг друга. Киев номинально считался их владением, но сюда не добирались даже князья, собиравшие дань для Орды. Они все, не исключая Александра Невского, обогащались, используя имя хана. Вспомним Ивана Калиту, который, валя все на монголо-татар, хапал деньги и земли.

Земли, которые оказались под монголами, переняли у них обычаи, образ жизни, даже менталитет. Там прижилось самодержавие, сказки про «доброе» царя, беспрекословное подчинение начальству, особенное ощущение толпы, бездумно идущей за «вождем». Вот основное различие украинца, который единоличен («хоть понадукусываю», «моя хата с краю»), любит землю, жаждет ее обрабатывать, значит, наши обычаи сохранились еще с домонгольского периода, и нам не понять россиянина, который привык подчиняться и привержен «крутому» монарху, от которого постоянно ждет справедливости и удачного решения текущих проблем, которых все больше и больше.

Монгольские завоевания, как это ни парадоксально, негативно сказались и на самих монголах. Во время завоевательных походов, как правило, на чужбину отправляются искать счастья самые сильные и храбрые, лучшие представители нации, и там оседают. А на родине остаются немощные и убогие. Вот это и привело Монголию к глубокому кризису, который продолжается и в наши дни.

Что было после распада «колыбели»?

Первой столкнулась с монголами Южная Русь. Тотчас были предприняты попытки вступить в контакт с Западной Европой, и эти намерения не прекращались до тех пор, пока не были окончательно разрублены ордынской саблей, вскинутой рукой Александра Невского. Матье Парижский рассказывает о миссии Петра Аскеровича, посланца князя Михаила Черниговского. Он был духовным лицом, но латыни не знал, поэтому его выступление на Лионском соборе переводили. Однако говорил живо, ярко, образно, так что представление о пришельцах на Русь было воспринято. Западная Европа содрогнулась от ужаса, словно посмотрела телесериал, но вскоре так же и забыла, а что было с посланцем, неизвестно...

Ни Западная Европа, ни Русь не стали политическими монолитами в борьбе со страшной опасностью. И в этом нужно винить католическое и православное духовенство, считавшее, что лучше пойти на союз с толерантными язычниками-монголами, нежели в мелочных канонах уступить друг другу. В церковных разногласиях прослеживается жажда власти, а еще больше – денег... Так было всегда... И по сей день...

Было или нет монголо-татарское иго, которое служило оправданием житейских неудач вплоть до конца XX в., трудно сказать. Я даже в одной книге статью озаглавил «Стоит ли винить монголо-татар в неудачах коллективизации?» Первым поднял голос в защиту самобытности тюркско-монгольской истории Л. Гумилев. Понятие «иго» все же оценочное понятие, подразумевающее хорошее или плохое. Но как воспринимало его население подвластных Рюриковичам земель? Для народа Орда была лишь новой властью, а для князей она однозначно была враждебной – они до этого считались суверенными властителями, а тут пришлось подчиняться, да еще кому... пастухам! Для Рюриковичей считаться правителем было как-то важнее, чем иметь реальную власть над какой-либо территорией, а «великий стол» – киевский – им интереснее, чем правление в других городах. Власть над мелкими княжествами была лишь ступеньками на пути к великому столу Киева. Во времена монголов междоусобные конфликты – брата с братом, племянника с дядей – продолжают, но они регулируются Ордой. От нее Рюриковичи зависят, поэтому, теряя княжеское достоинство, забывая о гордости, заискивают перед завоевателями, пытаются путем предательства, лжи и наговора получить «ярлык на княжение», более выгодную территорию, стараются своих единоверцев обложить новой, в угоду чужеземному владыке – хану, податью. Особенно отличился в этом «утвержденный **первым** героем Российской Федерации» Александр Невский. Об этом я скажу подробно позднее.

Л. Н. Гумилев придает особое значение событиям, предшествующим нашествию Батыя. Борьба потомков Олега Святославича за киевский стол никак не соответствовала «логике этногенеза». Якобы Ольговичи желали расправиться с Киевом – «городом, где постоянно укреплялись соперники династии Игоря Святославича». Киев был так беспощадно разгромлен самими Рюриковичами, что Батыю в 1240 г. уже «было нечего громить». Было, было, Лев Николаевич! Хану пришлось долго осаждать и брать яростным приступом стойко защищающийся город.

Но что же все-таки произошло? За столетие до этого углублялось разделение на Южную и Северо-Восточную Русь. Для потомков Юрия Долгорукого, преемников Андрея Боголюбского, фактически «формировавших русскую народность на финно-угорском фундаменте», киевский престол был уже не так важен, хотя, скорее по инерции, имел некоторое значение. Так, в 1326 г. этот стол занял внук Юрия – Ярослав Всеволодович. Для Юрьевичей куда важнее был их собственный великий стол – Владимир-на-Клязьме.

Фактически уже зародились и развивались два народа, которые населяли: южную (в нынешних границах Украины) и северо-восточную территории (собственно русская народность). Нам, в период господства монархической идеологии, равно как и во время советско-партийного искажения исторической правды, а то и

просто явной брехни о «Киеве – колыбели трех братских народов», было невдомек, почему случилось разъединение. Сложившееся мнение о том, что после Батюга Киев перестал быть городом, а Южная Русь опустела, не соответствует истине. Русь с городом Киевом под литовской властью продолжала успешно развиваться. А с присоединением к Речи Посполитой самобытная киевская культура формировалась, процветала и закалялась в сражениях против окатоличивания. Духовность более всего крепнет в борьбе! В Киеве появилось светское учебное заведение по аналогии с западными университетами. Именно в Южной Руси сложился славянский язык – наиболее близкий староруському письменному – украинский. Но в XIII в. эти различия еще только начинали складываться, еще Рюриковичи владели всей Русью и по-прежнему существовала возможность сохранения единой народности, единой культуры... Но если пойти далее... А всем ли это было нужно? Да и крупной политической фигуры, такой, какой стал, например, Бисмарк для разъединенных германских городов и княжеств, на Руси не было. Потом были «грозные», «первые», «вторые»..., но не в Украине. Наша страна уже 1000 лет ждет, если не «великого», то хотя бы «третьего»...

В том, что Рюриковичи «ордынского периода» как-то забыли Киевскую Русь, нет ничего удивительного – они ее потеряли задолго до татарского нашествия. Княжеский род, таким образом, лишился своего начала, своих истоков, он правил не славянами, а чужь-мерями, то есть угро-финским этносом. Образовался интересный парадокс: южные Рюриковичи получили в итоге равных им в отношении военного и государственного устройства противников: венгров, поляков, не имеющих военного различия с киевлянами. Северо-восточные Рюриковичи, покоренные центрально-азиатским сильным противником, получили модель огромного государства, образованного путем приращивания территорий. Но от этого проиграли все. Южные растворились в польско-литовской знати, при этом став более просвещенными и многогранно развитыми. А вот северо-восточные «погорели» на освоении самовластной модели, которая со временем съела сама себя. Она поглотила Рюриковичей, потом Романовых и по сей день процветает в России и Украине, базируясь на принципе «кто сильнее, тот и прав». Вот это и привело к торжеству абсолютизма и беспрекословному подчинению власти, постоянной тяге к войне и агрессии, возвеличиванию самих себя и ненависти к соседям...

Вернемся в XIII в., когда Роман Мстиславич и его сын Даниил осознали, что борьба за Киев бесперспективна, и резко повернули на запад. Рюриковичей стало слишком много для одной столицы! Поэтому и добавились Владимир-на-Клязьме и Галич. Даниил Романович создает Галицко-Волынское княжество, основывая города Львов, Холм, Дорогочин, Угровск... Он получает от римского понтифика королевскую корону. Отказ от этой чести так любили изображать православные живописцы. А был ли он? Волынская летопись, которую на то время вел холмский епископ Иван, скупо рассказывает о коронации, проведенной в 1253 г. в Дорогочине. А зачем было отказываться? Положение Волынского и Галицкого княжеств было весьма сложным. Они находились между молотом и наковальней – Ордой и Римом. Рим по духу был ближе, а монголы – опаснее. Да и особых различий в церковной службе не наблюдалось...

Я отразил очень важные причины раскола единой страны, которые привели к созданию двух различных народов и... двух мировоззрений, а сегодня – и государств. Я не останавливаюсь тут на Белоруссии, о которой будет идти речь в следующей книге о Литовско-Русском государстве.

На северо-востоке после убийства Андрея Боголюбского власть берет его младший брат Димитрий-Всеволод, получивший образное прозвище – Большое Гнездо. Объявленный святым, Андрей не основал своей династии, а его сын Георгий был вытеснен со всех возможных мест княжения. Из «большого гнезда» Всеволода отмерит трех сыновей: Константин, Юрия и Ярослава-Федора. В 1212 г. после смерти отца они «по справедливости» стали делить наследство. Киев они не замечают. Слава богу, у них другой интерес. Константин, старший, решил прозвести «реформу» отцовского наследия – дать статус «великого стола» Ростову,

но при этом владел и Владимиром. Это вопреки завещанию отца, отдавшего «стол» младшему сыну Юрию. Началась борьба за стольный Владимир. Константин привлекает в союзники новгородцев, где правит наемным князем-полководцем пользовавшийся популярностью Мстислав Удалой. Сторону Юрия принял его брат Ярослав-Федор. Боевые действия продолжались 4 года, и Константин остается великим князем во Владимире. Но ненадолго, так как умирает в 1218 г., и «стол» занимает Юрий. А его брат Ярослав-Федор посылает войска против новгородцев и закрепляется на севере. Он неоднократно «сажал» там своих старших сыновей – известного Александра Невского и Федора, умершего молодым. Однако новгородцы не давали Рюриковичам превышать функции наемных полководцев, не позволяя вмешиваться в дела правления. Интересы наследников Всеволода распространялись на Поволжье, пока не появились монголо-татары...

В 1248 г. в Монгольском улусе произошла крупная перемена. Хан Гуюк, искавший опоры у православных греков, грузин и русских, был отравлен. Через три года на кошме воины подняли его врага и друга Батюя – Мунке, матью которого была керайтская царица Суюркук-тени-бике, очень набожная христианка-несторианка. Ориентация сместилась: теперь главными врагами Монгольского улуса стали мусульмане, а друзьями – армяне и сирийцы, стонавшие под игом арабов и сельджуков. Не было единства и в ханской семье. Мунке открыто говорил, что для него все религии равны, как пальцы на руке. Остальные ханы имели разные религиозные симпатии, которые у них легко менялись в зависимости от обстановки и... любимой наложницы.

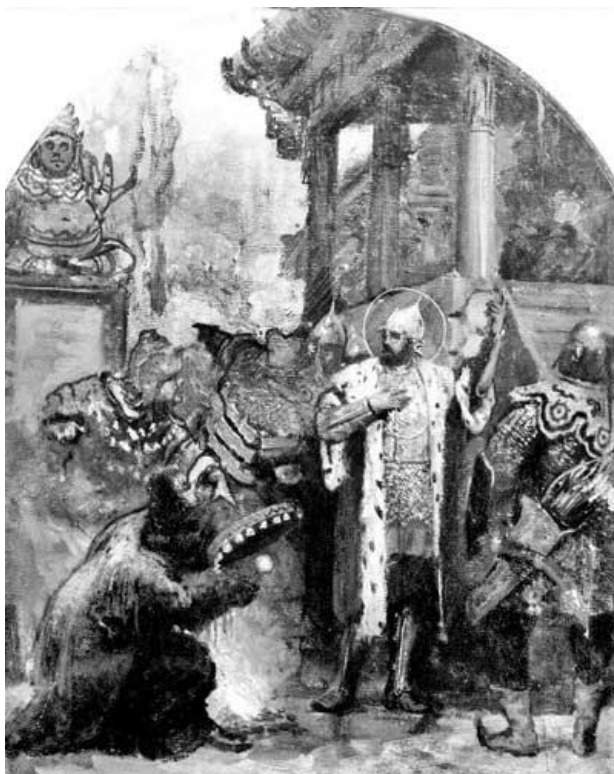
Судьба Рюриковичей, не пожелавших подчиниться захватчикам, была весьма плачевной. О гибели Михаила Черниговского я уже говорил. Юрий Всеволодович погиб вместе с сыновьями Всеволодом и Владимиром в сражении на Сити. Василий Константинович, внук Большого Гнезда, был взят в плен и убит. Мстислав Романович, его зять Андрей Владимирович Долгая Рука и дубровицкий князь Александр были пленены после битвы на р. Калке и задавлены. Андрей, младший сын Мстислава Романовича, был вызван в 1245 г. в Орду и казнен. Многие погибли во время обороны своих насиженных мест, как козельский князь Василий. Оставшиеся в живых стали угождать новой власти, переняв, а мне кажется, еще и усилив заимствованные приемы восточного предательства и коварства. Так, Ярослав-Федор стал великим князем Владимировским после гибели его брата Юрия, не явившись по его просьбе на р. Сить. Понятие морали в северо-восточной части Киевской Руси сильно изменилось, достаточно было покляузничать хану – и получи ярлык на княжение. И так продолжалось два столетия. Иго было не для смердов, они его не ощущали, им было все равно, на кого пахать, кто забирает у них урожай и добычу. Да и князья вскоре сменили баскаков и сами более охотно собирали ясырь, откуда немало прилипало к их рукам. Дорогой читатель, а что-то изменилось со временем? Вот то-то! Я во всех своих книгах подчеркиваю, чтобы меньше делать ошибок в настоящем – нужно хорошо знать прошлое.

Для того чтобы контролировать сбор податей, ордынские завоеватели ввели перепись (число): **«В лето 6765 (1257) поидоша вси князи в Орду, чтив Улавчия и вся воеводы его, и возвратившиися восвояси. Тое же зимы бысть число, и источаша (переписали) всю землю Русьскую, только не чтоша кто служит у церкви»**. Монголы терпимо относились к духовенству, естественно, на всякий случай, опасаясь чужих богов, уважая их служителей. Последние в свою очередь не спешили возглавить сопротивление, хотя летописцы-монахи сумели в хрониках высказать отрицательное отношение к оккупантам. Но враги не умели читать, а заказчик писания – князь – сам был очень недоволен ограничением его власти. Духовные особы привечали татар по многим причинам: укрепление власти, более-менее спокойная обстановка, прекращение междоусобных «чвар», когда князьям не приходилось собирать войско для решения своих честолюбивых планов. Все за них делали татары. Православных владык более тревожили латиняне, которые могли урезать, а то и оторвать лакомые куски их собственности и были конкурентоспособны. Конечно, тесные союзы с западными правителями могли помочь в борьбе с захватчиками, но это

открыло бы дорогу католическому влиянию на Русь. То есть начало формироваться, ставшее впоследствии традиционным, мышление, что от Запада один вред, что на Руси все беды от иностранцев. Это предвзятое мнение сохранилось и, к сожалению, дошло до наших дней, когда в украинских революциях обвиняют Америку, а спасать российских подводников зарубежным специалистам не дозволено...

Вот почему издавна церковь начала прославлять именно Александра Невского в качестве «защитника народных интересов», хотя суть его политики заключалась в полном подчинении ордынцам, способствующим усилению его персональной власти. Ради своего единоличного правления он безжалостно подавлял народные восстания против «числа» и в охотку предавал своих близких и дальних родичей. Монголы помогли ему в борьбе за Север с немецкими католическими орденами. Превращение князя Александра Ярославича в один из символов «русского патриотизма» произошло весьма показательным и простым способом. Интересно, что о битве на Неве, отсюда и прозвище князя, сведений очень мало, а у шведов совсем нет упоминаний. Грандиозного вражеского нашествия просто не было, если новгородцы, составляющие отряд князя, потеряли всего 20 человек. 1-я Новгородская летопись сообщает «или менее, бог весть», а далее подробно описывает борьбу с Новгородом князя, за которым стоит Орда. А в обычных подробных шведских хрониках о походе на Неву ничего не говорится. В отечественных летописях настойчиво подчеркивалось, что шведы направили большое войско для захвата Новгородских земель. И они безмятежно расположились в устье Невы, позволив вестям о вторжении дойти до Новгорода, а затем князю с малой дружиной преодолеть 400 км до места сражения. Почему же после внезапной атаки русичей шведы отплыли восвояси лишь на следующее утро? Может, это был один из обычных пограничных эпизодов? Эдакий незначительный военный конфликт.

У Н. Рериха есть картина «Александр Невский побеждает ярла Биргера». Полотно весьма достойное, но с историческим фактом сюжет не имеет ничего общего. Биргер в данной битве участия не принимал, да и ярлом он стал только через 8 лет. Битва на Чудском озере если и была, то не имела такого судьбоносного значения, как показано в популярном фильме, который снимался в начале ВОВ, поэтому такой патриотический акцент был вполне оправдан. Новгородцы и псковичи неоднократно выступали союзниками крестоносцев. В 1240 г. орден меченосцев сливается с Тевтонским. Александр воспринимает это как усиление соперничества с ним на Севере. И в борьбе с «прозападной» ориентацией Новгорода и Пскова называет горожан изменниками. Владимирский князь Александр требует подчинения и выполнения только ордынских распоряжений. Он был верным вассалом Золотой Орды. Наследник Бату-хана Сартак стал названным братом Невского.

Александр Невский в орде. Худ. Г. И. Семирадский

Подтверждением того, что Александр прославился особой жестокостью по отношению к своим соплеменникам, является знаменитый шлем Александра Невского, украшенный надписями из Корана. «Радуй верных обещанием помощи от Аллаха и скорой победы», – гласят священные строки, выгравированные на шлеме золотом. Столь прекрасным изделием его отблагодарили правители Орды. Ранее историки предполагали, что шлем изготавливался в Иране, а арабские надписи были сделаны в качестве украшения. Но исследователи считают, что шлем с арабской вязью сделан в Сарай-Бату – столице Золотой Орды, который был городом мастеров. Бату-хан, так же, как и его дед, очень высоко ценил мастеров. Последних никогда не убивали, а превращали в рабов. Фактически город состоял из военного гарнизона, а мирное население составляли мастера со всего света: оружейники, гончары, ткачи, ювелиры. У каждого мастера был свой хозяин в лице того или иного золотоордынского вельможи, который мог кочевать, но вся прибыль от деятельности мастера шла ему в карман.

Повторяю, все эти подробности **важны** не только для понимания истории Киева, но и для того, чтобы не запутаться в путях развития всей Европы, хотя бы ее восточной части. В моем путеводителе «Киев», вышедшем в Москве, «подсунутый» редакцией соавтор вставил в краткую хронологию Киева даты жизни Александра Невского. Так он необходим для наших соседей!

Александра даже в его «Житии» не называют Невским. Затасканное выражение «псы-рыцари» – результат недоразумения. Считается, что так их назвал Карл Маркс, но у него не «hundesritters», а «рыцарский союз» – «bundesritters». Отношение Александра со Псковом и Новгородом – грустная страница отечественной истории. Тут он продолжал политику своего отца, который несколько раз ставил на княжение своих малолетних сыновей Федора и Александра. Особенно печальную славу приобрело проведение «числа» – переписи в Новгороде, когда Александру с трудом и с помощью ордынских отрядов удалось в крови потопить негодование новгородцев. Возмутителей спокойствия подвергли

жестоким казням. Князь даже не пощадил своего сына Василия, защищавшего смутьянов. Его тоже лишили жизни. Впервые Рюрикович выполнял **карательные функции в интересах захватчиков**, ставших новой для Руси властью. **Теперь все население обязано было платить налоги и служить в ордынской армии.**

А борьба с Севером продолжалась. Для Александра стало важно, кем – католиками или православными – станут нерусские угро-финские племена, которых было там почти 80 %: чудь, сумь, емь, эсты, ливы, леты... Они тяготели более к западным рыцарям. Почему-то они им были ближе, чем славяне. Не хотелось племенам идти под народ, который сам находился в жестком подчинении. Да и не могли они знать, какое христианство им преподносят – католичество или православие. И сегодня далеко не все священники могут объяснить теологические отличия конфессий.

Как выглядел Александр? Изображение князей делалось по византийским канонам, поэтому трудно судить о его внешности. Хотя имеется довольно ясное изображение отца Александра – Ярослава-Федора в церкви Спаса-на-Нередице близ Новгорода. Этот так называемый «ктиторский» или «донаторский» портрет выполнен на стене. Основатель храма изображен с его моделью в руке. У Ярослава-Федора смуглое лицо, крючковатый нос и огромные черные глаза. Он похож на грека. Его бабка, мать Всеволода Большое Гнездо, была гречанкой. А так как подобная внешность часто наследуется, то схожий образ имели и его сыновья, хотя это изображение весьма символично. Плано Карпини называет жителей Руси «белыми и светловолосыми», и приходится ему в этом верить. С образованием Александра Невского были проблемы – он с малых лет участвовал в военных походах своего отца, а там не до книжного обучения, да и князьям не так важно было умение читать, как владеть мечом... Как я уже говорил, представители власти дружили с книгой лишь при каком-нибудь увечье или физическом недостатке, когда не получалось заниматься привычными делами с оружием в руках – охотой и войной.

Невским Александр Ярославич в летописи стал лишь с конца XV в. «Невскими» называли также его сыновей Андрея и Даниила, что совершенно сбивает с толку. Это странное обстоятельство указывает на то, что их семейное прозвище связано с какими-то княжескими уделами в устье Невы.

Признание святости Александра Ярославича началось с Владимира, где он княжил последний десяток лет жизни. Именно здесь была написана популярная повесть о его «житии и храбрости», в которой князя описывают как библейского героя: *«И красив он был, как никто другой, и голос его – как труба в народе, лик его – как лицо Иосифа... Сила же его была частью силы Самсона, храбрость же его – как у царя римского Веспасиана»*. Спустя 120 лет после смерти мощи князя выставляют во Владимирском Рождественском монастыре, а в 1547 г., при правлении Ивана Грозного, Александр Невский был причислен к лику святых. Новый виток популярности св. Александра Невского в виде высокопатриотического символа придал Петр I, основавший столицу на месте полностью **выдуманного** сражения князя с главными недругами царя – шведами, в устье Невы. Тут основывается Александро-Невский монастырь, куда переносятся останки князя.

В советское время святость князя сильно нивелируют, а вот его патриотизм, борьба с немцами всячески выпячивается, вплоть до учреждения 29.07.1942 ордена его имени, который дают лишь особо отличившимся. На высокой награде изображен артист Николай Черкасов в роли Александра Невского. В начале ВОВ Сергеем Эйзенштейном была снята прекрасная художественная лента. Талантливая работа режиссера и актеров органично сочетается с музыкой Прокофьева. Но при всех художественных достоинствах в ней отсутствует историческая истина и правда, недаром академик Михаил Тихомиров назвал это произведение «издевкой над историей». Но во время Отечественной войны такой пропагандистский фильм был остро необходим. Особенно впечатляют сцены, когда «псы-рыцари» бросают в костер детей, восхваляет мужество воинов, обращает на себя внимание закономерность казней предателей. А полный разгром захватчиков вызывает

неподдельное чувство гордости. Вполне заслуженно создатели получили Сталинскую премию. С тех пор образ князя приобретает черты актера Н. Черкасова, народ другого и не знает. В 2008 г. состоялся конкурс «Имя России», и Александр Невский, опять-таки благодаря гениальному фильму, – а что население еще знает? – занял первое место, обойдя Столыпина и Сталина, продолжая служить знаменем России, уже не коммунистической, а федеративной. А есть ли разница в идеологии? Так явно лубочный, надуманный патриотический образ полностью затмил братоубийцу и эксплуататора Александра Ярославича. А с 7.09.2010 возродился и орден Александра Невского в России.

Настало время детально рассказать о сопротивлении игу Орды со стороны брата Невского Андрея и Даниила Галицкого. О галицком князе известно многое, поэтому остановлюсь подробнее на Андрее. Впервые он упоминается в летописях в 1238–1239 гг. среди сыновей Ярослава-Федора, спасшихся от «татарского погрома». Запись была сделана позднее. Вряд ли сынам Ярослава могла грозить опасность: Ярославичи сразу признали власть Золотой Орды. Братья Александр и Андрей, возможно, имели и одну мать, при этом, скорее всего, воспитывались отдельно, как было принято в княжеских семьях. Тем более что они с малых лет сажались на княжения, участвовали в походах... В «Степенной книге» XVI в. имеется обращение Ярослава: «... **плод чрево моего, храбрый мудрый Александре и споспешный Андрей и удалой Константине и Ярославе и милый Даниле и добротный Михаиле...**» Этот текст отражал индивидуальности сыновей Ярослава в более позднее время. Андрей назван «споспешным», то есть помощником. Может быть, из-за того, что он доблестно участвовал в Ледовом побоище? В одном списке сообщается: «**Великий князь Ярослав послал сына своего Андрея в Новгород Великий в помощь Александру против немца и победивши их за Плескове на озере... и возвратися Андрей к отцу своему с честью**».

Во всех текстах, упоминающих Александра, сведения об Андрее отсутствуют. Он беспрестанно находился возле отца и успешно выполнял его поручения. Незадолго до Ледового побоища Андрей был послан отцом в Новгород, где пробыл, вероятно, едва ли несколько месяцев. По сказаниям, Андрей женится на дочке Мстислава Анне. В Иоакимовской летописи имеется часть описания царствования Иоанна-Асена II, царя дунайских болгар. Патриарх Иоаким пишет о намерении Ярослава женить сына на дочери царя, Елене. И хоть развитие матримониальных планов проходит стороной, имеем описание внешности Андрея – у него «пестрые глаза», он кругло- и белолицый, волосы, как «пшеничные колосья». Скорее всего, это клише подобающей внешности, пришедшее с востока. А вот Георгий Акрополит характеризует Андрея Ярославича следующим образом: «*Говорят, что он пристрастен к чтению благочестивых книг и владеет греческим языком свободно, как родным славянским наречием...*»

Достаточно таинственна смерть Ярослава-Федора. Фактически он первый русский князь, изъявивший покорность Орде, которая послала его в монгольские земли в Каракорум (Хара-Хорин). Плано Карпини пишет, что Ярослав «не получил должного почета», и предполагает, что его отравили на обратном пути по указанию матери хана Гуюка. Эта версия маловероятна. Ордынцы считали себя властелинами вселенной, поэтому неугодных убивали сразу, без особых церемоний. Старый Ярослав, скорее всего, не смог пережить дальнюю дорогу. Но Л. Гумилев считает, что Ярослав-Федор был отравлен по доносу своего же боярина Федора Яруновича, который считался агентом Папы. Боярин оклеветал князя, приписав ему контакт с Лионским собором, который готовил поход против Орды. Андрей, узнав о подлом предательстве, приказал изрубить доносчика на куски.

Повторю еще раз, подробно о Ярославичах рассказываю еще и потому, что разгромленный монголами **Киев был в их власти**. После смерти великого князя Владимирского на престол по праву садится его младший брат Святослав-Гавриил. Это вызвало недовольство Ярославичей. Александр и Андрей едут в Орду, а Михаил Хоробрит изгоняет дядю из Владимира и княжит сам... В летописях отсутствует пиетет перед Александром, и это придает двусмысленность сообщению о том, что

«прославленный» князь поехал в Орду вслед за Андреем «по брате». Права княжить на Руси, получение ярлыка регулировали монгольские завоеватели. Они и выбирали наиболее лояльных. Почему Андрей поехал первым? Хочется думать, что он отправился для своего утверждения на Великое Владимирское княжество, чтобы собрать силы для избавления от власти Орды... И еще одна загадка. Кого братья застали в Орде: Батые или его сына Сартака? И кого вначале поддержали ханы? По крайней мере, вопросы с братьями не были решены в Сарае, и они отправились дальше в Каракорум. По описаниям Плано Карпини, Мауро Орсини и Рубрука можем представить «столицу мира», где решалась судьба не только разрушенного и разграбленного Киева, но и всей Руси. Это был не город, а только ханская ставка. Она находилась у восточного подножия Ханчайских гор в верхнем течении р. Орхон. Ставка состояла из гранитного дворцового комплекса под черепицей, юрт приближенных, охраны и слуг. Подходы к дворцу охраняли огромные каменные черепахи, одна из них сохранилась возле величественных руин резиденции верховных правителей. Дошло до нас смутное изложение истории братьев из «Хроники путешествия» францисканского монаха Андре Лонжюмо. Он упоминает о встрече братьев с ханшей Огул-Гаймиш – вдовой Гуюка. Во время беседы Андрей Ярославич вырвал у стоящего у трона трубача его инструмент и спросил у ханши, может ли она играть на трубе? Получив отрицательный ответ, возмущенный князь воскликнул что и на нем [князе] тоже играть нельзя! Монах отметил, что русские князья вели разговор по-монгольски. Вольность князя с владетельной вдовой не прошла даром – понравившийся своей смелостью Андрей получил ярлык на Великое Владимирское княжество, а **Александр только право княжить в Киеве, куда даже не поехал**. Этим назначением последний был взбешен, «мать городов» не входила в его планы, и Александр Невский задумал свергнуть брата. Об этом во все времена предпочитали не говорить или упоминать вскользь. Поэтому продолжу эту тему.

Сразу по возвращении во Владимир Андрей изгоняет Святослава и укрепляет свою власть. К 1250 г. относится свадьба Андрея с дочерью Даниила Галицкого, укрепившая союз с Западом для возможной борьбы с Востоком. После возвращения из Каракорума Александр, тогда еще не Невский, не поехал в «пожалованный» ему Киев, а сел в Новгороде. Оттуда он с завистью наблюдает за сближением Андрея с Даниилом и готовится предать своего родного брата. Не выказывая намерений, Александр присутствует даже на венчании Андрея во владимирской церкви Пречистой Богородицы. Это торжество описано в Никоновской летописи, где сообщается, что обряд проводил митрополит всея Руси, а невесту уважительно именовали «Даниловна Романовича».

Подробно останавливаюсь на этом союзе еще и потому, что это была последняя серьезная попытка Рюриковичей сохранить единый русский народ, так как уже начали формироваться две народности: северо-восточная и южная. Церковь и летописная традиция явно симпатизируют единению. Всему этому препятствовал Александр, поддерживаемый Ордой, хотя эти детали вряд ли мы где-нибудь найдем. Получается, что если бы не двуличная политика «российского героя» Александра Невского, то был бы единый народ? Но история не имеет сослагательного наклонения.

Не успели сформировать совместные планы Андрей и Даниил, как на них обрушились полчища. На Владимир Неврюя, а на Галич Куремсы... Монголы при поддержке некоторых князей разрушили союз, возможно, объединивший бы Русь в борьбе за независимость. Летописи указывают на то, что в борьбе за власть во Владимире Александр навел на Русь войска Орды. Именно Александр пожаловался хану Сартаку, сыну Батые, на то, что Андрей не выплачивает дань Орде. Летопись сообщает: **«Бысть же в канун Борисова дня, безбожные татары под Владимиром, где их встретил князь Андрей со своими полками, и была сеча великая»**. Но силы были неравные, и пришлось Андрею Ярославичу бежать за море. Источники донесли до нас его восклицание: **«Господи, что се есть, доколе нам меж собой бранится и наводит друг на друга татар, лучше нам бежать в чужую землю, нежели дружить и служить татарам!»** Он вместе с женой и малой дружиной скрылся во владениях Тевтонского ордена:

в Риге и Ревеле. Но не нашел там поддержки и отправился в «Свейскую землю». «**С великою честью**» принял Андрея ярл Биргер, правитель Свейского королевства. Королем был его сын Вольдемар.

Судя по скудным сведениям, Биргер считался серьезным политиком, который навел порядок в своем государстве и пытался завоевать южные территории, населенные финскими племенами (летописные «емь» и «чудь»). Но на эти земли претендовали Новгород, Тевтонский орден и Александр... А что Андрей? Вряд ли он помирился с братом. Скорее всего, был убит во время похода 1256 г. Александра на Свейскую землю... Хотя у Л. Войтовича я нашел сведения, что он смирился с монголами и умер в 1264 г. на родине.

И все же имеют полное право на существование в историографии оценки специалистов вроде той, что дал академик В. Л. Янин, великий знаток истории Новгорода: «Александр Невский, заключив союз с Ордой, подчинил Новгород ордынскому влиянию. Он распространил татарскую власть на Новгород, который никогда не был завоеван татарами. Причем выкалывал глаза несогласным новгородцам, и много за ним грехов всяких».

Точно таким же душителем русского сопротивления иноземным поработителям, ордынским холопом, наводившим ордынцев разорять русские земли, предстает первый великий князь московский Иван I по прозвищу Калита, как ни пытаются его оправдать и идеализировать. И вообще, вся история «возвышения Москвы» предстает как история сплошного вероломства и насилия московских князей по отношению к другим русским князьям, их лизоблюдства в отношении Золотой Орды.

Теперь разберемся с самым важным вопросом для широких слоев населения, сложным для всех – от поверхностно разбирающихся историков до ничего не понимающих журналистов и политиков. Как и когда произошло окончательное разделение населения Руси на русских и украинцев? Этот животрепещущий вопрос постоянно на слуху... Безусловно, на процесс разделения определенное влияние оказало нашествие, а потом иго монголо-татар, а также переход юго-западных земель более под защиту, а не под власть Литовского княжества. Впоследствии эти территории вошли в состав Речи Посполитой. А как отбросить этнические различия между славянами и угро-финнами, коренными народами Поволжья и северо-востока, где преобладал финский элемент?

На этноформирование русского народа сильно повлиял упадок и распад Золотой Орды. Закрепление на покоренных территориях в той или иной степени оседлости привело к тому, что «модель государства-войска», помогавшая в создании громадных империй Александра Македонского, потомков Чингисхана, со временем не срабатывала. Поставленный наместник, не важно, Чингизид или Рюрикович, превращал подвластную территорию в государство со своей феодально-дружинной армией. Вновь создаются малые княжества, начинающие междоусобные войны за передел территории.

Вот здесь я хочу остановиться на важном моменте, который уже не одно столетие проходит мимо отечественных историков. Это служба в «ордынской» армии. «Число» для того и осуществлялось, чтобы проводить «набор» в войска Золотой Орды. Знать, особенно бояре, приходили сами – они-то ничего не умели, только править, отбирать и воевать. Для них «ига» не существовало, они сами были проводниками его, сами грели руки на выжимании дани у населения. Происходила «монголизация» русской знати. Подобное нам известно из истории XV – XVII вв. в Украине, когда ведущие русские аристократические роды окатоличивались. Это было престижно и выгодно, так же как позже вступление в КПСС, в Партию регионов или в БПП... Неважно, какая идеология, лишь бы добиться власти и обогатиться.

В родословной российского дворянства можно выделить четыре аристократические группы: Рюриковичи, Гедиминовичи, выходцы из Европы и потомки татарских мурз. Последних почему-то больше всего. Но чтобы подробно разобраться в этой

запретной теме, вернемся на несколько столетий назад. Самыми первыми представителями знати при Рюриковичах были скандинавы, но при Святославе Игоревиче начинается процесс их славянизации, а при его сыне Владимире это преобразование приняло массовый характер. Причем все более расширялся «брачный ареал». От византийских принцесс, королевских дочерей до многочисленных представителей степных племен, многие из которых, под именем «черных клобуков» служили киевским князьям. И довольно успешно, о чем свидетельствовали межэтнические браки. Их предводители попадали в число приближенных властителя и становились знатью.

Влияние «омонголонизированной» знати на население можно проиллюстрировать бытовыми традициями. Так, все женщины семьи должны были жить в доме на своей половине. Замужние обязаны покрывать голову. Сорванный платок – величайший позор. Отсюда выражение «опростоволоситься». У тюрков по сей день женщина должна покрывать голову.

Суть политической «ордынской модели» княжества точно охарактеризовал в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дин. *«В общем, если произвести относительное сравнение, то окажется, что только одна десятая часть владений находится в цветущем состоянии, а все остальное пребывает в запустении... Чтобы привести в цветущий вид базар, или застроить и заселить город, или провести оросительный канал, множество областей разорилось еще более, затрачивались несметные средства, множество подданных сгоняли из других областей на трудовую повинность...»* Как это похоже на события семидесятилетней или семидневной давности... Монгольская модель четко вычленила: «центр» должен процветать в отличие от затхлых окраин, провинции. На Руси торжество подобной модели означало возвышение Московского княжества – гнезда угро-финских топонимов, «нерусьского» региона. Как определить такую симпатию этого региона для ордынцев? Скорее всего, потому что Владимир и Москва находились в управлении потомков Александра, в отличие от Тверского княжества, где правили наследники его брата Ярослава-Афанасия, неугодного Орде из-за своей непокорности. И Москва переняла от Владимира, а значит и от Орды, требования подчинения ей Новгорода и Пскова. Орда отправляла князя Александра выполнять кровавые карательные операции на Севере. Так создавалась замкнуто-азиатская Московская держава, куда попадали одиночные иностранцы, удивленные увиденным, потрясенные злодейством правителей по отношению к своим подданным, вне зависимости от ранга и обеспеченности. Все падали ниц перед царем (ханом), обладающим правом казнить и миловать всех и вся. Для замкнутой Московии Европой стали Польша и Литва, в составе которых находился Киев.

У истоков создания такой модели и стоял Александр Ярославич, и не тот Невский, известный по фильмам и книгам, по официальному российскому телевидению, а реальный Рюрикович. Именно его династии принадлежала власть, он и его потомки должны были быть на Руси вторыми после царей-татар. Александр своенравным псковичам угрожал проклятием, отлучением от церкви, если они не покорятся его роду... Трех его сыновей – Дмитрия, Андрея и Даниила – принято считать недостойными их «великого» родителя. Но они свято исполняли «заветы отца» и также считались известными личностями. Дети Александра яростно и дружно боролись за ярлыки Владимирского княжества, приводили ордынские войска для укрощения непокорных князей. Каждый из походов ордынцев сопровождался опустошением взбунтовавшихся земель и убийством местных жителей. В этой беспокойной троице Даниил Александрович выглядит всего лишь скромным «союзником» своего брата Андрея. Кроме того, Даниил – первый московский Александрович, и отец Ивана Калиты, и... святой... О нем сохранилось мало сведений и неясно, каковы его духовные заслуги... Но грех обсуждать канонизированных святых... Хотя и обсуждаю Александра Невского! Я не посягаю на его канонизированный образ, пусть молятся на икону Святого князя, я только выразил свои сомнения как профессиональный историк. Кесарю – кесарево...

Дмитрий Александрович не оставил потомства. Сын Андрея Александровича, а может быть, Андрея Ярославича, был оттеснен на суздальское княжение. Началось

соперничество Москвы и Твери. Сразу после смерти Ярослава-Афанасия его сын Михаил вступил в борьбу с Юрием Даниловичем. Перипетии этой борьбы, включавшей непереносимое наведение на противника «татар», даже нудно перечислять. Уж слишком все запутано повсеместными предательствами и переходами от хозяина к хозяину. Любопытна только женитьба Юрия на сестре хана Узбека, Кончаке (в крещении Агафье), а потом его убийство Дмитрием, внуком Ярослава. За это Дмитрий был казнен ордынцами, но все равно Тверь досталось сыну Михаила – Александру.

Младшему сыну Даниила, известному Ивану Калите, посчастливилось получить желанный ярлык и стать великим князем Владимирским. Удалось это весьма простым способом, известным еще его деду Александру (Невскому): два раза он «помогал» в сборе дани Орде; с ней он разорил взбунтовавшуюся Тверь и возвращался к себе с богатой добычей. Единоверцев же грабил! С помощью ордынских войск Иван присоединил к Московскому княжеству Ростов, Углич, Белоозеро... Так формировалась Московия – интригами, подавлением непокорных монголами, грабежами и разорениями... Путем, начертанным Александром (Невским). Получается, что именно благодаря **«оборонительным»** войнам Московское княжество разрослось до размеров Российской империи!

Не упущу возможности рассказать еще об одном, относительно недавно канонизированном – Дмитрие Донском. После смерти Ивана Калиты Орда предпочла его сына Ивана, но он правил всего 5 лет (1354–1359). После его смерти остался малолетний сын Дмитрий. Казалось, его владения могла грозить опасность от многих претендентов, но неожиданно он получил поддержку от Суздальского князя Дмитрия Константиновича, которому выгодно было иметь Дмитрия в союзниках – он отдал молодому московскому князю в жены дочь Евдокию и уступил ярлык.

В 1366 г. братья Дмитрий и Владимир решили выстроить в Москве белокаменный Кремль... Они были всегда рядом. Особенно на слуху их совместное руководство на поле Куликовом. Эта прославленная битва показала растущую слабость Орды. Несмотря на бытующее мнение о князе Дмитрие как о «радетеле о благе Земли Русской», возьмем и это под сомнение. **Уж очень часто в истории преобладает миф, а не объективная реальность.** Нельзя утверждать, что князь не думал о благе, но прежде всего он был феодальным правителем и больше заботился о расширении своей власти и земли. К тому же Дмитрий попал в «перманентную борьбу за ярлык». С 1371 г. он четыре года боролся против князя Михаила Александровича, разорил его вотчину Тверь и, по свидетельству хрониста, продал тверских пленников. Князь-работоговец?! В конце концов Дмитрий Иванович получил вождеденный ярлык. Это был вполне естественный путь феодала, стремящегося усилить свою власть. У него было трое сыновей: Василий, женатый на дочери великого князя Литовского Витовта, Константин и Юрий. Последний имел также троих наследников: Дмитрия Шемяку, Василия Косого и Дмитрия Красного... Все они участвовали в борьбе с дядей Василием за ярлык. Этот конфликт продлился полтора десятилетия. Накал страстей был такой, что впору снимать телесериалы. Жена Василия Софья Витовтна публично сорвала ритуальный пояс с кузена мужа, тоже Василия (Косого). Потом у московитов возродилось древнее византийское установление, согласно которому представителям рода, не по чину «домогавшихся власти», наносилось ритуальное увечье: их ослепляли или оскопляли... В процессе войны, вызванной оскорбительным срыванием золотого пояса, Василий II Васильевич приказал ослепить Василия Юрьевича, получившего из-за этого прозвище Косой. В 1446 г. брат Косого Дмитрий Шемяка захватил великого князя Московского Василия. Ему, двоюродному брату, после слов: *«Для чего любишь татар и даешь им города на кормление? Для чего изнуряешь народ податями? Для чего ослепил брата нашего Василия?»* – также выкололи глаза. Так Василий II стал Темным. Через несколько лет он, чтобы отомстить за свое увечье, послал отравителей в Новгород к Дмитрию Шемяке. Они легко выполнили приказ. С помощью своей целеустремленной матери Софьи Витовтны Василий Темный все же победил племянников и стал править в Москве. Правда, не без содействия тверского князя Бориса

Александровича, на дочери которого, Марии, он женил своего сына Ивана...

Софья Витовтовна в 1433 г. срывает с князя Василия Косого пояс, принадлежавший некогда Дмитрию Донскому. Худ. П. П. Чистяков

Еще во времена княжения Василия III (1505–1533) в Московии родилась идея величия, которую выразил представитель православия монах Филофей: *«Два Рима упали, а третий стоит, а четвертому не бывает»*. С тех пор у москвитов зародилась мысль о всемогуществе и «богоизбранности», ведь *«Москва – Третий и последний Рим»*. И эти заявления там широко распространялись. Сколько крови было пролито московскими князьями, а позднее – царями – ради этой бредовой идеи!

Иван IV Васильевич первый стал титуловать себя царем. Алексей Толстой назвал царей «московскими ханами» за соединение в них черт ордынских правителей и византийских императоров. Не случайно царский венец – «шапка Мономаха» – представлял собой ордынский головной убор, позднее увенчанный крестом. Об Иване Васильевиче, оправдавшем прозвище Грозный, написано столько, что к этому, как и к гениальному фильму С. Эйзенштейна, добавлять нечего.

При царствовании Ивана IV (Грозного) претензии Московии на наследство не только Киевской Руси, но и Византийской империи усиливаются. Так, по легенде, шапка Мономаха была подарена киевскому князю Владимиру Мономаху его дедом базилевсом Константином IX и считалась символом передачи власти Византией Киевской Руси. Учитывая, что первым суздальским князем был шестой сын князя Владимира Мономаха Юрий Долгорукий, то наличие в Москве этой шапки является «доказательством» наследственных прав московских правителей не только на Киевский великокняжеский престол, но и на наследство бывшей Византийской империи. Это активно муссировалось в XIX в., а особенно во время Первой мировой войны. Тогда и родился лозунг *«Возвратим Святой крест над Царьградской Софией»* и власть Российской империи над турецким Константинополем-Царьградом.

При «грозном» царе было сфабриковано завещание Владимира Мономаха о передаче «наследственных прав» его сыну Юрию Долгорукому. На самом деле, шапка Мономаха была золотой бухарской тюбетейкой, которую хан Узбек подарил Ивану Калите.

О Золотой Орде и Киевской Руси, или почему Маркса не издавали в СССР?

Нет, не целиком. Одну книгу не издавали. Не печатали. Не переводили. Не упоминали. Одну, но знаковую. Ту, в которой Маркс проанализировал историю России. Что же он там такого ужасного написал, что ее в «оплоте марксизма» (!!!) никто не знал?

«*Чудь и чудь кругом*», – написал он, так как считал, что Россия – это Московия, которая возникла после распада Золотой Орды. Маркс писал, что Московия – «*кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов*». Он написал, что политика России продолжала политику Орды, а не политику Руси. Что Московия (будущая Россия) была правопреемницей не Руси, а Золотой Орды. Проще говоря, он обнаружил вранье имперских историков, о чем и написал. Эта книга называется «*Секретная дипломатия XVIII века*» (Marx Karl. Secret diplomatic history of eighthen century. London, 1899).

Московия исчезла из поля зрения Европы на 250 лет. Еще в 1210 г. восточные княжества Киевской Руси – Суздальское и Владимирское – существовали как часть некоего обреченного целого, именуемого Востоком, были обочиной европейского христианского мира, в котором задавали тон Венгрия и выросшая на пустоши Ливония.

Между Польшей и Киевом или Балтикой и Новгородом еще теплились связи, но что происходило к востоку от Смоленска и Чернигова, ни один из европейцев не знал. Нечто грозное донеслось до них в 1230-м, венгры и поляки содрогнулись, но далее, кроме объятых ужасом толп беженцев, ничего серьезного не наблюдалось. До 1500 г. – информационный провал в сознании европейцев, так что они назвали землю, расположенную за Киевом, Черниговым, Новгородом – Тартарией, имея в виду «тартар» – Преисподню! Туда отправились за столетие всего несколько монахов в поисках земель и людей, которых можно было бы приобщить к цивилизационному европейско-христианскому миру, где слово и книга, искусство, архитектура все более привлекали силы и внимание. Тогда уже начиналась эпоха Возрождения.

В Тартарию два с половиной столетия это не проникало, не завладевало умами даже избранных. Оттуда не ехали на Запад за знаниями, как Юрий Дрогобыч. Там больше ценились удар сабли и точность полета стрелы, чем умение читать и рисовать. Поэтому и дошли до нашего времени отрывочные записи, сохраненные католическими монахами, желающими покорить мир своими идеями. Золотая Орда для XIV и последующих веков была чем-то вроде Антарктиды или Северного полюса, за нее боролись передовые нации, чтобы утвердиться на столь призрачных берегах. Это охват миссионерским нетерпением мира, в котором нет преград: там, в Золотой Орде – все возможно! Все это движение единичных пионеров могло походить на открытие Америки – со стороны Балтийского и Черного морей и было бы первым по времени завоеванием ставших чуждыми людей, которыми правили захватчики. Нужно было только пересечь Днепр!

Тогда Рим надеялся силой христианского влияния или вторжения крестоносцев преобразовать власть Золотой Орды, давлением собственной стратегии превратить Орду в нечто, подобное мировому государству... Но это не удалось! Золотая Орда, так же как и СССР в XX столетии, оставалась враждебной азиатской страной, с ханами и баскаками, сопряженной инерцией развития, браков разных кровей и корней, перекочевков, перемещений, переселений, внешнего антуража и внутреннего сознания. Она словно варилась в своем котле, а когда начала расплескиваться, мир содрогнулся!

В то время особенно старался французский король Людовик Святой, мечтавший обратить монголов в христианство. Он отправил к ним две миссии – Андре Лонжюмо, принесшего весть о царевиче Сартаке, и впоследствии, чтобы проверить это сообщение, – Виллема Рубрука...

Царевич Сартак, сын Бату-хана, по сведениям монаха Андре, исповедовал христианство! К этому брату по вере и хотел обратиться Людовик, чтобы проложить путь миссионерам в подвластные монголам страны. Поскольку Сартак, как и его отец, видимо, кочевал в Поволжье, достаточно было, как полагали, проделать короткий путь, чтобы добиться цели. Остается вопрос, был ли царевич христианином? Сартак находился на таком же низком культурном уровне, как и другие монгольские «христиане», которым скорее приписывали рвение к вере. Понятно, что даже в XX веке соседи монгольского государства безуспешно пытались направить его население на путь прогресса, но при этом использовать их в своих корыстных политических целях.

Фламандец Рубрук с большим опозданием прибыл в ставку Сартака, где вскоре разочаровался в своих надеждах: царевич холодно отнесся к прибывшим монахам, даже не позаботился об их пропитании и отослал к своему отцу. А Батый заявил, что это дело его совершенно не касается – обращайтесь к великому хану, находящемуся в Каракоруме. И Рубрук, чтобы выполнить свою миссию, отправился в Монголию.

Тот факт, что монах ничего не добился от ханов, все же пошел на пользу последующим поколениям, которые получили выдающуюся книгу о путешествии, настоящий географический шедевр средневековья.

Рубрук вынужден был проделать большую часть утомительного путешествия в зимние месяцы. 27.12.1253 прибыл в ставку великого хана вблизи Каракорума, где провел у хана Мунке свыше шести месяцев. Своих целей монах не достиг, а Великий хан так и не понял, чего от него добиваются. Но все же знаменательно, что по желанию Мунке 30.05.1254 в Каракоруме был устроен религиозный диспут между христианами, мусульманами и буддистами о преимуществе их религий, который ни к каким практическим результатам не привел. Об отношении хана ко всем вероучениям свидетельствует тот факт, что однажды он приказал всем представителям религий молиться своим богам о прекращении непогоды. Веротерпимость монголов вытекала из их нежелания портить отношения ни с одним из великих богов, так как монголы не знали и не хотели понять, какой из них был самый могущественный.

Внимательный читатель, прочитав мою книгу, поймет, что Европа опередила Московию не потому, что та обессилила от схватки с монголами, а потому что опережение времени, развитие общества совершилось сначала в умах и настроениях, а потом и в действии.

Но грешить на историю не следует. Никаких особых достижений завоевание монголов не имело, все шло чередой – событие за событием, влекла сила вещей, как сказано у А. С. Пушкина. У рубежей Киевской Руси монголы оказались случайно и захватили ее северо-восток – духовно, а Надднепрянщину физически разрушив. Латиняне быстро приняли меры, в отличие от русских князей, объединились для отражения агрессии, но все произошло хладнокровнее и проще. Монголам были не интересны скудные запасы Восточной Европы, а до богатых южных и западных городов они не дошли из-за смерти Великого хана.

Центр тяжести мировой политики на несколько десятилетий переместился на реки Сыр-Дарья и Керулен. Туда по выбору каждого нового Великого хана прибывали гости, как и в XX веке на выборы президентов, со всех стран. Владимирские и суздальские князья, посланники халифата, грузинские царевичи, не считая многочисленной среднеазиатской знати... Но каждый новый избранный повелитель не помышлял уже о мировом господстве, уж слишком монголы были духовно ограничены. Это была случайность, на чем настаивал немецкий исследователь, переводивший восточные источники: *«Нет никаких данных о том, что первое поколение завоевателей Чингизидов в 1240 году поняли свое приближение к другой высокоразвитой культуре».*

Нужно помнить, что население Золотой Орды отатарилось очень основательно. Только после ее распада образовались:

- Московское княжество,
- Казанское ханство,
- Касымовское ханство,
- Крымское ханство,
- Астраханское ханство,
- Сибирское ханство.

У Трубецкого читаем: *«Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Московские цари, далеко не закончив еще «собрания Русской земли», стали собирать земли западного улуса Великой монгольской монархии: Москва стала мощным государством лишь после завоевания Казани, Астрахани и Сибири. Русский царь явился наследником монгольского хана. «Свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и к перенесению ханской ставки в Москву».*

«Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва замечавшая существование Московии, стиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромного государства на ее восточных границах», – писал Карл Маркс. И Московия продолжала жить, как завещал – не «великий Ленин», а великий хан Орды: поборами с населения и грабительскими походами на соседей, не думая об образовании и прогрессе.

В XII в. Ростово-Суздальская земля была в основном заселена финскими племенами, которыми правили княжеские дружины, и в них собирались представители разных племен. На этих землях и начал формироваться современный этнос россиян. Как любая метрополия, Киев влиял на завоеванные народы, и безусловно, немногочисленные славянские переселенцы смешались с финскими племенами. И конечно, угро-финны и прочие племена со временем обрусинились. И язык они перенимали, и веру православную. Но до сих пор российская глубинка хранит историю угро-финнов, а не славян. К примеру, российский народный костюм ничего общего со славянской одеждой не имеет. Фольклор центра России тоже нетипичный для славян. Выдумки о «самом славянском» первом и главном русском народе просто смешны. Города на угро-финских землях порой назывались на русский манер. Тем не менее, речки и большинство поселений до сих пор сохранили финские названия. Северо-восточные земли, можно сказать, находились на задворках Руси, а люди, населяющие их, из-за непростых условий жизни бедствовали. Торговых путей почти не было. Кругом леса и болота. Поэтому киевские князья не считали эти земли «лакомым куском». Они их мало интересовали. А русины туда переселялись крайне редко, в основном старые дружинники, пустившие там семейные корни. Псковская, Новгородская, Смоленская области России – это бывшие славяно-русские княжества, и к угро-финской Московии они не имели никакого отношения, покуда Московия-Орда не оккупировала их соответственно в 1462-м, в 1478-м и в 1654 году. Золотая Орда и ее дочь Московия – это единственные страны мира, которые держали в рабстве собственный народ, даже крепостное право было отменено в России позже, чем где-либо. Этим и объясняется вечная отсталость богатой на природные ресурсы Московии от сравнительно обделенных природными ресурсами европейских стран. Ведь эффективность работы свободных людей гораздо выше, чем рабов.

Как же появилась «Россия»? До 1721 года официально употреблялось только название «Москва» или «Московское государство». Московитов стали называть русскими, или великороссами. Русины-украинцы вдруг стали «малороссами». Ложь столько раз повторили, что она стала казаться правдой. Но не стала истиной!

Я так подробно остановился на событиях, казалось бы, далеких от истории Киева для того, чтобы можно было проникнуться и увидеть отличия в историческом

формировании Москвы и Киева, да нет, скорее, – России и Украины. Значительно легче понять менталитет двух «братских» народов, узнав эти особенности, ощутимые во взаимопонимании политиков даже в наши дни.

Плохое слово «послесловие», но оно все равно лучше, чем «заключение». Обозначим иначе: «Раздумья после прочитанного». А есть о чем подумать! Недостатки школьного воспитания, где все нужно учить только по учебникам, приравнивали историю к геометрии. Это там «Пифагоровы штаны – на все стороны равны». Это в точных науках есть четкие определения – все испокон века неизменно! История, слава богу, не относится к точным наукам! А это для массы населения – плохо! Нужно чтобы было, как таблица умножения: Бога – нет, Ленин – живее всех живых, Сталин – друг физкультурников, Бандера – фашист... И так далее! Это Пизанская башня уже не одно столетие под наклоном и не падает! А Останкинская башня – никаких уклонов не признает! Ни правых, ни левых! Она непреклонно показывает только одно, что заложили при строительстве в ее фундамент коммунисты! Недаром основной лозунг коммунистических историков был один: «Наше дело правое, потому что оно верно!»

Теперь о том, что разделило две страны, сделало их непримиримыми врагами?! Как основной вопрос философии: «Что первично: материя или сознание?» Или как этот важнейший вопрос излагали в «школах строителей коммунизма». Были такие раньше, сам окончил! И преподавал! «Что появилось раньше: яйцо или курица?» Какой народ, страна, язык был матерным, ой, простите, – материнским? Кто появился раньше – украинцы или русские. Какой язык и какую нацию нужно защищать с оружием в руке? Кто был ставленником фашистов: Бандера или Власов? Вот на этом я остановился по-научному и без предвзятости, присущих «останкинской игле»!

А что было дальше – читайте в следующей моей книге.

«Далі буде!»